

"Хирург на районе (Записки районного хирурга)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Дмитрий Правдин

Хирург на районе

Глава 1

Знакомство

Шесть лет института и два года ординатуры (специализации) по хирургии остались позади. Наконец я получил долгожданный сертификат специалиста и стал настоящим врачом с правом оперировать самостоятельно.

Я рвался в бой: жаждал резать и шить не под пристальным присмотром профессорско-преподавательского состава кафедры хирургических болезней, а сам!

Можно было остаться в городе, но юношеский максимализм взял верх над здравым смыслом, и я поехал работать на периферию — мне казалось, что начинать надо там, где я буду один на один с больным и не будет ни доцентов, ни профессоров, а в лучшем случае — только опытный завотделением (хотя в большинстве сельских лечебных учреждений того времени была всего одна ставка хирурга). Я думал, что именно так можно хорошо развить клиническое мышление.

До этого, во время учебы в институте, мне приходилось ездить «в район» на практику. Там я впервые и познакомился с местной медициной. Меня подкупил тот факт, что на периферии работали специалисты широкого профиля, которые могли оказать практически любой вид экстренной помощи — от общей хирургии до нейрохирургии. Там врачи были универсалами.

Ведь в многопрофильных стационарах мегаполисов как все устроено? Привозят, к примеру, пострадавшего в автокатастрофе. Он без сознания. Ему тут же назначают массу анализов, делают необходимые исследования, созывают специалистов — человек шесть, не меньше. Если случай сложный — собирают консилиум, приглашают профессора. Все! Диагноз есть, пострадавший отправляется на операцию — или не отправляется, в зависимости от ситуации.

А «в районе» работают совсем по-другому. Там ты один, в лучшем случае вас двое, и если совсем уж повезет — трое хирургов. А из диагностических аппаратов — только ГПУ: глаз, палец, ухо. К слову сказать, там, куда я попал, не было ни УЗИ, ни эндоскопии. Сама аппаратура имелась, но не было операторов: кто ж в глушь добровольно поедет?

Мы, конечно, выучили специалистов, а они через год смылись в город. Из всей диагностической техники у нас работал один старенький рентгеновский аппарат, да и он постоянно ломался. Остальное — ГПУ.

Еще на интернатуре к нам для обмена опытом приезжали студенты и преподаватели из Японии. Мы с гордостью демонстрировали им свое искусство пальпации (ощупывания), аускультации (выслушивания), перкуссии (выстукивания). Они стояли, открыв рот, а потом спросили: «Зачем?» Тут уж мы удивились: «А как иначе?» — «Так есть же УЗИ, рентген, компьютерный томограф, ядерно-магнитный резонанс, для чего впадать в крайность и использовать методы позапрошлого века?»

Конечно, у нас уже работал и ультразвук, и рентген, начинала развиваться и эндовидеодиагностика (лапароскопическая и токаоскопическая диагностика, когда вводят специальные манипуляторы со встроенной видеокамерой в брюшную или грудную полости и смотрят по телевизору внутренние органы) и лечение. Но это не было так широко распространено в нашей стране, как в Японии, поэтому нас учили диагностировать без

приборов.

Был 1995 год, страна стояла на ушах, и ни к медикам, ни к учителям уже не относились так почтительно, как в советское время. Но мне повезло: хоть я и попал в медвежий угол, но сразу по приезду получил благоустроенную квартиру, причем с условием: отработаю три года — и смогу ее приватизировать.

В южных районах Амурской области все еще жили как при социализме. Сохранилось 15 совхозов и колхозов, работали многие госпредприятия. Безработица только-только подбиралась к этим местам.

На заливных лугах паслись коровы, на свиноферме хрюкали свиньи, а на птицефабрике кудахтали куры. На домах сохранились надписи «Слава КПСС», «Слава Октябрю», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь», а дедушка Ленин, хоть и выцветший, все еще протягивал руку с многочисленных плакатов, коими были украшены здания госучреждений, а возле его памятника на центральной площади поселка лежали цветы. Одним словом, социальный фон в поселке был относительно благополучным.

Вот в этом райском, но отдаленном от больших городов краю я собирался провести ближайшие три года. Моя семья — жена и дочка поддержали меня в желании уехать работать в сельскую местность. Пусть дочка растет на свежем воздухе, здоровой пище и деревенском молоке.

Прибыл я в начале июля. Главврач Николай Федорович Тихий вручил мне ключи от квартиры и дал три дня на обустройство. Я уложился в один и сразу вышел на работу — так мне хотелось спасти кому-нибудь жизнь или хотя бы здоровье.

— Ты уже восьмой хирург за последние три года, — сообщил мне заведующий хирургическим отделением Ермаков Леонтий Михайлович, пятидесятилетний мужчина с уставшим лицом.

Он был единственным врачом отделения.

— Как? — изумился я. — Восемь хирургов за три года? А что тут, аномальная зона?

— Да нет, — грустно улыбнулся доктор. — Трудностей испугались.

— Ну, я трудностей не боюсь, — самоуверенно заверил я. — Вот, вышел раньше на два дня.

— Хорошо, — спокойно сказал заведующий. — Сейчас введу тебя в курс дела, и валяй! А я тогда с сегодняшнего дня в отпуск ухожу, три года не был.

— Отлично! — обрадовался я.

«Как все замечательно складывается, не успел выйти и сразу становлюсь самостоятельным. Ни тебе профессоров, доцентов, даже завотделением — и тот в отпуск уходит. Ура! Сбылась мечта!»

На деле все оказалось не таким радужным. Отделение было рассчитано на пятьдесят коек, из них двадцать «чистых» (здесь лежали больные без гнойного воспаления и гангрены), размещавшихся на втором этаже трехэтажного корпуса, и тридцать «грязных» (с нагноением и гангренами) на третьем этаже. На первом этаже была поликлиника с рентгенкабинетом и наша ординаторская.

— А почему такие узкие лестницы? — поинтересовался я у Леонтия Михайловича. — И где

лифт? Как вы тяжелых больных подымаете в отделение?

— Лифта нет. А больных на носилках по лестнице заносим, — спокойно объяснил Ермаков.

— Но тут же узко. Носилки не развернуть.

— Ничего, научишься, привыкнешь.

— Научишься? — переспросил я. — А что, у вас санитаров нет?

— Нет, — улыбнулся Леонтий Михайлович. — Сами с сестричками и корячимся, таскаем. Это здание строили как общежитие и лишь в последний момент кто-то наверху из районного начальства решил, что надо этот корпус под хирургию отдать. Перестраивать уже что-либо оказалось поздно, там уже отделяли все. Так и мучаемся.

— Теперь начинаю понимать, от чего ваши хирурги убежали.

— Это еще цветочки, — грустно заметил заведующий.

— Какими ж будут ягодки...

— Сдрейфил? — подмигнул мне завотделением.

— Еще чего! Надо таскать — потаскаем, — не особо бодро ответил я.

Не то чтобы я мечтал поднимать на второй и третий этажи хирургических больных на носилках, которые с трудом проходят в узкие проемы, но назвался груздем — полезай в кузов.

Ермаков не обманул — самое тяжелое было впереди: кроме больницы, существовала еще и амбулатория.

Всего у нас должно было быть девять хирургических ставок: три хирурга, отоларинголог, травматолог, уролог, онколог и врач-эндоскопист, отдельно детский хирург. А остался только лор-врач, который по большей части вел свой прием. Остальные уехали искать лучшей доли в город.

— А как же вы дежурите по отделению? Если из хирургов вы один, не считая лора.

— Не сбрасывай нашего лора со счетов! Он тоже хирург, хоть и узкоспециализированный. Он и свои операции делает, и нам ассистирует. При крайней нужде он и аппендицит сможет вырезать, такой вот он у нас молодец. Районный. А дежурных хирургов в отделении у нас отродясь не было. В наличии всего один дежурный врач на всю больницу, на шесть отделений — роддом, гинекологическое, инфекционное, детское, терапия, хирургия. И дежурным врачом заступает любой специалист, включая окулиста и рентгенолога. Остальные дежурят на дому. При необходимости дежурный врач посылает за ними «скорую». Которых много — например, терапевты, — дежурят по очереди, но у нас выбор невелик, ты да я. Будем по очереди дежурить по неделе, когда из отпуска выйду.

— А сейчас, значит, я один буду? — возделенная самостоятельность уже не казалась мне такой прекрасной, как раньше.

— Ну, пока один, но скоро должны хирурга из области прислать, тебе в помощь, пока я в отпуске, — подбодрил меня Леонтий Михайлович.

— А как же вы один управлялись? И дома дежурить, и больных в отделении вести, и прием, и оперировать? Когда вы все успевали?

— Ну, я один только второй день, тут до тебя парень из областной больницы приезжал подработать, а до него еще были люди. Восьмой-то всего как три месяца удрал.

Познакомившись с персоналом и посмотрев оперблок, я пошел на прием. Кошмар! Вместо двух хирургов и травматолога я принимал пациентов один!

Страдальцев был полный коридор.

Район наш довольно велик, в нем 46 населенных пунктов. Многие деревни расположены в 150–200 километрах от райцентра. Кроме центральной районной больницы, где я теперь работал, было еще пять участковых больниц. В трех из них должны были быть хирурги, но никто не хотел там работать. Поэтому все хирургические больные ехали «в район». А куда им еще оставалось ехать, если до областного центра 600 с лишним километров?

Прием совершенно меня измотал. В тот день я осмотрел шестьдесят человек, взрослых и детей, в основном — с гноем и травмой. Ладно гнойная хирургия — ее мы отработывали в интернатуре, но травмы и детская! Что-то я помнил с института, что-то нашел в справочниках, оставленных кем-то из моих предшественников, но не был уверен, что действую правильно.

К четырем часам поток больных иссяк, как и мои силы. Нет, та ЦРБ, где я проходил практику, мало походила на эту. Там был и дежурный хирург, и детский, и травматолог с урологом, и приема я там не вел. Да, в этой больнице хирургия была совершенно особенным занятием. Не для слабаков.

Я решил не сдаваться и засесть за теорию — благо что практики было с перехлестом.

— Ну, как первый день? — поинтересовался Ермаков, когда я с распухшей головой вошел в ординаторскую. — Что-то ты долго.

— Так почти 60 пациентов сегодня было.

— 60 это разве много? После праздников и выходных до ста доходит.

— До ста? — изумился я. — Что ж их, до утра принимать? А оперировать когда?

— Шустрее надо. У меня уже к часу обычно никого нет. Ну, операция — это святое. Либо прием отменяешь, либо после идешь смотреть страдальцев. Так вот, брат.

— Леонтий Михайлович, я ведь раньше никогда не работал в амбулатории, — честно признался я.

— Да это я уже понял, — кивнул заведующий. — Наблюдал со стороны. И травму ты не знаешь, и детей, и урологию. Хорошо пациентов сложных сегодня не было. Вас чему на интернатуре учили?

— В основном патологии и травме органов брюшной и грудной полостей.

— Понятно. То есть человек состоит только из грудной клетки и живота? А всего остального — конечностей, головы, шеи — у него нет? И он сразу взрослым рождается?

— Нет, конечно, — начал оправдываться я. — Но у нас программа так построена, что львиная

доля отводится именно патологии груди и живота, а на общую травму и остальное циклы по десять-пятнадцать дней всего.

— Знаю, — отрезал Ермаков. — Но если ты собирался ехать в район, тем более сам вызвался, то должен был готовиться более тщательно и по всем дисциплинам, а не только по торакальной и абдоминальной [1] хирургии.

Мне нечего было ответить районному хирургу, разбирающемуся во всей анатомии; увы, нас действительно готовили не ко всему. Нас учили таким сложным операциям, которые не всякая городская больница может выполнить; а ведь на периферии все более широко и приземленно.

Главная задача районного хирурга — оказать первую врачебную помощь, спасти жизнь человеку. А если потребуется дополнительное сложное вмешательство, то после стабилизации состояния врач должен вызвать узкого специалиста или отправить больного сантранспортом в специализированное отделение многопрофильного хирургического стационара.

В районах основное — травмы опорно-двигательного аппарата. Врач, разбирающийся только в патологиях внутренних органов, но пытающийся при этом лечить переломы, к примеру, трубчатых костей, о которых имеет весьма смутное представление, становится просто опасен. А ведь главный принцип медицины — не навреди!

Господи! Сколько раз потом, когда я освоил травматологию, мне приходилось видеть инвалидов, ставших таковыми только из-за того, что их лечил узкоспециализированный хирург. По моему глубокому убеждению, на периферию нужно посылать хирургов с углубленным знанием травматологии, детской хирургии, урологии и ортопедии.

Детская хирургия — это вообще отдельная статья. В городах все стационары разделены на детские и взрослые, а на периферии этого нет. А сколько людей остались инвалидами из-за острого гематогенного остеомиелита, перенесенного в детстве, только потому, что их лечили хирурги, не знающие особенностей патологии детского возраста! Наверное, только Всевышнему известно их число.

Можно еще долго продолжать в том же духе, но это не изменит положения вещей. А сейчас все еще занятней. С помощью высоких технологий — эндовидео, ультразвуковой и лазерной хирургии — врачи смотрят на операцию в телевизор. Дипломированный специалист проходит годичную интернатуру или двухгодичную ординатуру, все это время видит только новые технологии, а после такого «обучения» едет работать «в район». Он ведь, поди, и в живот войти не сможет!

Сейчас воспаленный аппендикс удаляют эндовидеохирургически (лапароскопически) через очень небольшие проколы. Грыжи передней брюшной стенки оперируют так же. Есть новая технология, позволяющая удалить воспаленный желчный пузырь через рот, вообще без разрезов, — и это великолепно. Надо учить молодых специалистов так работать. Но учить работать только так — пагубная наивность. Не во всех районах есть такое оборудование — точнее, оно мало где есть. В большинстве мест оперируют путем лапаротомии, то бишь через разрез брюшной стенки.

И чего ждать от докторов, которые скорее операторы сверхточных машин, чем мастера скальпеля и иглы? Хорошо, если ему попадется терпеливый старший товарищ, который научит оперировать путем чревосечения, а если нет? Как быть тем пациентам, которых доставили такому горе-хирургу? И как будет себя чувствовать накосячивший врач, знающий, что, с одной стороны, он превратил пациента в инвалида, а с другой стороны, его не научили работать по

старинке, только скальпелем и иглой?

Примерно так я себя чувствовал в тот момент, когда знакомился с работой районного хирурга. Мне очень хотелось, чтобы у нас в ординатуре была отдельная программа для тех, кто едет работать «в район», но увы. Хорошо, что мне попались отличные специалисты, которые научили оперировать должным образом — а если бы нет?..

— На, — сказал Леонтий Михайлович, протянув мне стопку книг. — Это руководства по травматологии, детской хирургии, урологии известных авторов. Занимайся. Как соберешься сбежать — отдашь.

— А почему вы решили, что я сбегу?

— Я ничего не решил, время покажет. Пойдем, я передам тебе больных в стационаре.

На втором этаже лежали больные после плановых и экстренных операций — к счастью, их было немного, человек десять. Зато на третьем, «грязном», — даже с перебором. На тридцать коек приходилось тридцать пять пациентов, в палаты поставили дополнительные кровати.

Леонтий Михайлович разместил здесь больных с гнойными заболеваниями, людей с закрытой черепно-мозговой травмой, с закрытыми переломами трубчатых костей, находящихся на скелетном вытяжении, ожоговых и прочих не нуждавшихся в «чистых» операциях.

— Вот, вроде бы и все, — произнес заведующий после обхода. — Давай, дерзай! Я сегодня вечером уезжаю на месяц. Продержись?

— Постараюсь, — не совсем уверенно отозвался я.

— Ладно, если что звони на санавиацию, номера телефонов под стеклом у меня на столе в ординаторской. В случае чего сестры подскажут, они у нас по много лет отработали, опытные. И главный хирург области (главный хирург области осуществляет контроль и координацию работы над всеми хирургическими стационарами областного подчинения, сюда входят областная больница, ЦРБ и участковые больницы, где есть хирургические отделения) обещал прислать человека.

вернуться

1

Хирургия груди и живота соответственно.

— Хорошо, Леонтий Михайлович. Думаю, справлюсь.

— Ладно, бывай! — заведующий пожал мне руку и уже в дверях, обернувшись, добавил: — Да, я «скорую» предупредил, что с сегодняшнего дня ты экстренный, так что в случае чего тебя вызовут, отзвонись и сообщи адрес. Если куда из дома будешь уходить, всегда говори им, где тебя найти. Все!

Заведующий вышел из ординаторской, я остался один. Шел седьмой час вечера. Я позвонил на «скорую», сообщил адрес и отправился домой. Идти было минут сорок прогулочным шагом. По дороге я раздумывал о том, как прошел мой первый рабочий день, и находил не так много хорошего, как хотелось бы.

Вскоре оказалось, что он еще не закончился. Звонок в дверь поднял меня с постели за полчаса до полуночи.

— Доктор, вас срочно вызывают в хирургию, — сообщил женский голос из-за двери. — Ножевое ранение в живот.

Сон как рукой сняло. «Вот оно! Наконец! И я еду в машине «скорой» на свой первый в жизни вызов. Ночь! За окном бурлит лето, одинокие прохожие даже не подозревают, что я, хирург, еду в машине спасать жизнь! На помощь! Меня вызвали! Ура! Вересаев, Чехов, Булгаков... о! Я помню их наставления! Я сегодня так же, как они, спасу чью-то жизнь! Я еду на вызов! Как долго я шел к этому: шесть лет института, интернатура...»

«Скорая», распугивая мигалкой одиноких прохожих, подъехала к хирургии. Я выскочил из машины, понесся в больницу — и в коридоре увидел тело на носилках кишками наружу.

Тело разговаривало с медсестрой.

— Добрый вечер, — машинально поздоровался я и спохватился:

— Вам срочно нужна операция!

— Да пошел ты на хер!

— Товарищ, — растерялся я. — Вам нужно помочь, причем непременно!

— Я сказал — на хер! — ответил мужик и внезапно соскочил с носилок и понесся во двор.

Я побежал за ним. Мужик упал на землю — и давай валяться! Весь кишечник в траве — а я стою над ним и не знаю, что делать, нас этому в институте не учили. Растерялся, взял больного за руки и попытался уговорить:

— Вам показана операция, успокойтесь, у вас, пардон, кишки наружу!

— Я Гриша Муромский! — орал пострадавший. — Отказываюсь от операции, и все тут! Помру, тебя посадят! Гы-гы-гы! Докторишка!

На кишечнике — трава, песок, грязь! Кошмар!

— Пожалуйста, успокойтесь, пройдите на операционный стол! — твердил я.

— На хер пошел! Что неясно?

Никакие уговоры и угрозы не действовали.

— Григорий, — обратился я к страдальцу. — Вы умрете, если вас не прооперировать!

— Гы-гы-гы! — юродствовал Гриша, посыпая кишки землей и пылью.

Медсестры смотрели на меня, я на них. Кого-то стошнило. Я окончательно растерялся.

Громко хлопнув дверью машины, из «скорой» выскочил крепкий, уверенный в себе парень.

— Анестезиолог, — шепнули мне.

— Иван Григорьевич Рябов! Можно просто Иван, — отрекомендовался прибывший.

— Дмитрий! Дима!! — представился я.

— Ну, что, Дима, проблемы?

— Да, надо оперировать, а он вон дурака валяет, — подтвердил я.

— Ну-у, — протянул анестезиолог. — Тут по-другому надо.

— Как?!

— А вот так! — сказал он, взял валяющегося во дворе Гришу за шкурку, приподнял его и волоком перетащил в операционную. При транспортировке пострадавший только икал, поддерживая вывалившийся кишечник, и матерился.

— Давай мойся! — сказал Иван. — Я даю наркоз!

Я мыл руки и все это время слушал проклятия в свой адрес. Ассистировала мне в ту ночь меланхоличная гинеколог Зинаида Афанасьевна Бугаева.

— Не переживайте, юноша, — обратилась она ко мне. — Все будет замечательно. Вы раньше сами оперировали?

— Конечно! — заверил я.

Таковыми пациентами мне лично еще не доводилось заниматься, но все когда-нибудь бывает впервые. Страх у меня не было, только кончики пальцев подрагивали.

Собственно говоря, разрезать переднюю брюшную стенку уже было не надо. Чья-то умелая рука одним ловким движением ножа сделала Грише харакири почти по средней линии живота.

Значимых повреждений внутренних органов я не обнаружил. Было сильнейшее поверхностное загрязнение кишечника и брюшной полости землей, песком, травой. Я тщательно отмыл внутренности от грязи, установил дренажную трубку в малый таз и зашил рану. Все! Операция завершена. Первая моя самостоятельная операция прошла успешно! Я сам, без посторонней помощи, только что спас жизнь человеку.

Наложил последний шов, заклеил разрез и, поблагодарив персонал, удалился в ординаторскую писать протокол операции.

— Алле! Лепила! — услышал я грубый испитой голос. — Ты ща Гришу Муромского оперировал?

Передо мной стоял небритый алкоголик, одетый в брезентовый дождевик.

— Я. А вы собственно кто?

— Кто я, не важно, — прошипел дождевик. — Важно, зачем ты это сделал?

— Как? — удивился я. — Он был ранен, я врач. Хирург. Моя обязанность спасти людям жизнь.

— Он не человек, он мудака, — произнес незнакомец и осклабился. — Я не для того эту гниду распотрошил, чтоб ты ему жизнь спасал! Я тебя об этом просил?

Брезентовый внезапно распахнул свой дождевик, выхватил из-за пояса двуствольный обрез и направил мне прямо в лицо. Лязгнули курки. Возможно, в другой раз я бы и испугался, но создавшаяся ситуация была настолько нелепой, что больше походила на игру, чем на деревенскую вендетту.

— Веди к Гришке! Показывай, где он лежит! Не дорезал, так застрелю! И не вздумай дергаться! — приказал бандит.

Я лихорадочно соображал: что предпринять? Неужели это не сон? Еще каких-то полчаса назад я был в операционной, а сейчас передо мной обрез. Странные перипетии судьбы. Вот она еще одна грань хирургии. Один бандит распластал другому брюхо по каким-то своим соображениям. Не убил сразу и пришел добивать своего визави в лечебное учреждение.

Такие вот наступали времена. «Лихие девяностые» — так их назовут после.

Неожиданно дверь ординаторской распахнулась, и в комнату ворвались какие-то люди в камуфляже и прервали наш диалог. Я и глазом не успел моргнуть, как убийца лежал лицом в пол с вывернутыми назад руками.

— Суки! Суки ментовские! — хрипел он.

— Все нормально, доктор? — спросил накачанный парень с погонами старшего лейтенанта.

— Да! — выдавил я из себя. — Даже толком и испугаться не успел.

— Ну, ничего, ничего! — похлопал меня по плечу старлей. — Мы этого гада от самой блатхаты вели, а возле самой больницы потеряли. Но вовремя нашли!

— Да уж! — согласно кивнул я. — А он, правда, нашего пациента порезал?

— Правда, правда! Он не только Гришу, но еще двоих таким вот макаром разделал, только им уже ваша помощь не нужна.

— Спасибо! — поблагодарил я старлея и пожал ему руку.

В пять утра, устало вытянув ноги на своей домашней кровати, я подумал, что если все дни будут такими, как этот, то не знаю, на сколько меня хватит. Знакомство с сельской хирургией состоялось! Через две минуты я уже погрузился в глубокий сон, чтоб через два с половиной часа проснуться и к 8.00, без опоздания, явится на работу.

Глава 2

Первые шаги

На работу я проспал, пришел к половине девятого. Меня, правда, никто не упрекнул, но самому было крайне неловко. Конечно, я пообещал себе впредь так не поступать, но, по правде говоря, нарушал его и не раз, все по производственной необходимости. Человек так устроен, что ему нужно время от времени спать.

В любом коллективе, особенно маленьком, новости разносятся быстро. «Сарафанное радио» сбоев не дает. После ночного инцидента на меня смотрели как на героя. Лично я себя таким не считал, еще неизвестно, как бы все повернулось, если бы милиционеры не подоспели.

Утреннюю планерку вместо меня принял Иван, он домой не уходил, наблюдал

прооперированного ночью больного. К сожалению, в нашей больнице не было палаты реанимации. Поэтому анестезиологи были вынуждены сами наблюдать больных. Лишь после стабилизации состояния пациента они могли уйти домой. У нас их было два, Иван и Аркадий Ильич Тропинин, пока еще пребывавший в отпуске.

Кроме Ивана в ординаторской был и лор Артур Скороходов, он всего на два года раньше меня закончил вуз, но уже успел многому научиться, и больные его очень хвалили.

— Да-а-а, — протянул анестезиолог. — Повезло тебе вчера. Этот вчерашний бандит Коля Бизон, отморозок конченный. Чуть что, за нож хватается. Многих мы после него лечили.

— Точно! — подтвердил лор. — И вот никак взять его не могли, всегда ускользал. Его года три уже по всей области ловят, мне один следак знакомый сказал. А ты только приехал и сразу его «крестником» стал.

— Весело у вас тут, — вздохнул я.

— Да, как и везде. Времена наступили такие, беспредельщики повылазили со всех щелей. Ничего святого для людей не стало, — начал Иван. — В соседнем районе пару месяцев назад анестезиолога убили, прямо в ординаторской. Слышал, Артур?

— Конечно, слышал, — подтвердил лор. — Он же мой однокурсник был, на одном потоке учились.

— А из-за чего убили? Просто так, что ли? — удивился я.

— Я слышал такую версию, — стал рассказывать Рябов. — Оперировали там мужика одного, желчный пузырь удаляли. Анестезиолог релаксанты [2] ввел, а фентанил [3] забыл. В общем, мужика по живому резали, он всю боль чувствовал. Лежит он на столе весь расслабленный, пошевелиться не может, а хирурги ему наживую пузырь вынимают. Все чувствовал!

— Ужас! — поразился я. — А как такое могло произойти?

— Говорят, анестезиолог медсестре глазки строил, не до наркоза ему особо было.

— А дальше?

— А что дальше. Мужик тот поправился, несмотря на все их лечение, и дня через три заходит в ординаторскую в дождевике, как вчера Коля Бизон. Ну, кто говорит, мне наркоз давал? Ну, анестезиолог из-за стола встает, я, мол. Думал, может, коньяку принес, отблагодарить. А он: ты, ну, и получай! Из-под полы достает двустволку и с двух стволов в упор. Собирать потом было нечего.

— Какие страсти кипят, а? — произнес я задумчиво. — Получается, надо бояться человека в дождевике?

— Да, ну! Брось! — сказал Артур. — Тут каждый второй так ходит. А мужика понять можно, неизвестно, как бы ты себя повел, если б тебя полтора часа наживую резали.

На этой минорной ноте я расстался с коллегами и пошел обходить отделение. Гриша чувствовал себя хорошо, протрезвел и просил у всех прощения. Я сказал, что подумаю, и перевязал его. В целом все было в порядке, и я отправился на прием.

Был уже полдень, и чего я только не услышал в свой адрес, продираясь сквозь толпу к кабинету. Самое мягкое было «дармояд». Я как мог оправдывался, объяснял, что я один, что ночью оперировал, что у меня на отделении тоже больные. Но все было тщетно, поток оскорблений сопровождал меня всю дорогу. И чем больше я оправдывался, тем громче гудела очередь.

Чашу терпения переполнило брошенное мне в спину — «Коновал»! Я резко обернулся и громко сказал:

— Граждане колхозники, приема сегодня не будет! Езжайте в область!

Какой-то рыхлый дядя, с крупным фурункулом на правой щеке, тоненьким голосишкой проблеял:

— Товарищ доктор, как не будет? У меня вот чирей?

В другой раз я бы, наверное, так себя не повел, но бессонная ночь дала о себе знать, притупив здравый смысл:

— А, вот так! Если я коновал, то езжайте к настоящим врачам, сюда-то чего заявились? Все!

— Я главврачу пойду жаловаться! Безобразие! — попыталась надавить на меня толстая баба со смачным синяком в левой параорбитальной области (вокруг глаза).

— Да пожалуйста, — сказал я и сам поразился своему спокойствию. — На сегодняшний день я единственный хирург в районе. Леонтий Михайлович в отпуске и убыл за пределы области. Вы идете жаловаться, я увольняюсь, а дальше будете ездить в область, пока Ермаков не приедет.

— Доктор, ну что ты завелся? — спросил какой-то человек с впалой грудью. — Ну, погорячились мы, с шести утра ждем.

— А зачем с шести ждать, если прием с девяти?

— Ну, — замылся впалогрудый. — Очередь занимаем.

— Короче, — громко объявил я. — Пока тот, кто обозвал меня коновалом, не извинится, приема не будет! Ясно?

Толпа внезапно накинулась на розовощекого парня лет двадцати глазами:

— Борька, из-за тебя все. Сволочь! Вишь доктор обиделся, а ну иди, извиняйся!

Подгоняемый затрещинами, тот подошел ко мне и, не глядя в глаза, промямлил:

— Доктор, простите меня, пожалуйста.

— За что?

— За то, что вас коновалом обозвал.

— Хорошо, я подумаю. У тебя что?

— Ногу два дня назад кипятком ошпарил.

— Ясно, кровью не истекаешь?

— Нет.

— Отлично! Приму всех! Но тебя в последнюю очередь!

Парень понуро поплелся в конец. Народ угомонился, и все стали терпеливо ждать своей очереди.

— Как вы их! Не побоялись толпы, — восхищенно сказала медсестра, когда я вошел в кабинет. — Тут такие безбашенные иногда попадают, Борька, вон тот кабан, не раз уже у нас лечился, такой гад!

— Да, сам удивляюсь, ночью оперировал, не выспался, все как-то по барабану стало.

— Ну и правильно! Так с ними и надо! А то они чуть что, жаловаться бегут, а вы молодец!

— Спасибо, давайте начнем прием.

Удивительно, но больше никто не возмущался, хотя я каждые 10–15 минут выходил на отделение в перевязочную. Все понимали: доктор один, и он работает.

Последним я принял уже упомянутого Борьку с его ожогом, он еще раз извинился. Я сказал, что прощаю, хотя очень хотелось дать ему по морде.

После приема я заполнял документы стационарных больных и лишь в седьмом часу вечера засобиравшись домой.

— А где нам хирурга найти? — обратилась ко мне девушка лет двадцати пяти.

— Я хирург, а что такое?

— Вы знаете, у моей дочки животик сильно болит. Мы на «скорую» обратились, но нам сказали, чтоб сначала хирургу показали.

— И давно болит?

— Да вчера в обед заболел.

— Вы в деревне живете?

— Нет, что вы. Здесь, рядом с больницей.

— Так, а что вы днем-то не обратились?

— Да вы знаете, мы думали, что пройдет, я ей ношпочку давала, а он все болит и болит.

Я не знаю, чем это объяснить, но у нас почему-то 90 % обращений приходится на вечернее и ночное время. Причем люди терпят сутки, а то и более. И когда начинаешь их спрашивать, чего тянули, отвечают: «А мы думали, что пройдет». Вот нет этому феномену объяснений! Остается только развести руками.

У ребенка оказался острый аппендицит, пришлось остаться. Пока собирал оперблок — все уже ушли домой, — пока прооперировал, пока заполнил соответствующую документацию,

наступила полночь.

— Доктор, ничего, что мы вас к самому дому не доставили? — спросила фельдшер «скорой помощи», которая после операции везла меня домой. — А то у нас срочный вызов, по рации только что передали.

— Нет, конечно, ничего страшного, мне идти тут триста метров. А что там?

— Да не ваше, похоже, гипертонический криз.

— Ну, тогда до свидания.

— До свидания, доктор. Пусть вас сегодня больше не вызывают.

Уставший, но счастливый — еще бы, две самостоятельных операции за сутки! — я направился домой. Квартира моя располагалась на втором этаже. В подъезде было темно, я вошел и на ощупь стал подниматься по лестнице. Внезапно до меня донесся жуткий женский крик, полный отчаяния:

— А-а-а-а!

Я погнал вверх. Картина, которую я увидел, надолго врезалась в память. Между вторым и третьим этажами, на площадке, стояла абсолютно голая девушка. Ее безупречную фигуру освещал холодный лунный свет. Незнакомка картинно заломила за головой руки и, как мне показалось, голосила на луну:

— А-а-а!

Зрелище было настолько диким и завораживающим, что я на секунду подумал: «Оборотень!» — но тут же спохватился и спросил девушку:

— Что случилось? Что с вами?

— А-а-а-а-а!!!

— Девушка, что с вами? Почему вы не отвечаете?

— А-а-а-а!!!

Девушка была в сильнейшем эмоциональном шоке. Я хотел попробовать привести ее в чувство, но тут увидел полоску света из приоткрытой двери третьего этажа. «Видимо, она из той квартиры».

вернуться

2

Препараты, расслабляющие мышцы.

вернуться

3

Обезболивающее.

Оставив голосащую особу на лестнице, я поднялся на третий этаж и вошел в приоткрытую дверь.

Посреди комнаты стояла кровать со смятой постелью, на полу повсюду валялась мужская и женская одежда. На кухне мне бросился в глаза стол с остатками ужина и несколькими открытыми бутылками с алкоголем. В двух стопках желтели остатки коньяка. Я быстро обошел всю «однушку» и, не найдя ничего подозрительного, зашел в ванную.

Под потолком ванной висел голый молодой парень — лицо фиолетовое, язык наружу, возле рта пена. Сдавливающая его горло петля была привязана к какой-то трубе.

Схватив со стола нож, перерезал веревку и подхватил парня, отметив, что тело еще теплое. Тут в квартиру забежали другие соседи.

— Вызывайте «скорую»! — крикнул я им и принялся делать висельнику искусственное дыхание и закрытый массаж сердца.

Через пару минут лицо несчастного посветлело, веки задрожали, и он открыл глаза. Вытащенный из петли был спасен.

Соседи привели в комнату трясущуюся девушку и накинули на нее покрывало. Увидев, что парень жив, она расплакалась. Я налил ей воды и, когда девушка немного пришла в себя, спросил:

— Скажите, что здесь произошло?

— Я-я-я не думала, что он повесится, — всхлипывая, ответила она. — Мы сегодня приехали из отпуска, немного выпили и занялись любовью. А у него это, как его, ну, в общем, не встал. А я, дура, в шутку возьми и скажи, что он импотент и вообще у него член маленький.

— Точно дура, — отметил кто-то из присутствующих.

— Ы-ы-ы-ы, — заголосила девица.

Я снова дал ей воды:

— Ну, а дальше?

— А дальше, — продолжила она свой рассказ, — дальше он молча встал и пошел в ванную. Думала, он в туалет пошел, а его нет и нет. Я следом зашла, а он там висит-и-и-ит! Ы-ы-ы-ы! Я испугалась и убежала.

— А почему из петли не стали вытаскивать? — спросил я.

— Я растерялась! Мне стало страшно! Я испугалась!

Подъехала «скорая», я в двух словах объяснил фельдшеру, что произошло.

— Да, доктор, вы второй день у нас и уже столько приключений. Притягиваете их, что ли, — хмыкнул фельдшер.

— Ой, не знаю, — вздохнул.

— Доктор, мы постараемся вас сегодня не вызывать.

Я не ответил. Дома в окно посмотрел, как «сладкую парочку» загрузили в салон уазика, добрался до подушки и моментально заснул.

На работу утром пришел вовремя, без опозданий. Только закончил планерку, как позвонила секретарь и сообщила, что меня вызывает к себе главный врач.

— Ну, как обживаетесь, Дмитрий Андреевич? — спросил главный после обмена рукопожатий. — Не тяжело?

— Тяжело, но стараюсь со своими обязанностями справляться.

— Вот, вот, Дмитрий Андреевич, первые шаги — они очень важны. Если раз споткнулся, ничего, два — тоже ничего, а если постоянно начнешь спотыкаться, то когда-нибудь и вовсе упадешь. Да, так можно упасть, что и подняться затем не сможешь. Я считаю, если человек постоянно спотыкается, то надо уходить из профессии.

— Я вас не понял, Николай Федорович.

— О, нет! Это не на ваш счет! — улыбнулся главврач. — Просто даю жизненные наставления молодому доктору. Я тоже когда-то был молод и горяч.

— Николай Федорович, не ходите вокруг да около, говорите прямо! Вижу, не наставления позвали мне давать.

— Да, правду говорили, горяч больно.

— Кто говорил?

— Не важно, кто и что говорил. Просто я вас хочу предупредить, все, что происходит в стенах этой больницы, мне рано или поздно становится известно. У меня везде есть свои глаза и уши. И я хочу, чтоб вы это усвоили.

— Любите, значит, шпионов, да?

— Молодой человек, вы забываетесь. Не успели приехать, а уже столько проблем вокруг вас. И бандиты нападают, и народ на приеме бунтует. Что это такое, скажите на милость: «Пойдете к главному врачу жаловаться, то я уеду, и будете в область ездить?»

— А это значит, что меня оскорбили, и я искал виновного.

— Товарищ Правдин, вы не на рынке пирожками торгуете, а в больнице работаете. Перед вами больные люди! Они к вам за помощью пришли, а вы им какие-то условия начали ставить. Нехорошо, не с того жизнь начинаете.

— Я знаю, Николай Федорович, что больной у нас всегда прав, но оскорблять себя не позволю ни пациенту, ни главному врачу.

— А я вас не оскорблял, просто как старший товарищ даю советы, — примирительным тоном заметил Тихий. — Да, а что за история с повешенным? Мне сказали, вы человека из петли вытащили и реанимировали?

— Да, было.

— Вот это похвально! Врач должен оставаться врачом в любой обстановке. Молодец, что тут скажешь.

— Спасибо, Николай Федорович! Я могу идти? А то у меня дел много.

— Да, конечно, не смею задерживать. Надеюсь, вы примите правильное решение после нашего разговора.

Я шел в отделение и думал о том, что и здесь полно стукачей. «Кто же успел донести? Или кто-то из больных, или свои. Хотя какой я им пока свой... Вот еще ягодки, о которых предупреждал Леонтий Михайлович, сколько же их еще будет? Вот чему еще не учат в институтах...»

Я обошел больных. Гриша совсем поправился, вчерашняя девочка с аппендицитом температурила, но я решил, что на фоне антибактериальной терапии все будет хорошо, и пошел в амбулаторию.

Больные меня уже узнавали, здоровались, никто не галдел, все соблюдали очередь. «Однако вчерашняя беседа многим пошла на пользу», — подумал я.

Перед дверями кабинета стоял здоровенный бородатый детина неопределенного возраста.

— Доктор, разреши без очереди, — попросил он.

— А что с вами? Живот болит?

— Не, — сказал детина и сунул мне под нос указательный палец, из которого торчал здоровенный рыболовный крючок. — Во, попался. На рыбалку поехали, перемет ставил и сам попался вместо рыбы.

— Конечно, проходите! Только верхнюю одежду снимите.

Я обколол палец новокаином, детина зажмурился и вжал в плечи голову, приготовившись к самому худшему. Я одним точным движением вытащил злополучный крючок.

— Возьмите, — сказал я, протягивая мужику рыболовную снасть.

— И что, все? — здоровяк ошалело посмотрел на меня. — Вот так, меньше минуты? И вытащил?

— Все, дорогой! Все! А что не нравится?

— Да, нет! Все нравится! Только меня двести километров из тайги вывозили, чтоб вот так, раз! И все!

— Ну, давайте повторим. Засаживайте по новой. Вытащу.

— Нет, спасибочко! Не надо! — расплылся в широкой улыбке рыболов, оценив мой юмор. — Только мы в соседнем районе рыбалили и там в их ЦРБ обратились. Нам сказали, что это сложная операция и у них нет нужных инструментов, и чтоб мы к себе ехали. Вот мы двести верст с гаком и пылили к вам. Спасибо, доктор! Огромное спасибо!

— На здоровье! — ответил я бородачу и подумал, что все-таки свинство со стороны коллег так обойтись с мужиком. Что значит — «ты не наш»?

Не успел распрощаться с рыбаком, как меня позвали на «скорую»: подозрение на ущемленную грыжу. Сходил, посмотрел: правда, ущемленная паховая грыжа у дедушки лет восьмидесяти. Она давно его беспокоила, дедок все боялся операции, а тут ведро воды поднял — и все, ущемился. (Ущемленной грыжа становится тогда, когда грыжевое выпячивание, чаще сальник или петля кишки, вылезает наружу через грыжевой дефект, а назад, в брюшную полость, не вправляется. Если грыжевые ворота (дефект) небольшие, то возможно пережатие выпавших органов, с последующим развитием их гангрены. Показанием к операции в плановом порядке у грыженосителей является профилактика ущемлений. Цель операции — закрыть грыжевой дефект (ворота).)

Я направил больного в отделение, скомандовал, чтобы готовили операционную, а сам вернулся на прием.

Через полчаса меня позвали на операцию. Я извинился в коридоре перед больными и объяснил, что иду на операцию, когда освобожусь — неизвестно. Воплей больше не было, и «коновалом» меня никто не назвал: ясное дело, доктор идет спасать жизнь человеку.

У старика было слабое сердце, так что оперировал я под местной анестезией. Ущемилась тонкая кишка, но она была вполне жизнеспособной, так что удалять не пришлось.

В настоящее время местная анестезия незаслуженно забыта, мало кто из хирургов владеет этой методикой в достаточном объеме, молодые врачи только по книгам и знают, как обезболить новокаином. Может, это и неплохо; но, например, у пожилых людей может быть уйма сопутствующих патологий, и им лучше подходит местное обезболивание — благо препараты сейчас есть наизамечательнейшие. Мне в этом плане повезло, довелось учиться у людей, великолепно владеющих местной анестезией, и несколько лет применять их науку в собственной практике.

После операции я вернулся на прием. Сегодня, как на грех, сплошняком шли травматологические больные. Переломы луча в типичном месте (в нижней трети лучевой кости), переломы ребер, лодыжек и прочая; а я о костях мало что знал. Что поделать — доставал книгу и, не стесняясь ни пациентов, ни сестер, начинал читать. Когда понимал, как надо действовать, накладывал гипс. Учился у сестер, как правильно его разматывать, как замачивать, как накладывать и фиксировать.

Последний пациент покинул кабинет, когда на часах было уже полшестого. А мне еще надо было записать операцию и заполнить дневники стационарных больных...

— А вы, доктор, молодец! — сказала моя медсестра Любовь Даниловна. — Не стесняйтесь и книжку прочитать, и у нас спросить, если чего не знаете.

— Так, а как же иначе? — удивился я. — Честно признаю, в травме я полный ноль. Что-то с института смутно помню, не более того. Сегодня вот почитал, начал понемногу вспоминать. На вас вся надежда.

— Это правильно. Только другие доктора сидели тут до вас щеки дули, сами, мол, все знаем. А по большому счету тут никто, кроме Леонтия Михайловича, травму толком-то и не знает. Он же в хирургию из травматологов пришел, так обстоятельства сложились. Прислали его травматологом к нам, пришлось по ходу в хирургию переучиваться, работать некому.

— Да, а я и не знал, что он в прошлом травматолог.

— Он вообще умница. И травматолог, и хирург хороший, и трепанации черепа сам делает!

Держитесь его, он вас многому научит. До вас которые были — шибко гордые все. Сами типа все знали! Иногда так косячили, что мы сами шли и заведующего звали, он и переделывал. А учиться никто не хотел. Мы — хирурги, говорили! Нам ваша травма не нужна. Может, и хирурги, но я считаю, если в район попал, то учи и травму! Верно, доктор?

— Любовь Даниловна, я с вами тут полностью согласен. Раз в районе травмы много, ее и надо изучать, и другие дисциплины — детскую хирургию, урологию, нейрохиргию.

— Точно, точно, доктор, изучайте! А мы вам, чем сможем, поможем.

— Спасибо, Любовь Даниловна.

Зря я, наверное, вспомнил про нейрохиргию. Не успел до ординаторской дойти, как на меня выбежала санитарка:

— Доктор! Доктор! Вас срочно зовут в детское отделение!

— А что случилось?

— Точно не знаю, но там сына начальника районной милиции с чем-то привезли. Консилиум собрали и вас велели позвать.

— Хорошо, иду. Показывайте дорогу.

— Дмитрий Андреевич, я вам в двух словах сейчас все объясню, — шепотом заговорила Алла Борисовна, заведующая детским отделением. — Понимаете, к нам доставили мальчика с черепно-мозговой травмой.

— А почему к вам, а не в хирургию?

— Видите ли в чем дело... Он сын начальника местной милиции, а мама у него директор школы, и они попросили меня, чтоб госпитализировали в наше отделение.

— Да почему к вам?

— Ну, у вас там бомжи, уголовники, всякие другие асоциальные элементы. У нас мальчику будет более комфортно. Ну, вы меня понимаете?

— Понял, — протянул я. — Хирургия наша, значит, гадюшник?

— Ну, почему гадюшник, у вас нет отдельных палат, а у нас есть.

— Ладно, меня чего позвали?

— У мальчика черепно-мозговая травма. Его зверски избили какие-то хулиганы, сейчас с мальчиком происходит что-то странное. У нас невролог в отпуске, вот мы вас пригласили.

— Хорошо, пойдете посмотрим, — сказал я.

Я не стал говорить, что я не нейрохирург. Бесплезно! Я уже понял, что во мне видят не просто хирурга, а представителя любой хирургической специальности, за исключением, пожалуй, лор-врача и гинеколога.

В палате, куда меня привели, уже был начмед Семен Семенович Лившиц, еще два педиатра,

мама пострадавшего и сам собственно пострадавший. Сережа, пятнадцатилетний худенький подросток, сидел на кровати, поджав ноги по-турецки, дурашливо смеялся, корчил рожи и показывал присутствующим язык. От него исходило такое алкогольное амбре, что впору было предлагать закуски.

— Послушайте, коллеги, да он же у вас в дупель пьяный! — констатировал я, осмотрев парня.

— Да как вы смеете! — фурией взвилась мама мальчика, красивая ухоженная дама. — Кто дал вам право делать такие выводы?

— А вы сами не видите? — спокойно спросил я.

— Что я должна видеть?!

— Что ваш ребенок пьян. Кто вам сказал, что его избили?

— Сам Сережа!

— Я думаю, что он вам солгал.

Сережа скорчил очередную рожу, сказал: «Тпру-ю-ю-ю-ть!», после чего завалился на бок, пустил тягучую слюну и... захрапел.

— А-а-а-а! — заголосила женщина. — Ну, что вы все стоите? Он же умирает!

— А хирург-то прав, — заявил начмед, приняв хавшись. — Черт побери, он пьян.

— Да что вы такое говорите, Семен Семеныч! — завопила мама Сережи, и ее красивое лицо исказила злобная гримаса. — Мой мальчик не пьет! Он отличник, музыкальную школу закончил. Я вас прошу, помогите.

— Послушайте, — попытался я объяснить еще раз. — Ваш сын мертвецки пьян. Его не надо спасать, ему не нужна наша помощь. Он проспится — и все будет в порядке, понимаете? Раньше, может, и надо было желудок промыть, а сейчас уже поздно.

— Я так этого не оставляю! — ярилась дама. — А вас, — она грозно посмотрела на меня, — привлекут за неказание помощи. Это я вам обещаю!

«Отличное, начало. Сначала чуть не пристрелили, затем коновалом обзвали, потом главный пропесочил из-за ерунды, теперь еще эта тюрьмой грозит из-за того, что ее сыночек назюзюкался. И это за какие-то двое суток! Ну, дела! Что дальше-то будет?»

— Дмитрий Андреич, я вас прошу, позвоните в нейрохиргию, проконсультируйтесь, может, они чего подскажут, — проговорила заведующая детским отделением.

— Алла Борисовна, что я им скажу? Тут у нас пацан пьяный лежит, чего делать? Так, что ли?

— Может, он не пьяный, может, у него так черепно-мозговая травма протекает?

— Алкогольное опьянение у него так протекает.

В этот момент позвонили со «скорой» и попросили срочно подойти: привезли парня, порезавшего руку о стекло. Я пошел работать; потом подошел начмед:

— Дмитрий Андреич, зря вы так с ней. Она баба влиятельная, и муж у нее большая шишка.

— А как так? — спросил я, снимая окровавленные перчатки. — Я высказал свое мнение. Вижу, паренек пьян, ни ссадин, ни кровоподтеков ни на голове, ни на лице нет, а выхлоп — хоть закусывай.

— Так-то оно так, но баба сильно говнистая, если что, по судам затаскает.

— Семен Семеныч, даже если у него и есть черепно-мозговая травма, в чем я сильно сомневаюсь, то мы ее никак сейчас не выявим. Компьютерного томографа у нас нет, поэтому остается ждать. Насколько я помню из курса нейрохирургии, в данном случае, когда нет явных признаков травмы, необходимо время. Если он не проспится и останется загруженным, тогда будем думать о черепно-мозговой травме, а сейчас алкоголь завуалировал клинику, если она и была.

— Ну, пацан уверяет, что была. Говорит, шел домой, поймали какие-то мужики, избили, приставили воронку в горло и влили водку. Сейчас его отец весь райотдел на уши поднял, все чердаки и подвалы, все блатхаты шерстят.

— Ищут, значит, тех, кто насильно поит других водкой?

— Ну да. Вы бы еще раз мальчика осмотрели и записали в историю болезни. Мало ли чего.

Сережа крепко спал, рядом сидела мать и держала его за руку. Слезы смыли косметику, но все равно ее лицо оставалось красивым. Лишь гневно вспыхнули глаза, когда я вошел в палату. Я повторно осмотрел парня, ничего сверхъестественного не обнаружил.

— Зрачки одинаковые, на свет реагируют, мененгиальных знаков нет, все рефлексy живые, одинаковые с обеих сторон, ну не вижу ничего криминального! — сказал я и ушел из палаты.

— Ну, ты у меня еще попляшешь! — прошипела дама.

Домой я попал только в десятом часу. Ночь прошла спокойно — только один раз подняли, полпервого; съездил, посмотрел больного с болями в животе, но страшного ничего не было, так что я практически выспался.

Утром, подходя к больнице, я увидел высокого седого мужчину в милицейской форме с погонами полковника. Он в компании матери юного пьяницы Сережи ждал меня у входа в хирургический корпус.

Я похолодел.

— Доброе утро, доктор! — приветливо произнес полковник и протянул мне руку. — А мы вас ожидаем!

— Здравствуйте, доктор! — как можно мягче произнесла его жена, краснея.

— Здравствуйте, чем обязан?

— Я бы хотела перед вами извиниться за вчерашнее, — сказала мама Сережи. — Я с вами себя так гадко вела, а вы были правы. Сережка-то и правду напился. А я, дура, вам не поверила, угрожала. Простите!

— Вы представляете? — перехватил инициативу муж. — Сказал, что его избили и влили в рот

водку. Мы весь поселок перерыли.

— Наверно, по пути раскрыли пару-тройку преступлений? — едко заметил я.

— Ну, не без этого, — улыбнулся полковник. — Оказывается, они с ребятами решили водку попробовать, чтоб, значит, побыстрее повзрослеть. На троих одну выпили и окосели с непривычки. Ну, чтоб мы его не ругали, он и сочинил эту историю про избиение.

— Понятно, я на вас зла не держу. Я ж знал, что никакой травмы не было.

— Вы настоящий профессионал, — сказала дама. — А я поначалу не поверила вам.

Мы распрощались, муж пожал мне руку, и каждый пошел по своим делам.

Глава 3

Трудовые будни

Осень застучала дождями по остывшей земле. По утрам на лужах появился тонкий ледок. Зеленый цвет стал отступать перед желто-багряным. Осеннее солнце уже не припекало, на полях и огородах собрали урожай. Наступил октябрь.

Три месяца моей работы в ЦРБ пролетели как одна невероятно длинная неделя. Потихоньку я втянулся в работу и адаптировался к местным условиям. Леонтий Михайлович приехал только в конце августа, а на подмогу мне так никого и не прислали. Больше месяца я работал один.

Многие думали, что я плюну на все и сбегу в город, как мои предшественники. Между собой медперсонал называл меня «девятым». Но «девятый» никуда не девался.

Да, мне было очень тяжело: и прием, и стационар, и дежурства на дому, и экстренные ночные вызовы в больницу. Больше половины вызовов на «боли в животе». Что это за показание к вызову хирурга? Получается, что терапевтов должны вызывать на «боли в голове», «боли в сердце», а гинекологов на «боли в вагине». Мне непонятно было, почему наши фельдшеры не говорят медицинским языком: подозрение на аппендицит, панкреатит, холецистит и т. п. Нет! Боли в животе, и все тут! Как это у Куприна было: «Ни есть, ни пить не **можу**, в **середине** болит». Так я и не смог фельдшеров переучить.

Эта работа была отличным тестом на выживаемость. Я знал: если справлюсь — смогу работать районным хирургом. Нет — значит, нет.

Пока заведующий был в отпуске, у меня почти не было времени, чтобы учиться. Но если выдавалась свободная минутка, я садился за книги и продолжал консультироваться у медсестер. Они своим опытом могли дать фору любому молодому хирургу.

За месяц самостоятельной работы я прооперировал еще пару аппендицитов, прободную язву двенадцатиперстной кишки, ну и всякое другое по мелочам. Никто не умер, никто больше на меня не жаловался. В санавиацию я ни разу не позвонил, работал сам, да, по правде говоря, и больных таких не было, чтоб не справиться. Повезло, конечно.

С выходом Леонтия Михайловича стало полегче. Я вел прием и две палаты на отделении — одну «чистую», одну гнойную. Ермаков занимался больными в стационаре. Экстренные дежурства мы поделили по неделям. Одним словом, работа устаканилась, и потянулись обычные трудовые будни.

С выходом Ермакова мы наконец занялись и плановой хирургией, до которой у завотделением не доходили руки, пока он был один. Он оперировал не только хирургических больных с желчнокаменной болезнью, грыжами, варикозной болезнью нижних конечностей, опухолями кишечника и желудка и другими, но и занимался травматологическими пациентами. Оперировал больных с переломами трубчатых костей, привычными вывихами плечевого сустава, повреждениями сухожилий, умел делать и кожную пластику после ожогов, выполнял трепанацию черепа при черепных гематомах в экстренных ситуациях.

Я ходил за ним по пятам и учился всему, а вечером дополнял практику теорией. Перед каждой операцией я обязательно повторял анатомию, топографию тканей, уточнял ход оперативного пособия. За три месяца работы в ЦРБ мне досталось столько информации и практических навыков, что я мог считать себя настоящим врачом. Наконец-то.

Чем больше я узнавал, тем сильнее укреплялась моя уверенность в себе и своих силах. Но конечно, до идеала было еще далеко.

А еще иногда случалось такое, что могло отравить жизнь надолго.

Например, в начале ноября Ермаков уехал на два дня на конференцию, и я остался один. В ту же ночь привезли потрепанного алкоголика, которого рвало кровью. Оказалось, что он уже неделю разговлялся техническим спиртом — непонятно, где мужик его добывал, ведь он не работал, а зарплаты его жены едва хватало, чтобы троих детей кормить.

После осмотра я поставил любителю технического спирта диагноз: синдром Мелори-Вейса. Разрыв слизистой оболочки верхнего отдела желудка с возможным переходом на пищевод. Чаще встречается у пьяниц. После длительных возлияний они начинают интенсивно рыгать, и слизистая просто лопается. Зачастую это осложняется кровотечением, а оно, в свою очередь, может привести к смерти. Вот именно такого персонажа нам и доставили.

Кровь продолжала идти, консервативная терапия в виде введения кровоостанавливающих препаратов — дицинон, аминокaproновая кислота, хлористый кальций не сработала. Я решил оперировать и, вскрыв алкоголику желудок, увидел множество трещин слизистой оболочки и продолжающееся кровотечение. Диагноз был верным, Я выполнил операцию Танера — в шахматном порядке прошил верхний отдел желудка, и кровотечение остановилось. Операция прошла успешно. Кровопотерю восполнили переливанием крови. Все! Жизнь спасена!

На следующий день, около десяти утра, меня пригласили к телефону.

— Алло! Мне нужен врач, который оперировал Стелькина Ивана Фомича, — скандальным тоном заявил женский голос, не поздоровавшись.

— Я вас слушаю.

— Я замглавы администрации Новосибирской области, Стелькин мой брат, я знаю, что его доставили к вам. Что с ним?

Я, как мог, обрисовал ситуацию.

— У вас какой стаж работы? — недовольно спросил голос.

— А какое это имеет значение?

— Прямое! Почему вы сами оперировали моего брата, а не отправили в область?

— Потому что у него продолжалось кровотечение, а я мог это прекратить.

— Послушайте, как вас там?

— Дмитрий Андреич Правдин.

— Так вот, доктор Правдин, я хорошо знаю вашего главного хирурга области, и попрошу разобраться, на каком основании вы оперировали моего брата, а не вызвали санавиацию и не отправили его в область. Вы меня поняли?

— Я вас прекрасно понял! Только, мадам, попросите еще узнать главного хирурга области, почему ваш брат сидит на шее у своей жены, у которой трое маленьких детей. Почему он пьет технический спирт, а не работает, как все нормальные мужчины. Попросите!

— Да, как ты смеешь! Ты! Я тебя по стенке размажу! Ты там последний день работал, понял?

— Понял, я сегодня последний день работаю, а потом вы приезжаете сюда работать вместо меня и нянчиться со своим распрекрасным братцем.

Не слушая ответа, я бросил трубку и пошел на прием. «Вот же стерва! Мы боремся за жизнь этого проспиртованного шакала, который за тридцать пять лет своей жизни не сделал вообще ничего толкового — вот детей только, и то ими не занимается. А какая-то стерва, пусть и знакомая нашего главного хирурга, начинает меня пугать. Где она была, когда этот скот вливал в себя дешевый этанол лошадиными дозами? Может, надо было вмешаться, глядишь, он бы и в больницу не попал. А сейчас вон она, волнуется за братика! Раньше надо было, раньше!»

Стервозная сестра Стелькина перезванивала еще несколько раз, требовала подать меня — не иначе, как на тарелочке и с вилкой в зад, но я продолжал вести прием и к телефону не шел.

После обеда снова позвонили, на этот раз мужчина:

— Могу я услышать лечащего врача Ивана Стелькина.

— Это я.

— Здравствуйте, я Степанов Алексей Павлович, главный хирург области.

— Здравствуйте, меня зовут Дмитрий Андреевич Правдин.

— Дмитрий Андреевич, у вас лежит брат моей жены, не могли бы мне рассказать, что и как с ним? А то, как я понял, вы с моей супругой не нашли общий язык.

— Алексей Павлович, с вашей женой очень сложно найти общий язык.

— Да, вы правы, — с грустью констатировал Степанов. — Но все-таки, что там с шурином?

Я подробно изложил ему историю болезни; главный хирург одобрил мои действия.

— Да, операция Танера была единственным верным решением в данной ситуации. Вы молодец!

— А ваша жена другое говорит, — усмехнулся я.

— Не берите в голову, что с бабы возьмешь? Не переживайте! Вы все сделали правильно. Успехов!

На следующий день я спросил Стелькина:

— У вас вроде сестра имеется?

— Есть, Верка! — обрадовался алконавт. — В Новосибирске живет, в администрации главы работает, а муж ейный главным хирургом. А что такое?

— Да, звонила вчера, интересовалась здоровьем вашим.

— И че, угрожала?

— Да, было дело.

— Она это может, — засмеялся Стелькин. — Она у меня с детства знаешь какая? Командирша!

— Что-то плохо она тобой командовала, раз ты спился.

— Так она ж уехала, замуж вышла. Теперь с мужем живет. А когда приезжает, то я при ней не пью. Боже упаси! Доктор, а дядя мой не звонил?

— А кто у нас дядя?

— Замминистр здравоохранения республики Саха — Якутия.

— Нет, Стелькин, дядя ваш пока, к счастью, не звонил.

Леонтий Михайлович, вернувшись и услышав эту историю, сначала от души посмеялся, а затем успокоил меня:

— Не переживай! Ты все сделал правильно, операция прошла успешно, больной идет на поправку. Все! Пусть теперь прыгают хоть сестра, хоть дядя, хоть тетя. По большому счету ты вообще мог по телефону не давать никакой информации.

В тот раз все обошлось, Стелькин поправился и выписался домой. Ни сестра, ни дядя больше не интересовались здоровьем родственника. Пару раз прозвонил Алексей Павлович, но без претензий. Оказывается, и у пьяниц бывают влиятельные родственники, которые очень переживают — и всегда сильно позже, чем надо бы.

Время шло, землю застелило снежным покровом, ударили морозы. Наступила зима. Потянулись первые «подснежники» — так в клинической медицине называют пациентов с обморожениями и общим переохлаждением организма. [4]

Первым «подснежником» в тот год был житель села Лермонтово. Они с женой весь год кормились с огорода — в основном картошкой, а пособия на семерых детей и дотацию, которую им как многодетной семье выделяла местная администрация, с завидным постоянством пропивали.

Однажды, получив деньги, эти двое пошли к спекулянтам и купили дешевой «самопальной» водки. Как говорится, сколько водки ни бери, все равно два раза ходить. Не хватило. У барыг в Лермонтово товар закончился, пьяницы пошли в соседнюю деревню и затарились самогоном. По пути выпили и уснули прямо на дороге. Мороз в ту ночь был под тридцать градусов.

Нашли их под утро. Проезжавшая мимо легковушка подобрала и доставила любителей пить на детские деньги к нам в больницу. Женщина была мертва, а в мужчине еще теплилась жизнь.

Его диагноз при поступлении — «тотальное обледенение организма». Мужчина лежал, скрючившись, в позе эмбриона, его суставы не разгибались, кожа одеревенела. Разогнуть его было невозможно. Температура тела в прямой кишке была 30 градусов по Цельсию.

Срезав одежду со страдальца, мы положили его в ванну и налили холодной воды. Подливая теплую воду, постепенно довели ее до температуры человеческого тела, параллельно внутривенно капали пациенту пятипроцентный спирт. (Такой алгоритм лечения — 5 %-ный спирт обладает согревающим эффектом, это же углевод, который быстро расщепляется в крови с выбросом энергии.) И — о чудо! Через час «подснежник» захлопал ресницами и открыл глаза. В дальнейшем он оклемался и потерял лишь левую стопу, которая пострадала больше остальных конечностей.

Все-таки резервы организма неистощимы, и никто не может знать, на что способен. Я был уверен, что алконавт не выживет. Сколько я их видел, таких пьяненьких «подснежников»... Собственно, трезвого только одного и помню: парень голыми руками чинил на морозе автомобиль, завозился — и обморозился. Все остальные холодовые травмы были у пьяных. Им сугробы по колено и везде тепло...

Под новый год к нам в отделение привезли хмельного мужика. Шел по улице без рукавиц и отморозил пальцы рук. Вторая степень, светлыми пузырями покрылись.

— Уважаемый, будешь дальше пить — и без рук, и без ног останешься, — сказал я «подснежнику», обработав отмороженные участки и наложив асептические повязки. — Давай в больницу положу? Полечишься.

— Не, доктор, спасибо! Мне домой надо, в деревню, жена, дети ждут.

— Подождут, полежи, полечим. Хоть от пьянки отойдешь, а то сейчас выйдешь из больницы и снова назюзюкаешься.

— Нет, доктор! Я твердо решил завязать! И так чуть пальцы не потерял, хватит! Я ж первоклассный столяр, как же мне без пальцев? Нет! Все, пьянству бой!

— Ну, смотри! Пальцы особо не пострадали, больше не пей.

— Нет, что вы, слово даю! Больше не пью!

В шесть утра его привезли мертвецки пьяным: он напился на радостях — пальцы-то почти не пострадали, — и выпал из поезда в чистом поле. Несколько часов пролежал в снегу, пока добрые люди не нашли случайно и не доставили в больницу. И был он без валенок, в одних носках, и снова без рукавиц.

Итог: отморожение всех пальцев стоп и кистей, четвертая степень. Финал: ампутация всех этих пальцев.

Поступки пьяного человека никакой логике не поддаются. Вот, например, Федя Багров, двадцатипятилетний балбес, трудился кочегаром. На смене, как водится, напился и решил спилить где-нибудь елку и принести домой: Новый год скоро. И не нашел ничего умнее, чем залезть на высокую ель напротив котельной, сесть на сук и начать его пилить.

Естественно, сук под Федей обломился, и он рухнул вниз с пяти метров. Сломал бедро, получил отморожение четвертой степени пальцев обеих стоп. Плюс сотрясение головного мозга — хотя я лично не уверен, что там было чему сотрясаться.

— Федя, ну на кой ты пилил сук, на котором сидел? — поинтересовался я у балбеса.

— Дык, енто, удобно же было.

— А ты не думал в тот момент, что навернутся можешь?

— Док, я в тот момент вообще ни о чем не думал, кроме как елку спилить. Я не помню, как ваще залез-то. Меня трезвого заставь — ни в жисть не залезу. Сроду не умел.

Для пьяного почти или совершенно не важны его собственные моральные устои и нравственные ценности, он делается неадекватным и неразумным. Что выкинет человек спьяну — просчитать и предсказать практически невозможно. Но иногда попадаются и трезвые такие, что чуют почище хмельных.

Тридцать первое декабря, до Нового года каких-то десять часов. Всех больных в поликлинике мы приняли, всех прооперировали и перевязали. Наступило хирургическое затишье. Накрыли в столовой праздничный стол и решили отметить приближающийся праздник. Разлили шампанское по кружкам, заведующий произнес тост... Не успел я отпить, как прибежала Любовь Даниловна, медсестра с приема:

— Дмитрий Андреевич, там какой-то мужчина представительный пришел, срочно требует хирурга.

— А что произошло?

— Не знаю, но он такой важный, в галстук, весь из себя.

— Сейчас иду! — я отставил кружку с шампанским и, безмолвно чертыхаясь, пошел в поликлинику.

— Молодой человек, вы хирург? — спросил меня возле кабинета человек средних лет, действительно очень представительно выглядящий в дорогом костюме с галстуком и очках с золотой оправой.

вернуться

4

А в судебной — трупы, найденные по весне.

— Я, что у вас?

— Видите ли, у меня на веке вот такая штучка растет.

Он снял очки, и я увидел маленькое образование, похожее на просяное зернышко, на нижнем веке справа.

— Вы не скажете, что это?

— Это халязион. Закупорился специальный проток на веке, и вот такая штучка начала расти. Типа маленькой опухоли.

— А это не опасно?

— Нет, не опасно! Это доброкачественное образование.

— Все равно, я хочу это удалить, прооперируйте меня.

— Хорошо, прооперируем, — согласился я. — Приходите после праздников.

— Доктор, вы меня не поняли. Я хочу, чтобы меня прооперировали немедленно. Сейчас!

Я удивленно воззрился на мужчину.

— Что вы на меня так смотрите? Да, прооперируйте меня прямо сейчас!

— Послушайте, товарищ, сколько у вас уже растет этот халязион?

— Пятый год, а что?

— Ничего, если не считать, что вы пришли с ним за десять часов до Нового года.

— Да какая разница, — махнул рукой представительный. — Для меня Новый год — не праздник.

— Зато для всех остальных таки праздник, — мягко сказал я и проводил носителя халязиона к выходу.

— Я этого так не оставлю! Я буду жаловаться! — неслось по коридору. — Вы у меня еще попрыгаете!

— Дмитрий Андреич, может, надо было убрать этот чертов халязион? — спросила Любовь Даниловна. — Дел-то на пять минут. А вдруг и правда пожалуется? Неприятностей потом не оберешься.

— Любовь Даниловна, это не экстренная операция, нет никаких причин бросать все и заниматься халязионом, — возразил я. — Он пять лет ходил с этим новообразованием, подождет еще неделю. А то мы его сейчас прооперируем — это действительно пять минут, — а кто его завтра смотреть будет? Кто ему перевязку будет делать? Завтра нерабочий день. А вдруг какое осложнение за праздники? Что тогда? Руку приложил — все, отвечай!

— Ну, может, вы и правы, — пожала плечами медсестра.

— А по большому счету это вообще патология окулиста, он должен халязионами заниматься, а не хирург.

— Дмитрий Андреич, вы же знаете, что окулист у нас только очки выписывает и совсем не оперирует.

— Ладно, поживем — увидим. А у больных на поводу идти не следует, только хирург решает, когда и что оперировать. — Я звучал как настоящий врач, да и чувствовал себя соответственно.

— Тут я с вами согласна.

Врач должен быть неплохим психологом, чтобы правильно общаться и вот с такими чудаками, и с алкоголиками, и с родственниками пациентов.

Во многих лечебных учреждениях есть традиция: кто последний пришел в коллектив, тот и дежурит на Новый год. Поэтому 1996 год я встречал дежурным врачом ЦРБ.

Мне нужно было обойти всех больных во всех отделениях и осмотреть тех, кого оставили под наблюдение. Я должен был оказать экстренную помощь при всех неотложных состояниях, будь то гипертонический криз или приступ стенокардии. Также в мое распоряжение поступали все больные, обратившиеся на «скорую», которая в выходные дни и в ночное время становилась передвижным приемным покоем. При необходимости я должен был освидетельствовать возможно пьяных водителей, которых ГАИ доставляло в больницу.

Последняя обязанность, вмененная дежурным врачам волевым решением сверху, была такой несусветной глупостью, что у нас просто не хватало словарного запаса матерной лексики, чтобы охарактеризовать авторов этого проекта.

Представьте себе: врач — хирург или окулист, кому посчастливилось дежурить по больнице, — вынужден проводить доисторическую пробу при помощи марганцовки и серной кислоты, причем «на глаз», освидетельствуя незадачливого шофера, попавшегося в руки доблестных инспекторов ГАИ. Ни у кого из нас не было ни сертификата, ни опыта работы по освидетельствованию алконавтов, даже лицензии на этот вид деятельности у ЦРБ не имелось. Однако мы проводили экспертизу и писали заключения, не имея на то юридических прав.

Единственный, кто мог заниматься такими освидетельствованиями — это нарколог, и то он должен был только взять кровь на алкоголь и отправить ее на анализ, а потом через три дня получить результат. Остальное — фикция! Однако нас заставляли, и мы делали пробы с помощью доисторической трубки Раппопорта, дающей ошибку в тридцати процентах случаев! Длилось это до тех пор, пока какой-то ушлый водитель не нанял грамотного адвоката, который и доказал в суде, что наша ЦРБ не должна была осматривать его клиента без лицензии на право заниматься этим видом деятельности. Все! Лавочку прикрыли, и многие наши врачи вздохнули с облегчением.

Итак, я приступил к своему первому самостоятельному дежурству по больнице; до этого меня щадили и давали время на адаптацию. За дежурства неплохо платили, но я был уверен, что всех денег не заработаешь, а учиться мне сейчас важнее.

В конце вечернего обхода меня позвали со «скорой»: привезли ребенка полутора лет с температурой в сорок градусов. Я послушал его — в легких хрипело, нельзя было исключать пневмонию. Вызвал клинического лаборанта для анализа крови и мочи, рентген-лаборанта — сделать снимок легких и педиатра, чтобы решила, что дальше делать с ребенком.

Не успел отойти — пришла старушка с высоким давлением. Померил, вкололи лекарство, давление снизилось. Старушка ушла. Только отошел — привезли двоих с поносом, радость к новогоднему столу. Затем были люди с болями в сердце, с кашлем, температурой и прочая. Ни одного хирургического. Пришлось вспоминать терапию, кардиологию, инфекционные и детские болезни. За два часа до Нового года поток больных наконец иссяк, и я завершил обход. Хорошо, что больных под наблюдением было мало, и за тридцать минут до смены года я вернулся в хирургию.

С дежурной сменой встретил новый, 1996 год, немного посидел с ними и пошел спать в ординаторскую. Надо было беречь силы: ночь только началась. Вокруг были слышны выстрелы китайских «бомбочек», небо сияло китайскими же фейерверками, и все это дополнялось пьяными криками и громкой музыкой. Народ веселился, кто как мог.

Подняли меня через полтора часа: привезли паренька с разбитой головой. Кость целая, только рассечена кожа на лбу. Пока я зашивал парня, он все время крутил головой, мешал, не давал себя обезболить.

— Не хочу наркоз!

— Так новокаин же, один маленький укол.

— Так зашивай!

Я зашил так. Больно парню не было — действовал водочный «наркоз», только он все интересовался, сколько я сделал стежков и когда снимать швы.

Следом привезли еще двоих с разбитыми физиономиями. Зашил и их. После гаишники доставили пьяного на освидетельствование — нашли, когда ловить. Я им честно сказал, что никогда не проводил экспертизу и что я вообще-то хирург, но стражи порядка только заржали в ответ:

— Читай инструкцию, там все написано.

— Вывели водителя из машины, — пояснил один из гаишников, отсмеявшись, — а он идти не может. «Пил», — говорю. А он: «Нет, не пил!» Падает на меня, ноги не держат. Вот, ездить может, а ходить — уже нет!

Я прочел инструкцию к реактивам, сделал пробу Раппопорта, заполнил акт — «в алкогольном опьянении». Водила злобно сверкнул глазами:

— Я тебя потом найду, лепила! Я тебе покажу, какой я пьяный!

Унесли его гаишники.

Потом привели еще одного побитого, да не одиночку, а в компании. Человек десять, молодые парни и девчонки — галдели, шумели, хирурга требовали. Друга их какой-то местный Потоп отдубасил. Ребята за друга переживали — матерились, дерзили, курили в отделении. Мы их едва уgomонили и выставили на улицу. У побитого, кроме синяка под глазом и разбитой губы, не нашлось ничего серьезного. Пьяный был конечно же.

В общем, так всю ночь, до шести утра, и подвозили к нам пьяных парней с рваными и ушибленными ранами, без работы я не остался. А еще переживал, что ни одного хирургического пациента не будет.

Последнюю уже в шесть утра привезли девчущку лет шестнадцати. Пьяненькая, вскрыла вены. Взяла бритву и нашинковала себе левое предплечье. Разрезы получились неглубокие, но кровоточили сильно.

Обычно подростковые попытки суицида — это больше игра на публику: кожные раны зияют, кровь хлещет, а серьезных повреждений нет. Ребятам жалко себя, да и крупные сосуды в этом месте лежат глубоко, надо основательно постараться, чтоб добраться до них.

Я наложил девчущке швы, постаравшись поаккуратнее. «Дура малолетняя, не соображает чего творит. Потом жалеть будет», — думал я, слушая, как она плачется о неразделенной любви. Какой-то там Андрейка с какой-то Танькой весь вечер танцевал и на нее внимания не обращал, поэтому пришлось прибегнуть к помощи бритвы, выпив перед этим для храбрости стакан

крепленого вина.

Ох как много еще будет в моей практике таких девчушек... Любовь свою несчастную они забывают через месяц, максимум через год, а уродливые шрамы остаются на всю жизнь.

Однажды мне трижды пришлось зашивать одну и ту же девушку — все никак не могла уgomониться. Когда ее привезли в третий раз, я не выдержал:

— Слушай, а чего ты все предплечья-то режешь? Возьми да по сонной артерии себя бабахни, тогда точно никто не спасет. А то уже третий раз режешься, и все неудачно.

— Я думала об этом, — на полном серьезе ответила самоубийца. — Но если я шею перережу, то в гробу буду некрасивой.

— А какая разница, какой ты в гробу будешь лежать? Тебе ж уже все равно будет.

— Э, не скажите! Тогда Толик, из-за которого я вены режу, увидит меня в гробу красивой и поймет, что зря он с Веркой Краповой связался и меня бросил. Будет тогда всю жизнь жалеть и мучиться!

Ну что тут скажешь? Это не ко мне, это к психотерапевту. Примерно через год я случайно встретил эту девушку на улице — она шла под руку с каким-то парнем и вся светилась от счастья. Не знаю, был ли это внезапно одумавшийся Толик или кто другой, но больше она к нам не попадала.

Часовая стрелка показывала семь утра, через час мое дежурство должно было закончиться. Я сходил в столовую, перекусил, быстренько пробежался по отделениям — все было спокойно. На «скорую» никто больше не обращался. К восьми часам пришла терапевт, я сдал дежурство и засобирился домой.

Глава 4

Новогоднее randеву

Но уйти мне не удалось: привезли шестнадцатилетнюю девушку с сильнейшими болями в животе. Заболело вдруг, около часа назад. Боли были локализованы внизу и в правой подвздошной области. Девушка согнулась пополам и держалась за правый бок. С ней была мама — строгая и уверенная в себе женщина средних лет, убежденная, что у ее дочери острый аппендицит. Я засомневался: слишком бурное начало и чересчур быстро все развивается.

— Сколько болит? Сразу низ живота заболел?

— Да, сразу внизу, причем резко, ни с того ни с сего и около часа назад, — ответила девочка через боль.

Я тщательно осмотрел ее. Живот действительно «острый» (то есть имелась какая-то катастрофа в брюшной полости, ведущая к перитониту — воспалению брюшины с последующим вовлечением в процесс остальных внутренностей, вызванная одним из органов, находящихся в животе), но на аппендицит не тянул, это больше походило на правостороннюю внематочную беременность с продолжающимся кровотечением в свободную брюшную полость.

— А ты половой жизнью живешь? — уточнил я.

— Нет, что вы! — отозвалась девочка.

— Да как вы смеете подобное у моей дочери спрашивать? Кто вам дал право? — вмешалась мамаша.

— Я спрашиваю не из праздного любопытства. Клинически состояние вашей дочери похоже на внематочную беременность, а не на аппендицит.

— Какая внематочная? — ревет дама. — Она в школе учится, в десятом классе! Отличница, на бальные танцы ходит! Какая беременность? Что вы несете?

— Ну, и отличники иногда могут беременеть. Я сейчас приглашу гинеколога, он осмотрит девочку.

— Ни к какому гинекологу мы не пойдем! Позорище! Мою дочь к гинекологу! Если вы исключаете аппендицит, то мы пойдем домой!

— Но ваша дочь может умереть!

— Мы к гинекологу не пойдем, точка! Только через мой труп!

Я понимаю, что время работает против нас: девочка бледная, пульс нитевидный, кровотечение продолжается, мамашу не переубедить. Иду на хитрость:

— Хорошо, будем оперировать с подозрением на острый аппендицит. Вы согласны?

— Мы согласны! Но никакой внематочной! Никаких гинекологов.

Вызвал оперблок, в ассистенты пригласил Бугаеву, гинеколога.

Вошел в живот пациентки — вся брюшная полость была заполнена жидкой кровью и сгустками. Около полутора литров собрали и перелили в вену. [5] Всего девушка около двух литров крови потеряла. Странно, как она еще сама ходила...

Действительно, мы нашли внематочную беременность в правой трубе. Крошечный зародыш порвал маточную трубу, вызвав кровотечение, выпал в живот и плавал там. Я рассмотрел его — крошечный, сантиметра два, но уже с отростками, которые никогда не станут ни руками, ни ногами. Это он, погибая, чуть не убил свою маму.

Зинаида Афанасьевна Бугаева сама практически не оперировала, боялась. Из гинекологов лучше всего резал Александр Петрович Пахомов, но сегодня он не дежурил, поэтому пришлось вызвать Бугаеву.

Под ее руководством я самостоятельно устранил внематочную беременность, удалил правую трубу и яичник. Операция технически оказалась несложной, и в дальнейшем я делал ее уже без гинекологов.

— У вашей дочери оказалась внематочная беременность, с приличной кровопотерей, — объявил я матери девочки, когда вышел из операционной.

— Как же так? Этого не может быть... Она домашняя девочка... — еле выдавила женщина.

На нее было страшно смотреть, она побледнела и вся как-то съежилась, стекла по стенке, сев на корточки.

— Вы из-за своего упрямства могли потерять дочь! — надавил я. — Кровотечение продолжалось! Она чуть не погибла!

— Она же домашняя девочка. Домашняя! — твердила женщина, пропуская мимо ушей мои слова.

Девочка поправилась. Мать не отходила от нее, ухаживала, как могла.

— Что ж ты меня обманула? — спросил я позже у девушки, когда ее матери не было рядом. — Ты же могла погибнуть!

— Вы знаете, у меня было всего один раз, — отозвалась та. — После уроков зашла к однокласснику, и...

— Я понял, не продолжай. Видишь, и одного раза, оказывается, может хватить.

Так я понял, что осматривать и расспрашивать больных в подобных ситуациях надо без родственников. Девушка просто боялась «признаться во грехе» в присутствии своей мамы, которая подавляла ее волю.

Только мы разобрались с девочкой, как подвезли нового клиента. Вениамин Гвоздев, сорокалетний крепыш, начал отмечать Новый год с католического рождества — с 25 декабря. Работал Веня на военном аэродроме и имел доступ к авиационному спирту, который тырил без зазрения совести. Пил и тырил, тырил и пил.

В хирургии есть такое понятие — закон парных случаев: если привезли, например, аппендицит — жди, скоро еще один подвезут. Доставили ущемленную грыжу — не исключено, что еще одна на подходе.

Вот и сейчас: прооперировал одно кровотечение — тут же второе подают.

Веня неделю пил авиационный спирт, последние дни даже не разбавлял. Утром он стал блевать свежей кровью, а когда подняли на отделение, она и вовсе горлом пошла. Продолжающееся желудочно-кишечное кровотечение было налицо и на все, что вокруг лица. Все показания к экстренной операции. Я собрал оперблок [6] на месте, вызвал на помощь заведующего.

— Ну, Дмитрий, давай сам его оперируй, я тебе подскажу и крючки подержу, — сказал Леонтий Михайлович, когда мы вошли в живот и определились с объемом операции.

Причиной кровотечения была огромная язва антрального [7] отдела желудка пациента. Мне предстояло удалить две трети желудка и сшить его с двенадцатиперстной кишкой.

— Так я никогда еще сам таких операций не делал.

— Ну, вот и сделаешь. Надо же когда-то начинать. Я думаю, ты уже созрел для резекции.

Резекция (удаление) желудка — это потолок желудочной хирургии в районе. Своего рода высшая математика. И то, что Ермаков доверил мне выполнять эту операцию самостоятельно, очень мне льстило.

Все прошло хорошо — не так быстро, как хотелось бы, но для первого раза нормально.

вернуться

Реинфузия, переливание пациенту его собственной крови, осуществляется при значительных, угрожающих жизни кровотечениях. Переливается собственная кровь человека, собранная специальным черпачком и пропущенная через восемь слоев марли, так как донорская, несмотря на групповую и резус совместимость, может вызвать аллергическую реакцию, так как содержит чужеродный белок. Главное условие при реинфузии — чтоб не были повреждены полые органы (кишечник, желудок — риск инфицирования крови содержимым этих органов), и чтоб по времени от начала кровотечения прошло меньше шести часов (после этого клетки крови начинают разрушаться).

вернуться

«Собрать оперблок» означает созвать всех специалистов, необходимых для выполнения операции: анестезиолога, операционную сестру, санитарку, сестру-анестезиста, ассистента хирургу.

вернуться

Антральный отдел — это толстостенная часть выходного отдела желудка, которая смешивает и перетирает пищу, затем медленно проталкивает ее в кишечник.

Я очень гордился собой: сам выполнил резекцию желудка! Сам! Я вышел из операционной, сияя, как начищенный самовар.

Заведующий уехал домой, мы с анестезиологом спустились в ординаторскую заполнять документы.

— Дмитрий Андреевич, Иван Григорьевич, больного нет на месте! — влетела в ординаторскую постовая медсестра Люба.

— Какого больного? — переспросил я.

— Гвоздева! Вы его сейчас прооперировали!

— Как нет? И двух часов не прошло после наложения последнего шва. Только экстубировали [8] его.

— Никак нет! Я на третий этаж поднялась к Таньке за физраствором, ну буквально пять минут меня на отделении не было. Прихожу, а его нет!

Мы с Иваном кинулись на второй этаж, в послеоперационную палату. Действительно, кровать была пуста. Мы быстро обежали все палаты, туалет, ванную — пациента нигде не было!

— Может, на улицу убежал? — предположил анестезиолог.

— Там мороз тридцать градусов, и он голый.

— Пойдем посмотрим.

Мы выскочили наружу как были — в халатах и тапочках. Возле двери, на снегу, виднелись четкие отпечатки босых ног. Мы, конечно, пошли по следам, но метров через тридцать они пропали — замело. И мы вдвоем с анестезиологом стояли на ветру, мерзли и думали, что делать: больной сбежал через два часа после операции.

Идущая мимо старушка спросила:

— Ребята, вы не больного ищите?

— Да, да! А вы видели?

— Да вон у нас в подъезде лежит, голый, повязка на животе, — старушка махнула рукой куда-то влево, и мы побежали.

Действительно, в подъезде близстоящей трехэтажки, на полу, в позе эмбриона лежал Веня Гвоздев собственной персоной. Из одежды на нем не было ничего. Наклейку с раны он снял, дренаж из живота вырвал, зонд из желудка удалил.

Мы взяли Веню под руки и потащили в хирургию. Представляю себе, как мы смотрелись со стороны: двое замерзших врачей в белых халатах тащат по сугробам голого человека.

Принесли, бросили на кровать, зафиксировали ремнями. Взгляд у Гвоздева был отсутствующий — пациент явно ничего не соображал. Я не думал, что все обойдется, но Веня выздоровел без осложнений.

Чудеса, да и только! До сих пор, наверное, спирт пьет.

У больного Гвоздева, похоже, развился алкогольный делирий, белая горячка. Довольно распространенное явление среди запойных пьяниц. Операция или травма может свергнуть алкоголика в делирий на неделю.

У одной женщины, с виду вполне приличной, но целую неделю усугубляющей самогон, делирий развился после того, как она сломала кости голени. Представьте себе: палата на третьем этаже. В палате — дама, ее травмированная нижняя конечность бережно уложена на высокую хирургическую раму, именуемую шиной Беллера, сквозь пяточную кость проведена металлическая спица, которая фиксирована дугообразной стальной скобой, подвешенной к обыкновенной гире на шесть кило. И все это гордо называется — скелетное вытяжение. И внезапно дама «ловит белочку» и видит в углу палаты кого-то двухголового, кто собирается ее убить.

Женщина подтянула гирьку, сняла ногу с подставки и так с гирькой в руках на одной ножке допрыгала до окна и хотела уже вниз сигануть. Хорошо, что я в палату зашел. Вот так на подоконнике и поймал ее, с гирькой в руках и неестественно вывернутой сломанной ногой. Еле успокоили и снова вытяжку наложили. Только лошадиная доза успокоительного помогла унять разыгравшийся алкогольный бред.

В дальнейшем пациентам, которые долго сидели на этаноле, я профилактики ради назначал успокаивающие уколы типа реланиума, седуксена. Иногда помогало.

После того как мы дважды спасли Веню, в отделение привезли агрессивно настроенную пьяную бабенку с ножевым ранением в брюшную полость. С ней прибыла группа поддержки в виде пьяных мужа и брата.

Новый год продолжался.

Пьяная троица грязно ругалась, требовала к себе повышенного внимания. У женщины текла кровь, явно были повреждены сосуды внутренних органов, но от операции она категорически отказывалась.

— Послушайте, — устало уговаривал я. — У вас проникающее ранение в живот, кровотечение, необходима экстренная операция. Нужно немедленно госпитализировать вас в хирургическое отделение.

— Доктор, ты так лечи! — заявил пьяный муж.

— Да, сделай какой-нибудь укольчик. Ты же доктор, — вторил ему брат пострадавшей.

Сама раненая лежала на каталке и только мотала головой. «Что ж за день такой, сплошные придурки!» Я дал им полчаса подумать, оставил их в ванной комнате, а сам пошел осмотреть следующую избитую.

Симпатичная деваха лет двадцати, постанывая, лежала на кушетке. Под правым ее глазом красовался большой синяк. С ее слов, любимый мужчина одарил за невнимание, аккурат в ноль-ноль часов, под звон курантов.

Благо, рентген-лаборант в тот момент находилась в больнице — я сделал девице снимок черепа просто потому, что так положено. Это в дальнейшем здорово меня выручило.

На снимке кости были целы, но девушка утверждала, что после удара на несколько минут потеряла сознание. Я выставил ей диагноз «сотрясение головного мозга и ушибы мягких тканей лица» и госпитализировал в стационар.

Уже завели историю болезни, приготовили постель, девушка даже посидела на ней. Но когда я отвлекся на даму с ножевым ранением, девушка с синяком улизнула из больницы.

А через неделю она скончалась у себя дома. На вскрытии обнаружили перелом свода черепа, большую субдуральную [9] гематому. Ушиб головного мозга. Родственники сразу обвинили меня в ее смерти, написали в прокуратуру, собирались подавать в суд.

Они считали, что я отказал в госпитализации пострадавшей с тяжелой черепно-мозговой травмой. Тут меня снимок и выручил: на нем были четко видны целые кости черепа покойной. То есть первого января она не получала той травмы, которая унесла ее в могилу. Следователи дожали любимого погибшей девушки, и выяснили, что он после ее чугунной кочергой по голове стукнул. Да так, что кочерга погнулась, а череп раскололся.

Пока я осматривал избитую, троица в ванной мирно уснула. Не мешкая, мы быстро взяли раненую в операционную. На операции оказалось, что у нее повреждены сосуды брыжейки [10] тонкой кишки, а в брюшной полости плещется пара литров крови. С литр перелили обратно, рану брыжейки зашили, кровотечение остановили. Когда родственники жертвы пришли в себя, ее жизнь была вне опасности.

Проспавшиеся мужики вели себя кротко, извинялись и благодарили меня за свою сестру и

жену. Хмель прошел, вернулся разум.

Стемнело, но новогодняя свистопляска продолжалась.

Я отпустил оперблок и анестезиолога, а сам засел за документацию. Трех прооперировал, а еще ни строчки не написал.

У врача половина времени уходит на заполнение разного рода документов. Как говорится, «пишешь для прокурора», а я еще добавляю: «побольше напишешь — поменьше дадут». Все манипуляции надо записать в истории болезни. Если, не дай бог, что случится, и родственники подадут в суд, главный козырь врача — история болезни или амбулаторная карта. Поэтому все надо писать очень вдумчиво и тщательно.

Заканчивая заполнять последнюю историю болезни, я услышал шум и вышел в коридор. Водитель и фельдшер «скорой» поднимали на носилках очередного пострадавшего. Конечно, я пошел помогать, и пока мы вместе пытались развернуть носилки на нашей узкой лестнице, я успел рассмотреть раненого. Ножевое ранение в грудь, ударили в спину, дыра в шестом межреберье по лопаточной линии слева. Парень лет двадцати, бледный как пельмень, похоже, продолжающееся кровотечение в плевральную полость.

— Это его на дискотеке так, — пояснил фельдшер. — Полчаса назад.

Беру парня в перевязочную, ввожу толстую иглу Дюфо в плевральную полость слева (чтоб убедиться, что в грудной полости есть кровь, и определить при помощи пробы Рувилуа-Грегуара, продолжается ли кровотечение или нет), кровь свежая; кровотечение продолжается. [11] Звоню на «скорую», прошу срочно собрать оперблок. Мне отвечают, что все три машины на вызовах и кто-нибудь подъедет, когда освободится.

вернуться

8

Вытащили из горла трубку для дыхания.

вернуться

9

Головной мозг покрыт тремя оболочками — твердой, паутинной и мягкой. Субдуральное пространство располагается под твердой мозговой оболочкой и над паутинной. Но в клинической практике, при травмах головы, берут во внимание твердую мозговую оболочку (ТМО). Если кровь скопилась выше ее, то такую гематому называют — эпидуральной, если ниже, под ТМО, то субдуральной. Последняя наиболее опасна.

вернуться

10

Брыжейка — связка, подвешивающая и закрепляющая внутренности в полости тела у человека и животных.

вернуться

11

В данном случае доктор Правдин проводит пробу Рувилуа-Грегуара, чтобы понять, остановилось кровотечение или нет. Часть крови, полученной при плевральной пункции больного наливают в пробирку. Если кровь в пробирке свертывается, то кровотечение продолжается (положительная проба Рувилуа-Грегуара). Если не свертывается, то кровотечение прекратилось (отрицательная проба Рувилуа-Грегуара).

Но ведь парень может умереть от кровотечения! И тут мне приходит в голову вариант реинфузии. Мы сажаем парня на кровать, санитарка держит его, чтобы не упал, медсестра ставит периферический катетер в локтевую вену, а я толстой иглой Дюфо вхожу в плевральную полость на стороне ранения.

И понеслось. Двадцатикубовым шприцем я откачивал кровь из плевральной полости, передавал его медсестре. Та вводила кровь в вену, пока я набирал следующий шприц. И так мы провели два часа, пока не приехал оперблок и парня не взяли в операционную.

Эффект от такого переливания спорный: мы вводим кровь в вену, а она из поврежденного сосуда снова изливается в плевральную полость. Понятно, что толку будет мало, если не перекрыть дырку, откуда кровь льется. Но вторым вариантом было сидеть и смотреть, как парень умирает от кровотечения. Может, наши вливания не дали ему погибнуть.

У парня оказалась полностью перебита межреберная артерия. На вдохе она зияла, и кровотечение усиливалось, на выдохе спадалась, кровь бежала слабее. После прошивания места повреждения кровотечение остановилось. Парнишка выжил и в дальнейшем поправился.

Мне уже стало казаться, что я работаю не в провинциальной ЦРБ, а в крупной городской больнице: четвертая операция за день, который и не думает заканчиваться. Работа в хирургии часто идет волнами: то пусто, то густо. То операции одна за другой, то затишье, то снова поток больных.

До полуночи оставалось еще три часа, домой я особо не торопился, чувствовал, что так просто этот день не закончится.

И не ошибся. Привезли мальчика десяти лет с подозрением на острый аппендицит. Я сразу же взял его в операционную. Мне показалось, что мальчик слишком бледный, и бросились в глаза его необычно деформированные колени — распухшие и плохо сгибающиеся. Я еще раз уточнил у матери, чем он болел, и еще раз услышал, что ничем серьезным.

На операции у мальчика началось серьезное кровотечение, причем не из крупных сосудов, а из мелких капилляров, которые обычно не кровоточат. Я попросил анестезиолога ввести кровоостанавливающие препараты и продолжил операцию. Диагноз подтвердился, у мальчика оказался флегмонозный аппендицит: весь червеобразный отросток был пропитан зловонным гноем. Но когда я брал пинцетом купол слепой кишки, на ее оболочке моментально образовывались кровоподтеки от прикосновений. Что за дела?..

Я едва смог закончить операцию: кровоостанавливающие препараты не работали. Не успели мы вывезти мальчика из операционной, как наклейка на ране обильно промокла кровью. Нет, тут точно что-то было не так.

— Мамаша, вспоминайте, у вашего сына были проблемы со свертыванием крови? — спросил я у матери мальчика.

— Как это? — не поняла она вопрос.

— Палец, к примеру, порежет, нос разобьет, кровь после долго бежит.

— А, в этом смысле. Ну да, долго. Мы же у врача на учете стоим в области, который болезнями крови занимается. У Павлика это, как его, ну, цари еще этой болезнью болели?

— Гемофилия?

— Точно, гемофилия! Гемофилия! Нам даже когда зубик гнилой удаляли, то сначала в больницу положили, капельницу неделю капали, а только потом вырвали, и то после кровь целый день шла. Он когда упадет, то у него сразу колени надуваются, кровь в них скапливается. Он с детства такой. А если пальчик порежет, то часов шесть-семь не можем остановить.

— Так что ж вы сразу-то не сказали нам?

— Я думала, это неважно. Вы же сказали — аппендицит, надо срочно оперировать.

— Да, действительно у вашего сына аппендицит, и безусловно оперировать его надо было, но у него проблемы со свертывающей системой крови. При гемофилии кровь не сворачивается. У вашего Павлика просто нет в организме тех клеток, которые заставляют кровь останавливаться. Поэтому ему нужно было ввести специальное лекарство, сделанное из крови человека: криопреципитат.

— Да, я про него знаю, про этот криоцитат.

— Криопреципитат.

— Точно, он! Нам его и вводили, когда зубик вырывали.

— Так вот, у вашего сына до сих пор идет кровь из операционного разреза. Он может умереть от кровотечения. Вы должны были сказать нам про гемофилию.

— Ой, боже-господи! — запричитала мамаша. — А что же теперь делать?

— Теперь надо срочно заказывать это лекарство из области. Искать способ доставить его побыстрее. А если бы мы знали о гемофилии, могли бы заранее его заказать.

— Ох, ну простите меня! Дура я! Дура!

Я не стал дальше слушать причитания нерадивой мамыши, а набрал номер областной станции переливания крови и выцыганил у них криопреципитат, а заодно и кровь той же группы, что была у мальчика.

В те времена еще не было массовых терактов, люди не боялись бесхозных сумок и чемоданов, и можно было спокойно передать сумку-холодильник через проводников поезда.

Через восемь часов кровь и лекарство были у меня в руках. Все это время я был при мальчике. Он потерял много крови, но помочь я ему не мог. Менял набухшие кровью повязки, вводил кровоостанавливающие препараты, держал холод на ране — вот и все.

Я периодически отлучался на «скорую», куда с завидной регулярностью, практически каждые двадцать минут, доставляли то «боли в животе», то перелом, то рваную или резаную рану. Я зашивал, гипсовал, осматривал, а сам думал о мальчишке, ждал криопреципитат.

Когда подвезли лекарство, ребенок был совсем плох; кровь не сворачивалась и по каплям сочилась из разреза. Практически двое суток я провел у постели больного. Лишь когда кровотечение остановилось, и мы восполнили кровопотерю, я облегченно вздохнул.

На календаре значилось третье января, а часы показывали полдень. Тут я только понял, что не спал почти трое суток. В трудный момент организм мобилизует все свои резервы, у человека открывается «второе дыхание», и он делает то, что при обычных условиях вряд ли смог бы. Осознав, что ребенку больше ничто не угрожает, криопреципитат и свежая кровь сделали свое дело, я рухнул на кровать прямо в ординаторской и проспал восемь часов кряду.

Мог бы и больше, но меня разбудила фельдшер — она привезла обожженного.

Пока я спал, фельдшеры «скорой», жалея меня, сами зашили пару человек и загипсовали один перелом лучевой кости в типичном месте. Они понимали, что я не железный, и что мне тоже нужен отдых.

— Я там Ваську Перова привезла из нашей деревни, из Пушкина, он практически весь обгорел.

— Что значит «весь обгорел»? — спросил я, еще толком не проснувшись, протирая глаза.

— Ну, он у нас рецидивист, вечно за драку сидит. Раз пять уже сидел. Сейчас вот снова освобожден, под самый Новый год, пришел домой и никому житья в деревне не дает. Он сегодня пьяный дома спал, его кто-то связал проволокой, облил бензином и поджег.

— Какое изящное решение!

— Не говорите, но вся деревня спокойно вздохнула. Мы потушить его потушили, там уже и дом начал гореть. В общем, он еще живой.

— Вы думаете, он выживет?

— Вряд ли, но у нас же деревня, там его родственников полно, мне там с ними жить. Скажут, что можно было спасти, а я не попыталась. Извините, но пришлось к вам привезти.

— Не извиняйтесь, вы все сделали правильно. Вы же медик! Пойдемте посмотрим.

Существует стопроцентный ожог, но то, что я увидел, можно было обозначить как все 120 %: кроме тела пострадали и дыхательные пути.

Пациента уже подняли на третий этаж и уложили на стол в перевязочную. Пока я поднимался по лестнице и шел по коридору, меня сопровождал тошнотворный запах горелого мяса.

На перевязочном столе лежало то, что еще утром было человеком. Скрюченный полутруп в позе «боксера». При термических повреждениях мышцы-сгибатели преобладают над разгибателями, поэтому человек и принимает такую характерную позу. Весь кожный покров был черным, обугленным, местами видны были обгоревшие мышцы. Вместо ушей и половых органов — кучка пепла. Глаза белые, без зрачков, как у вареной рыбы, и над всем стоит удушливый запах жженого мяса и бензина.

Самое удивительное, что тело дышало и постанывало. Как я мог очистить ожоговую поверхность и наложить повязку? Решил начать с противошоковой терапии и поставить катетер в подключичную вену. Выпрямить полностью обгорелое тело не удалось, пришлось манипулировать как есть. Помогавшую медсестру внезапно вырвало, и я временно остался без помощников.

Игла долго не хотела прокалывать задубевшую кожу. Наконец с десятой попытки мне это удалось, и я, попав в нужное место, установил катетер. Начали инфузионную терапию. Достал справочники и начал рассчитывать объем необходимых вливаний. Пока рассчитывал, больной помер.

Специального помещения для умерших в отделении предусмотрено не было, трупы складывали в служебном туалете на первом этаже, затем, как появлялась возможность, отправляли в морг. Причем в нашем районе своего морга не было. Всех покойников отправляли в соседний район за пятьдесят километров, где располагался морг, рассчитанный на три района.

Позже водитель сказал мне, что морг был забит под завязку, свободных мест и носилок уже не было, поэтому трупы складывали прямо на пол. Хорошо погулял народ на Новый год!

Похоже, новогоднее randevu с больными подошло к концу, наступило хирургическое затишье, и я поехал домой. С прошлого года семью не видел.

Глава 5

Постновогоднее похмелье

Завершились праздничные дни. Четвертого января пора было выходить на работу, в те годы еще не придумали зимних каникул. Все было проще. Первое и второе января — нерабочие дни, а если Новый год выпадает на субботу или воскресенье, то плюс еще день, и все! Труба зовет, вперед на производство!

У меня праздник превратился в трудовые будни. Так толком и не отдохнув, к 8.00 я прибыл в больницу и приступил к работе.

Хвост очереди в поликлинику выходил на улицу, все желающие попасть в тот день на прием к хирургу уже не помещались в просторном коридоре. Обнаружив такое скопление народа под своим кабинетом, я слегка оторопел.

Планерка затянулась, так как после новогодних праздников накопилось много вопросов. После мы с Ермаковым сделали обход отделения, и около десяти часов утра я пошел «умирать» на прием.

В коридоре витал густой запах перегара, потных тел и немых ног. Все это озвучивалось беззловными матюгами и вибрирующим гулом болеющего с похмелья люда.

В кабинете меня уже поджидала фельдшер «скорой помощи» и лежащий на кушетке вонючий организм с черными ногами.

— Дмитрий Андреевич, вот, пациента с гангреной привезла, — начала фельдшер. — Похоже, отморожение, посмотрите какие черные ноги.

— А он сам что, не разговаривает? — я кивнул в сторону организма.

— Нет, он еще от новогодней пьянки не отошел, мычит только.

— Что-то странная какая-то гангрена, — произнес я, внимательно рассматривая черные стопы забулдыги. — А как вы на него вышли?

— Да соседи нашли его. Зашли к нему в дом, увидели — из-под одеяла ноги черные торчат, и нас сразу вызвали, «скорую», а я к вам привезла.

— Скажите честно, а вы его хорошо осмотрели? — спросил я, нащупав пульсацию артерий на тыле «гангренных» стоп.

— По правде сказать, не очень. Увидела, что черные, и сразу в больницу, к хирургу.

— Понятно, а я вам сейчас фокус покажу. Любовь Даниловна, подайте мне шарик со спиртом.

Медсестра подала мне просимое, я провел ватным шариком, смоченным спиртом по стопе — и, о чудо! — на черном появилась белая полоса! Фельдшер даже рот открыла от удивления.

— Вот ваша гангрена! — произнес я. — У этого типа просто носки истлели на ногах и вместе с грязью въелись в кожу. Никакой гангрены нет и в помине.

— И что же мне делать? Куда его девать? — спросила фельдшер.

— А куда хотите. Но в хирургическом лечении он не нуждается. Вы когда смотрели его, стопы трогали?

— Нет, не трогала.

— Побрезговали, значит? Надо было перчатки надеть и потрогать. Стопы теплые, пульсация отчетливая, какая гангрена? Забирайте его! Мне надо прием вести, видели, сколько народу в коридоре?

— Ой, ну куда я его дену?

— Да хоть домой себе забирайте! Научите ноги мыть!

— Доктор, ну правда, может, положите его к себе на отделение?

— И с чем я его положу? С хроническим грязевитом и неумытом? Все, освобождайте кабинет, смотреть надо больных на месте, а не тащить их сразу в стационар.

Фельдшер растолкала забулдыгу и повела его на «скорую». В последующем он «всплыл» в терапии, куда его пристроили с алкогольной интоксикацией.

У нас так: привезти в больницу привезут, а увезти — дудки. Могут за сто километров привезти пациента с болями в животе, а если у того ничего не обнаружат — обратно его уже никто не повезет. Сам добирайся! Так принято.

А бывали и настоящие ловчи́лы: надо по каким-то своим делам до райцентра добраться — так они вызывают «скорую», симулируют боли в животе, еще и плюс группа поддержки с ними в несколько человек в машину садится. Их привозят в больницу, а они просто-напросто сбегают. Сам не раз наблюдал, как привезут такого «больного» и с ним еще человек пять, они выйдут из машины и ну бежать в другую сторону. А как их уличишь?

После грязнонога мы открыли форточку — проветрить помещение, но закрыть ее так и не пришлось. Следующие посетители были немногим не лучше.

Вползает баба лет под сорок с крупным синяком под левым глазом, опираясь на палку, жалуется на боли в коленном суставе. Осматриваю; от ноги исходит тошнотворный запах забродившей мочи. Правое колено замотано грязной мокрой тряпкой.

— Что это? — тыкаю пальцем в тряпку.

— Вот, доктор, упала, коленку зашибла, люди сказали, что детская моча помогает, вот и примотала.

— И как, помогло?

— Да не очень! Болит шибко, ходить не могу.

— Идите, помойте ногу, затем подойдете, посмотрю.

— А где ж я ее помою?

— А где хотите, хоть в туалете. Идите!

Следующим в кабинет бочком проник мятый мужик с синяком под правым глазом, весь провонявший мочой.

— Что, тоже колено ударил и мочу прикладывал?

— Да, доктор. Упал вот давеча, нога болит, люди сказали, что моча помогает. Приложил. А как вы догадались?

— По запаху! Идите, мойте ногу, отмывайте ее от мочи, после подходите.

Когда третья вонючка подряд зашла в мой кабинет, я не выдержал и спросил у нее, у двадцати пятилетней девахи:

— Тоже упала и колено болит?

— Да, а как вы узнали?

— Интуиция! Мочу прикладывала?

— Да, говорят, помогает.

— У тебя устаревшие сведения. Нужно не мочу прикладывать, а кал ребенка, которому не исполнилось еще трех месяцев.

Медсестра удивленно посмотрела на меня и покачала головой. Я, не обращая на нее внимания, продолжил рассказывать про фекалотерапию. Меня так завели эти любители уринотерапии, что остановиться я уже не мог.

На следующий день, когда деваха повторно пришла на прием, от нее исходил такой удушающий запах дерьма, что у меня горло перехватило. Она на самом деле намазала свое травмированное колено детским калом и довольная объявила мне:

— Спасибо, доктор, и вправду помогло. Я уже ногу разгибаю.

— Рад за тебя, — прокашлял я и, глядя на ее счастливое лицо, не стал разубеждать.

— Доктор, вы на полном серьезе ей кал прикладываете посоветовали? — удивилась медсестра, когда я отправил больную мыть ноги.

— Любовь Даниловна, конечно же нет! Пошутил я, и, похоже, неудачно.

— А зачем вы так шутите?

— Да, понимаете, зло взяло. Один с мочой пришел, второй, третий, ну, сколько же можно нюхать их зловоние? Вот не выдержал и брякнул от досады.

— Нельзя так, Дмитрий Андреевич. Вы же доктор, а они больные люди. Вы же человек с высшим образованием, а они неграмотные крестьяне. Нельзя так.

— Да понимаю, что нельзя. Не думал, что они всерьез воспримут. Постараюсь больше так не поступать.

Несколько раз я прерывал прием, чтобы проветрить кабинет, настолько сильный и удушливый запах приносили с собой пациенты после новогодних возлияний. Многие из них едва держались на ногах, до сих пор пребывая в объятиях Бахуса.

Превалировали пострадавшие с ушибами мягких тканей разных частей тела, чаще всего лица. Люди массово маялись похмельем, но упорно сидели в очереди, в надежде получить больничный лист и продолжить праздник. И им было наплевать, что пять дней бытовой травмы не оплачиваются — лишь бы не выгнали с работы.

А гулять у нас умеют! В середине апреля я встретил небрито-нечесаного мужичка, который утром вынес на помойку новогоднюю елку и два мешка пустых бутылок. Весной он понял, что праздник закончился, и пора избавляться от символа наступившего года. Еще один чудила обратился ко мне жарким июньским днем 1996 года.

— Доктор, вы не уделите мне внимание, — сказал он, встретив меня в коридоре больницы.

— А что с вами случилось?

— Вы знаете, я пальчик отморозил.

— Отморозил пальчик? Но как вас угораздило? За окном июнь. Вы его в холодильник засунули?

— Нет, что вы! Я его еще на Новый год отморозил, пьяный был и варежку одну потерял.

Он продемонстрировал первый палец левой кисти, антрацито-черный, полностью мумифицированный до корня.

— А почему сразу не обратились?

— Дак, думал, что пройдет. А он не проходит, не шевелится, и не чувствую его совсем.

— У вас сухая гангрена, — сказал я и, ухватив за больной палец, без видимых усилий отсоединил его от кисти. — Все! Вот ваш пальчик.

— И это все? Даже не больно было, и кровь не бежит, — удивился чудила. — Спасибо, доктор!

Прием подходил к концу, за окном стемнело, часы показывали 16.51. В кабинет, поддерживая здоровой рукой больную, вошел последний посетитель, бледный тщедушный мужчина лет пятидесяти.

— Здравствуйте, доктор, — произнес страдалец, преодолевая боль.

— Добрый вечер! Что с вами?

— Да вот, — пациент продемонстрировал левую руку неестественно мраморного цвета. — Дочка, зараза, утром ножом ударила. Я у ней бутылку самогонки хотел отобрать, пятый день ужю бухает, а она меня ножом саданула.

— Во сколько это случилось?

— Около семи утра, а что?

— А здесь сколько уже сидите?

— Дык это, сразу и пришел.

— А какого черта сидел под дверями и не заходил в кабинет? — сорвался я. — Рука-то мертвая! Похоже, плечевая артерия пересечена, как раз на месте бифуркации.

— На месте чего? — переспросил раненый.

— В том месте, где плечевая артерия делится на локтевую и лучевую. Да неважно. Уже контрактура Фолькмана сформировалась.

— Чего сформировалась?

— Рука, говорю, мертвая! Не спасти руку, поздно уже! Зачем в коридоре весь день просидел? Почему не сказал, что рука болит? Может, и успели бы спасти. Сшили бы артерию, восстановили кровообращение, глядишь, все бы обошлось.

— Не знаю, — мужик дернул плечом и скривился. — Болела, думал, что так и должно быть. Дык щас чаво делать-то?

— А сейчас руку ампутировать надо, больше ничего не предпримешь, поздно.

— Ну, надо — дык ампутируй. А инвалидность точно дадут?

— Так вы тут выжидали, чтоб рука омертвела и ее отрезали? — догадался я. — Чтoб инвалидность дали? Да?

— Моя рука! — завопил мужик. — Что хочу, то и делаю! Отрезай давай, а потом пушай инвалидность дают!

Вот так этот тип решил извлечь выгоду из своего ранения.

Руку ему ампутировали на уровне нижней трети плеча. Инвалидность он получил, дали вторую группу, так как до этого работал дворником и больше метлой махать не мог. Я его потом видел — дово-о-ольного! Еще бы, работать не надо и пенсию дают! Красота! А что руки нет — так не

страшно, она левая, а он правша. Дочку, кстати, посадили, дали восемь лет, все же сделала папку инвалидом.

Была у меня одна пациентка, молодая симпатичная девочка лет двадцати, работала в пекарне. Как-то утром она засунула руку в тестомес, чтоб чего-то там убрать, а напарница возьми и включи агрегат. Девочке раздробило правую кисть. Пришлось ее ампутировать по лучезапястный сустав.

Тоже дали инвалидность, но третью группу, так как числилась она по документам зав. производством. На ВТЭК объяснили, что без кисти она и дальше может заведовать производством, чего там, руководи и подпись ставь. Расписываться можно и левой рукой. А то, что она фактически работала тестомесом, доказать не смогли. Была бы им оформлена — получила бы вторую нерабочую группу, а так только третью дали. Все по закону! Дворник-алкаш, получивший травму в пьяной драке с собственной дочкой, затем сам доведший себя до гангрены, получил вторую нерабочую группу, а девочка-трудяга, лишившаяся кисти на производстве, лишь третью рабочую. Отличный закон!

В деревнях получать пенсию по инвалидности становилось делом престижным: наступали тяжелые времена. Рабочие места сокращались, стали задерживать выплату зарплаты. нас предупредили, что за декабрь мы получим зарплату полностью, а с нового года неизвестно как будет. А пенсии инвалидам не задерживали и в самые трудные годы.

Мне вспоминается больной Гусаров, который по пьяной лавочке получил проникающее ножевое ранение брюшной полости с повреждением толстой кишки. Его привезли через тридцать минут после травмы. Я только закончил ампутировать левую руку дворника-алкоголика. Операционная бригада была на месте, вся в сборе, и ничто не мешало нам спасти очередную непутевую жизнь. Но Гусаров уперся и не согласился на операцию, вопил: «Не дам оперировать, и все тут!» Никакие уговоры на него не действовали.

Шел первый час ночи после изматывающего дневного приема и операций, дар убеждения покинул меня. Я положил больного на койку, взял с него расписку, что он категорически отказывается от операции, назначил консервативное лечение и вскоре отбыл домой.

Утром, протрезвев, Гусаров валялся у меня в ногах и умолял немедленно его прооперировать, так как сильно разболелся живот. Начался перитонит.

В животе обнаружили большое количество каловых масс, вышедших из раны поперечно-ободочной кишки. Других повреждений внутренних органов не было. Если б товарищ Гусаров не валял дурака и мы бы его сразу прооперировали, то, скорей всего, просто зашили бы эту маленькую ранку. А так, на фоне калового перитонита, пришлось сделать двустольную колостому: мы вывели кишку больного через живот. Теперь весь кал поступал в специальный мешочек, подвешенный на веревочках к животу Гусарова. Какать естественным путем он больше не мог.

Эта калечащая операция позволяет спасти жизнь больного, так как на фоне перитонита швы, наложенные на рану, обязательно разойдутся, и придется снова оперировать больного. Чтоб этого избежать, хирурги накладывают колостому. Через полгода, когда воспаление окончательно проходит, врачи делают еще одну операцию — закрывают колостому. Восстанавливается пассаж кала, и человек начинает совершать дефекацию естественным путем.

После выписки Гусарову было предложено явится к нам через полгода и ликвидировать

противоестественный задний проход. Но ни через полгода, ни через год он так и не пришел.

«Всплыл» он только через два года, когда его привезли с очередной пьянки с ушибами мягких тканей лица — собутыльники навалили из-за того, что от Гусарова постоянно воняло дерьмом.

— Гусаров, а почему на операцию к нам не приходишь? — поинтересовался я у него.

— Какую операцию? — переспросил колостомоноситедь.

— Как какую? Колостому закрыть надо, уже два года, поди, прошло. Давно нужно прооперироваться и не вонять.

— Доктор, — криво усмехнулся Гусаров. — А мне если колостому закроют — инвалидность продлят?

— Нет, тогда ты будешь абсолютно здоровым человеком.

— Ну, и какой смысл мне тогда ее закрывать?

— Например, чтобы срать нормально и говном не вонять. Самому разве приятно? Вон даже собутыльники тебя побили за то, что воняет от тебя как от общественного сортира.

— Я привык уже! А по мне, лучше ходить с говном в мешочке, зато с пенсией в кармане. А кореша еще извиняться прибегут, у них-то денег нету, мою же пенсию пропиваем.

— То есть будешь и дальше с колостомой ходить?

— Буду! Сейчас говорят, такие калоприемники появились, на липучках. Их одеваешь, и не воняет. Мне как больному с колостомой тридцать штук в месяц бесплатно полагается. Верно?

— Верно, есть такое постановление, но это если калоприемники есть в больнице и если сельская администрация их оплатит.

— Ну, подождем, ничего! Похожу пока с пакетиком. Зато группу не снимут.

Железная логика — в дерьме, зато на полном пенсионе. Есть на что самогон покупать. И с каждым годом таких Гусаровых становилось все больше и больше.

Уйти домой мне в ту ночь так и не удалось. После Гусарова привезли сразу троих больных, и всех к нам. Первым был некто Порошок с желудочным кровотечением, бледный, пьяный и заторможенный. Последние десять лет он страдал язвой желудка. При осмотре кровотечение продолжалось. Установив зонд в желудок, я получил свежую кровь. Надо было срочно оперировать.

— Не дам вам операцию делать! — пьяно мычал Порошок.

— Как это не дашь? Помрешь! А у тебя, говорят, десять детей! Хочешь их сиротами оставить?

— Не хочу! И не десять, а одиннадцать!

— Тем более надо оперировать!

— Не доверяю я вам! Вызывайте санавиацию! Помру — на вашей совести моя смерть будет!

«Ну что ты будешь делать! — думал я. — Опять очередной выстебывается! Настрогал детишек и пропивает их детские пособия, а ты крутись возле него!» Позвонил в санавиацию — выяснил, что сейчас не летают, нет денег на керосин. Обещали приехать на машине часов через шесть. «Придется ждать, благо кровь нужной группы имеется в наличии», — подумал я, начиная переливание. Параллельно назначаю кровоостанавливающие препараты. Кровотечение хоть и уменьшилось, но все же продолжается.

Восковое лицо Порошка расплывается в улыбке:

- Я верю в вас, доктор, вы не дадите погибнуть отцу одиннадцати детей.
- Послушай, Порошок, не пил бы, и спасать никого не надо было!
- Так праздник был, Новый год! Как не выпить?
- Вообще-то уже пятое января на календаре.
- Так что с того? По-хорошему до четырнадцатого надо праздновать, до старого Нового года.
- А работать не надо?
- Я инвалид третьей группы, по общему заболеванию, мне нельзя работать.
- Остается только пить и детишек заводить, да?
- Да! Больше я ничего и не умею.

Оставив Порошка на попечение медсестры, я отправился к следующей пациентке. Худящая баба месяца три назад выпила по ошибке какую-то дрянь и заработала химический ожог пищевода. За медпомощью не обращалась: и раньше горло обжигала, и все проходило. Но сейчас все было намного серьезней. У нее пошло осложнение в виде стеноза [12] пищевода.

Сперва не проходила твердая пища, затем начались проблемы с жидкой, а со вчерашнего дня перестала проходить и вода. Вернее, самогон. Ведущей жалобой пациентки и была невозможность выпить.

- Доктор, бухнуть не могу! «Синька» не проходит, помощи! — жалобно просила женщина, обдавая меня перегаром.
- А то, что пища не проходит, не волновало?
- Да что мне твоя пища! Я и без закуси бухать могу! Просто вот не лезет со вчерашнего бухло! Помоги!
- Может, пора остановится?
- Ты помоги, а там решим, пора или не пора!

Наш лор, Артур Скороходов, отбыл на учебу. Пришлось звонить в область и консультироваться по телефону с коллегами. В данной ситуации необходимо было бужировать [13] пищевод, это делает только лор-врач. Но больная сейчас весила около тридцати восьми килограмм против тех восьмидесяти, что были у нее до ожога. Лор областной больницы объяснил мне, что пациентку надо вывести из дистрофии, в таком состоянии ее нельзя было оперировать. Необходимо было ее элементарно откормить, а для этого наложить гастростому. Сделать

отверстие в желудке, подшить его к передней брюшной стенке и через специально вставленную трубочку вливать еду. Как нормализуется вес, отправить к ним на бужирование.

Я госпитализировал больную, но, так как эта операция не была экстренной, я наложил гастростому на следующий день. Все прошло замечательно, желудочное соустье работало превосходно, больная сама обучилась вводить пищу через трубочку, и я выписал ее домой, обязав прийти за направлением на бужирование, как только она наберет вес.

Она ушла и пропала. Встретил я ее слегка трезвую года через три возле рынка. Женщина заметно прибавила в весе, на ее лице играл нездоровый румянец, она была одета в длинный засаленный плащ.

— Ну что, съездила на бужирование? Успешно?

— А, доктор, — узнала она меня. — Нет, не ездила.

— А как питаешься?

— А как научили, через трубочку.

— И тебя это устраивает?

— А то! И пенсию по инвалидности получаю, и бухать запросто могу! — с этими словами женщина распахнула свой плащ, под которым не было никакой другой одежды, достала из кармана поллитровку с мутноватой жидкостью, следом — воронку, ловко вставила ее в желудочный свищ и перелила треть содержимого в организм.

— О как! — подивился я.

— Вот! Самогон в организм поступает — и ладушки! Теперь мне операция ни к чему! Могу пить все, что горит, и не блевать!

Интересная пациентка, запоминающаяся: который год живет на разбавленном спирте, и все ей нипочем. Больше наши дороги не пересекались.

Третий страдалец, доставленный «скорой» в ту ночь, был тщедушным бледным юношей лет двадцати пяти. Он тоже «фонил» алкогольными парами.

Двумя часами раньше его жена, дородная бабища, запустила в своего астеничного супруга будильником, крича: «Достал ты меня своим пьянством!» Будильник оказался еще советского производства, его циферблат закрывало обыкновенное стекло.

Им парня и поранило. Губы и щеки в крови, подруга жизни испугалась, вызвала «неотложку» и, подхватив раненого на руки, доставила его в больницу. Вот это любовь!

Осмотрев раны, я не нашел их смертельными. Из щек и верхней губы достал небольшие стеклянные осколки. Осмотрев раневые каналы, зашил повреждения и отправил супругов домой.

Через две недели этот юноша снова обратился ко мне. Его беспокоило инородное тело над верхней губой. Впрыснув новокаин, я извлек из губы еще один стеклянный осколок размером сантиметр на сантиметр. Хорошо обследовав губу и больше ничего подозрительного не заметив, я наложил швы и отправил пациента домой. Каково же было мое удивление, когда он

в третий раз пожаловал с теми же жалобами!

Я понял, что здесь все непросто, и попросил анестезиолога дать наркоз. И под общим обезболиванием извлек из верхней губы пострадавшего еще пять стеклянных осколков размерами от одного до полутора сантиметров!

Моя ошибка заключалась в том, что прежде я работал, обезболив пациента новокаином. Раствор анестетика, раздувая ткани, искажал анатомию губы и мешал определить осколки в межмышечном пространстве. Со временем инородные тела выходили из глубины под кожу, где их нащупывал наш герой. Больше он ко мне не обращался, по-видимому, осколки закончились.

После я проверил Порошка — тот по-прежнему ничего и слышать не хотел об операции в нашей больнице, и завалился спать на диван в ординаторской.

Хирург и эндоскопист санитарной авиации добрались до нас только под утро, через восемь часов с момента вызова. Порошок не отдал богу душу только благодаря вливанию крови. Правда, все, что мы вливали, тут же и выливалось, так что анализы после переливания крови оставались на исходном уровне.

— Да, действительно, кровотечение продолжается из большой каллезной язвы антрального отдела желудка. Просто удивительно, что вы до сих пор не умерли. Надо немедленно оперировать, — заключил эндоскопист после осмотра аппаратом желудка Порошка.

— Здесь я оперироваться не позволю, везите меня в область! — заявил упрямец.

— Мы можем вас не довезти, далеко и дорога плохая. Я заведующий абдоминальным отделением областной больницы, кандидат медицинских наук, специализируюсь на желудочно-кишечных кровотечениях, предлагаю оперироваться здесь, — предложил приезжий хирург.

— Нет! Здесь не дам!

Полчаса уговоров ни к чему не привели, Порошок стоял на своем. Наконец и санавиации стало ясно, что надо везти его в областную больницу. Кровь у них была с собой, так что Порошка с капельницей погрузили в машину и повезли.

Через неделю этот тип повторно поступил в наш стационар. Мне повезло снова оказаться на приеме.

вернуться

12

Стеноз — сужение стенок.

вернуться

13

Бужирование — метод диагностики и лечения, применяемый при заболеваниях полых органов — мочеиспускательного канала, пищевода, прямой кишки, гортани, шейки матки и др. Буж — инструмент в виде гибкого или жесткого (металлического) стержня. Бужирование производится для расширения просвета трубчатого органа. Бужи вводят в полый орган,

постепенно с каждой процедурой увеличивая диаметр бужа. Процедуры могут проводиться в течение нескольких недель, их количество определяет врач индивидуально для каждого пациента.

Когда Порошка наконец доставили в областную больницу, он и там стал выкобениваться. Для начала заявил, что он не доверяет заведующему отделением. Кровотечение продолжалось. Пригласили главного хирурга области, но Порошок не доверился и ему. А кровь все вытекала. Созвали консилиум и пригласили двух профессоров, заведующих кафедрами факультетской и госпитальной хирургий местного мединститута. Порошок потребовал отправки в Москву самолетом.

Намучившись с ним, врачи применили новый тогда метод местного орошения язвы кровоостанавливающими средствами через эндоскоп, заведенный непосредственно в желудок. Нарботок по этой методике еще не было, но кровотечение временно остановилось. Когда восполнили кровопотерю до нормальных показателей, Порошок попросился домой. Никто не стал его задерживать. Дали рекомендации по противоязвенному лечению и отправили домой, не забыв взять расписку об отказе от операции.

Порошок, вернувшись домой, на радостях влил себя пол-литра самогона и с рецидивным кровотечением был доставлен в наш доблестный хирургический стационар. Зонд в желудок, по нему — свежая кровь; значит, кровотечение продолжается.

— А я не доверяю вам. Вызывайте санавиацию, — затынул он старую песню.

Но мне уже было не до его капризов. Шел первый час ночи, двадцатью минутами раньше я закончил удалять острый аппендикс, мне предстояло еще час писать историю болезни. «Хватит, натерпелся от Порошка!» — подумал я, а руки действовали сами. Две весомые оплеухи вбили его в подушку по самые брови — я не ожидал от себя такой прыти.

— Все, сволочь! Мне начхать, доверяешь ты или нет! Сейчас быстро поедешь в операционную и попробуй только пикнуть! Все понял?

— Да, я все понял. Надо — оперируйте, — проблеял Порошок, привыкший, что все с ним сюсюкаются.

Это была моя вторая самостоятельная операция по удалению части желудка, и проходила она без заведующего. Ассистировала гинеколог. Я собрался, сосредоточился и провел операцию на достойном уровне, так как понимал: ошибусь — и ждут меня бо-о-ольшие неприятности.

К счастью и для меня, и для больного, все закончилось хорошо. Порошок поправился. Поначалу он пытался шантажировать меня, заявив, что всем расскажет, как я заставил его согласиться на операцию. Но когда он узнал, что после операции вместо третьей группы инвалидности получит вторую, совсем повеселел и успокоился.

Через пару месяцев подвыпивший Порошок навестил меня. Объявил, что ему таки дали вторую группу, чему он несказанно рад, а посему зла на меня не держит, ябедничать никуда не побежит. И в знак особого расположения он даровал мне презент — бутылку «Агдама» в мятой прошлогодней газете. По его мнению, это был самый лучший напиток.

С выздоровлением Порошка можно спокойно поставить точку в этой главе и перейти к следующей. Да, а «Агдам» я выкинул в мусорный бак, предварительно разбив бутылку, чтобы никто не отравился, выпив сего зелья (очень плохое вино, приготавливают из порошков —

заменителей с добавлением плохо очищенного спирта, весьма высок процент разного рода осложнений, вплоть до летального исхода, среди любителей «Агдама»).

Глава 6

Ветер перемен

Новый, 1996 год прошелся по стране тяжелым катком, ветер перемен докатился и до наших окраин. Работы было много, и мы не следили за страстями, бушевавшими в верхних эшелонах власти. Мы молча делали свое дело — помогали людям и за новогодними праздниками с их последствиями как-то упустили из виду происходившее вокруг.

Первые тревожные симптомы появились в начале февраля: нам сообщили, что нашу зарплату задерживают. Пятого февраля, в день полочки, обрадовали: «Денег на зарплату нет!»

Ни на следующий день, ни через неделю, ни через две денег нам не выдали.

Было много недовольных, кое-кто предложил забастовать, как шахтеры. Но если рабочие и колхозники могут себе позволить такую роскошь, то мы просто не имеем права на это. Как медики могут бастовать?

Привезут, к примеру, больного с перитонитом. А мы ему: «Подожди, дорогой, у нас тут забастовка, пока нам деньги не выплатят, лечить тебя не будем». Так, что ли? А это уже уголовщиной пахнет: неоказание помощи! Можно и реальный срок получить.

Знавал я одного стоматолога, который ехал в поезде и хвастал попутчикам, что он крутой доктор. Внезапно в соседнем вагоне женщина начала рожать. По радио попросили подойти медиков, стоматолог идти отказался, заявив, что он спец по зубам, а не по другому месту. Роды осложнились кровотечением, мать и дитя едва не погибли, повезло, что нашелся военный хирург, ехавший этим поездом в отпуск. Он и остановил кровотечение и спас ребенка и мать.

На стоматолога написали жалобу и подвели под статью. Реального срока не дали, но лишили права заниматься медициной на три года. Никого не волновало, что он зубы лечит. Постоял бы рядом, хоть чем-то помог бы — думаю, итог был бы другим; а раз самоустранился — то это уже неоказание помощи!

Короче, нельзя нам было бастовать. А без зарплаты сидеть — можно. Хорошо, пациенты не давали умереть от голода. Как у Чехова, несли молоко, мясо, сало, птицу, овощи, иногда самогон. Денег у них у самих не водилось, но большинство жили на земле и кормились с нее.

Никогда не забуду, как один благодарный пациент, спасенный от ущемленной паховой грыжи, предложил отблагодарить меня картошкой. Мол, возьмите, доктор, у меня много, урожай был обильный. Я согласился, думая, что мешок картошки здорово нас выручит, назвал пациенту адрес...

Вечером подъехал полный самосвал картофеля.

— Куда мне столько? — изумился я.

— Сколько сможешь — съешь, а остальное продашь на базаре! — смеялся пациент.

Я набрал пять мешков, от остального отказался, не представляя себя в роли торговца картофелем на местном базаре.

Вот так и выживали. Не голодали, но и денег не видели месяцами. Главный врач, чтобы его не привлекли к ответственности за задержку заработной платы, пошел на хитрость: начал отдавать зарплату по частям. Двадцать шестого февраля нам выдали пять процентов от январской полочки. Наверх тут же ушла телефонограмма, что в нашей ЦРБ начали выдавать зарплату за январь, выдали 5 % и на этом успокоились. А конкретные цифры, то есть пять процентов, в отчете не фигурировали. Остатки январской зарплаты получили кто в апреле, кто в мае. (В мае выдали остатки за январь, так по частям и выдавали, задержки были по 6-7 месяцев, кошмар! Стабильная зарплата у нас стала только в XXI веке! Да, так мы там все и жили!)

Самым противным было то, что некоторые наши пациенты стали подавать на больницу в суд. Этот новый способ обогатиться придумали две подружки-поблядушки. Одна из них работала в роддоме санитаркой, другая рожала там пятого ребенка от десятого мужа.

У этой многодетной матери третий и четвертый ребенок появились на свет путем кесарева сечения. Ей не следовало заводить пятого — два рубца на матке, орган мог не выдержать и разорваться. Но, чудом выносив плод, роженица прибыла в больницу.

Вот ведь превратности судьбы! Я знаю многих приличных, но бесплодных людей, которые вынуждены были усыновлять чужих, не в силах родить сами. А шелупонь подзаборная плодится и размножается, пропивая потом детские пособия! Почему так?..

Работал у нас в ту пору замечательный акушер-гинеколог Роман Сидорович Ваулин. Приехал уже маститым доктором, в совершенстве владел всеми видами гинекологических операций. Женщины-гинекологи неохотно шли в операционную, поэтому он приглашал меня ассистировать. Я никогда не отказывался, а с большим удовольствием помогал ему и учился оперативной гинекологии. Это мне в дальнейшем очень помогло. После его увольнения гинекологи просили меня вести их операции — правда, в протоколе писали свои фамилии.

Доктор Ваулин, выполнив третье кесарево, перевязал женщине маточные трубы, чтобы она больше не беременела. Шестой беременности она бы не перенесла. В тех краях, где Ваулин стажировался, это было возведено в рамки закона: третье кесарево — показание к перевязке труб. Больной он этого не сказал, а в протоколе операции в истории болезни, конечно, написал.

Санитарка, подружка новоиспеченной мамы, выкрала историю болезни и сделала копию. По выписке из роддома многодетная мать подала на Ваулина в суд, запросив двести тысяч рублей за моральный ущерб. Она, оказывается, хотела еще детей.

Процесс длился с полгода, гинекологу так и не удалось заверить суд, что четвертое кесарево — абсурд, а при том образе жизни и многочисленных половых связях, которыми грешит потерпевшая, перевязка труб — лучший выход для нее. Суд посчитал иначе, впаял иск в двадцать миллионов рублей старыми, и обязал больницу выплатить деньги в течение двух месяцев.

Главврач Тихий выплачивать деньги из больничной кассы отказался, повесив долг на Романа Сидоровича. Ваулин деньги отдал и, обидевшись, уволился и уехал работать в другой район. Мы остались без оперирующего гинеколога.

Эту историю узнали все: еще бы, врач заплатил пациенту! Беспринципные обыватели возбудились и стали подавать в суд на медиков. Это движение, можно сказать, приобрело массовый характер.

Вызывают на «скорую» в час ночи. На подоконнике, притулившись к косяку, ожидает небритый, пропахший мочой и перегаром мужик неопределенного возраста.

— Что случилось? — спрашиваю у него.

— Ах, доктор, палец болит! — и сует мне под нос бесформенный, распухший, желтоватый палец, покрытый зловонным гноем.

— Сколько уже болит?

— Два месяца! А что?

— Ничего, если не считать, что у тебя пандакилит и надо палец твой ампутировать.

— А что такое «пандакилит»?

— Так, ты время смотрел? Второй час ночи, а мне, между прочим, к восьми на работу. Все! Утром приедешь на прием в поликлинику, я тебе объясню.

— Доктор, да я на вас в суд подам!

— За что, интересно?

— За неоказание помощи.

— Экий ты козел, однако! Два месяца сидел дома, а сейчас приперся в час ночи, и что, думаешь, тут все прыгать вокруг тебя должны?

— Я правда на вас в суд подам!

— Вперед!

В суд мужик не подал. Приплелся дня через два к концу приема. Слезно извинялся и просил избавить от мучений. Я простил его и ампутировал больной палец.

Надя Блинова, сорокалетняя разбитная бабенка, лихо отплясывала в ресторане. Закружилась, упала на мраморный пол и получила трехлодыжечный перелом с подвывихом стопы кнаружи, так называемый перелом Пота-Десто. Осматривал мадам Блинову мой предшественник Боря Вайнберг, он поставил все кости на место и устранил подвывих. Как правило, после таких переломов люди навсегда остаются инвалидами, развивается стойкая деформация голеностопного сустава, он теряет подвижность, нарушается опороспособность конечности. О возможных последствиях пострадавшая была информирована и согласилась лечиться по месту жительства, чтоб не ездить в областной центр к травматологам.

Через два года после травмы, узнав о выигранном процессе против медиков, Надя поняла, что наступил ее звездный час. Где-то она вычитала, что после такого перелома необходимо держать конечность в гипсовой повязке не менее двух с половиной месяцев, а ей выдержали только два.

Собрав необходимые документы, Блинова подала в суд. Процесс длился около двух лет. Борю, который давно переехал, трудился в областной больнице и уже забыл про ЦРБ как страшный сон, разыскали и вызвали в суд.

В суде Боря доказывал, что чем дольше конечность находится в гипсе, тем хуже для пациентки

— усиливается тугоподвижность. Объяснял, что снял гипс раньше, чтобы разрабатывать сустав и уменьшить осложнения. Но его никто не слышал: у судьи не было медицинского образования, а адвокат просто люто ненавидел врачей. Его любимый брат пару месяцев назад, лежа на терапии с алкогольной интоксикацией, поймал «белочку», выпрыгнул в окно с третьего этажа, получил открытую черепно-мозговую травму и скончался на операционном столе, не приходя в сознание.

Адвокат достал кучу справочников по травматологии и цитировал их — «держать конечность в гипсе не менее двух с половиной месяцев». Бороны высказывания он пропускал мимо ушей.

Блинова требовала пятьсот тысяч рублей (по сегодняшнему курсу) за причиненный моральный ущерб. Борьба шла с переменным успехом. Суд привлекал экспертов, процесс затягивался. На предпоследнем заседании адвокат Блиновой заявил, что у Вайнберга нет сертификата травматолога.

— У вас имеется сертификат травматолога? — спросила судья.

— Нет, Ваша честь, только хирурга.

— Почему в таком случае вы взяли на себя смелость лечить эту пациентку?

— В больнице не было травматолога, а у меня был опыт по лечению подобных повреждений. Более того, Блинова сама отказалась ехать к травматологам, а настаивала на том, чтобы лечиться у меня.

— Есть запись в амбулаторной карте, что больная отказалась от поездки в область?

— Не помню.

— Да врет он все, Ваша честь! — подала с места Надя. — Не отправлял он меня, нешто б я не поехала? Говорил, кости хорошо стоят, не надо куда ехать!

— Но это ложь! Чистой воды ложь, Ваша честь! Она сама отказалась ехать!

— Так, все! — грозно вставила судья. — Вы не травматолог, а хирург. Вы должны были оказать экстренную помощь и направить больную к специалисту для дальнейшего лечения. Какие еще вопросы?

Приговор в тот раз не зачитали, а отложили заседание на две недели. По всему выходило, что Боре придется платить. Обычно все требуемые суммы уменьшали в раз десять — значит, доктору Вайнбергу предстояло искать пятьдесят тысяч...

Но в день последнего заседания Надя Блинова получила обширный инфаркт миокарда, от которого и скончалась в больнице через два часа. Видно, перевозбудилась на радостях.

Дело закрыли в связи со смертью потерпевшей. Адвокат со злости напился, так как гонорар ему должны были выдать из Бороных денег, и вечером утонул в местном пруду. Тело нашли только дня через два. Этот случай на некоторое время охладил желающих подавать в суд на медиков.

Находились и такие, кто решал уйти из жизни, не выдержав кризиса страны. Федя Булкин, сорокалетний здоровяк, трудился водителем в автоколонне. Автохозяйство расформировали, и Булкин оказался на улице.

Пропив с неделю, Федя пришел к выводу, что дальнейшее его существование на этом свете бессмысленно, и собрался перейти в мир иной. Прилепил пластырем ко лбу взрыватель от гранаты и подорвал его.

Взрывом мужику разворотило лоб и повредило ткань лобной доли головного мозга, но сам он остался жив. Где Федя взял взрыватель, мы никогда не узнаем, так как после травмы он начисто забыл то, что произошло с ним до взрыва. Наступила ретроградная амнезия.

Привезли Булкина под вечер. Мы немедленно взяли его на операционный стол. Убрал алюминиевые осколки, веером торчащие из мозга, я отчерпал мозговой детрит, [14] кое-как свел кожу, закрывая дыру от взрыва. Как ни странно, послеоперационный период протекал гладко. Рана зажила без нагноения, и Федя стал приходить в норму.

Через месяц Булкин был практически здоровым человеком, но абсолютно не помнил, что было с ним в день травмы, и разучился читать и писать. Взрывом разрушило центры в головном мозге, отвечающие за чтение и письмо.

— Это буква «а», это «бэ», повтори, — я показывал пациенту букварь, пытался научить его читать заново.

— «А», «бэ», — мычал Федя.

— Какая это буква?

— Не знаю, забыл!

— Федя, это «А», это «Б»! Повтори!

— «А»! «Б»!

— Молодец! Теперь сам!

— Забыл!

Федя старался, морщил лоб, потирая свежий рубец, потел, но дело не шло. Глупый самоподрыв навсегда сделал его неграмотным.

Вспышка самоубийств захлестнула район. Виной тому были массовые сокращения и банкротство предприятий. Лишившись единственного источника к существованию, потеряв работу, люди кончали с жизнью.

Одного беднягу три раза вытаскивали из петли и доставляли к нам с интервалом в неделю. Он кричал, что не хочет жить, так как их стройтрест, где он работал каменщиком, развалился и обещанной квартиры теперь не будет, и работы не будет тоже. Каждый раз его откачивали и выписывали домой. Позже нам передали, что четвертый раз был удачным.

вернуться

14

Кашицеобразная размозженная мозговая ткань, содержащая частицы серого и белого вещества мозга, мелкие инородные тела (костные фрагменты, обрывки тканей, головного убора и т. п.), смешанные с кровью.

Наиболее яркий след в моей памяти оставил Гена Зотов. Тридцатилетний киномеханик с закрытием кинотеатра лишился и работы, и жилья. У Гены была койка в общежитии, но он предпочитал ночевать на работе. За одну неделю продали кинотеатр и общагу. В одном здании предприимчивые люди организовали магазин, а в другом — гостиницу.

Гена с неделю искал правды, а потом выпил бутылку водки, облил себя и одежду ацетоном и еще влил ацетон в горло, затем поджег. Акт самосожжения он учинил на центральной площади, чтобы все видели. Прodelал все так быстро, что ему не успели помешать. Очевидцы говорили, что из рта Гены сначала вырвался фонтан пламени, а уж после вспыхнул и сам поджигатель.

Не знаю, как было на самом деле, но только хирургическое отделение неделю воняло ацетоном и жженой человеческой плотью. Умирал киномеханик Зотов долго и мучительно. Мы как могли, старались облегчить его страдания, и он прожил больше суток. Больше суток я наблюдал этот кусок обгорелого мяса, нестерпимо вонявший ацетоном, слушал его крики и не мог сделать ничего — только впрыснуть очередную дозу промедола... [15]

Было еще две социальных беды, так или иначе касавшиеся нашей работы. Первая — это война в Чечне, а вторая — сбор металлолома.

Уже больше года российские войска устанавливали конституционный порядок в северокавказской республике. Больше года во все уголки России доставляли цинковые гробы с телами погибших воинов. Искалеченные душой и телом, выжившие солдаты возвращались в родные места. У многих была здорово подорвана психика.

Прохладным апрельским вечером меня вызвали в отделение: привезли пострадавшего с черепно-мозговой травмой. Молодой парень лет двадцати трех, с залитым кровью лицом, постанывая, лежал на каталке посередине коридора.

Есть такое понятие — перелом свода черепа по типу «целлулоидного мячика». Когда сминаешь шарик для пинг-понга, он начинает мерзко скрипеть. При многочисленных переломах костей свода черепа появляется подобный звук. Кто-то из корифеев от нейрохирургии уловил аналогию.

Свод черепа этого парня напоминал студень и мерзко скрипел. На рентгеновском снимке я увидел больше двадцати дырчатых переломов и массу костных отломков. Позже я узнал, что его так отделал молотком двадцатилетний собутыльник, недавно вернувшийся из Чечни. Как сказал следователь, в Чечне он служил водителем, в боях не был и не имел ни контузий, ни ранений. Просто насмотрелся на то, что там происходит. Итог: одного — на кладбище, другого — за решетку.

Многие парни, вернувшиеся с войны, поначалу вели себя адекватно. Но стоило им напиться, как они превращались в агрессивных идиотов. Вспоминаю молодую женщину, которая выпивала в компании двоих юных воинов. Выпили, закусили, поиграли на гитаре, попели песни про войну, затем парни по очереди трахнули свою собутыльницу, а дальше произошло непонятное. Женщина, не выдержав обильных возлияний, заснула. Ребята обиделись и начали тыкать в нее ножом.

Я, когда ее привезли, насчитал сорок две ножевых раны. Входные отверстия располагались по всему организму. Были повреждены ноги, ягодицы, живот, спина, руки, шея, лицо. Складывалось впечатление, что ее тело использовали как мишень. Метали нож, периодически переворачивая, когда заканчивалось чистое пространство. Удивительно, но самым серьезным

ранением оказалось повреждение тонкого кишечника в двух местах, а другие жизненно важные органы задеты не были.

В другой раз к нам доставили сторожа магазина с рубленой раной шеи. Пьяный мальчишка, дембельнувшийся из Чечни, вломился в магазин и, угрожая сторожу топором, взял с дюжину бутылок водки. Сторож погнался за воров, да споткнулся и упал на дорогу. Злодей вернулся и три раза ударил старика по шее, явно намереваясь отделить его голову от туловища. Но либо сторож удачно увернулся, либо нападающий спьяну промазал — старик остался жив, отделавшись серьезными ранами шеи и большой кровопотерей.

Об этом не принято было говорить. СМИ освещали боевые действия на территории Чечни, а о том, что происходило в России, почему-то умалчивалось, хотя, думаю, любой хирург или травматолог может рассказать много подобных слов.

В то время на экраны хлынули телесериалы. Кому-то было очень надо, чтобы люди сидели у телевизоров, переживая за героев очередного мексиканского или иного «мыла», и не думали о том, что происходит в реальной жизни, в собственной стране.

У меня, в силу специфики работы, не было времени на сериалы.

В 1996 году все ринулись собирать металлолом. Пооткрывались многочисленные пункты приема металла. Особо ценились медь и алюминий. Люди в прямом смысле гибли за металл.

Вспоминая свое пионерское детство, когда школьников, отличившихся при сборе металлолома, под звуки горна и барабанную дробь награждали почетной грамотой, я понимаю, как мы были далеки от сегодняшнего понимания вопроса.

Мы тащили тяжеленные изделия из разного металла и складывали их в кучу на школьном дворе. Чего там только не было: и колена батарей водяного отопления, и скелеты старых велосипедов, и мотки проволоки, и старые ржавые ведра, и бидоны... А однажды, в шестом классе, мы, надрывая пупы, утащили со стройки десятиметровый рельс. Заняли сразу первое место, правда, ненадолго — строители быстро нашли пропажу по следу, оставленному волочившимся рельсом.

Спустя пятнадцать лет оказалось, что за такой же точно металлолом можно получать не только почетные грамоты, но и живые деньги, которых многие граждане не видели месяцами.

Народ начал сходить с ума. Свободно валяющиеся железяки быстро закончились, люди потащили то, что плохо лежало. Размах и фантазия «металлистов» порой не поддавались объяснению. Воровали люки от коллекторов, снимали алюминиевую проволоку с опор электропередач — при этом многих убивало током, но ряды их не редели.

Веня Храпов, двадцатилетний тунеядец и наркоман, и в лучшие годы не баловал себя работой, а тут и вовсе расслабился. Принес пару кило скрученных в соседней школе медных кранов и сразу получил деньги.

Владельцы пунктов по приему металлолома чистоплотностью не отличались. Они ясно видели, что люди несут им добротные, явно ворованные, изделия, но в Китай металл уходил в десять раз дороже, навар получался ого-го какой! Давно пора было прикрыть эту лавочку, но высокие покровители, имеющие свой процент от сделок, закрывали глаза на происходящее.

Однажды Вене не повезло. Заприметив в огороде пенсионера Пахомова новенький четырехведерный бидон из алюминия, Веня дождался, пока хозяин зайдет в дом, перемахнул

через забор и схватил добычу. Лезть обратно через высокий забор с бидоном в руках было сложно, Храпов замешкался и повис на досках. Пахомов выскочил из дома и попытался отбить бидон. Веня к тому времени уже сидел на заборе и тащил бидон к себе, а хозяин к себе. Так они и тянули, матеря друг друга. Наконец пенсионер подхватил валяющийся на земле черенок от лопаты и огрел им Веню по хребту. Мародер бросил добычу и скрылся по ту сторону забора.

Через два дня Веню привезли к нам с продолжающимся внутрибрюшным кровотечением. Пенсионер, ударив злоумышленника по спине, повредил селезенку.

Есть такое понятие, как двухмоментный разрыв. Он применяется к печени, почкам и селезенке. Эти органы покрыты снаружи прочной капсулой, и при определенных условиях она может на какое-то время оставаться целой. Травмирующий фактор, в данном случае — удар палкой, повредил более мягкую паренхиму (внутреннюю субстанцию) органа. Через два дня пьяный Веня упал и повторно ударился спиной о перила в подъезде. Тут капсула лопнула, паренхима еще не успела зажить, и кровь побежала во внутрь живота.

Веню нашли его соседи и доставили в хирургию. Состояние наркомана было крайне тяжелым, кровопотеря была чудовищной — больше трех литров; никому не было понятно, почему Веня еще жив. В довершение у него оказалась самая редкая группа крови, «четвертая», «резус-отрицательная». У нас такой не было. Селезенку мы убрали — ее невозможно зашить, слишком дряблые ткани, а кровопотерю восполнить было нечем.

вернуться

15

Обезболивающее.

Можно было пособирать кровь в животе и выполнить реинфузию, но это было очень рискованно. Если прошло больше шести часов от начала кровотечения, то после реинфузии мог развиваться ДВС-синдром: кровь могла прекратить сворачиваться и начать вытекать из всех щелей, еще хуже, чем при гемофилии.

Не нашлось нужной группы крови и в областном центре. Ее через два дня достали Венины родственники — купили за деньги в военном госпитале. Кровопотерю мы восполнили, но вследствие длительной гипоксии головного мозга [16] Веня, как бы так сказать помягче, остался малость не в себе. Слюней он не пускал, в штаны не какал, но окончательно утратил последние интеллектуальные способности.

После того как Веню лишили селезенки, родственники попытались было подать на Пахомова в суд, но пенсионер написал встречный иск. Пока суд да дело, Вене дали группу инвалидности, назначили пенсию, которая и примирила стороны.

Такие случаи встречались на каждом шагу. Пьяный тракторист приехал к подруге на тракторе «Беларусь», а утром обнаружил вместо машины остатки рамы — все, что можно было свинтить, сняли подчистую.

Между селами Сухой Лог и Воскресеновка пропало сорок километров линий электропередач. Сорок километров алюминиевой проволоки кто-то незаметно снял и отнес в пункт приема металлолома. Пятнадцать деревень и сёл на три месяца остались без электричества. Это же не сорок метров, просто так не увезешь и не спрячешь. Ничего, списали на «боевые» потери и

привезли новую проволоку. Понятное дело, за таким циничным грабежом стоял кто-то из администрации района. И сколько деревень в те годы оставалось без света?..

Ладно проволока — она висит в воздухе, и кажется, что никому не нужна. Как чеховскому злоумышленнику казались бесхозными гайки на рельсах. Но как объяснить похищение памятных бронзовых плит с именами солдат, погибших в Великую Отечественную? Мне как-то привезли из КПЗ мужичка — он ночью, без зазрения совести, скрутил плиты с монумента павших воинов и сдал в металлолом. Милиция быстро вычислила идиота: тряхнули всех скупщиков, они его и сдали. Сокамерники его зверски избили, конечно.

— Ты зачем плиты украл?

— Они из бронзы.

— Но это же память о погибших.

— Но они из бронзы, а мне деньги нужны были.

О чем с таким говорить? Дали ему два года за вандализм, а он освободился — и украл чугунную оградку с кладбища. Можно продолжать бесконечно...

В нашу глухомань любовь к видеофильмам пришла чуть позже, чем в крупные города. Практически в каждой семье появился видеомаягнитофон. Парадокс — жрать было нечего, а видики появлялись. Кроме боевиков и фильмов ужасов народ яростно возлюбил порнуху. И потянулись к нам первые жертвы...

По большей части это были молодые, глупые парни, пытавшиеся при помощи вазелина усовершенствовать свои пенисы — чтобы было как у порноактеров. Для этого под кожу полового члена через небольшой разрез закачивали разогретый вазелин. Затвердевая (вазелин вызывает асептическое воспаление, образуется рубец и капсула, которые довольно твердые, сам вазелин не твердеет, но все пространство вокруг него становится как железо. Несколько раз ломали скальпель, иссекая эту субстанцию!), он придавал «прибору» внушительную форму. Делалось это все без обезболивания и обеззараживания. В лучшем случае парни выпивали перед операцией стакан самогона, а остатками протирали пенис.

В девяноста процентах случаев такие операции заканчивались нагноением; нужно было срочно прочищать член, удаляя вазелин. В остальных десяти процентах ничего не загнивало, но развивалась импотенция.

В тот год не было недели, чтобы к нам не обращался такой вот моделист-конструктор, Пришлось осваивать пластическую урологию.

Операции по очистке выполняются в два этапа. Сначала иссекается вся кожа с члена вместе с вазелином. Дело в том, что это вещество вызывает в тканях сильную воспалительную реакцию с последующим нагноением. Сам вазелин растекается под кожей и затвердевает в виде специфических бугорков, на месте которых образуются незаживающие язвы. Урологи даже придумали новый термин — «олеогранулема», обозначающий введенный вазелин.

После удаления всех воспаленных тканей «скальпированный» член вшивается под кожу мошонки. Через 5–6 месяцев половой член извлекается на свет божий с новой кожей. Одно неудобство: на стволе начинают расти волосы. Существует еще более сложная методика, когда покалеченный орган вшивают в кожу живота, но тут возникают проблемы с мочеиспусканием: струя уходит на живот.

Мужчины стали «усовершенствовать» члены, а женщины — вкалывать себе силикон в разные части тела; и где они только его брали... Пара дамочек обращались ко мне по поводу растекшегося под кожей силикона. Видимо, Некачественный протез подвернулся или, того хуже, самопальный: возьми да и лопни. Зрелище, надо сказать, было специфическим: вместо пары грудей у пострадавших было с десятков маленьких. Но я заморачиваться не стал, а отправил пострадавших к тем, кто их первоначально оперировал.

Появились разного рода магазины, секс-шопы, предлагающие одни устройства, которые можно было засунуть во все естественные отверстия человеческого организма, и другие, в которые можно было впихнуть пенис. А у кого денег не хватало — мастерил самодельные копии.

Инженер К. приехал в наше захолустье в командировку; о цели ее не знаю: когда он попал в хирургию, ему было не до этого. В гостинице, где остановился К., по кабельному телевидению ночью крутили порнофильм. Инженеру не спалось, и, просмотрев начало картины, он сильно возбудился. Заказать проститутку в номер он постеснялся, а может, денег пожалел — не знаю. Мне известно только, что К. попытался трахнуть стеклянный графин. Так его к нам и доставили — с графином на пенисе.

У К. быстро развился отек полового члена (врачи называют это парафимозом), извлечь его пенис без специальной помощи стало невозможно.

Спасли мы инженера и его несчастный орган и диагноз поставили необычный: «Половой член в инородном теле». Я долго думал, как это сформулировать.

Валя Б. и ее сожитель возвращались с центрального рынка к себе домой в деревню Фролово. Уже смеркалось, день удался, они выгодно продали пару-тройку мешков картофеля и ведро молока. На радостях купили литр самогона, который и употребили, не сходя с телеги.

Возле железнодорожного переезда остановились, дожидаясь, пока пройдет поезд и поднимется шлагбаум. То ли эта парочка тоже порнухи насмотрелась, то ли больше им нечем было заняться — в общем, Валя решила сделать милому минет.

В пылу страсти любовники не заметили, как длинные волосы Вали опустились вниз и прилипли к переднему колесу телеги. В разгар действия, громыхая, мелькнул поезд; лошадь испугалась и двинула от переезда. Валины волосы намотались на колесо и слетели вместе со скальпом и обоими ушами. От боли женщина потеряла сознание и вывалилась из телеги. Путейцы подобрали любительницу экстремального секса, оторвали от телеги скальп и доставили все вместе в больницу.

Честно говоря, увидев пострадавшую, я растерялся.

На голове девушки не было ни волос, ни ушей — только голые кости просвечивали сквозь кровь и грязь, и видны были обрубки слуховых проходов. Рядом лежал скальп с обрывками волос и двумя фиолетовыми ушными раковинами. Зрелище то еще, Хичкок отдыхает!

Как назло, наш лор опять отлучился из поселка. «Чего мне с ней делать? Уши, похоже, уже мертвые, но выбрасывать жалко, как же девка будет без ушей?» Звоню в область, обрисовал ситуацию, всех удивил. Мне посоветовали все равно пришить уши обратно — а вдруг приживутся; я взял Валю в перевязочную прямо на каталке.

Девушка была пьяна в усмерть, ни на что не реагировала, только храпела да губами причмокивала.

Я развернул скальп, полный земли и обрывков волос, промыл его под краном обычной водой, сбрил волосы. Было воскресенье, растворы антисептика закончились и пополнить их можно было только утром через аптеку.

Отмытый скальп я поместил в раствор антибиотика и начал мыть череп. Развел марганцовку (хоть какое-то обеззараживание), удалил землю с головы. Когда все было готово, натянул скальп на место, совместил ушные раковины с слуховыми проходами, стараясь не торопиться и работать аккуратно. И начал шить.

вернуться

16

Недостаточное питание тканей кислородом, транспорт которого осуществляется клетками крови.

Медсестра помогала: держала скальп и следила, чтобы все было ровно и симметрично, сама при этом стараясь не сплевать.

Уши тоже надо знать, как пришивать. Хрящ, что внутри расположен, не прошивается, иначе будет гнить. Я шил только кожу, спереди и сзади. Хорошо, на ординатуре видел, как шьют ушные раковины — правда, на операции по устранению лопухости.

Через некоторое время я восстановил целостность кожного покрова головы, Валя стала приходить в себя. Уложив по линии швов резиновые полоски, отрезанные от стерильных медицинских перчаток для оттока воспалительного экссудата, неминуемо сопровождающего такого рода травмы, я стал бинтовать рану.

Валя очнулась и попросила воды. «Жива — и ладно, с ушами посмотрим, что завтра будет».

Закончив операцию, я вышел в коридор — там ходил плохопахнувший пьяный мордovorот с расстегнутой ширинкой и требовал позвать Вальку.

— Что орешь? — начал я. — Тут больница, а не сарай! Чего надо?

— Доктор, позови Вальку, она моя сожительница!

— И что с того?

— Да, лошадь куда-то подевалась! Может, она знает?

— От ты ж сволочь! Тебе лошадь дороже Вальки значит?

— Да что ей сделается! А я как без лошади?

— А ты знаешь, что у нее уши оторвались?

— Ну вы же пришили, так ведь?

— Пришили, только ты шагай отсюда. Протрезвеешь — подойдешь.

— Ну, можно только спрошу?

— Да спит она! Придунок, тебе лошадь дороже человека!

— Баб много, а лошадь я другую где возьму? Ладно. Я завтра приду.

— Давай топай!

Валя на удивление быстро поправилась, уши прижились, раны зажили без воспаления, волосы отрасли, лицо зарумянилось и в день выписки передо мной предстала довольно симпатичная особа.

Пить она бросила, сожителя выгнала — он, кстати, больше в больницу не приходил, — взялась за ум. А вскоре встретила хорошего парня, вышла за него замуж и уехала в другой регион, откуда тот был родом. Перед отъездом зашла ко мне попрощаться и поблагодарить за спасенные уши. Она снова отрастила волосы, и ничто больше не напоминало об ужасной травме.

Как-то в прессе, через пару лет, я встретил сообщение, что индийские хирурги столкнулись с подобной травмой и за десять часов, применив микроскоп и микрохирургическую технику, пришили уши и скальп владельцу, пострадавшему в автокатастрофе.

Глава 7

Ветер перемен крепчает

Прошла зима, пролетела весна, наступило лето 1996 года. Ветер перемен дул не в лучшую сторону. Зарплаты не было с февраля, большинство предприятий закрылось. Процветала организованная преступность. Первое самостоятельное ранение сердца я ушил именно благодаря ей.

В начале июня молодой залетный бандит Коля Вах выехал в наш район, чтоб наладить сбыт гашиша — этим занималась его группировка. Чего-то там он не поделил с местными братками и получил удар заточкой точно в сердце.

Ему повезло дважды: первый раз — когда буквально через пару минут после ранения его подобрала проезжавшая мимо «скорая» и мгновенно доставила в хирургию. Второй раз — потому, что именно в это время я собрался идти в операционную спасти жизнь больного с острым аппендицитом. Операционная была готова, больного только что подали на операционный стол.

Когда Колю по нашим лабиринтам подняли в хирургию, он был мертв. Под левым соском зияла маленькая ранка, не больше пяти миллиметров в диаметре.

— На что труп оперировать? — глядя на Ваха, спросил анестезиолог доктор Рябов. — Медицина, похоже, бессильна.

— Не знаю, пока его везли, он был в сознании, — с жаром сказала сопровождавшая фельдшер. — Вот когда по этой дурацкой лестнице начали поднимать, он и затих.

— Все ясно! Смерть только наступила! У нас есть полчаса! — живо отозвался я. — Иван, срочно интубируй его и давай наркоз, я побежал мыться! С аппендицитом снимайте со стола, пару часов подождет.

— Дима, а есть смысл-то? Что на трупе тренироваться?

— Иван, он еще теплый, не мне тебе говорить! Давай наркоз!

Меньше чем через пять минут я вскрыл грудную клетку, рассек перикард и начал открытый массаж сердца.

— Пульс есть, давление низкое, но определяется, — сообщил анестезиолог.

— Ну что я говорил! — улыбнулся я. — Думаю, спасем бедолагу.

Исследования показали, что те раненые в сердце, которых успели доставить в хирургический стационар, должны жить. Не всякое ранение сердца смертельно. Пострадавшие погибают, если ранящий снаряд повреждает проводящие пути органа, и сердце просто перестает сокращаться. Или если кровь, изливающаяся в сердечную сумку (перикард), переполняет ее — тогда сердце останавливается, не в силах больше работать, наступает так называемая тампонада. Ее чаще всего вызывают небольшие раны, проникающие в полость сердца. Если в перикарде дырка широкая и кровь изливается в свободную грудную полость, тампонада не наступает, и человек какое-то время живет с раной в сердце.

Похоже, в кино про мушкетеров нам показывают одних виртуозов, которые незамедлительно попадают в проводящие пути сердца. Раз — и готово! Гвардеец кардинала мертв! Bravo!

У Коли Ваха заточка пробил переднюю стенку сердца, раневое отверстие было невелико, излившаяся в перикард кровь вызвала тампонаду и остановку сердца. Дырку в сердце я ушил, хотя это тоже было довольно сложно. Сердце сокращалось и билось — а вы попробуйте ушить вибрирующий орган! Да так, чтоб нить шва не захватила собственные сосуды сердца (иначе будет инфаркт), прошла все слои и не попала в полость органа (могут тромбы налипнуть), и затянуть так, чтоб не прорезалось. Вот сколько нюансов! А ошибка убьет человека.

Я был хорошо подготовлен теоретически, видел в ординатуре работу кардиохирургов, поэтому операцию у Ваха провел успешно. На следующий день бандит уже пытался вставать. На второй — начал заигрывать с медсестрами, на третий пытался ухватить их за ягодицы, а на четвертый сбежал, не сказав спасибо. Вроде медсестры видели у больницы каких-то подозрительных типов, интересовавшихся Вахом.

С каждым днем мой опыт растет, и я уже и думать забыл, что приехал сюда на время. Несмотря на всю тяжесть и ответственность, давившую на меня, работа районного хирурга очень мне нравилась.

Стали поступать пациенты, избитые бейсбольными битами. Но когда привезли бомжиху с огнестрельным ранением плеча, я понял, что мир перевернулся.

Оказывается, все помойки в округе были поделены между бичами — так в «Золотом теленке» дети лейтенанта Шмидта поделили территорию страны. И всякий посягнувший на святое получал по заслугам. Организованная преступность дошла и до самого дна нашего общества.

Пострадавшая ранним утром обшаривала контейнер возле рынка в поисках «пушнины» — так бомжи называют стеклотару, — и нарвалась на тех, кто «держал» эту помойку. На первый раз ее побили и изнасиловали, но она не угомонилась и через пару дней повторно наведальась туда. Теперь ее встретили картечью. Заряд самодельной дроби, выпущенный из самопального ружья, пробил кожу бомжихи и застрял в мягких тканях, не достав до кости.

Ранение было не смертельным, но сам факт того, что уже и помойки поделили, а бомжи отстаивают свои интересы с оружием в руках, заставил меня задуматься. Куда мы катимся?

Менялось все, и мне, воспитанному при советской власти, нелегко было приспособливаться к новой жизни. В мегаполисах к этому уже давно привыкли, а здесь все только начинало развиваться.

Очередного бандита привезли сильно пьяным. Крепкий, коротко стриженный, с массивной золотой цепью на шее, со спины он напоминал человека. Пьяного, но человека. А когда я увидел его спереди, то вспомнил анатомический атлас.

Уроженец этих мест, он несколько лет назад уехал в город, поступил на факультет физкультуры и спорта областного пединститута, там вступил в организованную преступную группировку (ОПГ) и дослужился в их рядах до бригадира братков. Сегодня утром он на крутом джипе и с кучей подарков приехал навестить папу с мамой. Похвально, но пить-то зачем? А мужик напился и полез к собаке в конуру — здороваться. А там сидел какой-то двор-терьер, смесь овчарки с крокодилом. И грызнул мужика всей пастью, смяв ему лицо в комок. Друзья-соратнички, приехавшие с пострадавшим, сразу приволокли его к нам.

На столе в перевязочной лежал атлет без лица. Вместо физиономии у него были только лицевые мышцы. «Вот круговые мышцы глаз, вот мышца гордецов, вот круговая мышца рта, вот глазные яблоки, ишь как белки сверкают. Все видно!»

Помню, на занятиях по анатомии, в мединституте, мы с большим трудом препарировали лицо трупа. Дело в том, что мышцы лица — особенные. Все поперечно-полосатые мышцы начинаются на костной основе, на ней же и заканчиваются. А мимические — нет! У них один конец начинается на кости, а другой вплетается в кожный покров лица. Поэтому их и сложно выделить. А тут собака одним укусом выделила все мышцы сразу — чудеса!

Там, где раньше был нос, примостился кожный узелок, оказавшийся лицом. Я приложил его к голове пострадавшего и попытался растянуть, чтобы определиться с дальнейшей тактикой.

Браток ужасно мешал мне. То ли от принятого алкоголя, то ли от эректильной [17] фазы шока, которая характеризуется возбуждением, но он не давал мне работать. Он крутил своей франкенштейновской головой, пытался подмигнуть медсестрам и извергал комплименты негерметичным ртом, из которого постоянно выливались слюни.

Складывалось впечатление, что этот человек пришел в солярий позагорать, а не был доставлен с тяжелой челюстно-лицевой травмой. Никакие уговоры на него не действовали. Лишь когда он в очередной раз крутанулся и лицо упало на пол, до меня дошло: он не знает, что с ним!

— Любовь Даниловна, принесите, пожалуйста, зеркало, да побольше! — попросил я медсестру.

— Зачем зеркало? — прошамкал браток, пуская слюни дырявым ртом.

— Сейчас узнаешь!

— Вы шо, в натуле! Давай шей! Чего там шил!

— Ты не даешь работать! Все время дергаешься.

— Да мне не болно, док! Просто тут у вас такие девшонки щудные!

— На, любуйся, это ты! — сунул ему под нос принесенное зеркало.

— Это я? — выдавил браток и затих.

Надо отдать ему должное, он ни разу не пикнул, хотя я все делал под местным обезболиванием. Давать наркоз было нельзя: он только что поел и мог захлебнуться рвотными массами во время релаксации. Ждать три часа, пока пища уйдет из желудка в кишечник, было некогда: лицо могло омертветь, а от промывания желудка пациент отказался.

Итак, я расправил лицо по ширине и длине. Кое-где не хватало фрагментов — по-видимому, их вырвали собачьи зубы. Я отмыл раны, обколол антибиотиком и наводящими швами подшил лицо на место.

— Все, дальше надо ехать в область в челюстно-лицевую хирургию, здесь нужен специалист узкого профиля, — пояснил я браткам, ожидавшим в коридоре.

— И когда его можно везти?

— Немедленно! Чем быстрее, тем лучше для него, я сделал все, что мог в этих условиях.

— Спасибо, доктор. Мы твои должники.

Больше я их не встречал и не знаю, чем закончилось лечение.

Лет через пять я был на похоронах однокурсника, трагически погибшего в автокатастрофе. На кладбище я увидел ряд гранитных стел с фотографиями в полный рост. По датам жизни и смерти было видно, что те, кому поставлены эти памятники, не дожили и до тридцати. Две фотографии показались мне знакомыми: на одной был человек, который сказал мне тогда спасибо, а второй был с лицом, которое я когда-то пришил на место.

Еще как-то раз к нам привезли молодого парня. Он возвращался домой в райцентр из Фроловки от родителей. По пути подобрал двоих голосовавших на дороге. Те сели сзади и, не доехав километра до поселка, выстрелили водителю в спину прямо через сиденье автомобиля. Раненого выкинули из машины, а сами скрылись в неизвестном направлении (позже милиция нашла сгоревший автомобиль километрах в ста от места происшествия). Раненого привезли к нам. Заряд дроби разворотил ему правую почку и кишечник. Пока собирали операционную бригаду, пострадавший умер, не приходя в сознание.

Вот другая история. Плотник Филиппов почти год трудился на заработках в городе, строил дома богатым людям, а получив расчет, из экономии пробирался домой, в деревню, на попутках. Родным в подарок он вез видеомаягнитофон. До дома оставалось рукой подать — и машина, в которой он ехал, заглохла. Водитель вышел, открыл капот, попросил Филиппова помочь. Плотник тоже вышел из машины — и дальше ничего не помнит: получил по голове и отключился.

Нашли его чисто случайно проезжавшие той же дорогой колхозники. Остановились отлить, зашли в кусты и остолбенели. Земляной холм, который они вознамерились было окропить мочой, внезапно зашевелился и застонал. Колхозники начали копать — и обнаружили Филиппова. С открытой черепно-мозговой травмой его доставили в хирургию. Убийцы не стали добывать жертву, а живьем (!) зарыли в землю. Ленъ было копать могилу глубоко, прикопали работягу так, что он даже не задохнулся.

Филиппов долго болел, но поправился. Соседи по палате скинулись ему на билет до дома, так как все деньги и видик украли разбойники.

У меня много подобных историй...

Старожилы говорили, что такого беспредела прежде не было никогда. Даже после войны, когда у всех осело оружие, не было столько убийств и разбоя. Случались драки, кражи, иногда кто-то по пьянке тонул или разбивался на машине, но убийств не было. А когда на экраны в огромном количестве выплеснулись боевики и «стрелялки», убийства стали нормой жизни.

Практически каждый день можно было услышать о том, как кого-то зарезали или кого-то пристрелили. Львиная доля убийств совершалась кухонными ножами. И дело было не в орудии, а в людях.

В нашем районе есть деревни, где живут переселенцы с Украины, многие приехали еще при царе. Их населенные пункты именовались по названию тех мест, откуда прибыли их предки — Борисполь, Белая Церковь, Виницино и др.

Удивительно, но старшее поколение этих деревень сохранило не только уклад украинских сел начала XX века, но и свой язык. Довольно часто попадались бабушки, которые говорили на чистой мове и не знали русского языка. В паспорте же у них стоял только год рождения — 1921, 1922, 1923... Месяца и дня не было. За семьдесят с лишним лет своей жизни они не выезжали дальше райцентра. Дети рождались регулярно, а регистрировали их, когда время находили, чаще после уборки урожая. А почему числа и месяц не ставили? Не знаю.

Такой островок старой Украины на периферии России! Эти люди сумели сохранить не только язык и культуру, но и нравственность, для них воровство было самым большим преступлением. До развала Союза они не запирали дома. Зачем? Кругом были свои.

При советской власти все были примерно одного достатка. В ботинках типа «прощай, молодость» и кроликовых шапках, я помню, щеголяла вся наша школа. Сейчас, когда общество резко расслоилось и появились олигархи и безработные, изменилось и сознание людей. Мои сверстники в детстве мечтали быть космонавтами; десятилетние дети конца девяностых — бандитами или банкирами.

Я ездил по деревенским школам с медосмотром. Раз в год бригада врачей в составе окулиста, лора, хирурга, гинеколога, педиатра выезжала проводить профилактические осмотры в сельские школы и детсады.

Дети — это зеркало семьи. Осенью 1995 года район еще работал, дети были сытые, ухоженные, в новенькой одежде. Через год большинство школьных столовых закрылось, одежда прохудилась, с бледных лиц детей исчезли улыбки.

Я осматривал детей на предмет грыжи передней брюшной стенки; для этого как минимум нужно было приспустить штаны или колготки. Многие дети смущались, и я не понимал почему. После учителя объяснили, у большинства детей просто не было трусов, и они жутко стеснялись этого факта!

Девочки, у кого уже начались месячные, делали прокладки из застиранных вафельных полотенец, наверное, перешедших к ним по наследству от старших сестер. Гинеколог вздыхала, глядя на эту ветошь.

Денег в колхозах не было. Зарплату выдавали зерном, сеном, комбикормом. Выкрутишься, продашь — будут деньги. А кому продавать, если у соседа то же самое? Вот родители и экономили на трусах, майках и прокладках.

Кроме медосмотров школ, я два раза сидел в военкомате на призывной комиссии, правда, это было уже позже, когда я сам стал заведовать отделением. Помню одного призывника — крепкого, здорового, аж рвущегося в армию. Я ему в деле поставил «А», это значит «годен без ограничений». Все специалисты поставили «А», а психиатр застопорила:

вернуться

17

Начальная фаза травматического шока, характеризующаяся разлитым возбуждением центральной нервной системы, интенсификацией обмена веществ, усилением деятельности некоторых желез внутренней секреции; проявляется речевым и двигательным возбуждением при сохранении сознания, отсутствием критического отношения к своему состоянию и к окружающей обстановке, учащением пульса, повышением артериального давления, учащением дыхания. Эректильная фаза шока развивается в момент травмы и бывает кратковременной, за ней наступает торпидная, характеризующаяся угнетением, торможением нервной системы и резким понижением всех жизненных функций организма.

— У него три класса всего образование, может, он debil? Его обследовать надо!

И военком с ней в унисон:

— Не возьмем мы такого в армию! Там техника, электроника. Куда он с тремя классами?

Тут мамаша парня заскочила в кабинет, типично деревенская хабалка:

— Как это не возьмете? Он здоровый парень! Берите его в армию!

— Да поймите вы, мамаша, не можем его взять, он малограмотный!

— Какой такой малограмотный, его дед два класса закончил и до Берлина дошел! Вся грудь, вона, в орденах!

— Тогда время другое было!

— Ничего не знаю! Мужа у меня нет, а детей трое! Я на этого картошку не заготавливала! Знала, что в армию пойдет, и там на всем готовом будет, продала его долю! Забирайте! У меня все рассчитано! Чем я его кормить буду?

Не знаю, чем там все у них закончилось, так как это был последний день работы призывной комиссии, и я больше в военкомат не ходил, но случай показательный.

Были дети, которые не ходили в школу из-за того, что у них не было одежды, особенно зимней. Да и многие школы позакрывались. Учителя тоже бежали в город. А те, кто оставался, преподавал по несколько предметов. Много ли толку от такой науки?..

В классах сельских школ иногда бывает по 5–6 учеников. РОНО такие учебные заведения прикрывает и переводит в более крупные села, до которых десятки километров. Интернаты закрывали, выделив автобус, чтоб учеников развозить. Но этот четырехколесный гроб на колесиках так часто ломается и простаивает в ремонте, что, если б он был лошадей, его давно бы пристрелили.

Вот и вынуждены дети сидеть дома, наблюдая, как папка с мамкой пьют горькую от безысходности да дерутся друг с другом, и чадам своим не забывая оплеух отвесить. Вырастут такие детишки, возмужают, окрепнут и присоединятся к родителям, да еще поколачивать их станут.

Дети предоставлены сами себе, что им на ум придет, то и вытворяют.

Толя Кудрявцев, тринадцатилетний баловник, рос любознательным мальцом. Воспитанием его никто не занимался, мама пила, папы просто не было. Слонялся Толя по деревне, как среднеазиатский кустарник перекасти-поле, и не знал, куда себя деть.

То ли из озорства, то ли из любопытства, но однажды он залез на остановившийся по каким-то своим непонятным делам электровоз. Если бы Толя ходил в школу, то наверняка бы этого не сделал. В школе бы Толе разъяснили, что это очень опасно, что электровоз питается током, проходящим по проводам. Ничего этого Толя не знал, так как прервал обучение, перейдя в третий класс. Зима задалась холодная, из обуви он вырос, а купить новые валенки было не на что, все денежные пособия, выделяемые на него государством, мама пропускала через печень.

Непонятно, как озорнику удалось залезть на самую крышу локомотива. Неизвестно, какое напряжение было в тот момент в контактной сети, только Толя остался жив. От удара током вспыхнула его одежда, самого мальчика сбросило вниз, в густую траву, росшую вдоль железной дороги. Машинист сбил пламя и делал искусственное дыхание и закрытый массаж сердца до приезда «скорой».

Как-то я на себе испытал воздействие электрического тока. Заехав в новую квартиру, выделенную мне больницей, я не обнаружил в ванной комнате ни одного гвоздя, даже мочалку было не на что повесить. «Что ж я, не мужик?» — подумал я, взял молоток и гвоздь и впендюрил его в стену аккуратно над душем. Через пару часов залез в ванну, намылился, прикоснулся мокрой мочалкой к свежевбитому гвоздю — а меня как шибанет! Я стоял по щиколотку в воде и видел, как синяя дуга, вынырнув из мочалки, прошла сквозь руку, туловище и, охватив ноги фееричным обручем, скрылась в воде, пыхнув напоследок легким дымком. Меня выбросило из ванны, я лбом открыл дверь и, голый и мокрый, шлепнулся на пол. Сердце выскакивало из груди, просясь наружу.

Придя в себя, я оделся и вызвал электрика. Тот долго смеялся, и я тоже, когда понял, из-за чего пострадал. Оказалось, в тот момент, когда я вбивал гвоздь, в доме, среди белого дня, отключили свет — у нас это часто бывает, поэтому и не заметил ошибки, так как пользовался в тот момент естественным освещением. И гвоздь прошел точно между двумя полярными жилами электропроводки, вмурованной в толщу стены. Если бы электричество работало, меня бы стукнуло раньше. Зато теперь я не понаслышке знал об электротравме.

Вернемся к мальчику Толе. Он получил 76 % ожогов второй и третьей степени. Не пострадали голова, пах и ягодицы. Когда я попытался переложить мальчика с носилок на стол перевязочной, то взял за кожаный брючный ремень — тот рассыпался в труху. Три дня мы без сна и отдыха боролись за жизнь пацана. Наконец стало ясно, что нам удалось вывести его из ожогового шока. Тогда мы отправили его санитарной авиацией в отделение термических поражений областной больницы. А мама его так ни разу и не пришла. Заявилась где-то через неделю, благоухая винными парами и сияя смачным синяком под левым глазом. Понять, что она хотела, нам не удалось.

Второй раз я пообщался с ней, когда Толю выписали из больницы: мать пришла выбивать сыну пенсию. Она явилась трезвая и без синяков, Толю иначе как «сыночкой» не называла. За пять

месяцев, что ее ребенок провел в больнице, мать ни разу его не навестила. Но как только речь зашла о пенсии, сразу задвигалась.

Толе повезло, он выжил, хоть и стал инвалидом. У него сохранились кожные контрактуры (неподвижность) плечевых и коленных суставов. В дальнейшем предполагались еще пластические операции по устранению осложнений, но не знаю, были ли они.

Электротравмы непредсказуемы. Человек сразу погибает не от ожогов — это уже потом, а от нарушения ритма сердца. Ток «страхивает» сердечный ритм, и наступает смерть. Если ток пощадил сердце, приходит очередь ожоговой болезни; здесь тоже важно, сколько времени и как электричество воздействовало на ткани.

Юра Хлюпиков помочился на открытую трансформаторную будку среди бела дня, неподалеку от больницы. Конечно же он был нетрезв, видимо, хотел что-то показать собутыльникам, герой. Юру ударило током прямо в пах. Его член вспыхнул ярким пламенем и пеплом ссыпался на землю. Вроде мужские причиндалы далеко от сердца, но у Юры развилась такая фибрилляция [18] сердечной мышцы, которую никак не удавалось прекратить. Мы применяли дефибриллятор (били сердце током, чтобы выровнять ритм), но Юра все равно помер.

В общем, чем дальше в лес, тем толще партизаны.

Свободно лежащий металл скоро иссяк, воровать тоже стало не с руки: хозяева все металлические инструменты и посуду прятали под замок. Даже железные бочки, в которые собиралась дождевая вода, заменили на старые деревянные.

Тут-то ушлые люди и вспомнили про старые воинские склады. Когда-то в этих местах, километрах в 30 от райцентра, располагались склады боеприпасов. Но в 1983 году на этих складах был страшный пожар. Рассказывали, что огонь бушевал с неделю, все это время снаряды, мины и ракеты разрывались и разлетались по округе. Отдельные фрагменты находили в 8-10 километрах от эпицентра. В те годы такие ЧП не афишировали. По-тихому собрали, что на поверхности лежало, воронки засыпали, местным жителям вставили выбитые взрывной волной в домах стекла и как бы похоронили проблему.

Не раз грибники и ягодушки натыкались на остатки ракет и снарядов; попадались и целые, неразорвавшиеся. Но многие годы люди их обходили стороной. А что представляет собой боевой снаряд или мина? Правильно, кусок цветного металла, начиненного взрывчатким веществом.

При грамотном подходе к делу можно извлечь взрывчатку из латунной оболочки без ущерба для здоровья? Наверное, можно, но дюже опасно!

Но не перевелись на земле русской кулибины! Решили проблему, смогли обезвредить старые боеприпасы. Как только сошел снег, и в лесу высохла влага, народ рванул по снаряды. И потекли ручейки бывших смертельно опасных снарядов, обезвреженных деревенскими умельцами, на склады Вторцветмета.

Но видно, кулибины где-то просчитались: стали пополняться и ряды раненых и убитых в морге и хирургическом отделении. Их было много, пациентов с минно-взрывной травмой, но мне часто вспоминаются первые двое, потому что это были дети.

вернуться

Частое неконтролируемое сокращение.

Сереза Б. перешел в восьмой класс. Учился он хорошо, без троек, но обещанный к лету велосипед родители не купили. Отца сократили на работе, и пришлось жить на небольшую зарплату матери, учительницы младших классов. А у Серези еще трое братьев и сестер — прокормиться бы, какой уж тут велосипед.

Отец мальчика вместе со своими безработными друзьями попробовал собирать металл, но все уже давно было подчищено их предшественниками. Набравшись смелости, мужчины стали собирать снаряды. Любопытный подросток тенью ходил за мужиками и высматривал, как они обезвреживают снаряды. Его так никто и не заметил. Посчитав, что всему научился, Сереза отправился за собственными трофеями.

Забегая вперед, скажу, что через пять лет число убитых и покалеченных взрывами превысило все мыслимые пределы. Информация об этом просочилась в газеты, СМИ надавили на Министерство обороны, а те наконец разминировали местность. Насобирали еще 40 тонн боеприпасов и потом дней десять подряд взрывали их в заброшенном карьере. Это сколько еще народу полегло бы?..

Мальчику не пришлось долго искать: боеприпасы буквально валялись под ногами. Первый же предмет, обнаруженный Серезей, взорвался у него в руках: «Маленькая, блестящая железечка! Я ее поковырял отверткой, она и взорвалась».

Никто из нас до этого никогда не сталкивался с минно-взрывной травмой. Да и кто бы мог предположить, что за тысячи километров от ближайшей «горячей точки» у нас будут такие пациенты? Пришлось доставать книги по военно-полевой хирургии. Позже, когда поток таких больных увеличился, я достал специальные монографии по минно-взрывным травмам, написанным после афганской войны. Довольно многое из них мне пригодилось в практике районного хирурга.

Серезе раздробило правую кисть (он был правой рукой). Спасти конечность мы не смогли: кости были раздроблены, мышцы размозжены. У огнестрельных ран, в частности и при минно-взрывных травмах, помимо явно видимого повреждения, образуется зона молекулярного сотрясения. Взрывной волной ткани повреждаются на молекулярном уровне. Они могут омертветь, а могут и не пострадать. Точно сказать, на каком уровне остановилось повреждение, можно лишь спустя несколько дней, а то и недель.

Два дня мы боролись за руку школьника, но чуда не произошло. Началась гангрена. Пришлось ампутировать кисть по лучезапястный сустав. Бедный ребенок, он так хотел велосипед! Кто ответит за его мучения? Почему скупщиков металла не привлекли к ответственности за прием боеприпасов?

Милиция несколько раз проводила облавы, пойманных «металлистов» задерживали. Составляли протокол — и отпускали. Им даже нечем было платить сторублевый (по современному курсу) штраф. Но разве дело в них?

Дней через пять, после ранения Серези, доставили двухлетнего Ваню З. Он вместе с папой пошел в лес смотреть, как его отец, придурок, будет разбирать снаряд. Отец Вани слыл опытным: не один десяток снарядов и мин сдал на металл. Но что-то пошло не так, и снаряд взорвался. Папашу лишь слегка поцарапало осколками, а сыну досталось. Он стоял рядом.

Один осколок пробил левую щеку мальчика и застрял в десне. Он даже не выбил зубы, потому

что те еще просто не успели вырасти. Второй вошел слева в поясницу, задел верхний полюс левой почки, прошел сквозь селезенку и, пробив купол диафрагмы, по пути размозжив нижнюю долю левого легкого, уткнулся в перикард, в полусантиметре от сердца.

Как назло, это было воскресенье, заведующий уехал на рыбалку, и мне самому пришлось принимать тактическое решение. По приказу сверху на такой случай я был обязан вызвать детских хирургов по санавиации. Я позвонил, доложил обстановку, мне ответили, что будут через семь часов. Вертолеты по-прежнему не летали, на машине было по-прежнему далеко.

Такой вариант меня не устроил: поврежденные органы продолжали кровоточить. Мы переливали ребенку кровь, но надо было его зашить. Подумав, что хуже все равно не будет, я решил оперировать сам.

По всем правилам в данной ситуации нужно было оперировать или через три разреза, или через два. Если три, то почку следовало оперировать путем люмботомии (разрез через поясницу), затем выполнить лапаротомию (разрез живота) и убрать селезенку, после перейти на торакотомию (вскрыть грудную клетку) и, резецировав легкое, ушить диафрагму, убрать осколок. Много!

Можно было обойтись двумя доступами: оперировать почку через лапаротомию. Лучше, но тоже многовато для двухлетнего ребенка. К тому времени я уже ознакомился с работами военных хирургов: они предлагали оперировать в подобных ситуациях с одного доступа, через лапаротомию. Это было рискованно, с детьми так еще не поступали. Но и дети не должны гибнуть от боевых повреждений. Я взял скальпель.

Применив чревосечение, я удалил селезенку — почти всю, кроме небольшой неповрежденной части.

Последние исследования в детской хирургии доказывали, что опасно целиком убирать селезенку, как это делали раньше. У детей резко снижается иммунитет. Но если взять и вшить кусочек ткани селезенки в прядь большого сальника или в переднюю брюшную стенку, то через полгода на этом месте вырастет новый орган, и проблема нивелируется.

После я резецировал размозженный участок почки и вошел в легкое через дыру в диафрагме, проделанную осколком — она оказалась довольно приличной, порядка 10 см в диаметре. Так я извлек осколок.

Когда приехали специалисты из области, Ваня уже лежал в палате и хлопал глазами. Поначалу коллеги были страшно недовольны — мол, надо было их дожидаться, это ребенок, а у меня нет специализации по детской хирургии. Я им в пику ответил, что у них нет специализации по военно-полевой хирургии. Они поуспокоились, а когда разобрались, то и похвалили, сказав, что ребенок поправится, а это — главное.

Металлический фрагмент снаряда из Ваниной груди ушел как вещдок в милицейский архив. Дело спустили на тормозах, виновным признали отца мальчика, которому дали три года условно.

Безобразия с бесхозными боеприпасами продолжались. Конец XX века, а страна без Интернета. Сейчас только выложи информацию, мигом и погоны полетят, и головы, и мины волшебным образом исчезнут. А тогда всем на все было наплевать: одни стремились выжить, а другие — наворовать побольше.

Выписывая очередного «металлиста», которому взрывом оторвало левую руку, я спросил его:

- Ну, Семен, битва за металл для тебя закончилась?
- Почему так думаешь?
- Ну, руки нет, значит, сейчас пенсию назначат.
- У меня пятеро детей, прокормишь ты их на эту пенсию?
- Так и вторую можешь потерять.
- Да ладно, сейчас осторожней стану.
- Значит, руку потерял и снова снаряды курочить будешь?
- И буду!

Глава 8

О людях

Время шло. Совсем недавно я приехал работать в ЦРБ — а вот уже и год позади. Зарплату нам по-прежнему не платили, а кормили в основном обещаниями и жалкими процентами от основного оклада. После одиннадцати месяцев работы мне полагался отпуск, но из-за финансовых проблем я решил перенести его на неопределенный срок. Без денег куда уедешь?

Леонтий Михайлович тоже не пошел в отпуск, заявив, что в прошлом году был, и теперь можно года три не отдыхать, а на рыбалку он всегда выберется, так как на меня вполне можно оставить отделение.

Через год работы я заметил, что многие больные лежат у нас не по одному разу. Несколько десятков пациентов с завидным постоянством госпитализировались в наше отделение.

Пашу Дробова, тридцатилетнего тунеядца, систематически поколачивала жена. Раз в квартал он попадал к нам с сотрясением головного мозга и ушибами мягких тканей лица.

Как и другие мужики, он даже не пытался искать работу. И в лучшие времена он оставался на хозяйстве, нянчась с детьми и хлопоча по дому. Работала в их семье жена, и не кем-нибудь, а путевым обходчиком на железной дороге. Пятью ударами кувалды она загоняла в шпалу костыль.

Возможно, Паше доставалось и чаще, но он сей факт скрывал, обращаясь к нам, когда совсем уже немоготу становилось. Похоже, в больнице он просто отдыхал от семейной жизни.

Таких пациентов, регулярно избиваемых своими родственниками, у нас было с избытком. Чаще попадали жены, но встречались и родители, нокаутированные собственными детьми. Их подростки чада отбирали у своих стариков пенсии, а если те по-хорошему не отдавали, то получали в лоб. Немногие родители обращались в милицию — остальные твердили, что упали, почему-то именно в день выдачи пенсии. Таких пациентов мы именовали «груши кухонных боксеров».

Наособицу стояли люди, страдавшие панкреатитом и холециститом. Они обычно обращались к нам по праздникам и сразу после, когда обильные возлияния и чревоугодие обостряли их хроническое заболевание. Скрюченных, их заносили в отделение. Мы ставили им капельницы, делали уколы, они понемногу распрямлялись и выписывались, чтоб вернуться спустя какое-то

время. Иных и оперировали, когда консервативная терапия была бессильна.

Профилактика таких заболеваний относительно проста: соблюдай диету, не ешь острого, жирного, копченого и исключи алкоголь — будешь жить долго и счастливо. Но некоторым людям и жизнь не мила без обжорства.

При наличии камней в желчном пузыре показана плановая операция — холецистэктомия. Болезнь лучше предупредить, чем лечить. Камни в желчном пузыре, в отличие от камней в почках, не растворяются, а с каждым годом становятся все больше, доставляя много хлопот своим владельцам.

На заре хирургии желчного пузыря хирурги пытались удалять камни, оставляя орган, но получали рецидив. Существует множество теорий образования камней в этом органе, но все они неокончательны. По крайней мере, врачи сходятся в одном: если камни есть — желчный пузырь нужно удалить.

Среди деревенских жителей не принято удалять желчный пузырь. Будут терпеть до последнего, корчиться от болей, но как только полегчает — откажутся от операции.

Кроме больных, бывают и симулянты. Их я делил на «сачков» и бездомных. «Сачки» большей частью осаждали меня на приеме в поликлинике. Странное дело: те, кому повезло найти работу, всеми правдами и неправдами старались от нее увильнуть. Жаловались то на резкую боль в ноге — «ой, доктор, вчера упала, так больно!», то на руку — «не могу поднять, так и падает!», то на внезапно выскочившую «шишку», то еще черт знает на что, лишь бы получить больничный.

Окна моего кабинета выходили на дорогу, и мне было видно, как люди выходят из рейсовых автобусов. Вот мордатый парень вприпрыжку выпрыгнул из дверей и, отталкивая старушек, понесся в сторону поликлиники. Спустя десять минут он вползает в кабинет и разыгрывает моноспектакль «Больная нога». Сколько неподдельной скорби и боли в его глазах, как искажается гримасой его лицо, когда я начинаю осматривать «поврежденную» конечность! Если б сам не видел, как он несся на прием, то, наверное, и поверил бы в его болезнь. Таким симулянтам я молча указываю сначала на окно, а затем на дверь. Понятливые уходят сами, остальным приходится помогать.

Бывало, я выписывал липовые больничные, но редко и только когда задерживали зарплату. В наших краях было много охотников, вот они и приходили: «Доктор, выпиши бюллетень на недельку, а мы тебе мяса привезем». Приходилось соглашаться: надо было кормить семью. Но делал я это редко и только для «своих».

«Сачки» же ходили по кругу. Сломает, к примеру, ногу, отсидит положенное на бюллетене, выйдет на работу. Через пару недель приходит — не могу работать, все болит, тянет. И так будет ходить с этой ногой пару лет, пока снова что-нибудь не сломает.

Был один столяр — так вон он буквально не вылезал с больничных. Лет двадцать отработал нормально, а как тяжкие времена наступили, стал выпивать на работе. Его ценили как специалиста и закрывали глаза, а зря. Для начала, работая на пилораме, он отпилил себе первый палец на левой кисти; через полгода — на правой; потом каждый год терял по пальцу. Еще смеялся: «Столяры все беспалые!» Когда у него осталось всего пять пальцев на двух кистях, ему дали инвалидность. Столярничать мужик забросил, стал самогон попивать и рыбу ловить.

Пришел к нам как-то один мужик в кепке. Пригляделся я к нему — кепка больно знакомая,

замшевая, с пипочкой наверху; точно он, электрик!

Недавно мой знакомый терапевт, уезжая из ЦРБ в город, подарил нам с женой почти новую чешскую люстру, сработанную под хрусталь. Я принес ее домой и попытался сам повесить, но из люстры торчало три провода, а из потолка — два. Как совместить три с двумя, я не знал. Жена напомнила про гвоздь в ванной и посоветовала вызвать электрика из ЖЭКа. Так я и поступил.

И пришел этот типус в замшевой кепке.

— Так, так! — многозначительно сказал он, осмотрев фронт работ. — Тут надо крюк менять, чтоб вашу люстру повесить.

— Так там же есть крюк, — удивился я. — Вон из потолка торчит.

— Ну, это крюк для отечественных люстр, а ваша импортная, тут специальный нужен!

— А где его взять?

— Ну, я могу поспрашивать, только сами понимаете, это повлечет за собой кое-какие расходы.

— Понимаем, сколько?

— Ну, это еще не все! — продолжил электрик. — Нужен особый провод, медный, для соединения.

— А провод-то зачем?

— Нужен, чтоб хорошо люстра светила.

— А без него никак?

— Никак! Через неделю сгорит. Ладно, как надумаете, звоните, — закончил мастер «разводки» и протянул мне бумажку. — Позвоните, попросите позвать дядю Лешу.

Лишних денег у нас не было, поэтому люстра оставалась лежать на подоконнике уже вторую неделю. А тут дядя Леша сам пожаловал. Меня он, похоже, сразу не узнал.

— Доктор, — начал дядя Леша жалобным голосом. — Работать не могу! Шишка на руке растет, поднимать тяжело, а я электриком работаю.

— Ясно! — осмотрев симулянта, сказал я. — У вас страшное заболевание, липома плеча! Нужна немедленная операция!

— Что за липома такая?

— Ну, в народе жировик называется. Это опухоль, она может в любой момент переродиться в раковую, — конечно, это была полная ерунда. — Без операции никак! Пока метастазов нет, надо оперировать!

— Резать, что ли?

— Свиной режут, а людей оперируют.

— А что для этого надо?

— Ну, тут особый наркоз нужен, импортные препараты, другие не помогут.

— А наши что, не годятся?

— Нет! Только импортные! И нитки специальные нужны, у меня сейчас нет, но я спрошу, но сами понимаете, — я ему подмигнул и продолжил: — Очень накладно. Как надумаете, через недельку приходите.

— Доктор, это у вас я люстру чешскую смотрел на днях? — наконец узнал меня прохвост.

— У меня, а что, я сильно изменился с тех пор?

— Нет, не изменились! От как же я вас сразу не узнал? Вы ее еще не повесили?

— Не повесил.

— Хорошо, у вас дома кто-то сейчас есть?

Вечером, я когда вернулся с работы, жена сияла.

— Представляешь, пришел этот, в кепке. Повесил люстру, причем на старый крюк, денег не взял и еще извинился за задержку.

— Ну, а что ты удивляешься, может, у человека совесть проснулась.

К сожалению, не у всех она просыпается.

Мастер нефтебазы Занозов в пьяном угаре вывалился с балкона своей квартиры, расположенной на пятом этаже. Упал на клумбу с цветами, остался жив, но сломал бедро. До падения он долго куражился, орал матерные песни, цеплялся к прохожим, в общем, весь поселок видел, что он, мягко говоря, нетрезв.

Когда его привезли, то в историю болезни я записал, помимо основного диагноза, и алкогольное опьянение. Два месяца Занозов провисел на скелетном вытяжении, еще три проходил в гипсе. А работа отказалась оплачивать ему больничный из-за алкогольного опьянения. Жена его работала у нас в больнице медсестрой в физиокабинете и нашла свидетельниц из числа своих подружек, которые подтвердили, что муженек ее при поступлении был трезв, а я, гад такой, из вредности опорочил его честное имя.

Мадам Занозова написала жалобу в область, и меня вызвали на комиссию, где сидело двенадцать очень суровых человек. Они спросили меня, делал ли я Занозову анализ крови на алкоголь. Я ответил, что нет, так как Занозов был очевидно пьян. Члены комиссии решили, что раз нет документов, свидетельствующих о наличии алкоголя в крови Занозова, — значит, он был трезв, и постановили мне выплатить пострадавшему компенсацию в размере той суммы, что он не получил якобы по моей вине. Я приуныл: и так денег не платят, так еще и какому-то мурлу должен. Чета Занозовых распустила хвост и всячески поливала меня грязью.

Я решил не сдаваться и обратиться в суд. Но есть на свете справедливость, и в этой истории ее олицетворяет директор нефтебазы Виталий Львович Новиков.

Узнав о произошедшем, Виталий Львович громогласно заявил:

— Да мне насрать на вашу комиссию! Я сам видел, как этот пьяный мудака выпал с балкона. Никаких ему денег!

Новиков показал инженеру фигу и перевел его на подсобное хозяйство пасти свиней. Была на нефтебазе такая форма наказания: нерадивых работников директор переводил в свинарник, кого на месяц, а кого и поболее. А куда деваться? Работы в округе не было, а на нефтебазе платили хорошие деньги.

Директор лично заехал ко мне, пожал руку и сказал, что «если эти еще что-то затеют против, чтоб сразу мне звонил. Я этого инженеришку сгною тогда на свинарнике».

Больше Занозовы с меня денег не требовали. Мадам Занозова от нас ушла. Когда увольнялась, пришла в темных очках, скрывая синяки, полученные от мужа, — тот шибко осерчал, когда вместо легких денег получил тяжелую работу.

Занозов еще набрался наглости и попытался перейти в разряд «сачков»: несколько раз приходил на прием и жаловался на больную ногу, пытаясь «откосить» от свинарника. Но я каждый раз объявлял его годным к общению с хрюшками.

Последняя категория ложных больных — бездомные. Они норовили лечь в больницу и пожить у нас какое-то время. Может, в советские времена это как-то и прокатывало, и в первые годы развала Союза тоже. Но в девяносто шестом году стали повсеместно внедрять страховую медицину. А кто будет платить за бездомных, у которых нет ни полиса, ни паспорта? Местная администрация выделяла средства на обслуживание таких пациентов, но это были копейки.

Доходило до абсурда. Один мой приятель работал хирургом в соседнем районе в железнодорожной больнице, так он рассказывал, что в их больницу часто привозят бомжей только потому, что те спят на рельсах, или валяются в локомотивном депо, либо просто лежат неподалеку от станции.

Говорят, существовал какой-то спецприказ, по которому человека, найденного ближе чем в двухстах метрах от железной дороги, обязаны были доставить в железнодорожную больницу. Этим зачастую пользовались ребята со «скорой помощи»: если находили на улице человека, облеванного, в моче и кале, а рядом проходила железная дорога, то просто подтаскивали на 150 метров к полотну и звонили в железнодорожную «скорую»: «Заберите, ваш!»

Коллеги в долгу не оставались: если находили кого у самой магистрали, то оттаскивали метров на триста в сторону и звонили в городскую «скорую»: «Забирайте, тут ваш, далеко от путей лежит».

Практические врачи меня поймут: бомжи — это крест всех больниц, их много и никто за них не платит, и деть их некуда. Все на одно лицо, от всех один запах, на всех одна форма одежды, мозги уничтожены этанолом. Работать не хотят, воруют, попрошайничают.

Я пытался несколько раз куда-то пристроить наиболее смысленных бомжей: в дом инвалидов, в монастыри, в фермерские хозяйства. Но результат был всегда один и тот же: через два-три месяца, подкормившись, они снова начинали пить и уходили с насиженных мест. Дух бродяжничества, помноженный на алкоголизм, уже вьелся в их костный мозг. Я помню только одного человека, который покончил с бродяжничеством, бросил пить и стал приносить людям пользу.

Звали его Николай Иванович, лет ему было 70, и он шел к Тихому океану. С его слов, у него была жена и двое детей, а проживал он когда-то в городе Холм-Жирковский, что в Смоленской

области.

Лет пятнадцать назад он разругался с женой и, обидевшись, ушел куда глаза глядят. Сначала — на север, в Архангельск и Вологду, потом — на юг, в Кубань, Ставрополье, Кавказ. Хотел Николай Иванович осесть в Москве, но там своих бомжей хватало; и подался он к Тихому океану, мечте своего далекого детства.

И все это на своих двоих! По дороге помогал людям — а он был и слесарь, и электрик, и сантехник, работал за еду да крышу над головой. И вот на излете зимы он добрался до наших мест. От долгого путешествия у него открылись трофические язвы нижних конечностей, и с продолжающимся кровотечением Николая Ивановича доставили к нам.

Жизнь мы ему спасли, но идти дальше он не мог: при сильной нагрузке на ноги шла кровь. Язвы возникли из-за варикозного расширения вен на ногах. Я уговорил Николая Ивановича прооперироваться, и он разрешил, но только одну ногу. Вторую не дал, хотя страдали обе. Операция прошла успешно, язва на правой ноге закрылась, а на левой продолжала процветать.

Пока Николай Иванович лежал у нас, он починил все краны и прочистил всю канализацию, восстановил всю электропроводку, отремонтировал стиральные машинки в прачечной, три года стоявшие сломанными. Главный врач не мог на него нахвалиться. Я предложил взять Николая Ивановича в штат больницы, оформив сантехником, и попросил выхлопотать ему койку в общежитии.

Тихий поначалу сомневался, но когда Николай Иванович голыми руками устранил засор в терапевтическом отделении, отчерпав голыми руками из унитазов все говно и тряпки, что там скопились, главврач сдался. Три дня лучшие сантехники района пытались пробить засор, затем сдались и заявили, что прочистить невозможно, надо разбирать всю канализационную систему. А Николай Иванович доказал, что лучший все же он.

Главный врач выбил ему койку в общежитии бывшей швейной фабрики, выделил в подвале комнату под мастерскую, где Николай Иванович, собственно говоря, и жил. И паспорт главврач ему выправил — хотя это было самое трудное, пришлось послать запрос на родину героя.

И словами «стал он жить-поживать да добра наживать» можно закончить рассказ о возвращении бомжа Николая Ивановича к нормальной жизни. Но в том-то вся и соль, что нормальным он не был. Правильней сказать, он был паранормальным.

Он ничего о себе не рассказывал. Он обладал потрясающими знаниями в области техники. Он мог починить автомобиль отремонтировать сложный дыхательный аппарат в операционной и электроотсос. Однажды он без всякой документации починил рентгеновский аппарат.

Он все знал и все умел. С его приходом в больнице прекратились поломки и протечки.

В его мастерской царил идеальный порядок. Все прокладки, гаечки, винтики и прочие мелкие детальки лежали в специальном шкафу на полочках, каждая на своем месте, горизонтальные поверхности были идеально чистыми, а кровать была аккуратно заправлена солдатским одеялом.

Николай Иванович сам смастерил сверлильный и токарный станки, выпросив по организациям изношенное оборудование, и вдохнул в них вторую жизнь. Вскоре вся округа знала его, и люди шли к нему за помощью. Кому надо было запаять кастрюлю, кому починить утюг или телевизор... Николай Иванович помогал всем, и абсолютно бесплатно. Люди предлагали ему деньги, но он всякий раз отказывался.

При всех своих положительных качествах Николай Иванович был редкостным грязнулей. Он не любил мыться, бриться, стричь ногти и волосы. Ходил в каком-то вонючем рубище. На ногах и зимой, и летом носил резиновые чулки от армейского защитного костюма, кроме того, смастерил электрогрелку, примотал ее к оставшейся трофической язве и периодически включал, как он говорил, «подогрев».

Со стороны Николай Иванович выглядел странно: он ходил, чуть сгорбившись, на носу очки, на ногах чулки, на теле — грязнейшая хламида, а сзади, как хвост, болтался провод с вилкой от «подогрева».

Николай Иванович мог зайти ко мне в кабинет, совершенно не обращая внимания на полураздетого пациента, подходил к розетке и, подключив электрогрелку, многозначительно произносил:

- Андреич, «подогрев» закончился, сейчас заряджусь и пойду. Ох, язва болит!
- Николай Иваныч, не майся дурью, ты же квасишь язву свою, ее нельзя греть!
- Не, с «подогревом» не болит!

Переубедить его было бесполезно! «Подогрев», и все тут!

А в какой-то момент он увлекся уринотерапией. Какая-то сволочь подарила ему книгу о целебных свойствах мочи. Все! Теперь к вони немытого тела и гниющей язвы добавился запах мочи. Когда Николай Иванович входил в помещение, сначала чувствовалась отталкивающая вонь, а уж после появлялся ее носитель. Ходил он медленно, поэтому запахи всегда опережали его. Я даже подумал, что понимаю его жену и что тоже не смог бы жить в одном доме с Николем Ивановичем.

Как-то раз во время утренней планерки, где присутствовали и санитарки, куда-то исчезла вся утренняя моча, сданная больными для анализов. Санитарочка поставила лоток с банками перед входом в ординаторскую, ушла, вернулась — нет его. Что за чудеса? Через пять минут нарисовался Николай Иванович с пустым лотком.

- Что, потеряли? — спросил он весело. — Нате лоток!
- Николай Иваныч, ты мочу свистнул? — спросил я.
- Не свистнул, а одолжил.
- Но зачем? Скажи, пожалуйста, зачем тебе моча пациентов? Тебе своей не хватает?
- Ничего страшного, эти еще нассут! А мне нужна была моча разных людей. Вот схема, смотри, — он начал тыкать мне в лицо свою книжицу, дыша свежевывпитой уриной.
- Ты что, выпил ее? — ужаснулся я.
- Да, выпил! Вот же схема!

Я прочитал ему мини-лекцию на тему «моча — это шлаки, выводимые организмом наружу, так зачем пихать в себя уже отработанный материал?», но все было тщетно, Николай Иванович по-прежнему пил мочу, и у него даже появились последователи.

В моей голове не укладывалось, как он мог быть таким разным. Добрый отзывчивый человек,

готовый безвозмездно прийти на помощь любому, кто попросит, и ужасный упрямец, не желающий мыться и лечиться. Великолепный специалист, разбирающийся в механике и электронике, верящий шарлатанам, пропагандирующим уринотерапию. Идеальный порядок в его мастерской никак не вязался с его внешним видом. А когда я увидел его паранормальные способности...

У меня дома сломалась стиральная машинка, я попросил Николая Ивановича посмотреть ее.

Придя ко мне, он с ходу принялся за ремонт бытовой техники. Минут через пять я заглянул в ванную — и оторопел: Николай Иванович чинил машинку, не выключив ее из сети! Знакомые синие искорки бегали по его рукам. А он словно не замечал.

— Николай Иванович, ты же не вытащил шнур из розетки! Тебя током ударит!

— Знаю! Я специально не выключил, мне так видно, где цепь прерывается.

— А ток?

— А что мне ток! Смотри! — с этими словами Николай Иванович всунул в розетку электровилку с двумя оголенными проводами на конце. Голыми руками он взял провода и поднес их друг к другу. Раздался хлопок, и к потолку поднялось маленькое белое облачко. Я вздрогнул, а Николай Иванович положил оба провода на высунутый язык, а затем быстро запихнул в рот. Сверкнула вспышка, и из ротовой щели повалил дым. Он высунул язык, продемонстрировав, что все в порядке.

— И что, тебе не больно? — выдавил я.

— Нет, я даже не чувствую. Когда восемьсот вольт — начинает чуть покалывать. А так мой потолок — две тыщи вольт!

Позже я повнимательней пригляделся к Николаю Ивановичу. Действительно, он никогда не выключал из сети ремонтируемый электроприбор. Так под напряжением и работал.

В милиции я узнал адрес, где проживала семья мастера, написал им и попросил приехать. Месяца через три приехали жена с сыном. Оказалось, что у нашего Николая Ивановича два высших технических образования, он все время пропадал на работе. А когда стал «чудить», они с женой крепко поругались, и он в чем был вышел из дома и пропал.

Николай Иванович поначалу был сильно недоволен тем, что я нашел его родственников, но потом подуспокоился и пообщался с ними. Уезжать категорически отказался. Сумасшедшим я б его не назвал, просто чудиком.

Встречались и откровенные проходимцы. Если о Николае Ивановиче можно вспомнить много хорошего, то о Боре Вайнберге — только то, что он жулик.

В конце августа 1996 года к нам за помощью обратился небритый мужчина средних лет с явно семитской внешностью. Заявил, что он врач-нейрохирург из Хабаровска, отстал от поезда, где остались все документы и вещи. Выглядело это убедительно, так как человек, назвавшийся Вайнбергом, был обут в домашние тапочки, трико и пижаму, документов при себе не имел. Он сыпал медицинскими терминами, называл известных профессоров, утверждал, что знаком с ними, и мы потеряли бдительность.

Боря сообщил, что его несколько раз рвало кровью, что, похоже, у него синдром Мэллори-

Вейса [19] и что дальше ехать опасно. Попросил полечить его, а сам обещал позвонить своим друзьям, чтобы те подвезли документы и одежду. Я доложил Тихому о необычном пациенте, тот сначала не поверил, но, когда лично поговорил с Вайнбергом, размяк и дал добро на госпитализацию без документов.

В отделении лжелейрохирург развил бурную деятельность. Старшей сестре пообещал прооперировать ее мать, страдающую глаукомой, в клинике Федорова в Москве, по благу. Заведующему «подарил» новый нейрохирургический набор, который уже якобы выслали, нужно было только дождаться поезда, везущего инструменты из Владивостока. Меня собирався взять с собой в Хабаровск за красной икрой (я сдуру закупил десять килограммов соли).

Лечили Борю абсолютно бесплатно и самыми дорогими препаратами. В один прекрасный день, когда поезд «Владивосток — Москва» по срокам подвозил наше оборудование, Вайнберг исчез. А вместе с ним испарилась добротная одежда пациента Воробьева и некая сумма денег из сейфа медсестры, сданная больными на хранение.

Мы все были в шоке! Он так убедительно, а главное, правильно разговаривал на медицинском языке, что казался настоящим врачом! Мы с Леонтием Михайловичем все же съездили на вокзал и встретили нужный поезд, нашли нужный вагон, но проводники только покрутили пальцем у виска?

Вот так жулик облапошил целый коллектив, сыграл на нашей профессиональной жалости. И не Борей он оказался, а каким-то Абрамом, настоящим мошенником: ездил на поездах и дурил народ. Где-то в наших краях его пассажиры прищучили, пришлось уходить от погони в одном белье. А у нас он «залег на дно». Мне потом один следователь про него рассказал, фото принес. А медицинских терминов Боря в тюремной больничке набрался, где работал санитаром, пока срок отбывал.

Самое смешное, что через месяц мы чуть не наступили второй раз на те же грабли!

К нам привезли худого невымытого типа, найденного на дороге пьяным и с разбитой головой без никаких документов. Голову зашили, начали лечить сотрясение головного мозга. Мужик очнулся, сказал, что был здесь проездом, что его побили попутчики: «Позвоню, родственники подвезут, в соседнем районе живу». Мы сообщили в милицию, дознаватель записал его рассказ, на этом и успокоились.

Дня через два Васек — так назвался пострадавший — развил бурную деятельность по ремонту часов, обещая починить любые сломанные. Поначалу ему не поверили и принесли на пробу старые часы, валявшиеся в кабинете старшей медсестры уж года три как. Васек попросил перочинный нож, иголку и немного чистого бензина. Выдали требуемое, и началось настоящее шоу.

Васек ножом открыл часы, капнул в них бензина, дунул, ткнул пару раз иголкой в механизм — и свершилось чудо! Часы пошли! Вскоре у его прикроватной тумбочки выросла целая гора часов. Слава о гениальном чудо-мастере моментально разнеслась по больнице.

У каждого в доме валялась пара сломанных часов, их относили Ваську, и он в два счета реанимировал сложный механизм. Не знаю, как это у него удавалось, но часы и вправду шли. Открыл, капнул бензин, дунул, ткнул иголкой — вуаля!

Его перевели в лучшую палату, в столовой выдавали добавку... Васек округлился, и из худосочного бича превратился в розовощекого пузана.

— Дима, а ты не замечал, что этот Васек слишком часто сидит в процедурном, болтая с сестрами? — как-то раз спросил Леонтий Михайлович.

— Вы тоже подметили?

— Да. Мне показалось, что он равнодушен к сейфу, все исподтишка пялится на него.

— Леонтий Михайлович, что-то мы расслабились и быстро забыли про Вайнберга.

— Ты прав, попрошу начальника милиции, пусть его еще раз допросят. Подозрительный тип.

Мы разговаривали в ординаторской, дверь была приоткрыта, и мне почудилось, что нас подслушивают. Я кинулся к двери и увидел поспешно удаляющегося Васька. Похоже, он слышал наш разговор.

Минут через десять я поднялся в отделение и хотел объясниться с часовщиком, но его нигде не было видно, так в пижаме и тапочках и драпанул из больницы.

вернуться

19

Поверхностные разрывы слизистой оболочки брюшного отдела пищевода и кардиального отдела желудка при повторяющейся рвоте, сопровождающиеся кровотечением.

Мы сообщили в милицию, но поиски ничего не дали, Васек пропал. Интересно, что с его исчезновением все отремонтированные им часы остановились и больше не работали.

Не знаю, как за рубежом, но в наших медвузах учат лечить болезнь, а не работать с человеком. Прекрасно усвоив теоретическую часть программы и получив пятерки на экзамене, на практике молодые врачи заходят в тупик. Здесь сама жизнь начинает экзаменовать их. Некоторые не выдерживают и уходят из медицины из-за сложных характеров своих пациентов. Пока выработается иммунитет, который все остальные называют цинизмом, можно и неврастеником стать.

Я считаю, что будущим врачам нужно как можно больше знать о психологии своих пациентов. Нужно, чтобы преподаватели не идеализировали людей, с которыми выпускникам придется работать. Лучше учиться на чужих ошибках, чем на своих. А может, кто-то из студентов поймет, что медицина — не его стезя, и уступит место другому. Сколько я видел таких примеров, когда человек отработал медсестрой, санитаром и мог бы стать отличным врачом, но на вступительном экзамене ему не хватило баллов. А другой поступил в медвуз и блестяще его закончил, но, поработав, разочаровался в медицине и ушел из нее.

Глава 9

О взаимоотношениях

После развала СССР наша жизнь очень изменилась, причем далеко не во всем — к лучшему.

Мой дедушка, родившийся в 1894 году и доживший до 96 лет, много рассказывал о жизни крестьян еще при царском режиме.

Времена тогда были довольно суровые, электричество отсутствовало, дома отапливали дровами, углем, хозяйство вели натуральное. Деньги у крестьян появлялись, только когда они продавали излишки на базаре или если работали на местных богатеях. Образование у многих не уходило дальше двух классов церковно-приходской школы, четыре класса были потолком. Люди верили в Бога, соблюдали посты и отмечали церковные праздники, крестили детей. В нашем современном понимании были темными и неграмотными, но простыми в общении и без камней за пазухой.

Например, поругались две соседки. Повод — свинья одной напакостила у другой в огороде.

Что, думаете, тетки подрались? Свинью прирезали? В суд подали? Нет! Вышли бабы на берег реки, задрали сарафаны — а исподнее тогда только баре носили, — нагнувшись, повернулись друг к другу задницами и давай ругаться. Это у них, значит, дуэль такая. Кто первый сдастся, тот и неправ. А кругом болельщики, улюлюкают, баб поддерживают.

Дело было летом, в самую страду. Вскоре все болельщики разошлись по своим делам, а тетки стояли и продолжали костерить друг друга.

Темнеть начало — стоят. Тут муж одной из спорщиц прибежал: «Клава, давай, хватит уже, я не могу с малым управиться, тот орет, сиську просит, шла бы покормила, а я б за тебя постоял». Ну, дети — это святое. Клава ушла младенца кормить, а мужик штаны снял, нагнул и направил свой зад на соседку.

— Клава, ты чего замолчала? Здаешси? — спросила хозяйка свиньи, услышав, что за последние пять минут та ни звука не издала.

— Мэа! — промычал муж, понимая, что он ну никак не Клава.

— Ну и дура ты, Клавка, и муж у тебя недотепа, забор не может починить! Свинья же животное глупое, завсегда в дырку лезет! — продолжила оппонентка.

— Мэа!

— Что ты все мычишь? Язык проглотила? — и с этими словами тетка обернулась.

В вечернем полумраке четко разглядеть соперницу не удалось, вырисовывался лишь силуэт белеющих ягодиц и что-то висевшее между ними. Приглядевшись еще раз, тетка сорвалась на крик:

— Ой, люди добрые! У Клавки кишки вылезли! Помогите! Дохтура надо!

Здоровенную мошонку соседа глупая баба в темноте приняла за кишки. Смеху было!

А соседки что ж? Помирились.

В советские времена в суд обращались редко, все решали на партийных и комсомольских собраниях. Собирались все в клубе и обсуждали, кто, что, с кем, зачем и как вообще посмел. Личной жизни, приватности просто не существовало. Детей-шалунов «пропесочивали» на совете пионерской дружины. Вызов родителей к директору школы реально позорил их. Людям было дело до всего, чем занимаются их соседи; умами властвовали понятия «так принято» и «так не принято» — вместо современных «так удобнее» и «всем подходит разное».

В наше время нравы другие. Меняется общественное сознание, и некоторые вещи мне совсем

не нравятся.

Семидесятилетний пенсионер Семен Митрофанович Прокофьев поливал помидоры на своем участке. Внезапно он увидел, как соседские ребяташки, великовозрастные второгодники братья Михайловы, Лешка и Димка, трясут его яблоню, сбивая несозревшие плоды.

Митрофаныч закричал на них и, схватив хворостину, ринулся на воров. Может, в другие времена ребята испугались бы и убежали. Но не сейчас. Ухмыляясь, они подождали, пока дед приблизится; младший, Лешка, подставил пенсионеру подножку, а старший, Димка, врезал по голове упавшего его же собственной тяткой. Они перешагнули через поверженного гражданина Прокофьева и, весело смеясь и пожирая зеленые яблоки, отправились по своим делам.

Все это видели малолетние внуки Семена, игравшие неподалеку; они и позвали старших, а те привезли пострадавшего к нам.

Вдавленный перелом в проекции верхнего сагиттального синуса с глубоким внедрением костного отломка в вещество головного мозга — таким был наш вердикт после краниографии (рентгена черепа). Пенсионера немедленно взяли в операционную. Сделали трепанацию черепа, обнажили головной мозг и торчащий осколок, начали извлекать — и тут открылось сильнейшее кровотечение. Синус — это крупная вена треугольной формы, не спадается, так как «вмурована» в окружающие ткани и не имеет клапанов. При ранении его можно только ушить, все остальные приемы остановки венозного кровотечения — перевязка, тампонада, неэффективны.

С большим трудом удалось закрыть дыру в этом чертовом синусе — пришлось вшивать заплату, взятую из мышечной фасции. Оперировал Леонтий Михайлович, я ассистировал.

Главное правило ассистента хирурга: «Не можешь помочь — не мешай!» А я очень даже помогал, я своим пальцем затыкал дырку в синусе, из которого хлестала темная кровь, пока Ермаков перехватывал иглу с ниткой, чтобы наложить стежок.

Вены — штука очень тонкая, они легко рвутся. Нужно великолепно чувствовать ткани и в достаточной степени владеть мануальной техникой, чтобы зашить венозную стенку. Хирургия — это в первую очередь мастерство, а хирург — это мастер, который работает руками, от его техники зависит жизнь больного.

Заведующий был виртуозным хирургом, и очередная жизнь была спасена. Пенсионер Прокофьев выздоровел, но остался инвалидом. На всю жизнь остались парализованными правая рука и нога; ходить он мог, но подволакивал больную ногу.

А братья Михайловы в силу малолетства получили по два года спецПТУ. Правда, старший, Димка, привыкший распускать руки, вышел из «спецухи» и на второй день свободы прирезал собутыльника в пьяной драке. Димке дали уже «червонец», и он пошел на зону по-взрослому.

Младший, Лешка, пропал через полгода после окончания ПТУ. Через год в лесу нашли скелет неизвестного, без головы, в истлевшей куртке с инициалами Михайлова-младшего на подкладке. Дорогостоящую экспертизу проводить не стали, записали как Лешку и отдали родственникам. Те хоронить отказались и из морга забирать не стали. Безголовый скелет похоронили за счет государства.

Стоял теплый сентябрьский вечер, была суббота, я только что вправил вывих плечевого сустава и в приподнятом настроении возвращался домой на «скорой». Почти подъехав к дому,

услышал по радиации, что в деревне Белоногово двое с ножевым ранением, нужна помощь. Деревня была в пяти километрах от райцентра, фельдшер предложила прокатиться и посмотреть что к чему.

Водитель изменил маршрут, прибавил газу, и через несколько минут мы были на месте.

Точный адрес не указали, но по скоплению зевак возле одного из дворов на центральной улице стало ясно, что мы на правильном пути. Увидев нас, сельчане замахали руками.

— Похоже, здесь, — сказал водитель, останавливаясь рядом с толпой.

Мы с фельдшером вышли из машины.

— Не ходите туда! — закричала женщина, что стояла ближе всех к нам. — Там Мишка Сохатый, убийца!

— Что Мишка? — не понял я.

— Мишка там Сохатый, он убил их, — начал объяснять небритый мужик в мятом пиджаке. — Он уже 15 лет отсидел за убийство, вот только весной выпустили! Опять за свое принялся! Катьку и Петьку Ващековых порешил!

— Так он что, там? С убитыми? — догадалась фельдшер.

— Да, там! — подтвердил мятый. — Когда он их резал, те так орали, полдеревни сбежалось!

— А почему вы его не обезвредили? — спросил я.

— Так мы милицию вызвали! Милицию и «скорую»!

— Значит, вы слушали, как их там резали, и ждали милицию, да? — Я обвел глазами толпу, у многих в руках были колья, но в глазах стоял страх.

— Мы милицию вызвали, — повторил небритый, отводя глаза.

— Ладно, пойду посмотрю, чего там. Дайте чемоданчик.

— Доктор, не ходите, давайте милицию подождем! — предложила фельдшер.

— Во, во! — поддакнула ближняя женщина. — Сами одни не ходите, Сохатый убийца! Ему человека убить раз плюнуть! Его все мужики вона боятся!

— Пойду посмотрю! — упрямо повторил я. — Может, кто живой еще! Когда эта милиция приедет?

Перехватив чемоданчик у фельдшера, я быстрыми шагами направился к дому. Толпа загудела как растревоженный улей.

— Доктор, осторожней, у него нож! — донеслось до меня.

Я отворил калитку и очутился в небольшом дворе.

В углу, в луже крови, валялась мертвая собака. В центре громоздился большой бревенчатый дом с огромной верандой. Тишина. Я поднялся по лестнице. У входа, скрючившись, лежал

молодой мужчина. На белой майке, под левым соском алело большое пятно. Пульса не было. Я перешагнул труп. В двух метрах от мужчины распростерлась красивая женщина лет тридцати. Я присел возле нее и осмотрел. Идентичная рана — под левой грудью, на розовой блузке кровавый знак, но пульс был, хоть и слабый. «Жива! Видимо, ее пышные перси смягчили удар».

— Э, а ты кто? — услышал я пьяный голос у себя за спиной.

В метре от меня за столом сидел здоровенный пьяный мужик в синей рубашке. Руки и открытая волосатая грудь синели от татуировок. При желании он легко мог дотянуться до меня. Странно, что я его сразу не заметил. В руках амбала блестел длинный охотничий нож, которым он неспешно нарезал кровяную колбасу. На столе стояла початая бутылка водки и граненый стакан. Похоже, именно этим ножом мужик бил чету Ващековых.

— Я хирург, вызвали меня, — ответил я настолько спокойным голосом, что и сам удивился своему бесстрашию.

— А-а-а, — многозначительно протянул убийца. — Хирург! Уважаю! Хошь водки, лепила?

— Нет, не хочу. Это ты их?

— Я!

— А за чем?

— За дело!

— И женщину за дело?

— И ее тоже. Давай хлопнем! Водка настоящая, а то все самогон да самогон.

— Нет, женщина еще жива, ей нужно срочно в больницу!

— Смотри, не привалил сразу, ща добыю! — громила схватился за нож и начал подниматься со стула.

— Не надо! — крикнул я. — Зачем тебе, добыешь — пожизненное дадут.

— Так и так посадят, я же рецидэ!

— Ну, может, пожизненное не дадут?

— Да? — уголовник почесал лоб и сел на место. — Может, ты и прав, забирай ее.

Я выскочил наружу и крикнул:

— Эй, кто-нибудь! Помогите, женщина еще жива, нужно отнести ее в машину.

— А Мишки там нет? — спросил мятый пиджак, боязливо выглядывая из-за забора.

— Тута я! — подал голос рецидивист и, выдохнув, перелил в себя стакан водки. — Что земля зассал? Иди, помоги хирургу, больше никого не трону!

— Слушай, — обратился я к Сохатому. — Мишка, зайди в дом, тебя народ боится.

— А то! Гы-гы-гы!

— Ну, зайди, мне одному не с руки ее тащить!

Мишка налил еще водки, крикнул, закусил колбасой и вошел в дом. В ту же секунду из калитки ко мне бросилось человек пять добровольцев. Я указал на женщину, они подняли ее и понесли к «скорой».

— Ух! — крикнул Сохатый, высываясь из-за двери. — Ух! Я вам сейчас! Гы-гы-гы!

— Все! — сказал я. — Бывай, Сохатый!

— Бывай, док! А ты смелый парень! А ежели б я тебя ножичком пырнул, что тогда?

— А за что? Я тебе вроде ничего плохого не сделал?

— Ну да! Не сделал! Ладно, иди, спасай Катюку!

— Доктор, я так за вас испугалась! — произнесла фельдшер, когда я сел в машину. — Хорошо, что все обошлось! Люди говорят, этот Сохатый полный отморозок! Как вы его только не испугались?

— Да и сам не знаю. Соединитесь по рации с больницей, пусть срочно собирают оперблок, у нее, похоже, ранение сердца.

Когда мы выезжали из деревни, навстречу шла милицейская машина. «Это ж сколько пришлось бы их ждать?» — подумал я.

Женщину спасли. Действительно оказалось ранение сердца. Нож, пробив небольшую молочную железу, повредил перикард и ранил сердце по касательной. Отверстие в сердечной сумке было достаточное, поэтому тампонада не наступила, вся кровь истекала в грудную полость. Опоздай мы на полчаса — женщина погибла бы от кровотечения. А так все обошлось: сердце зашили, кровопотерю восполнили — жить будет!

Как потом оказалось, супруги Ващековы держали большое хозяйство: и огород, и магазинчик. У них водились деньги, не ахти какие, но, по меркам голодной деревни, приличные. Сохатый жил по соседству, занял у них как-то триста рублей (на современные деньги) и забыл отдать. А сегодня пришел попросить водки — самогон надоел. Хозяин поначалу не захотел давать, напомнив про долг. Мишка разозлился и убил ни в чем не повинную собаку. Тогда Катя, испугавшись, принесла водку, чтобы Мишка ушел. А муж ее начал выговаривать уголовнику... И пал.

Сохатый понял, что снова пойдет в тюрьму, и стал куражиться. В бега не подался, а сел за стол и принялся поминать покойников в их же доме и их же водкой.

Я видел Сохатого в зале суда, когда выступал свидетелем. Убийца был абсолютно спокоен, чувствовалось, что он ни капельки не раскаивается в содеянном. Он даже улыбнулся и подмигнул, узнав меня.

Присудили ему 20 лет лагерей (хотя прокурор просил пожизненное): все-таки учли, что Катя осталась жива.

Вот такие типы стали попадаться все чаще. А чему удивляться, если в деревнях даже

участковых милиционеров нет, все разбежались. Вот заведется такой сохатый, и вся деревня от него стонет, пока или он сам кого-нибудь не убьет и не сядет, или кто-нибудь из своих его не приговорит.

Леонид Шаров, 30 лет от роду, работать не желал принципиально, он слыл философом. Где-то Леня читал, что древнегреческий философ Диоген жил в бочке и пренебрегал всеми человеческими благами. Говорят, что, когда завоеватель Александр Македонский добрался до тех мест и предложил Диогену все чудеса и сокровища мира, знаменитый философ попросил его только об одном:

— Отойди и не загораживай мне солнце!

Леня считал, что в нем есть нечто от Диогена. Не знаю, как с этим было у древнего грека, а философ местного разлива Шаров любил и пожрать, и самогона выпить. Выпьет, пожрет и лежит на печи, философствует. Славно!

Да только выпивка и еда на дороге не валяются. Его мать получала пенсию по старости и по инвалидности — да много ли положено бывшей доярке? А отец давно умер.

Мамка по хозяйству хлопотала, еле передвигая разбитые ревматизмом ноги, а Леня — философствовал сутки напролет. Все бы ничего, да запросы у парня возросли. Умственный труд, он калорий много расходует, пополнять надо, а как? Пенсия не резиновая. И придумал Леня тогда одалживаться у соседа своего, Егорыча, но так, чтоб тот не знал.

Егорыч в свое время преподавал в школе физкультуру и начальную военную подготовку, затем разочаровался в педагогике и ушел на вольные хлеба. Понабрал кредитов и занялся фермерством. Пока у него ничего не получалось, он ходил мрачный и раздражался на все. А тут начал примечать: то кролик пропал, то курица, то дрова из поленицы испарились. Сел он ночью в засаду — и поймал Леню Шарова. Поймал, да и отсек ему руку топором. Натурально, вырубил ударом в челюсть, затем подтащил обмякшего философа к чурке, хотел сперва ему голову отрубить, да передумал, а положил Ленину руку — левую — и вдарил по ней топором.

— За что, Егорыч? — взвыл Шаров.

— А за воровство, паскудник!

— Ты же меня с детства знаешь, в школе еще физкультуру вел!

— Плохо видно учил, надо тебе башку было отсечь. Еще раз сунешься, точно убью!

Руку пришить не удалось: озверевший фермер бросил отрубленную конечность собакам. В итоге философу дали третью группу инвалидности и назначили пенсию — теперь он мог на законных основаниях сидеть на печи и размышлять о том, что первично, бытие или сознание. Егорычу впаяли пять лет.

Ладно, это соседи, всякое может случиться, но родственники!

Обратилась на прием женщина, еще не старая. Сжимает разбитую голову исцарапанными руками. Меж пальцев струится темная кровь. Любимый сынок в очередной раз приложил родительницу чугунной сковородкой. Я взял пострадавшую в перевязочную, во время первичной хирургической обработки раны насчитал более сорока старых рубцов на коже головы.

— Уважаемая, — спрашиваю у пациентки. — Кто так по голове сильно бил? Сынок?

— Сынок, — отвечает.

— И что ж вы в милицию не обращались?

— Так его же посадят!

— И пусть! Он же изверг! Убьет когда-нибудь!

— Нет, доктор. Вадюша у меня хороший, он только когда выпьет, то ничего не соображает.

— А пьет, поди, каждый день?

— Нет, что вы! Бывает и по два, а то и по три дня трезвый! Он хороший!

Проломил все-таки «хороший Вадюша» мамане череп. Спасти ее нам не удалось. Сынок так прошелся по голове мамани сковородкой, что череп лопнул в нескольких местах.

Лежала бедная баба на каталке перед операционной, еще в сознании, и тихо просила:

— Вы Вадюшу не трогайте, он хороший! Я сама дура, надо было отдать мне всю пенсию, он бы не злился!

Вадюшу, понятное дело, задержали; в первую же ночь сокамерники сломали ему челюсть в двух местах. Привезли его к нам — пузатого небритого типа неопределенного возраста, с распухшей синей рожой. Я им заниматься не стал, сделал снимки и сказал, чтоб везли его в область, в челюстно-лицевую хирургию.

Чаще всего в соседско-семейных разборках страдает именно голова. Но бывают и исключения. Как-то меня пригласили на консультацию в терапию: у пациента второй день болел левый бок.

Мюллер — такая у пациента была фамилия — был невысоким, довольно сублильным, при осмотре напрягал левую половину живота. При постукивании определяю, что размеры селезенки раза в два больше нормы. Если бы пациент болел малярией или получил травму живота, я без сомнений выставил бы ему диагноз «Подкапсульный разрыв селезенки». Но Мюллер категорически отрицал и то, и другое.

В истории болезни, однако, я мысль эту высказал и рекомендовал оставить пациента под наблюдение дежурного врача. Вечером Мюллеру стало хуже, он побледнел, боли усилились, все сомнения отпали — продолжающееся внутрибрюшное кровотечение.

На операции диагноз подтвердился — подкапсульный разрыв селезенки. Орган пришлось удалить, он напоминал отбивную в оболочке. Потом Мюллер признался, что так ему жена приложила.

Будучи на работе строгим начальником, дома директор ресторана был настоящим подкаблучником. Его жена весила раза в два больше мужа и регулярно поколачивала своего благоверного. Причем делала она это с умом: била через подушку и не по лицу. Загонит мужа в угол, приставит подушку и ну охаживать. Следов нет, супруг наказан. Мюллеру было просто стыдно сознаться, что его поколачивает жена. Не знаю, чем там у них все закончилось, вроде бы они развелись, а ей дали условный срок.

Пересматривал не так давно фильм «Собачье сердце», очень он мне нравится. Был у меня

пациент, очень на Шарикова похожий.

Доставили в отделение, как водится, в час ночи мужское тело. Невысокого роста, лет около пятидесяти, без сознания. Свод черепа весь в рытвинах, на краниограмах множественные вдавленные переломы, больше слева.

На операции я рассек кожу, обнажил кости. «Боже мой! Суповой набор, да и только! Живого места нет, каша из костей и мягких тканей». Я убрал все осколки, лишённые надкостницы — получился костный дефект в левом своде черепа 20,0 на 25,0 см. Головной мозг слабо пульсирует, пропитан кровью. «Ну, все, не жилец», — подумал я, зашил кожу, а та провалилась в костную «яму». «Точно, не жилец!»

Два дня этот человек провел без сознания, на третий пришел в себя и... попросил есть!

Затем начал потихоньку поправляться.

Звали его Коля, хотя по паспорту значился Керимом. Коля-Керим был родом из Казахстана, когда-то давно служил срочную в наших местах, да и остался после службы. Женился, нарожал детей. Работал в колхозе водителем. Когда колхоз развалился — запил.

Пил запойно, по неделям, тиранил семью и распускал руки. Старшая дочка, а ей к тому времени уж 17 годков стукнуло, не выдержала, да и отрихтовала пьяного папашу молотком по голове, а после в подпол скинула, хотела ночью вынести и прикопать где-нибудь. Да мать помешала: вернулась из гостей раньше времени.

— Валя, а где папа? — мамка спрашивает.

— Не знаю, пьет где-то. С утра не видела.

Легли спать, а из подпола вроде как кто-то стонет.

— Валя, слышишь, вроде стонет кто?

— Мама, спи, кажется тебе.

— Нет, не кажется, вот сейчас ясно слышу! Из подполья! А ну посвети!

Извлекли беднягу на свет божий, а он только мычит. Мать дочку ругать стала, мол, отец он тебе какой-никакой, зачем так с ним?

— Мама, ну достал он меня уже! Его пьяную рожу видеть больше не могу!

— Ну, не можешь пьяную, теперь будешь битую видеть!

Мать оказалась отчасти права. Пить Коля-Керим бросил, но физиономия у него стала как у Шарикова в первые сутки после операции.

От природы невысокий, метр с кепкой, узкоглазый, узкоплечий, большеголовый, он и до травмы не был видным мужчиной. А после и вовсе превратился в двойника литературного персонажа. Мы так и прозвали его — Шариков.

После того как больной начал поправляться, мы думали: как закрыть столь огромный дефект в черепе? Чем? Было у нас специальное вещество — проткарил, быстро затвердевающая пластмасса, которую охотно используют и нейрохирурги, и стоматологи. Но закрыть им такой

огромный дефект было нереально. Для этого изготавливали специальные титановые пластины, но не у нас — надо было заказывать на заводе медпрепаратов. А 10 квадратных сантиметров титана на современные деньги стоили около пяти тысяч рублей. А тут у нас все пятьсот квадратных сантиметров, вот и считайте, сколько это рублей. У Шариковых таких денег не было.

Когда Шариков в первый раз встал, он был одет в белую ночную рубашку, голова в бинтах, лицо отечное, страшное, и речь нечленораздельная. Это он потом стал понятно говорить, а вначале бегал по отделению и орал «абырвалг». Наверное, что-то по-казахски.

Однажды Шариков вырвался на улицу и произвел фурор среди обывателей. Он ходил по улицам в своем больничном одеянии и, заглядывая в лица прохожих, бросал непонятные фразы.

Через месяц он пришел в норму, перестал говорить на тарабарском наречии, вспомнил русский язык и больше не убежал на улицу и не пугал обывателей.

Пора было его выписывать; но как, если половина его головного мозга прикрыта только кожей?

Немного поразмыслив, мы придумали. Леонтий Михайлович принес из дома старый мотоциклетный шлем без козырька, его обессмертил герой Моргунова в фильме «Кавказская пленница». Вот этот шлем мы на Шарикова и надели.

Теперь он был обречен ходить так всю жизнь, и спать, и есть в шлеме, по крайней мере, пока не найдет денег на титановую пластину.

Я встретил его через полгода, зимой. Меня вызвали на «скорую»:

— Там черепно-мозговую травму привезли, вы его знаете, — и назвали Шарикова.

«Чему там уже травмироваться?» — удивляюсь. Приезжаю — а он сидит в каске и улыбается! Дочка рядом — ее, кстати, не посадили, как-то отделалась условным сроком. Оказалось, до Шарикова только что дошло, кто ему жизнь спас, и он три дня доставал родственников, чтобы отвезли ко мне.

Я хотел сначала рассердиться, но как глянул на него, так вся злость и прошла: ну как можно на Шарикова ругаться?

В этой истории все кончилось более-менее миром: родные люди договорились и помирились, правда, глава семьи вынужден в каске ходить, но это все же лучше, чем в могиле лежать. А бывали и другие случаи...

Ольга и Оксана Мелентьевы были родными сестрами, близнецами и красавицами. Жили они душа в душу и всегда были вместе: и в школе, и в техникуме, куда определились после получения аттестата зрелости. Близкие на них нарадоваться не могли!

Но однажды сестры обнаружили, что обе влюблены в одного парня.

Видел я этого персонажа. Нескладный прыщавый двадцатилетний субъект, жидкие длинные волосы, длинные грязные ногти и скудная козлиная бородка. Ну просто Ален Делон!

Вот из-за этого волосатика две родные сестры потеряли покой и сон и люто возненавидели друг друга.

Для начала Ольга перекрыла сестре холодную воду, когда та мыла голову, Только Оксана намылилась, покрыв обильным слоем пены свои роскошные волосы, как из крана потек кипяток. Оксана попала в наше отделение с ожогами второй и третьей степени. В основном пострадали голова, шея и кисти рук. Доказать причастность сестры не удалось, хотя они были дома вдвоем.

Оксана долго болела, больше всего ее угнетала потеря волос. Шикарную косу пришлось остричь. Волосатик пару раз пришел ее навестить, да и пропал, переключившись на сестру.

Ольга была на седьмом небе от счастья: конкурентка устранена, любимый рядом. Но недолго длилось девичье счастье. Оксана поправилась, да и плеснула в лицо разлучницы раствор концентрированной серной кислоты, нечестным путем добытой в аккумуляторной.

Когда Ольгу привезли, она кричала так, что стекла в окнах дрожали.

Пострадала только кожа лица — глаза остались целы.

Антидот кислоты — щелочь. Мы про мы ват и пораженные участки раствором соды, но это мало помогло, кислота уже успела поразить ткани и коагулировать (свернуть) белок. Боль была настолько интенсивной, что девушке не помогали и наркотические обезболивающие.

По санавиации я отправил Ольгу в областную больницу в ожоговый центр. Несмотря на множество сложных операций, лицо спасти не удалось. В этом случае причастность сестры также не доказали.

Волосатый плюнул на обожженных сестер и переметнулся к такой же прыщавой и грязноволосой девице, как и он сам. А сестер Мелентьевых никто замуж не берет: у Оксаны волосы не растут, а у Ольги вообще нет лица.

Заканчивая главу о взаимоотношениях между людьми, попавшими ко мне в качестве пациентов, хочу рассказать еще одну историю.

Валя Бобров в 12 лет после смерти родителей остался круглым сиротой. Двоюродная сестра его отца, пожалев мальчонку, оформила над ним опеку и привела в свой дом. Тетя Люба была женщиной одинокой, ее муж погиб, детей она не нажила, поэтому привязалась к Вале и всячески того баловала. За пять лет из несчастного сироты он превратился в черствого эгоиста.

Неизвестно, на какие средства существовала тетя Люба, однако деньги у нее водились. Официально она нигде не работала и все свои сбережения тратила на племянничка. Юноша решил отплатить ей черной неблагодарностью. Он решил, что у тетки где-то спрятаны деньги, которые могут стать только его.

Но как их получить? Люба — женщина одинокая, родственников у нее нет, значит, и искать ее никто не будет.

И Валя решил, что тетку надобно зарубить, а труп спрятать, а еще лучше — утопить, привязав камень.

Валя готовился с месяц: купил в магазине топорик, наточил его, нашел камень нужного веса, но в последний момент у «гангстера» сдали нервы. Когда он бил свою тетку топором по голове, его ручки затряслись и удар ослаб. Бац! Топор воткнулся благодетельнице точнехонько в лоб! Люба и ойкнуть не успела, как сползла на пол с топором в голове.

Валя сильно трусил, вид убитой тетки нагонял на него ужас. Она лежала посередине комнаты, на спине, широко раскинув руки, топор торчал из лобной кости, по лицу сочилась алая кровь.

Племянник перешагнул тело тетки и начал искать деньги. Перерыв комод и платяной шкаф и ничего не найдя, сел на край кровати.

— Валюта, зачем ты так со мной поступил? — услышал убийца тихий голос. — Я ж тебя и поила, и кормила, ни в чем не отказывала, вместо отца-матери тебе была, зачем ты меня убил?

— К-к-кто з-з-здесь? — заикаясь, спросил Валя, чувствуя, как холодный пот заструился меж лопаток.

— Это я, тетя Люба.

— Тетя Люба? Ты жива?

— Как видишь, — молвила женщина и негромко застонала на полу. — За что ж ты меня топором?

— Я, я это, — замялся родственник. — Не знаю, так это. Случайно вышло.

— Денег захотел, да? Мало тебе было?

— Теть Люба, не знаю, что на меня нашло! Прости!

— Глупый, нет у меня денег!

— Как нет?

— А так, пенсию я за мужа получаю, он офицером был, в Афганистане погиб, еще в 1983 году. Да однополчане его помогают, переводы посылают, а я все на тебя тратила, ох помоги!

— Сейчас, сейчас! — по лицу Боброва катились крупные слезы. — Я «скорую» вызову! Топор не трогай, а то кровь потечет сильнее.

Когда тетю Любу доставили в хирургию, картина была еще та! Вся больница сбежалась посмотреть. На носилках лежала женщина с окровавленным лицом, а из ее лобной кости выдавался небольшой туристский топорик. Твердая сталь и мягкая плоть составляли в тот момент единое целое.

Женщина разговаривала, моргала глазами, правильно отвечала на вопросы, но нас смущал топор, лезвие которого на добрых три сантиметра ушло в голову. Разгадка наступила, когда мы сделали рентген. Оказалось, что у нее необычайно толстая лобная кость, больше трех сантиметров. Топор не смог пробить естественную защиту и повредить ткань головного мозга. Эта редкая аномалия и спасла тете Любе жизнь.

Такие случаи в литературе называют «курьезными», а в медицине предпочитают именовать «казуистикой». Таких случаев было немало, и я выделил их в отдельную главу. Если читателю не наскучил мой рассказ, то приглашаю перевернуть страницу.

Да, а в случае с Валею и тетей Любой все закончилось хорошо. Люба выжила, поправилась и приняла самое горячее участие в судьбе непутевого родственника. Суд учел, что парень раскаялся и сам вызвал «скорую», и определил три года условно. Кстати, урок пошел парню на пользу. Валя окончил техникум, сейчас у него отличная работа. Тетка живет при нем, и ту

историю с лобной костью родственники стараются не вспоминать.

Глава 10

Казусы районной хирургии

Почти полтора года в районной хирургии, а чем дальше, тем больше нового. Превалировала экстренная помощь, где каждый случай был особенным, не похожим на другие. Ответы на основные вопросы я находил в книгах, но иногда происходило такое...

Час ночи — хотя это можно и не писать, понятно, что днем таких пациентов не привозят, — доставили шестнадцатилетнего мальчика. Пару часов назад подвыпивший хулиган ударил его ножом в голову. Когда вытаскивал нож, тот обломался и остался в голове.

Передо мной лежал крепкий, не по годам развитый юноша, руки-ноги работали, жалоб не было. Вроде все хорошо, но снимок! На рентгене отчетливо видно было инородное тело в веществе головного мозга в проекции правой теменной кости. Нож пробил кость, мозг и, обломавшись у рукоятки, остался в черепе, под костью. Что делать?

Звоню в нейрохирургию. Как назло, телефон не отвечал. Под дверями ординаторской — толпа плачущих родственников молит о помощи. Нож в мозгу — это серьезно! Я еще раз осмотрел рану и увидел в глубине блеск стали. Лезвие надо было извлечь, пока оно не ушло глубже и не натворило дел.

Мы побрили парня наголо и взяли его в операционную. Я сделал разрез, отделил кожу и отвел ее в сторону, посмотрел на рану — и понял, что через нее мне нож не достать: узко и глубоко. Аккуратно высверлил кость вокруг — получилась дыра диаметром в два сантиметра, как раз по ширине лезвия. Тонким зажимом «москит» я попытался подцепить нож, но тот не давался. Санитарка ежеминутно промокала мне лоб — пот заливал глаза. Я выдохнул, постарался успокоиться, задержал дыхание, как перед прыжком, и попытался еще раз. Бранши «москита» захватили лезвие, и я осторожно извлек его. Все! Здоровенный нож, сантиметров двенадцать!

После операции мальчик быстро пришел в себя и ни на что не жаловался. Я дозвонился до нейрохирургов, те подивились, но ничего ценного не сообщили.

Мальчик поправился, никаких отклонений не было. Мы направили его на компьютерную томографию — тоже все оказалось в порядке. Через год — снова никаких отклонений.

На самом деле «черепники» — непредсказуемые люди. Наша повариха как-то привела своего сынишку, мужика лет сорока. Вовика!

Этому Вовику полгода назад, в чужих краях, где он искал лучшей доли, дали по голове арматурой. Вовик попал в больницу, ему выполнили трепанацию черепа справа — и он сбежал, без выписки и без медицинского заключения. Сейчас Вовика мучали жуткие головные боли и ничем не сбиваемая температура в сорок градусов.

На краниограмах мы увидели отверстие от трепанации справа. В месте старого операционного рубца выбухла кожа. Вот и причина болей и температуры. Вовик в область ехать категорически отказывался, говорил, что «лучше сдохну здесь». Ладно, решили лечить здесь.

На операции мы только ткнули скальпелем в кожу — сквозь прокол полился зеленый зловонный гной. Сцедили почти литр, осмотрели и вместо мозга увидели огромную полость, выстланную белесой плотной тканью — абсцесс головного мозга!

В гное плавала резина, старый дренаж. Похоже, что Вовик сбежал из больницы прямо с дренажем, тот мигрировал под кожу и стал причиной абсцесса. После опорожнения гнойника Вовик не поправился, перестал сам дышать и на третьи сутки умер. Видимо, произошла дислокация головного мозга. [20] Я сходил на вскрытие — у покойного практически отсутствовало правое полушарие головного мозга. Непонятно, как он вообще жил...

Недаром говорят, что резервные возможности человека слабо изучены, и никто не знает их предела. Я чем больше работал, тем больше с этим соглашался. Но иногда и сам попадал в щекотливые ситуации — от невнимания и неопытности.

Передо мной сидит подвыпивший мужичок лет тридцати, этанольное амбре от него такое, что хоть закусывай, «Опять казус! У него на лице трепанация черепа жирным шрифтом написана! Непонятно только, почему он в сознании?» — думаю, а вслух спрашиваю:

— Вас как звать?

— Митька я! Митька Носков!

— И что с тобой, Митька, случилось?

— Да что случилось, что случилось... По башке вот бутылкой врезали! — гражданин Носков шмыгнул носом и указал на голову, где в правой лобно-теменной области бугрился кровоподтек.

— Давно ударили?

— Да не помню я!

— Сознание терял?

— Говорю, не помню!

— Значит, терял! Ну что, надо оперировать! Согласен на операцию?

— Погоди, доктор! А чего делать-то будешь?

— Как что? Трепанацию делать надо! Череп сверлить, да-с.

— А может, обследовать чего надо сначала?

— Так, а чего обследовать? Снимки черепа ничего не показали, но это еще не факт.

— А что факт? — Митька перестал шмыгать носом.

— По голове били? Били. Сознание терял? Терял!

— Я сказал, что не помню.

— Правильно, а это значит, что терял! И главное, — я многозначительно поднял палец вверх, — есть бесспорный признак, который говорит нам, что у тебя в голове гематома!

— Чего у меня в голове?

— Гематома! Кровь излилась из поврежденных сосудов и теперь давит на мозг, если не

прооперировать, то помрешь!

— Так, а как ты увидел-то эту самую хематому? — чуть не плача, спросил Митька.

— Да просто! У вас вот удар справа, и справа зрачок расширен и на свет не реагирует!

— Да он у меня уж пять лет как расширен!

— Что значит — пять лет расширен? — пришел мой черед удивляться.

— А вот как! — Митька ловко вынул глаз из глазницы. — Во, он у меня стеклянный!

— Да уж! — только и смог выдавить я.

Внимательней надо осматривать пациентов и желательно в динамике, а не тащить сразу на операционный стол. Но во-первых, я смотрел Митьку под шестидесятиваттной лампой «скорой помощи», а во-вторых, прежде чем оперировать, я обязательно сделал бы ему люмбальную пункцию, [21] и, если бы в ликворе не оказалось крови, то не стал бы оперировать, а госпитализировал бы под динамичное наблюдение. В-третьих, сделал бы эхографию головного мозга, хотя этот диагностический прием я не любил.

А невзлюбил я его из-за одного скандала, происшедшего по вине прибора. Надо сказать, что аппарат, которым мы смотрели головы пострадавших с черепно-мозговой травмой, был очень капризным. В науке отклонение на полсантиметра от срединной линии черепа косвенно говорило о внутричерепной гематоме. Но любое препятствие, чаще всего волосы, мешало трактовать показания точно.

Жил в ту пору в наших краях не совсем обычный человек. Считал он себя викингом, носил длинные волосы, бороду, одевался по моде того времени и обожал ездить на лошади, махая самодельным мечом.

Однажды этот викинг упился самогоном и упал с лошади. Товарищ, надо заметить, был здоровый. Лежит перед нами такая гора мышц — и поди разберись, что с ним, то ли он пьян, то ли проблема в черепе. Решили сделать эхографию, приставили электроды — есть контакт! Отклонение от срединной линии аж на два сантиметра! Люмбальную пункцию делать не стали: кто ж такую тушу ворочать будет, чтобы к позвоночнику подобраться; да и верили мы показаниям прибора.

Подготовили викинга к операции — обрили наголо, в ванной комнате целый стог волос остался, и покатали в операционную. По дороге подумали: «А давай еще раз проверим на приборе».

Проверили — нет смещения!

Решили подождать до утра.

Утром пошли на обход. Викинг проснулся и по привычке потянулся к шевелюре. Рукой взмахнул, а коснулся лысого черепа. Двумя руками проверил — нет волос! Он — в крик!

Скандал разгорелся — едва уняли воина. Вспоминать неохота. А прибору мы доверять перестали.

Ладно, когда люди травмированы. Хуже, когда они просто больны на голову.

Лейтенант Капустин мнил себя асом. Лавры Прохоровки не давали ему покоя. Он мог часами

говорить об этом легендарном танковом сражении лета 1943 года на Курской Дуге. Его дед, участник тех событий, и привил юному Ване Капустину любовь к танкам. Все бы ничего, да вот служить Ваня попал в нашу глубинку, где не то что танковые бои, а и простые стрельбы не случались.

Скоро лейтенант стал как все: пил водку и по ночам бегал к одиноким бабам, охочим до мужской ласки. Но тут подписали хасавюртовское соглашение, война в Чечне завершилась, генералитет подвел итоги, сделал выводы и распорядился с пьянством завязать, а приступить к боевой подготовке.

На первом же марше, еще не отойдя от недельного загула, лейтенант Капустин приказал механику-водителю свернуть с дороги и мчаться сквозь лес. Высунувшись из люка танка по пояс, он пьяно улыбался, глядя, как мощная машина крушит деревья. Вот она, романтика!

— Давай прямо! — приказал лейтенант, увидев, что водитель хочет обогнуть сухую лиственницу, внезапно возникшую на пути. — Дави ее!

Это было последнее, что успел сказать Ваня Капустин, прежде чем потерять сознание. Сухое дерево не выдержало натиска многотонной машины и, разломившись на множество частей, обсыпало танкиста сотней деревянных осколков.

Военные доставили лейтенанта к нам — мы были ближе, чем госпиталь. Когда Капустина внесли, я пожалел, что не взял с собой фотоаппарат. Где еще доведется увидеть человека-ежа?

Как мне рассказывали очевидцы, сопровождавшие офицера солдаты, дерево-убийца оказалось сухим и высоким. При ударе корпусом танка об ствол оно просто рассыпалось в щепки прямо в воздухе, по всей длине, лейтенант инстинктивно лег грудью на люк, а его сверху обсыпало «дождем» из крепких щепок, от чего вся задняя поверхность лейтенанта Капустина оказалась буквально нашпигована разнокалиберными занозами. Тут попадались и большие, около 10–15 см, и маленькие — 3–5 см, и совсем маленькие экземпляры, меньше сантиметра. Они встречались повсюду, но больше всего их обнаружилось на спине и в области ягодиц.

вернуться

20

Смещение головного мозга вследствие изменения внутрочерепной топографии при различных патологических процессах в центральной нервной системе.

вернуться

21

Пункция — прокол стенки сосуда или какого-либо органа с лечебной или диагностической целью. Люмбальная пункция — прокол спинного мозга.

С превеликим трудом, по кускам срезав комбинезон с незадачливого Капустина, я принялся извлекать колючее дерево из тела офицера. Ваня постоянно крутил головой и скулил. Через пару часов, когда гора щепок заполнила ведро, хоть титан растапливай, а концу работы не видно желанного конца, я решил отправить несостоявшегося вояку в гарнизонный госпиталь.

Военные медики поначалу сопротивлялись такому исходу дела, но по телефону мне удалось их убедить, что жизни военнослужащего ничего не угрожает, а большую часть заноз я извлек. Без особого энтузиазма они выслали машину. Представляю, какой стоял мат, когда они увидели человека-ежа: там работы оставалось часов на пять, можно было титан протопить извлеченными щепками.

А ведь занозы могут не только кожу уязвить. Как показывает практика, и внутренние органы беззащитны перед этими маленькими кусочками дерева.

Виталья Литовцев в детстве очень любил кино про индейцев. А кто из нас не играл в этих отважных борцов с бледнолицыми!

Виталья вырос и спился. К сорока годам он практически полностью деградировал, но про индейцев не забыл. Смастерил копьё, прикрутил кухонный нож вместо наконечника — и спьяну метнул его в свою сожительницу Галю, отказавшуюся идти за очередной бутылкой. По-индейски наказал несговорчивую бабу.

Галю ранило в спину. Удар пришелся чуть ниже угла правой лопатки, но почему-то вся спина женщины была усеяна мелкими занозами. В сопроводительном диагнозе значилось: «Проникающее ножевое ранение правой половины грудной клетки», а про занозы — ни слова. Сама Галя ничего прояснить не могла — еще не переработала выпитый самогон. Виталья тоже ничего не мог сказать о занозах — его уже откомандировали в КПЗ.

На снимках легкое на стороне повреждения было поджато, я установил дренажи — во втором межреберье, для отвода воздуха, и в восьмом — для оттока крови, если такая скопилась.

Утром Гале лучше не стало. Она хоть и пришла в себя, но ничего существенного не сообщила. «Откуда же занозы?» — недоумевал я.

Повторил снимки — легкое не расправилось. Решил оперировать. Вскрыв грудную полость, я обнаружил, что нижняя доля правого легкого пробита насквозь, а рана обильно нашпигована мелкими занозами. Раневой канал шел сзади наперед и, пробив ткань легкого, вышел на противоположной стороне туловища! В проекции правой молочной железы зияла рана, также обсемененная деревом. Я выполнил ревизию раны и извлек кучу щепок из молочной железы. В этот момент что-то блеснуло в районе диафрагмы. Я засунул туда руку — и извлек нож. Цельнометаллический острый нож длиной 40 см! Он покоился в брюшной полости. К сожалению, мы до операции сделали снимки только грудной клетки, где собственно и была выходная рана. Снимок живота не выполнили, так как никому в голову не могло прийти, что возможна такая не простая ситуация.

Выходило следующее: импровизированное копьё, пробив сзади грудную клетку, вошло в организм. Нож от удара слетел и скользнул вниз, пробил грудобрюшную преграду и «ушел» в брюшную полость, где застрял в печени. Само древко копьё, расщепившись, продолжало двигаться. Оно пронзило легкое, переднюю грудную стенку, застряло в молочной железе. Получалось, что мы столкнулись со сквозным ранением туловища, нанесенным... копьём. Если б груди были поменьше, мы догадались бы раньше. Такое вот чисто «индейское» ранение. Правда, не этому учили киногерои Гойко Митича, ох, не этому!

Сколько сил я потратил на извлечение заноз, только мне и известно. Часть легкого пришлось убрать, после выполнить лапаротомию и зашить печень, и там щепки пособирать. Очень было тяжело!

Галя долго лечилась, но поправилась. Раны воспалились, гнили, а вместе с гноем отходили

мелкие занозы. А копьеметателя посадили в тюрьму.

Мне кажется, что, если бы такое сложное торакоабдоминальное ранение получил мужчина, он наверняка умер бы. Женщины гораздо более приспособлены к травмам, нежели мужчины — они каждый месяц теряют кровь. Организм приспосабливается к кровопотерям.

Машинист электровоза слишком поздно заметил подвыпившую парочку, ползшую по рельсам. Удар локомотива пришелся в задницы, любителей поползть по железной дороге отбросило в сторону метров на пятнадцать. Помощь пришла только через полчаса. Парень к этому времени скончался от кровопотери, а в девушке еще теплилась жизнь. Ее привезли в хирургию.

Честно сказать, я даже немного растерялся, когда ее увидел. Без сознания, бледная как пельмень, пульс нитевидный, слабого наполнения, определяется только на сонных артериях, давления не слышно. Но это не самое страшное. На ягодицах огромная — пятьдесят на шестьдесят сантиметров — рвано-размозженная рана, покрытая землей и мазутом; анальное отверстие, копчик, крестец отсутствуют. И что делать?

Беру в операционную. Дали наркоз. Начинаю разбираться в тканях — ничего не понятно. Просто кровавое месиво! Шаг за шагом проясняю топографию органов. Не хватает куска размером с чайное блюдце. Что делать? Надо лечить.

Я экономно иссек размозженные и сильно загрязненные мышцы и жир. Сшил кожу. Где не хватило — наложил повязку. — Перешел на лапаротомию, и, «окультурив» покалеченную часть прямой кишки, вывел ее на поверхность, на переднюю брюшную стенку, в левой подвздошной области, создав тем самым одностольный противоестественный задний проход (такое название дано из-за того, что орган расположен не на своем анатомическом месте. Место у заднего прохода между ягодиц, а если его искусственно по каким-то причинам выносят на переднюю брюшную стенку, то он становится противоестественным. Кал поступает в специальный мешочек — калоприемник). Все! Большого я здесь сделать не мог.

Я не думал, что девушка выживет: у нее была сильная кровопотеря. Но она была женщиной, поэтому справилась. Свидетели утверждали, что у ее спутника были повреждены только мышцы спины и, успеи помощь вовремя, его, возможно, спасли бы.

Оказалось, пострадавшие были в гостях в соседней деревне. Назююкались там под завязку, ночевать отказались и пошли в свою деревню пешком. А чтоб не сбиться с пути, пошли вдоль железной дороги. Сначала перемещались вдоль рельсов, а затем и по ним.

Выжившую девушку звали Жанной, и она была очень красивой. Когда она чуть оправилась от ранения, я отправил ее в область, в ожоговое отделение, где ей пересадили кожу и закрыли дефект на ягодицах. Через пол года я снова увидел ее.

Ко мне пришла молодая симпатичная девушка, по внешнему виду которой невозможно было сказать, что она опорожняет кишечник в мешочек, искусно замаскированный под одеждой.

— Доктор, — с надеждой в голосе молвила Жанна. — Я хочу родить, но говорят, беременность может повредить мне. Это правда?

— Да, может. Беременная матка, увеличась в размерах, может сдавить кишку и вызвать непроходимость. У тебя же кишка сбоку расположена.

— А может и не вызвать?

— А может и не вызвать!

— Так что же делать?

— Не знаю, у тебя вся проблема в отсутствии анального жома.

— И кто мне может помочь?

— Насколько я знаю, у нас в стране этим никто не занимается. В Германии, я слышал, низводят прямую кишку на место, вживляют металлическое кольцо и ставят магнитную заглушку. Захотел по-большому — убрал заглушку. Сделал дело — вернул на место.

— Здорово! Но это, наверное, больших денег стоит.

— Наверное.

Больше я ее не встречал. По слухам, Жанна поехала в Москву в НИИ колопроктологии, но назад не вернулась.

Иногда нам банально не хватает тканей тела, чтобы закрыть рану. В таких случаях каждый хирург выкручивается, как может.

Вот одна из таких ситуаций. Доставили раненого мужчину. Он получил заряд картечи из ружья 12 калибра (это большая, крупная пуля) практически в упор. Явно целили в сердце. Дыра получилась приличная. Спереди было разрушено три ребра, сзади — четыре, и кусок лопатки улетел в атмосферу. Дыра получилась такая, что через нее можно было руку просунуть.

— Почему вы не закрыли рану? Вам что, не известно, что все открытые раны грудной клетки надлежит закрывать, причем герметично? — грозно поинтересовался я у фельдшера.

— Доктор, — грустно ответила девушка. — Дмитрий Андреевич, а чем же я закрою такую рану?

— Действительно, чем? — повторил я и почесал лоб. — Ну, можно было попробовать целлофановым пакетом.

— Доктор, но он же не стерильный...

Тут меня пригласили в операционную. Я шел по коридору и думал, что разработчикам стандартных окклюзионных повязок, применяемых при ранениях грудной клетки, наверное, не приходило в голову, что человек с такой дырой в теле может остаться жив.

Сначала я удалил легкое, так как этот орган был практически размозжен; дальше освежил рану и очистил плевральную полость от костных отломков, картечи, обрывков ткани, попавших внутрь вместе с раниющим снарядом.

Последний этап оказался самым сложным. Чем мне было герметично закрыть рану, если не хватало добрых 50 квадратных сантиметров тканей? Поломав голову, удалил два нижних ребра, мобилизовал мышцы и кожу и с превеликим трудом закрыл дыру. Все получилось герметично, но там, где отсутствовали ребра, внутренние органы защищала одна лишь кожа.

«Похоже, придется страдальцу оставшуюся жизнь ходить в корсете. Ну да ничего! Главное, живой остался, даже удивительно, что картечь не задела сердце», — думал я.

Поправился и этот пострадавший. Правда, при вдохе-выдохе кожный покров в месте реберного

дефекта ходил по типу клапана — вперед-назад; малоприятное было зрелище.

Буквально через неделю, после выписки необычного пациента, в хирургию позвонили, и взволнованный женский голос, представившись фельдшером ФАПа, сообщила, что выслала к нам попутным транспортом раненого из ружья в область сердца.

— Ранение в область сердца, это точно? — уточнил я.

— Да, да! — подтвердил голос. — В область сердца!

— И он жив?

— Да, жив! Я ему обезболивающее вколола, повязку наложила и на нашей машине отправила с родственниками к вам, сама не могу поехать, у меня тут женщина рожает.

— Ладно, разворачиваем операционную, а я лично встречу вашего раненого!

«Закон парных случаев!» — подумал я, направляясь к входу в отделение, чтоб не пропустить момент доставки пострадавшего.

У крыльца скрипнул тормозами уазик, но никто не торопился выносить пациента. Спускаюсь. Возле забрызганного авто стоят трое: водитель и мятые мужик с бабой неопределенного возраста.

— Ну, где раненый? Чего не заносите?

— В машине, — лениво отвечает водила. — Только он вроде того, помер.

— Как помер? — удивленно смотрю на группу поддержки и лезу в салон.

— Не дышит, молчит! — мятая баба заикала и отвела в сторону красные глаза.

В салоне на носилках лицом вверх лежал огромный бледный парень с приличной дыркой в левой половине грудной клетки. Я склонился над ним и стал изучать рану. Примерно десять на десять сантиметров, через нее виднеется брезент носилок, сердце отсутствует, есть обрывки легкого, осколки костей, картечины, застрявшие в мышцах. Крови под телом почти не было. Получалось, что в машине везли труп.

— Послушайте, — обращаюсь к сопровождающим. — Да он у вас изначально мертвый был. Вы труп привезли!

— Не может быть! — начал мятый мужик. — Он же разговаривал с нами.

— Ну, если у него два сердца, то может, и разговаривал.

— Как понять «два»?

— Потому слева его нет, картечью разрушило. А если он с вами разговаривал после выстрела, у него должно быть запасное.

— Доктор, можно вас на минуту, — с заговорщицким видом спросил водитель.

— Пожалуйста.

— Понимаете, это родители убийцы, — начал шофер, когда мы отошли от машины. — Сережка, тот, которого убили, он на самом деле сразу был убит. По пьяни с ихним сыном Валеркой чего-то сцепились. Сережка Валерку побил, тот за ружье и схватился.

— Труп зачем в больницу повезли? В морг надо, а не к нам!

— Я и объясняю, у Сережки этого пять братьев, в тюрьме сидели, деревню всю в страхе держат. Этого гада давно прикончить надо было, он самый злобный из всех. Если б родственники узнали, что Сережку сразу кончили, они бы и Валерку убили. А Валерка нормальный парень, работает, не то что эти.

— Я так понимаю, что вы привезли этого Сережку, чтоб братья покойника думали, что он еще жив?

— Ну да.

— Так все равно же узнают.

— Так пока узнают, там милиция приедет, Валерку заарестуют.

— Ну ладно. Везите в морг.

— Док, а нельзя у вас подержать, хоть пару часиков? Ну, скажите, что в больнице помер?

— Дядя, ты что, больной? — изумился я. — У него сердце вынесено, а ты в больницу! Подержите!

— Ну, мы тебя отблагодарим! Картошки потом привезем!

— Так, все, везите в морг! — я начал выходить из себя. — Как у вас все просто! Подержите труп, типа он живой. Да на первой же судмедэкспертизе докажут, что парня уже мертвого привезли! Неужели не понятно! Мне что скажут? Что я живого от мертвого не смог отличить?

— Ну, ладно, — вздохнул водила. — Не ругайся! Повезем в морг, скажем, что по дороге умер.

Святая простота, родители в самом деле думали, что их план по спасению неведомого мне Валерки сработает.

Эти люди пытались мертвого за живого выдать, а был и обратный случай.

У нас в стране два объемных праздника — Новый год и пятница.

В теплый сентябрьский субботний день, когда я дежурил по больнице, ко мне подошли пьяная женщина и очень пьяный мужчина.

— Доктор, тут мы ребеночка мертвого нашли, — дыша перегаром, заговорила женщина. — Нам нужно его в морг отправить.

— А где вы его взяли?

— Дак, это, из окна выпал со второго этажа.

— С какого этажа? — не понял я.

— Говорю же, со второго. Мы туточки, через дорогу живем, сидим, пьем, никого не трогаем. А тут этот ребеночек плюх, на землю, и кранты! Готов!

— А как он в окно попал?

— Да как, Вальки Синтепоновой энто сынок, ему годик недавно исполнился. Валька с мужем пили, значит, вчера же пятница была, они после работы и накирялись. А сегодня продолжили, а Мишаня, мальчик, значит, их, на окне сидел — и выпал.

— А вы родителям сказали?

— Дык они бухие в стельку. Мы вон со своим, — женщина кивнула на синерожего спутника, — его подобрали и к вам.

Синерожий хотел что-то добавить, но, открыв рот, тотчас закрыл: язык ему не повиновался. Тогда мужчина кивнул всем телом и, едва не упав, оперся о стену.

— Давайте посмотрим для начала! — предложил я.

— Да че там смотреть, готовый он.

— Мадам, ребенка покажите! — повторил я.

Тетка развернула сверток на подоконнике, и нашему взору предстал мальчик. Его розовые щечки и открытые голубые глаза красноречиво свидетельствовали, что ребенок жив. Он смотрел на меня и молчал.

— Да он же живой! — воскликнул я. — А вы в морг его хотели отправить!

— Да где живой-то? — Женщина сощурилась и посмотрела на младенца, ткнула ему грязным пальцем в живот. — Где живой? Вишь, молчит!

Синерожий снова согласно кивнул, держась за стенку.

— Послушайте, ребенок живой. Его нужно обследовать, госпитализируем пока в больницу, идите скажите матери.

— Ничего не пойму, а чего он молчит?

— Не знаю, будем разбираться! Забирайте своего товарища и идите, сообщите матери.

— Слушай, доктор, а тут уже два ребеночка на подоконнике лежит, ты которого себе оставляешь?

— У вас уже в глазах двоится! Хватит пить!

— Ну, ты мне поуказывай, хватит мне пить или не хватит. А детей тут двое, вот один, вот второй! Ой. Похожи! Близнецы, что ли?

— Все, идите! — начал терять я терпение, подталкивая парочку к выходу. — Без вас разберемся.

— Разберитесь! И разберитесь, откуда второй взялся!

Стало понятно, что баба допилась. Но почему же молчит ребенок?..

Я решил начать с рентгена и анализов, вызвал педиатра. Мальчик лежал на спине, смотрел на меня огромными синими глазами, молчал и не шевелился. Лишь когда ему пальпировали живот, он немного попыхтел.

На всякий случай я сделал рентген всего его тела, благо парень был невелик. Снимки, как мне показалось, ничего не выявили. У детей сложно определить патологию костей. Есть понятие «зоны роста»: там, где у взрослых кость, у детей до определенного возраста хрящ, который вполне можно принять за перелом.

Покрутив и так и сяк, я ничего криминального не нашел. В анализах тоже ничего страшного не было. Осмотр педиатра тоже ничего не дал. Пока мы ломали голову, нарисовалась мамашка.

Покачиваясь, она подошла к нам на нетвердых ногах:

— Я мама Миши Синтепонова, он у вас?

— У нас.

— А что с ним?

— А вы не знаете? Он из окна выпал!

— Какой кошмар, это я недоглядела! Окно было открыто, а он любит по подоконнику ползать, — по щекам пьяной матери потекли настоящие слезы.

— Так вы выбирайте, или ребенок, или самогон, совмещать не получится.

— Но ты меня еще поучи! — взъярилась пьяница. — Мой ребенок, что хочу, то и делаю! Вот своих нарожайте и занимайтесь ими, а моего не трожь!

— Да никто на твоего ребенка не претендует! Только запомни, что дети все запоминают. Вырастет — еще тебя в это окно выкинет. Я на таких насмотрелся!

— Не надо меня пугать! Сама разберусь! Без вас!

Внезапно мальчик заплакал, видимо, услышав голос матери.

— Мишенька мой! — Мать протянула к нему руки с обломанными ногтями. — Иди ко мне, маленький! Что они тут с тобой сделали?

— Я предлагаю оставить его под наблюдением.

— Еще чего! Ни на минуту здесь не собираюсь его оставлять!

— Послушай, он упал со второго этажа на землю. Может быть повреждение внутренних органов! Давай понаблюдаем!

— Нет! Мы уходим!

— Хорошо, напиши расписку, что сама его забираешь.

— А ты сам напиши, я подпишу!

Когда формальности были улажены, счастливая мамаша ушла, прижимая к себе Мишеньку. Останавливать ее было бесполезно.

Глава 11

Еще о казусах

Сталина Игоревна Кудрявцева сильно переживала развод сына. Ее невестка Ирина, уйдя от Гоши, начала встречаться с другим мужчиной. Все бы ничего, но пятилетняя внучка Катенька все больше и больше стала отдаляться от бабушки. А в довершение всего Ирина забеременела от нового бойфренда.

Сталина Игоревна не раз пыталась вернуть бывшую невестку в семью, хотя сынок Гоша, опухший от беспробудного пьянства, ее об этом не просил. Гошу интересовала только выпивка.

В тот день Кудрявцева-старшая пришла в дом к Ирине, когда ее новый мужчина ушел на работу. Невестка к тому времени пребывала на девятом месяце беременности и с трудом носила огромный живот.

— Ирочка, детка! — начала с порога бывшая свекровь. — Я тебя прошу, вернись к Гоше! У вас все станет хорошо!

— Сталина Игоревна, я уже давно живу с другим человеком и жду от него ребенка! Вы разве забыли, что мы с Гошей уже два года как развелись?

— Я тебя прошу! — продолжала наседающая незваная гостья, не обращая внимания на слова бывшей невестки. — Вернись к Гоше!

— Все! Разговор окончен, идите домой! Оставьте меня в покое!

— Так ты не вернешься? — прошипела Кудрявцева.

— Нет! Уходите! — Ирина решительно указала на дверь. — Уходите!

— А-а-а! — закричала Сталина Игоревна страшным голосом и, выхватив из сумочки нож, бросилась на бывшую родственницу.

— Вы что делаете? — только и успела спросить Ирина, как безумная женщина бросилась к ней и стала в приступе чудовищной злобы наносить удар за ударом, метя в живот.

— На! На! Сука! Тебе и твоему ублюдку! — неистовала потерявшая рассудок свекровь. — Никому не достанешься! На!

Нож безжалостно кромсал беззащитную плоть, кровь струилась из ран. Ирина упала на пол, закрывая живот руками. Она не сопротивлялась, только стонала и пыталась заслонить еще не родившегося ребенка от ножа бывшей свекрови. Устав убивать Ирину, Кудрявцева бессильно опустила на стул и огляделась. В углу она заметила остолбеневшую внучку.

— А, сучье племя, спряталась от меня? Иди к бабушке!

— Бабушка, ты что с мамой сделала? — рыдая, спросила Катенька.

— Иди ко мне!

— Нет! Я тебя боюсь!

— Иди сюда! — Обезумевшая женщина протянула к ребенку окровавленные руки. — Иди!

— Нет! — Девочка забилась в угол и прикрылась плюшевым мишкой. — Не подходи ко мне!

Бабушка, не слушая вопли девочки, несколько раз ударила ее ножом, стараясь попасть в голову. Когда Катенька затихла, бабушка прикрыла ее одеялом и принялась замывать кровь.

На крики сбежались соседи, они обезоружили и скрутили убийцу, вызвали «скорую помощь». Драма разыгралась в селе, расположенном на границе нашего и соседнего районов, но территориально подчиненного нам.

Первой на помощь примчалась наша «скорая»: ехала мимо с вызова и по рации приняла сигнал. Ирина была без сознания, но жизнь еще теплилась в ней, хотя женщина и потеряла много крови. Боясь, что ее не успеют доставить в нашу больницу, фельдшер решила отвезти раненую к соседям. До соседней ЦРБ расстояние было в два раза меньше.

Милиционеры, допрашивавшие Сталину Игоревну, обратили внимание на окровавленного плюшевого мишку.

— А где ребенок? — спросил майор.

— А нету! — рассмеялась полоумная баба.

— Кто видел ребенка? — спросил следователь у соседей.

— Я видела Катюшку, как она домой с улицы заходила, — ответила соседка.

— Давно? — уточнил майор.

— Да нет. Утром, минут сорок назад. Еще до прихода этой!

— Так, все быстро ищем девочку! — приказал майор.

— Ищите-ищите! — заливалась смехом Гошина мама.

— Товарищ майор! Есть! Вроде дышит! — сообщил сержант, подняв одеяло в углу комнаты. — Я «скорую» вызываю!

— Как жива?! — лицо Кудрявцевой перекосила страшная гримаса, и она рванула к девочке. — Убью!

Майор проворно перехватил женщину. По странному стечению обстоятельств на повторный вызов примчалась та же «скорая», когда ехала из соседней ЦРБ. Ребенка повезли к нам, передав по рации, чтоб разворачивали операционную.

Ранения поражали своей жестокостью. У девочки отсутствовал левый глаз, левое ухо было отсечено и висело на коже, сквозная рана начиналась на шее возле левой кивательной мышцы и выходила справа возле позвоночника, рана в проекции сердца и на левом предплечье. Состояние девочки было крайне тяжелым. Времени на обследование не было, мы сразу взяли ее в операционную.

Операцию я начал с левосторонней торакотомии. Вскрыв левую половину грудной клетки,

понял, что не ошибся — ранение сердца, грудная клетка полна крови. Ушив сердце, приступил к реинфузии и, стабилизировав гемодинамику, продолжил операцию.

Было сложно определить, повреждены ли органы шеи. Тут проекция и крупных сосудов, и пищевода, и трахеи. Как узнать? Анестезиолог утверждал, что трахея цела: когда он вставлял интубационную трубку (для дыхания), то крови не было. Похоже, что так: если бы трахея была ранена, воздух пошел бы под кожу и образовалась бы так называемая подкожная эмфизема. Этого не было.

Сосуды тоже не были повреждены, иначе возникло бы кровотечение.

Оставался пищевод. Его повреждение очень опасно. Если его вовремя не распознать, может возникнуть медиастинит — воспаление средостения. [22] Ранение показала бы эндоскопия; но аппарат у нас был, а специалиста — не было.

Оставалось одно: ввести медицинский краситель (индигокармин, метиленовый синий, бриллиантовую зелень) и наблюдать. Если он будет вытекать из раны, то есть дырка в пищеводе, если не будет, то нет.

Я прошу анестезиолога развести индигокармин в физрастворе и ввести по зонду в пищевод. Раствор из раны не вытек — и мы решили, что пищевод цел.

Я исследовал раневой канал пальцем — оказалось, что нож прошел между трахеей и пищеводом, не задев ни один из этих органов. Уникальное ранение! Девочке просто повезло, если можно так сказать о человеке, потерявшем глаз (ухо я потом пришил, и оно прижилось).

Катюша поправилась, мама ее тоже выжила, правда, лишилась плода и матки — детей у нее больше не будет. Сталину Игоревну признали сумасшедшей и отправили на принудительное лечение в психиатрическую больницу.

Порой человеку очень легко перейти грань, отделяющую эксцентричность от безумия. Иногда достаточно незначительного толчка — и человек перестает себя контролировать и начинает совершать безрассудные поступки. В большей степени виновато пьянство, но иногда люди сходят с ума и на трезвую голову.

вернуться

22

Средостение — анатомическое пространство в средних отделах грудной полости. Средостение ограничено грудиной спереди и позвоночником сзади. Органы средостения окружены жировой клетчаткой. По бокам от средостения расположены плевральные полости (полости легких).

Гораздо чаще мне приходится иметь дело не с безумцами, а с обыкновенными глупцами.

Привозят деревенскую бабу на пятом месяце беременности. У нее перелом таза по типу Мальгенья: сломано тазовое полукольцо и смещены отломки. Травма очень серьезная. Собираю анамнез.

Оказывается, муж этой дамы сидит в тюрьме, ему два года дали за драку, вот-вот должен выйти; а она ребеночка нагуляла, а дома еще трое сидят, мал-мала меньше. Какая-то подружка

ей и посоветовала: залезь, мол, на крышу дома, прыгни, и чтоб непременно на жопу упасть. Прыгнешь — случится выкидыш и все на мази будет.

Неверная жена долго думала; решилась, только когда живот уже стал округляться. Залезла на крышу и сиганула вниз с шести метров. А во дворе ванна чугунная валялась, вот на нее дама и приземлилась. От удара таз сломался, кости сместились, а ребенок остался цел и невредим.

Дама провисела два месяца на скелетном вытяжении, кости срослись криво. Хромая, ушла домой. Через два дня поступила обратно — уже с сотрясением головного мозга и ушибами мягких тканей лица: муж вернулся. Ребеночку снова повезло, не пострадал.

Закончилась эпопея тем, что эта дама выносила беременность, но в роды ее не пустили, прокесарили от греха подальше. Ребенок появился на свет крепеньким, здоровеньким, мамкины «приключения» на нем вроде не сказались. Муж еще пару раз напощадал жене, но потом им как многодетной семье увеличили пособие, и мужик успокоился.

Как говорится: и смех, и грех. Иногда просто диву даешься: взрослые вроде люди, а хуже детей чудят. Заходит в кабинет на прием мужик, взрослый дядька лет под пятьдесят. Седые усы, как у Тараса Бульбы, стоит, мнется.

— Садитесь, — предлагаю.

— Да, спасибо! Постою!

— Садитесь, рассказывайте, что случилось?

— Да, постою. Я, это, сидеть не могу. Геморрой у меня.

— Понятно, ну в таком случае пройдите за ширму, снимайте штаны, показывайте.

— Доктор, а можно спиртику, а? А то шибко больно.

— А может, коньяку лучше? — ерничаю я.

— Нет, лучше спирту, — не понял сарказма «Бульба».

— Так, спирт закончился, коньяк не хочешь, скидывай портки, кажь болезнь.

— Ну, можно и коньяк, ежали спирта нет.

— Все, дядя, — теряю терпение. — Оголяй зад!

Пациент кряхтя заходит за ширму, долго возится, снимая штаны:

— Доктор, только аккуратно! Болит дюже!

— Нда уж! — только и смог сказать я, увидев причину страданий: между худых ягодиц зияла огромная черная дыра, по центру которой чудом сохранилось анальное отверстие. — А где геморрой?

— Доктор, не Знаю! Там был! Болит, спасу нет!

— Одевайтесь! Надо в больницу ложиться, там у вас пол-задницы сгнило.

— Как сгнило?

— Ну, я думаю, это вы мне расскажете как.

— Доктор, меня геморрой уж лет пять как мучает, а я трактористом работаю, много сидеть приходится. Может, из-за этого?

— А дальше?

— Ну, с месяц назад он опять воспалился, я свечи ставил, лопух прикладывал, картошку сырую — ничего не помогает. Хотел к вам ехать, да тут кум Федор подсказал народное средство. Возьми, говорит, кирпич, нагрей и посиди на нем. Ну, я нагрел и посидел. Сначала ничего, вроде легче чуть-чуть стало, а потом, наоборот, еще сильнее болеть стало. Температура поднялась.

— До каких цифр?

— Не знаю, градусник разбился еще в прошлом годе, но чувствовал, что горю весь.

— А к нам почему не поехал?

— Да, думал, пройдет. А позавчера гной из этого места пошел. Да много! И вчера весь день тек, да вонючий такой, ужас! Ну баба моя и говорит: собирайся, Васильич, и езжай до хирурга!

— Ясно все! Васильич, у тебя от самолечения кирпичом развился ожог с последующим парапроктитом.

— Пара чего?

— Не важно. Гнойник образовался, он сам и вскрылся, но сейчас есть полость, надо лечить в стационаре.

— А так нельзя? Может, выпишешь каких мазей? Я дома и помажу.

— Нет, только в стационаре!

Ох, и намучился я с этим Васильичем! Ни одна стандартная марлевая салфетка ему не годилась, все они были слишком малы. Пришлось стерилизовать обычные вафельные полотенца, смачивать их гипертоническим раствором и заполнять им раневую полость. Да, в рану любителя народной медицины умещалось целое полотенце. Два с лишним месяца закрывалась рана. А столько ушло перевязочного материала! Но, слава богу, Васильич поправился и был выписан с рекомендациями больше не садиться на раскаленные кирпичи.

Проблема закрытия таких обширных ран до сих пор не решена. Приходится иногда применять и полотенца — кстати, неплохой вариант. Гнойные раны в первую очередь необходимо очистить от гноя и некротических масс. Часть можно срезать, а часть всасывается в повязку.

Десятипроцентный раствор поваренной соли, именуемый гипертоническим, нанесенный на марлевую салфетку, хорошо впитывает гной. Основное свойство марли — гигроскопичность. Его и используют при перевязках. Но менять такую повязку надо каждый день, а лучше — два раза в день: через восемь часов ее гигроскопические свойства ухудшаются, а через сутки и вовсе проходят. Повязка начинает работать как источник инфекции.

Никто нам не выдаст столько марли, сколько иногда нужно; тут и выручают вафельные

полотенца.

Вспоминаю тетеньку — деревенскую учительницу, познакомившуюся с нами из-за своей глупости.

Учительница страдала поясничным остеохондрозом. Она не лежала на горячих кирпичках, не закапывалась по шею в навоз (есть и такой метод), а решила воспользоваться услугами заезжего то ли корейца, то ли китайца, практиковавшего восточную медицину, в частности, иглоукалывание.

Я не против китайской, тибетской и прочей нетрадиционной медицины, отнюдь! Но ее должны практиковать профессионалы, а не шарлатаны, коих в те времена развелось великое множество.

Умельцы на цветных принтерах ваяли себе разного рода дипломы и сертификаты с громкими титулами — профессор китайско-вьетнамского направления тибетского нейрогуморального университета или академик естествозначимых медико-биологоразведочных наук, народный целитель Верхней Монголии и Нижнего Тибета и т. п. Причем эти документы настолько хорошо получались, что Остап Ибрагимович позавидовал бы.

Нахватавшись чего-то по верхам и обзаведясь необходимым оборудованием, эти господа рванули зарабатывать бабло. Конечно, в крупные населенные пункты они не совались — слишком велика была вероятность разоблачения, гастролировали по деревням и селам. Деньгами крестьяне были не богаты, поэтому им приходилось порой продавать последнее, чтобы расплатиться с «лекарями».

Целители брались за все — камни в почках и желчном пузыре, язва желудка, артриты, колики, пьянство и прочая. Не было такого заболевания, которое они не лечили бы; другое дело, что их «искусство» мало кому помогало. Но к тому времени, как страдалец понимал, что его кинули, мошенники были уже далеко.

Лжеврачи нигде не останавливались подолгу. Приехав в деревню, вешали объявления о своей деятельности, снимали сельский клуб и начинали практиковать. Как только представители власти начинали ими интересоваться — скрывались в неизвестном направлении.

Вот и наша героиня неосторожно обратилась к такому «профессору». Тот пообещал избавить ее от остеохондроза, радикулита, а заодно и от песка в почках за четыре сеанса иглоукалывания. Женщина продала корову и пошла в клуб.

Пройдя ускоренный курс иглорефлексотерапии, педагог и вправду отметила улучшение: прошли боли в пояснице, она могла сгибаться и разгибаться. Смущала женщину лишь утрата коровы, а еще то, что восточный специалист никогда не мыл руки перед сеансом, а иголки свои втыкал всем подряд, даже не обрабатывая.

Когда она поинтересовалась, почему же он не протирает иголки хотя бы спиртом, китайско-корейский спец ответил, что, дескать, это излишне, так как инструменты изготовлены из серебра, которое убивает всех микробов.

Не знаю, как насчет микробов, но учительницу он точно чуть не убил. Через несколько дней она почувствовала боли в пояснице слева, в том месте, куда чаще колот чудо-доктор. Затем поднялась температура, женщина ослабела, а вскоре и вовсе слегла в постель.

В хирургию она попала в критическом состоянии. Налицо были все признаки сильнейшей

интоксикации. Мы увидели припухлость на пояснице, слева, взяли пункцию — получили гной. Взяли учительницу в перевязочную с рабочим диагнозом «абсцесс поясничной области слева». Ввели больную в наркоз, я сделал разрез — и едва успел отскочить в сторону: из раны хлынул зловонный сливкообразный гной. Медсестра подставила полулитровый лоток — мгновение, и он заполнился; медсестра подставила второй, третий, четвертый, пятый... Гной все лился. Вышло чуть больше трех литров. Три литра гноя!

Когда гнойник иссяк, мы увидели крайне неприятную картину: у женщины выгнили практически все мягкие ткани брюшинного пространства. На дне раны угадывалась почка, позвоночник, ребра, хвост поджелудочной железы. Невероятно! Как она с таким жила?

Промыв полость и удалив некротические остатки тканей, я понял, что обычным способом повязку не наложить: просто не хватит перевязочного материала!

Мы вспомнили про полотенца. Каждый день мы промывали рану и тампонировали тремя вафельными полотенцами, смоченными гипертоническим раствором. Отработанные полотенца дезинфицировали, стирали, кипятили и снова пускали в ход. После третьего использования они напоминали желтую рифленую тряпку, но другого перевязочного материала не было.

Каждая перевязка начиналась с традиционного постанывания:

— Ох, я ж корову продала, а он меня так изувечил!

— Терпите, все под контролем!

Так, обменявшись дежурными фразами, мы начинали работать. Больная терпела, а я старался как можно бережней промыть рану и сменить повязку. По-видимому, иглотерапевт занес женщине инфекцию, которая вылилась в гигантскую флегмону брюшинного пространства. Просто удивительно, что у нее не развился сепсис. [23] Действительно, нет предела человеческому терпению!

Вообще я заметил, что женщины терпеливее мужчин. Ко мне попадали пациентки с такими заболеваниями и травмами, которые мужчина вряд ли выдержал бы.

Однажды я оперировал азербайджанца Ибрагима, тот подрался с армянами. Выходцы из Еревана ударили гордого жителя Баку ножом в спину. Не знаю, что там был за нож, но он со спины пробил насквозь всю печень, желчный пузырь, двенадцатиперстную кишку и оцарапал толстый кишечник. Даже по грубым расчетам, раневой канал был никак не меньше пятидесяти сантиметров.

Главное в хирургии повреждений печени — не оставлять полостей. В них могут скапливаться кровь и желчь, которые потом гноятся и провоцируют абсцессы печени и кровотечения. Для того чтобы ушить печень Ибрагима, не оставив свободного пространства, мне пришлось затампонировать печень частью сальника [24] на всю длину раневого канала, причем для этого пришлось удалить и желчный пузырь, который прикрывал выходное отверстие.

Далее пришлось ушить двенадцатиперстную и толстую кишки. Скажу, что все это было непросто, особенно мне, хирургу, работавшему самостоятельно всего полтора года. Но я справился.

Памятуя о тех, у кого развивался делирий, я позаботился о том, чтобы пациента надежно привязали к кровати широкими ремнями.

Не успел я закончить писать протокол операции, как услышал крики на незнакомом языке. Голосил азербайджанец.

— Чего кричишь? — подошел я к раненому.

— Пить хочу! — сказал он, осмотрев меня мутным взглядом. — Доктор, дай пить! Во рту сушит!

— Тебе нельзя пить! Была серьезная операция, ушита кишка. Попьешь — швы могут разойтись!

— Не разойдутся! Дай пить!

— Нельзя!

— Будь человеком, дай пить!

— Слушай, ты русский язык понимаешь?

— Понимаю! Дай пить!

— Я же говорю, кишка двенадцатиперстная зашита, швы могут разойтись, если попьешь. Двух часов не прошло, как зашили. Понимаешь?

— Да, понимаю! Дай пить!

— Не дам! Всю необходимую жидкость мы тебе в вену будем капать! Все, лежи, отдыхай!

— Ну дайте мне пить!

Чтобы не слышать этот рев, я спустился в ординаторскую и стал писать там. Минут через двадцать прибежала испуганная постовая медсестра:

— Дмитрий Андреич, у нас чепэ!

— Что такое? Что-то с больным?

— Да вы сами посмотрите. Такого вы еще не видели.

Чертыхаясь, я поднялся в послеоперационную палату.

Такого я и вправду еще не видел. Раненый с распростертыми и привязанными руками и с кроватью за спиной стоял в углу, возле умывальника, и, подставив голову под струю воды, жадно пил. Он поднял за спину большую тяжеленную функциональную кровать!

— Как ты сюда попал? — крикнул я, пытаюсь оттащить пациента от крана. — Зачем пьешь?

— Пить хочу! Дайте пить! — пропускаю мои слова мимо ушей, орал раненый.

Вдвоем с медсестрой мы еле оттащили его от крана, вернули кровать в прежнее положение и откатали на место. Отсюда до умывальника было метров пять.

— Маргарита Сергеевна, — обратился я к медсестре. — Объясните, как у вас пациент добрался до умывальника с кроватью на спине?

— Дмитрий Андреич, вы не ругайтесь, не знаю. Пока я уколы по палатам ставила, он и успел. А как, не знаю!

В это время Ибрагима вырвало, фонтан водопроводной воды вылетел из его глотки. Мы вытерли страдальцу рот и сменили постель.

— Дайте пить! — не унимался несчастный. — Хочу пи-и-и-ть!

— Послушай, Ибрагим, — теряя терпение, сказал я. — Тебе нельзя пить! Н-е-ль-зя! Усек?

— Да понял! Дайте пить!

— Маргарита Сергеевна, сделайте ему реланиума два куба! — сказал я и принялся ждать, когда подействует успокоительное, наблюдая за раненым через приоткрытую дверь.

Два миллилитра реланиума, похоже, ему были как слону дробина. Ибрагим продолжал требовать воды, не умолкая ни на минуту. Из соседних палат стали испуганно выглядывать другие пациенты.

Минут через двадцать ор достиг апогея, и привязанный Ибрагим стал елозить на кровати, пытаясь раскачать ее. Я с удивлением наблюдал за ним. Кровать широкая и тяжелая, но худосочному азербайджанцу удалось каким-то чудом раскачать и перевернуть ее.

Кровать упала на бок, раненый поднялся на ноги вместе с ней и снова попытался пробраться к крану. Мы снова уложили его на место. Добавили еще пару миллилитров успокаивающего, после еще. Он заснул только после шести кубиков.

Пришлось организовать круглосуточный пост возле любителя погулять с кроватью на спине. Был ли это постоперационный психоз, я не знаю, так как утром Ибрагим очнулся совершенно нормальным и вел себя смирно. Потихоньку ныл и просил попить, но кровать больше не переворачивал.

Я все боялся, что разойдутся швы на кишечнике и придется оперировать повторно, но все обошлось, и Ибрагим поправился. Я после сам попробовал перевернуть кровать, но у меня ничего не вышло. Через месяц ко мне заглянул и сам автор трюка. Ибрагим принес три бутылки коньяка и сказал «спасибо». Я напомнил ему тот инцидент и попросил повторить: Ибрагим лег на кровать, но перевернуть ее не смог. Мы посмеялись и расстались добрыми друзьями.

В определенные минуты организм способен мобилизовать все свои резервные силы.

В тот год зима пришла рано, уже в ноябре намело снега по пояс. Поздним осенним вечером я возвращался домой на узике «скорой помощи». Мы только что закончили операцию на животе, и «скорая» развозила нас по домам. Сотрудники оперблока жили в разных районах поселка. Первой повезли к дому операционную сестру.

Салон автомобиля не отапливался, я, кутаясь в тулуп, в какой-то момент начал подремывать и прислонился к боковой дверце. Машина была старой, замок дверцы держался на честном слове.

Лихач-водитель резко повернул на узкой сельской улице, замок открылся, дверца распахнулась, и я на полной скорости вывалился из автомобиля. Мне удалось сгруппироваться, и я угодил в придорожный сугроб. Все произошло так быстро, что никто ничего не успел понять.

Я воткнулся головой точно в сугроб, Вошел в снежный холм по пояс, наружу торчали только

ноги. Я засел настолько сильно, что не мог выбраться сам: мешал тулуп и толща снега, стягивающая руки. Кровь прилила к голове, мне не хватало воздуха, еще немного и я задохнулся бы. Но внезапно я ощутил, как кто-то разгребает снег и тащит меня за ноги вверх.

вернуться

23

Заражение крови.

вернуться

24

Жировое образование в животе по типу фартука.

Через пару минут я лежал на дороге. Вокруг стояли члены оперблока и водитель и хохотали в голос. Встав и отряхнувшись, я присоединился к веселью. Все закончилось благополучно, но меня смущал один факт. От дороги до сугроба было не менее двух метров. Как мне удалось, сидя правым боком к обочине, угодить точно в сугроб, а не плюхнуться на мерзлую дорогу и сломать себе шею?

Многие вещи невозможно объяснить с точки зрения формальной логики. Поэтому мы называем их казусами.

Пете Похлебкину не повезло: он попал в стройбат. Прослужив пять месяцев, парень потерял килограммов двадцать собственного веса и приобрел такие твердые мозоли на руках, что запросто мог дергать крапиву без рукавиц.

Но судьба благоволила рядовому Похлебкину, так как его послали на погрузку пиломатериала в населенный пункт, располагавшийся всего в пятидесяти километрах от дома. Мамка Петина приехала и отпросила сыночка домой на одну ночь. Вечером забрала, а к утру обещала доставить служивого назад.

Голодный Петя с порога набросился на еду. Все время внезапной увольнительной он посвятил чревоугодию. Утром отяжелевший стройбатовец в сопровождении мамки поехал к месту службы. Вез его сосед дядя Николай, которому было обещано пол-литра самогона. «Трубы» у дяди «горели», и две трети «оплаты» он выпил залпом, даже не поморщившись. Отъехав километров пять от деревни, раритетный «Москвич 408» взбунтовался и на ровном месте перевернулся вверх колесами.

Дядя Коля отделался легким испугом, мамка сломала ключицу, а Петя получил тупую травму живота. Пока их нашли и доставили в больницу, прошло больше пяти часов. Водитель уже оправился и в лечении не нуждался, женщину загипсовали и, предложив в плановом порядке прооперировать — вставить специальный штифт в место перелома, госпитализировали в отделение.

С солдатом все обстояло гораздо сложнее. Он жаловался на боли в животе, состояние было тяжелым. Выполнив лапароцентез, [25] я получил кровь. Значит, внутренние органы повреждены и кровоточат. Я предположил, что повреждена селезенка.

Взяли Петю в операционную, я открыл брюшную полость. К ране прилежал огромный перераздутый желудок, плавающий в крови. Он закрывал остальные внутренние органы. «Странно, что я не повредил его во время лапароцентеза, — подумал я. — Мы так сильно торопились, что перед операцией не промыли желудок пациента...»

Я разрезал желудок и попытался удалить его содержимое отсосом — но куда там! Весь орган был буквально забит пищей. Была там курица, свиное сало, соленые огурцы, помидоры, картофель, борщ и прочая, и прочая.

Отсос не справлялся и постоянно забивался, так как куски были довольно крупными. Похоже, голодный парень проглатывал куски, так толком и не разжевав их. Пришлось вычерпывать содержимое руками, освобождая желудок. В итоге получилось порядка пяти литров пищи. [26]

Как только желудок уменьшился, со стороны селезенки появилась алая кровь. Отодвинув желудок, я увидел разможенную селезенку. Она практически полностью оторвалась от своей ножки. Получалось, что набитый под завязку желудок сработал как «подушка безопасности»: придавил разможенный орган и остановил кровотечение. Обжорство спасло жизнь Петру Похлебкину.

Селезенку удалили, излившуюся кровь собрали и влили обратно в организм. Парень поправился, но был, к несказанной радости матери, комиссован из Вооруженных сил. Без селезенки он оказался негоден к строевой подготовке в мирное время.

Заканчивая главу, я хочу рассказать одну историю, в которой главный вопрос так и остался нерешенным.

Перед самым обедом в кабинет хирурга вошел грустный молодой человек лет двадцати пяти. Правой рукой он бережно придерживал левое предплечье.

— Здравствуйте! — начал вошедший. — Разрешите.

— Да, да, присаживайтесь, — устало произнес я. — Что случилось?

— Да, вы знаете, не знаю, с чего начать? — замялся посетитель.

— Ну с основного! Что болит?

— Да штука-то вся в том, что ничего и не болит.

— Странно, а что тогда ко мне привело?

— Доктор, я хочу провериться.

— Так, давай по существу! Техосмотр хочешь пройти?

— Нет, не техосмотр, — парень улыбнулся.

— Ладно, тогда выкладывай, а то у меня обед уже начинается.

— Ну, значит так! — выдохнул пациент. — Вчера я маленько выпил и пришел домой, ну слегка пьяный. Ну, Ирка начала кричать, ругаться, ну все такое.

— А Ирка у нас кто?

— Ирка — это моя жена. Ну, в общем, она стала меня ругать, я уж не помню как, но она меня ударила градусником. Вот! — Муж Ирки представил мне свое левое предплечье, на котором была небольшая ссадина длиной около пяти сантиметров.

— Ну и что? — индифферентно осведомился я. — Вот с такой вавкой приперся к хирургу? Не стыдно?

— Да, доктор, вы не обижайтесь. Я бы, конечно, с такой царапиной не пришел, но градусник-то разбился!

— Разбился?

— Точно! Разбился!

— Логично! Раз такая «страшная» рана образовалась! Ладно, все, я обедать, пройди в перевязочную, сейчас тебе руку зеленкой смажут, и ступай домой!

— Доктор, подождите! Градусник разбился, а он ртутный был! И ртути нету!

— Как так нету?

— Не знаю! Она меня градусником ударила, стекло разбилось, а ртуть куда-то пропала! Может, она там? — Молодой человек кивнул на левую руку. — Может, ртуть в руке осталась?

— Что за бред? Как она туда могла попасть?

— Доктор, ну можно проверить? Снимок сделать? Градусник большой был, технический, в нем грамм пятьдесят ртути было, и вся пропала!

— Пятьдесят, говоришь?

— Ага, пятьдесят!

— Нда! Ладно, Любовь Даниловна, напишите ему направление на рентген левого предплечья в двух проекциях. Сделаешь снимок и жди меня. Я обедать!

Через полчаса я вернулся на прием, совершенно забыв о странном пациенте. А он уже ждал меня в коридоре, сияя от счастья:

— Доктор, я ж говорил, она здесь! В руке! Посмотрите!

Я взял снимки — и оторопел: под кожей четко прослеживался металл, причудливой мозаикой заполнивший мышцы предплечья и распространившийся по щелям и фациальным пространствам конечности. «Действительно ртуть! Но что делать? Как ее оттуда достать?»

Не так просто извлечь инородное тело из мышечного массива, как это кажется на первый взгляд. Этот стереотип пришел из кино, где раненому герою непременно удаляют пулю. Удалили — и все проблемы кончились; а как же поврежденные органы? А? При чем пули извлекают любыми подручными средствами, чуть ли не палкой, люди, весьма далекие от хирургии. И никто не задумывается о том, что люди годами могут ходить с осколками и пулями в организме, например, со Второй мировой.

Как-то одному сотруднику милиции, раненному автоматной пулей в ягодицу, я всю задницу разворотил, прежде чем вынул пресловутый заряд. Маленькая пуля-от АК, калибра 5,45, а

разрез получился на двадцать с лишним сантиметров. На снимке отлично видно, а вживую не нащупать и не подцепить, не повредив артерии или нервы. Попробуйте в большой кусок мяса засунуть иглу, а затем аккуратно выудить ее.

Я повел «ртутного человека» в перевязочную, раскрыл рану. Поискал и, — так ничего и не найдя, отправил в областную больницу. Там попытались помочь, но тоже не смогли ничего сделать. А как извлечешь жидкий металл, который «гуляет» по мышцам?..

Самое интересное, что рука парня не беспокоила: не болела, не чесалась, не воспалялась. Но на снимке она выглядела сделанной из металла: ртуть так растеклась по тканям, что заполнила практически все предплечье.

На этой почве у парня развилась паранойя, ему все казалось, что руку непременно отрежут. Промаявшись с месяц, он, заняв денег, махнул в Москву. Не знаю, что сделали в столице; больше я его не встречал.

Много интересного и курьезного было в моей практике. Хочу рассказать вам не о чудачествах пациентов, а о ляпах медперсонала.

Глава 12

О медицинских ляпах

Мы, медики, — люди. Мы не безгрешны, иногда и мы делаем ошибки. Не со зла, а либо от невнимания, либо из-за нехватки опыта. То, что совершается осознанно, уже не ляп, а медицинское преступление.

вернуться

25

Прокол брюшной стенки с помощью троакара — специальной трубки. Это делается для того, чтобы удалить избыток жидкости из брюшной полости.

вернуться

26

Вместимость желудка взрослого человека в среднем равна 3 литрам жидкости или около килограмма твердой пищи.

В первый день работы молоденькая медсестра дрожащими от волнения руками впрыснула под кожу пациента раствор хлористого кальция, который можно вводить только в вену. У больного в этом месте образовался некроз кожи. Что это, ляп или преступление? Наверное, все-таки ляп. Медсестра не хотела навредить пациенту, просто растерялась. Хотя пациенту не легче от того, что ее ошибка не была умышленной.

К хирургу обратился пациент с переломом костей правого предплечья. Врач осмотрел и загипсовал левое. Преступление? Думаю, вряд ли: доктор просто перепугал. Перед ним сидело трое пьяных со сломанными предплечьями, вот он и спутал, кому гипсовать левое, а кому — правое. Не преступление, но ляп однозначно!

Привезли к нам из глухой деревни Ваню Гущина. Он уже неоднократно лежал у нас с разными гнойниками. Ваня страдал сахарным диабетом и сам себе колол инсулин. Диабет часто осложняется воспалением мягких тканей и кожного покрова. Как только Гущин принимался за самогон, пропуская время очередной инъекции, у него моментально возникали гнойники.

В этот раз Ваню доставили с небольшим карбункулом (чиреем) на спине. От него потягивало перегаром.

— Ну, Ваню, опять выпивал? — начал я.

— Да, чуть-чуть всего, Дмитрий Андреич, — слабо улыбнулся Гущин.

— Ваню, миллион раз же сказано, не пей! Ну, что как маленький, каждый раз одно и то же!

— Да не ругайтесь, плохо мне!

— Валя, срочно в лабораторию, пусть сахар возьмут! — приказал я постовой медсестре.

Валя начала работать у нас сразу после окончания медучилища, и за те три месяца, что она провела в отделении, ничем, кроме большого бюста и длинных золотистых локонов, не выделилась. Особой тяги к медицине девушка не испытывала. Зато ее тянуло к врачам. Я не раз указывал ей на неуместность чересчур глубокого декольте. Дуреха обижалась, не понимая того, что наши больные — не святые и что они могут попытаться добиться от нее большего, чем сестринская помощь.

— Дмитрий Андреевич, у Гущина глюкоза 30! — томным голосом доложила Валя через двадцать минут.

При верхней границе в 6,5 это было явно чересчур. «Странно, почему он до сих пор еще не в гипергликемической коме?»

— Введите больному 20 единиц инсулина, через час повторить глюкозу.

— Хорошо, доктор.

— Сама справишься, знаешь, как инсулин вводить?

— Ну да, нас этому учили, — обиделась девушка и, покачивая бедрами, продефилировала в процедурку. Через час она прибежала испуганная:

— Доктор, у больного глюкоза 0,5 и он без сознания!

— Как 0,5? — поразился я.

При нижней границе нормы в 3,5 — это катастрофа! Из гипергликемической больной плавно перешел в гипогликемическую кому. Теперь ему надо было вводить не инсулин, а глюкозу.

— Немедленно ставьте ему сорокапроцентную глюкозу! Так, стоп! Валя, а сколько ты ввела инсулина?

— Как вы вели — 20!

— 20 чего — единиц или миллилитров?

— Ну конечно, 20 миллилитров!

— Валя, ты чудовище! Ты вогнала парня в кому! В одном миллилитре нашего инсулина 40 единиц! Тебе надо было ввести всего полкубика! А ты ввела аж 800 единиц! Ты чем думала?

— Но вы же сами сказали 20! — чуть не плача, с трудом произнесла девушка.

— Боже мой! Валя, ты совсем, смотрю, не ориентируешься в дозировках! Для тебя единицы и миллилитры одно и то же!

— Почему?

— Да потому! Кто тебе диплом только дал? Для чего существуют специальные инсулиновые шприцы? Чтоб набирать небольшие дозы, измеряемые в единицах. Обыкновенным шприцом ты не наберешь 4 единицы инсулина, если надо, так как это всего 0,1 мл! Только специальным, Тонким шприцом можно это выполнить! Ох, Валя, Валя!

— Так и что сейчас делать? — испуганно спросила блондинка.

— Я же говорил уже, глюкозу тащи сорокапроцентную!

— А сколько?

— Начнем с пол-литра!

— А у нас в отделении, поди, и нет столько сорокапроцентной, — едва не плакала медсестра.

— Ищите в других отделениях, берите, где хотите, но начать капать надо немедленно!

Сорокапроцентный раствор глюкозы выпускается в ампулах, и самые большие из них — на десять миллилитров. Чтобы ввести пол-литра, необходимо было 50 ампул.

Мы собрали всю сорокапроцентную глюкозу, которая была в больнице, два дня вводили ее Гущину, но так и не вывели его из гипогликемической комы. На второй день Ваня скончался.

А карбункул-то был всего ничего — два на полтора сантиметра.

Медсестра Валя долго сокрушалась, просила ее не наказывать, заведующий пожалел, да и оставил на отделении, а чтобы опыта набралась, определил ее в процедурку капельницы ставить. Потом неприятный случай с инсулином стал понемногу забываться, и Валя снова расслабилась.

В отделении в это время был больной, перенесший резекцию желудка из-за язвенного кровотечения. Ему были назначены капельницы, в том числе калий для стимуляции кишечника. А калий необходимо капать очень медленно, при быстром введении он вызывает остановку сердца.

Часы показывали конец рабочего дня, а во флаконе оставалась добрая половина раствора. Под окнами Валюшу ждал очередной поклонник. И глупая медсестричка прибавила скорость введения калия.

Через пару минут пациент выгнулся дугой и схватился за сердце. На наше счастье, в отделении в тот момент был реаниматолог — он и спас больного. Иван Григорьевич моментально сориентировался, схватил дефибриллятор и, пропустив разряд тока сквозь

страдальца, вернул того к жизни.

— Ну, как же так, Валентина! — сокрушался заведующий. — Снова ляп! Ты так нам всех больных перебеешь, кого мы лечить будем?

— Леонтий Михайлович, — канючила Валя, размазывая слезы по красивому личику. — Я правда больше не буду! Ы-ы-ы! Простите меня, пожалуйста!

— Валентина, ну сколько тебя можно прощать, а?

— Ну последний раз! Леонтий Михайлович, я исправлюсь! Ы-ы-ы!

И в тот раз простил глупую девку доктор Ермаков и пустил Валю к больным. Не ведаю, как так получилось, но буквально через неделю тот же пациент, Валя и калий сошлись в одном месте.

На сей раз калий больному назначил терапевт. Пациента собрались выписывать домой, а ЭКГ была не очень: сказывался разряд тока, выданный дефибриллятором. Валя зарядила капельницу, вошла в вену... Тут с улицы засвистел ее поклонник. Блондинка мужественно сопротивлялась соблазну, старалась не замечать бойфренда, но когда во флаконе оставалось совсем чуть-чуть раствора, сдалась и открыла на полную.

На сей раз рядом был сам заведующий отделением, он быстро помог больному дефибриллятором и снова спас его жизнь.

— Все, Валентина, терпению моему пришел конец! — грозно произнес заведующий, когда все страшное осталось позади. — Или пиши заявление по собственному, или я пишу рапорт о полном служебном несоответствии.

— Леонтий Михайлович, я больше не бу-у-у-уду! — завела Валя старую песню.

— Валя, все! Никаких поблажек! Больше ты у нас не работаешь!

— Леонтий Михайлович, а я беременна.

— И что теперь?

— Ну, вы же не уволите беременную женщину? КЗоТ запрещает!

— От дает! Ну, девка! Какой срок?

— Двенадцать недель ставят.

— Хорошо, оставайся. Но пока в декрет не ушла, я тебя к процедурке и на пушечный выстрел не подпущу! Будешь больных кормить да перевязочный материал крутить. Ясно?

— Ясно, Леонтий Михайлович!

К нашему счастью, Валя в скором времени ушла в декрет и плавно перешла во второй, не выходя из первого. Всем так было лучше.

К сожалению, ляпы чаще всего происходят из-за нашей лени и элементарного нежелания шевелить мозгами.

— Дмитрий Андреевич! — кричит фельдшер «скорой», молодая симпатичная деваха. — Мы вам

тут бабушку с острым аппендицитом привезли. Куда ее?

— Ну, вроде в пятой палате место было, положите пока туда. Я в перевязочной пока занят, сейчас освобожусь, посмотрю.

— Хорошо, я сопроводительный талон на посту оставлю, я вам не нужна?

— Не знаю, а там похоже на аппендицит?

— Похоже, я лаборантку уже вызвала, только бабушка эта немного странная.

— Ладно, сейчас перевязку закончу и посмотрю, — отвечаю я, пропуская информацию о странности бабушки мимо ушей.

Фельдшер ушла, я отправился знакомиться с новенькой. На кровати лежала, уставившись в потолок, пожилая женщина с морщинистым лицом. Правую руку больная прижимала к животу.

— Добрый вечер! — бодро начал я. — Что с вами случилось? Живот болит?

Женщина и бровью не повела. Я переспросил громче, подумав, что она плохо слышит. Снова ноль реакции.

— Эй, уважаемая, вы меня слышите? — почти прокричал я в ухо пациентки.

Та не шелохнулась.

Я тронул ее за руку, и она немедленно схватила меня за кисть и забормотала что-то нечленораздельное, интенсивно шевеля красными губами. Приглядевшись повнимательней, я вдруг понял, что передо мной слепоглухонемой человек. Но как фельдшер догадалась, что у нее аппендицит? Я бросился к телефону:

— Алле, Марина? Это Правдин говорит. Марина, а как вы определили, что у пациентки острый аппендицит, если она слепоглухонемая, и почему меня не предупредили об этом?

— Дмитрий Андреевич, нас родственники вызвали, сказали, что второй день держится за живот и мычит. Ну, подумали, что аппендицит. А вам я сказала, что она странная.

— Да, сказали! Только забыли отметить, что она ничего не видит, не слышит и сказать не может!

— Но живот у нее болит, как аппендицит исключишь?

— Марина, у нее там расчесы, укусил кто-то, она и чешет это место второй день! А живот абсолютно мягкий, никак не реагирует на пальпацию!

— Я думала, — начала Марина.

— Ничего вы не думали, — перебил я. — Увидели, что держится за живот, и к нам незамедлительно! Хирурги разберутся!

Конечно, я блефовал; я не был стопроцентно уверен в том, что у старушки нет аппендицита, но безалаберную фельдшерицу стоило проучить!

Тяжело поставить диагноз такой больной. Но путем динамического наблюдения и при помощи

анализов нам удалось избежать ненужной операции: аппендицит не подтвердился.

Я все время конфликтовал с работниками «скорой помощи»: они доставляли больных в отделение, порой даже не разбираясь, нужно их госпитализировать или нет.

Да, я преклоняюсь перед «скорой», они всегда на «линии огня», но ляпы, которые они допускают, — это что-то особенное! Вот два самых серьезных.

Первый: пациенту с венозным кровотечением конечности накладывают жгут выше раны. Но кровь по венам течет к сердцу, от периферии к центру. Жгут, наложенный выше раны, усиливает кровотечение, так как по артериям кровь движется от сердца к периферии и, совершив газообмен, возвращается назад по венам, а жгут не дает ей этого сделать, и кровь вытекает наружу. Надо наложить или очень плотный жгут, чтобы сдавить и подлежащие артерии, или хорошую давящую повязку. Не раз мне приходилось останавливать венозное кровотечение простым снятием жгута. Снял — и кровь перестала сочиться из раны.

Второе: часто при кровотечениях начинают поднимать давление до нормальных цифр, не разбираясь, что кровоточит — язва желудка или огнестрельная рана. Этого ни в коем случае нельзя делать. Организм так реагирует на кровопотерю — снижает артериальное давление. Есть у больного давление 80/40 или 70/30 — и слава богу! Повышая его до 120-130 по верхней границе, мы провоцируем усиление кровотечения. Я знаю случаи, когда это губило пациентов.

Ну что ж, средний медперсонал обсудили — пора перейти к врачам, людям с высшим медицинским образованием. И мы допускаем ляпы.

Самый большой ляп хирурга — это оставить что-нибудь в животе пациента. Многие грешат этим, но лишь единицы сознаются. Кто-то из корифеев сказал, что каждый хирург хоть раз в своей жизни да забыл внутри пациента инструмент или салфетку. Хорошо, если сразу спохватился...

Операционная медсестра должна отслеживать наличие инструментов и салфеток, тампонов, шариков и прочего материала. Но ночью, когда заканчивается большая, кровавая операция, вполне возможны ляпы.

Пришлось мне оперировать женщину с проникающим ножевым ранением брюшной полости, у нее был поврежден тонкий кишечник. Когда я зашил дырки в органе, то увидел в области малого таза какой-то необычный конгломерат из сальника и петель тонкой кишки. Я разъединил ткани и нашел... стеклянный шприц с проржавевшим поршнем и согнутой иглой. На боку четко читалась дата изготовления — 1949 год.

Потом мы выяснили, что в 1956 году, пятьдесят лет назад, больную оперировали по поводу внематочной беременности. Операции в большинстве своем выполнялись под местной анестезией. Использовались разные шприцы и иглы, вот один каким-то образом хирурги и забыли в животе. Удивительно, но забытый инструмент не навредил своей хозяйке: он ушел глубоко в малый таз, покрылся капсулой, к нему подпались сальник и кишечник, и все это спокойно пролежало полвека.

Я сердился на неизвестного мне хирурга:

— Ротозей! Как можно было шприц с иглой забыть?

— Не суди, и не судим будешь! — напомнил мне заведующий.

— Как «не суди»! — возмутился я. — Забыть шприц! Как только он не лопнул, вот тогда бы мог дел натворить!

— Дима, не горячись. Всякое в жизни бывает. И у тебя ляпы могут быть!

— Ни за что! — самоуверенно возражал я. — Вообще не понимаю, как можно инструмент в животе забыть.

— У тебя еще все впереди!

Сработал закон парных случаев. Не прошло и недели, как я достал следующий предмет из следующего живота.

К нам поступила девочка пяти лет с лигатурным свищом. Месяц назад ее прооперировали в одном из лечебных учреждений области по поводу острого аппендицита. Выписали из стационара, все было хорошо, но пару недель назад в области рубца стала сочиться мутноватая жидкость. Так бывает, когда организм отторгает шовный материал; и пока его не уберешь, продолжает отделяться сукровица. Мы называем это явление лигатурным свищом.

Я зондом проверил свищ — тот уходил куда-то в глубину, в сторону слепой кишки, на которой располагался аппендикс. Мы решили взять девочку в операционную, дать наркоз, и под общим обезболиванием удалить все нитки, вызвавшие воспаление.

Ребенка усыпили, я начал искать нитки — и на меня внезапно полилось содержимое кишечника. Стало ясно, что у девочки не лигатурный свищ, а кишечный. Пришлось расширить рану и выйти на кишку. Оказалось, что на предыдущей операции хирурги забыли в животе марлевую салфетку. Та лежала на тонкой кишке и вызывала пролежень (дырку). Салфетка и больная кишка отграничились спайками от остальных органов, и из послеоперационного рубца стал подтекать кишечный сок.

И эта история закончилась благополучно. Свищ резецировали (вырезали) вместе с участком больной кишки, ребенок поправился. Родители поначалу собрались подать в суд на прежних хирургов, но передумали на радостях, что все обошлось.

— Не понимаю, как можно было забыть салфетку? — возмущался я.

— Дима, не начинай! — отозвался Леонтий Михайлович. — Со всеми бывает.

— Вы так их покрываете, наверное, тоже забывали?

— Наверное, — беззлобно отозвался Ермаков. — Вот когда сам наступишь на грабли, тогда поймешь.

— Леонтий Михайлович, я предпочитаю учиться на чужих ошибках.

— Хорошая поговорка, но ты забыл и еще одну.

— Какую?

— Не ошибается только тот, кто ничего не делает.

— Да бросьте вы! Не надо покрывать таких хирургов! У нас ответственная работа, ляпы недопустимы!

— Дима, я с тобой полностью солидарен, но обвинять людей ты не имеешь права. Ты же не знаешь, при каких обстоятельствах они забыли эту злосчастную марлю. Может, это у них была десятая операция за сутки! Они с ног валились от усталости, а человек не робот!

— Нет, Леонтий Михайлович, тут я с вами не согласен. Да хоть двадцатая! Ты за жизнь человека отвечаешь и не имеешь права на ошибки!

— Ну, ты прав! Сто процентов прав, как ни крути. Посмотрим, что ты скажешь, когда сам в такую ситуацию попадешь.

— Да бросьте! С чего мне так ошибаться?

— А, я заметил, как кто-то начинает кого-то осуждать, то непременно вскоре и сам в такую же лужу садиться.

— Ладно, я не буду с вами спорить, поживем — увидим.

— Вот и правильно, не спорь! В медицине все бывает!

Я дипломатично промолчал, считая, что заведующий неправ, но жизнь расставила все по своим местам. Мой собственный ляп был уже не за горами.

За окнами операционной забрезжил рассвет, подходила к концу вторая операция. Первая была не очень тяжелой — аппендэктомия, но начали мы поздно, около полуночи. К часу ночи привезли вот этого толстого мужика с разрывом селезенки, попавшего в автокатастрофу.

Не успели мы убрать операционную после аппендэктомии, как я выполнил лапароцентез, получил кровь в животе и призвал группу снова мыться.

Операция прошла успешно, я удалил разорванную селезенку, собрал и перелил излившуюся в живот кровь, подвел дренаж к ложу удаленного органа. Оставалось зашить рану и наложить повязку. Все изрядно устали и хотели скорее закончить операцию.

Спина у меня взмокла, по лбу струился пот — и внезапно зверски зачесался нос. Чесать руками нельзя, они стерильные. На секунду я отвернулся и почесал нос о дыхательный аппарат. А когда повернулся к столу, то не увидел лопатки Ревердена. Это большая металлическая лопатка под килограмм весом, мы ее используем как щит при ушивании передней брюшной стенки, чтобы ненароком не повредить иглой внутренние органы. «Странно, когда я отворачивался, она была в животе, а сейчас нету...»

— Артур, а где лопатка? — спросил я лор-врача, ассистировавшего мне сегодня.

— Похоже, я ее скинул в тазик, — ответил смертельно уставший коллега.

— Точно скинул?

— Точно. Видишь — нет ее.

— Рано скинул, тут еще половину не зашили.

— Дима, слушай, давай заканчивать, спать охота! Утром на работу же! Что, без лопатки не зашьешь?

— Да зашью, без проблем.

Через полчаса наложил последний шов, заклеил рану и вышел из операционной писать протокол операции. Не успел начать, как в ординаторскую вошла бледная Людмила Пахомова, наша операционная сестра, и сказала испуганно:

— Дмитрий Андреевич, лопатка пропала!

— Какая? — не понял я.

— Лопатка Ревердена!

— Ты уверена?

— Да, я весь инструмент собрала, ее нигде нет!

— А в тазике мусорном смотрела?

— Да все перерыла! Как сквозь землю провалилась! Вы ее в животе не оставили?

— В животе? Не знаю... Она же такая большая!

— Ну, и где она? Доктор, похоже, вы на самом деле ее оставили в животе. Помните, когда вы нос чесали? Она могла и в живот ускользнуть.

— Но Артур утверждает, что в тазик выкинул.

— Артур стоя спал, мог и не заметить.

— Ладно, где пациент?

— В операционной еще, Аркадий Ильич его будит.

— Люда, накрывай стол, надо быстро живот расшить, чтоб никто не заметил, я сделаю ревизию и постараюсь незаметно вытащить лопатку, если она, конечно, там.

— Да, там она! Больше негде! Только что вы Трошину скажете? Он же по всей больнице разнесет!

— Иди, разворачивай стол, Трошина беру на себя.

Аркадий Ильич Трошин, наш второй анестезиолог, уже вышел на пенсию, но дома не сидел, а продолжал работать и просто обожал сплетничать.

Я вошел в операционную. Больной еще не пробудился, и Трошин продолжал колдовать над ним.

— Аркадий Ильич, я дико извиняюсь, но, похоже, вам придется еще раз дать этому парню наркоз.

— А что такое? — встрепенулся анестезиолог.

— Да видите, по дренажу ничего не бежит, похоже, он сместился, надо поправить, — брякнул я первое, что пришло в голову.

— А так нельзя?

— Аркадий Ильич, а как? Надо же к ложу уложить, а это только изнутри можно сделать. Да вы не беспокойтесь, я быстро! Полностью раскрывать не буду, сниму несколько швов, чтобы только рука пролезла, и на ощупь установлю! Пять минут.

— Ох, Дима, Дима! Ну и лопух же ты! Надо было проверить, как дренаж установил, когда из живота уходил, — начал бурчать старый анестезиолог.

— Да я быстренько! — заверил я и подмигнул медсестре.

Трошин дал наркоз, я снял треть швов и засунул руку в теплый живот. Шевеля пальцами, я начал аккуратно ощупывать мягкие органы. Стоп! Лопатка!

— Люда, — зашептал я медсестре, — отвлеку Ильича, кажется, нашел!

— Аркадий Ильич, вы не откроете мне кетгут? А то санитарка вышла, — подыграла мне Людмила.

— Конечно, конечно, Людочка! — отозвался Трошин и, передав маску анестезистке Вере, отошел от операционного стола.

Я мгновенно выудил злосчастную лопатку из тела и незаметно для всех скинул в тазик:

— Все, Аркадий Ильич! Готово! Установил!

— Так быстро? Молодец! Ну, давай зашивай!

Я закрыл операционную рану и, подавленный, отправился в ординаторскую. Меня догнала Людмила:

— Доктор, да не переживайте так! Все же обошлось!

— Да, обошлось, но я никогда не думал, что это произойдет со мной!

— Это жизнь, в ней всякое бывает.

— Теперь меня все засмеют!

— Дмитрий Андреич, мы никому не скажем. Кроме меня и Веры, никто не знает.

— Правда?

— Правда. Только вы больше не ругайте других хирургов.

— Каких?

— А помните, как вы злились на тех, кто забыл шприц и марлю?

— Помню...

— Ну и как?

— Как видишь, скверно. Все, больше не буду... Сам такой.

— Не убивайтесь так, вы же не специально забыли.

— Не специально, но все равно это ляп!

Этот случай научил меня не быть чересчур самоуверенным.

Однажды, около девяти утра, ко мне обратилась Нина, медсестра с терапии, молодая девушка, недавно вышедшая замуж. На ночном дежурстве она почувствовала недомогание, боли в животе и общую слабость. Вскоре боли прошли, но слабость сохранилась. При осмотре бросалась в глаза бледность ее кожи.

— Нина, ничего опасного не вижу, но надо срочно сдать анализ, пройти УЗИ брюшной полости и показаться гинекологу.

— Доктор, аппендицита нет?

— Ну, на аппендицит не похоже, но надо исключить внематочную беременность.

— Ладно, сделаю УЗИ и анализы, а к гинекологу не пойду.

Нина ходила на УЗИ, врач выдал заключение, что беременность есть, но плод находится внутри матки, анализы тоже спокойные. Я еще раз осмотрел девушку:

— Нина, все же мне твой живот не нравится, что-то в нем не так. Давай положим тебя в отделение, понаблюдаем?

— Дмитрий Андреевич, ну раз нет аппендицита и внематочной, я домой пойду. Я через дорогу живу, если хуже станет — сразу к вам прибегу.

— Ну, хорошо, — с сомнением в голосе отозвался я. — Иди домой. Но если что, сразу к нам!

Девушка ушла, а я отправился на прием. После обеда прибежала заведующая лабораторией:

— Дмитрий Андреевич, у вас Нина Карпова, медсестра с терапии, сегодня была на приеме?

— Была, а что случилось?

— Вы ей анализы назначали?

— Назначал, кровь, мочу. Вроде нормальные.

— Да перепутали анализы! Сегодня две Карповы приходили анализы сдавать! В инфекционном отделении тоже Карпова работает, только Галя. Вам Галины анализы отдали, а вот Нины!

— Вот это да! — изумился я, разобрав анализы. — У нее ж гемоглобин 50, почти в три раза меньше нормы, похоже на внутреннее кровотечение.

— Я тоже так подумала, поэтому как увидела — сразу к вам!

— Надо немедленно кого-то за ней послать! Спасибо вам!

Я бросился к телефону, набрал заведующую терапии и в двух словах объяснил, в чем дело. Элеонора Потаповна Волгина среагировала на удивление быстро: послала старшую медсестру и санитарку домой к Нине. Не достучались, так ворвались, благо дверь была не закрыта: Нина от большой кровопотери легла на пол и стала засыпать.

На операции мы обнаружили внематочную беременность и около трех литров крови в животе. Оказалось, что маточная труба каким-то образом завернулась за матку и во время УЗИ спроецировалась как нормальная беременность. И путаница с анализами «помогла».

К счастью, все обошлось, Нину спасли.

Николай Иванович Пирогов [27] никогда не скрывал своих ошибок, свободно рассказывал о них и учеников своих заставлял следовать его примеру. Наверное, он был прав. Лучше учиться на чужих ошибках, но скрывать свои ляпы — совсем нехорошо.

вернуться

27

Русский хирург и анатом, естествоиспытатель и педагог.

Например, как-то раз к нам обратился мужчина с жуткими болями в животе. Вчера в соседнем районе слегка трезвый хирург наложил ему троакарный свищ мочевого пузыря по поводу острой задержки мочи. То есть проколол его мочевого пузырь специальным инструментом и поставил трубку из-за того, что больной не мог самостоятельно помочиться.

При осмотре я заметил симптомы перитонита, взял мужчину на операцию. Лапаротомия открыла полный живот мочи. При детальном осмотре я выявил дырку на задней стенке органа: пузырь был проткнут насквозь. Пришлось зашить дырку и подшить переднюю стенку пузыря к передней брюшной стенке, сформировать надлобковую эпицистостому (соустье), как этого требуют хирургические каноны. Во время операции я нашел большой камень в пузыре, сантиметров на пять. Родственникам объяснил, что якобы был пролежень задней стенки, из-за чего и возник мочевого перитонит.

Жена страдальца недоверчиво смотрела на меня:

— Я видела, он инструментом как штыком орудовал! Может, проткнул пузырь?

— Нет, пролежень! — твердил я.

Мужчина поправился. Я позже звонил его хирургу, пытался поговорить по душам, но он меня даже не захотел слушать, каждый раз швырял трубку. Видимо, зря я старался, как говорят вульгарные американцы, прикрывал его задницу, а сей докторишка и не оценил в должной мере моего благородства.

Глава 13

В командировке

Не успел я оглянуться, как уже заканчивался 1997 год. Стоял конец ноября, и в наших краях уже почти с месяц как обретала настоящая, полноценная зима со снегом, вьюгой, высокими сугробами и суровыми морозами, доходящими пока до тридцати градусов.

Почти два с половиной года я работал в ЦРБ. За этот период многому научился, многого достиг, и то, что раньше казалось архисложным, стало вполне выполнимым.

Два месяца назад к нам приехал третий хирург.

Он оказался старым пьющим неудачником, который кочевал из больницы в больницу, не имея ни семьи, ни дома, пока его не прибило к нашему порогу. Звали его Еремей Александрович Бурлаков, а проще — Саныч, было ему в ту пору 52 года, из них почти 30 он трудился хирургом. С этим почтенным стажем «дослужился» он пока лишь до первой категории — очень уж он любил приложиться к рюмке. Как говаривал сам Саныч: «Я не любитель выпить, я профессионал!»

Леонтий Михайлович посадил «профессионала» на прием, а меня перевел в отделение. Теперь мы оперировали, а Саныч «гнил» на приеме. На первых порах Бурлаков пытался протестовать, говоря, что тоже хочет оперировать, но заведующий осадил его пыл, объяснив про испытательный срок: «Не будешь пить — допущу к столу». Саныч смирился.

Бурлакову дали комнату в общежитии, где он, конечно, попивал, но на работу всегда приходил вовремя и трезвый. А когда был экстренным (мы поделили месяц по десять дней на каждого), то и вовсе отлично справился, даже с молчаливого согласия заведующего прооперировал два острых аппендицита.

Зарплату нам по-прежнему задерживали, в октябре получили деньги только за март. Удивительно, но мы привыкли к такому обращению и даже не могли себе представить, что где-то есть работы, на которых платят сразу. Поэтому я с радостью согласился на предложение Леонтия Михайловича.

— Дима, — начал заведующий. — У меня есть однокурсник Лева Штилерман, он сейчас главным врачом одной из ведомственных больниц работает, на севере. Он мне вчера позвонил и пригласил на месяц поработать, обещал приличные деньги и оплату проезда. У них один хирург в отпуске, другой заболел. Вот на время отпуска и надо прикрыть. Работы там немного, а деньги приличные платят. Я вот подумал, что староват уже для этого дела, а ты, если хочешь, съезди.

— Это как бы в командировку?

— Ну да, типа командировки, только без командировочных, зато с зарплатой. Бери отпуск и езжай! За сутки доберешься до поселка Амазара, что стоит практически на самом стыке северо-запада Амурской и востоке Читинской областей, надо отработать с 29 ноября по 29 декабря, на Новый год уже дома будешь. Ну как, согласен?

— Конечно, согласен, только отпустит ли главный? Да и вы как тут один?

— Главный отпустит, ты уже третий год в отпуске не был — я договорюсь. А я не один остаюсь, Саныч же есть!

— А вдруг запьет?

— Я ему рот зашью. Ну едешь?

— Еду!

С главврачом мы все уладили, меня отпустили на месяц. Два часа на сборы — и вот я уже в купе скорого поезда, еду по заснеженным полям и лесам в командировку. Человек хоть раз в год должен менять обстановку! Честно говоря, я уже устал сидеть на одном месте. Хотелось свежих впечатлений.

Чем ближе я подъезжал к пункту назначения, тем холоднее становилось за окном и в купе.

Ровно через сутки я прибыл в благословенный Амазар. Выйдя на заплеванный перрон, я сразу почувствовал: это настоящий север. Лицо ожег сорокаградусный мороз, который моментально заставил меня опустить «уши» на шапке. Дома у нас в тот момент всего каких-то минус пятнадцать. Какие разительные климатические перемены!

Когда подходил к железнодорожному вокзалу, меня чуть не сбил мотоцикл с коляской. На самом мотоцикле и в коляске сидело пятеро изрядно пьяных граждан без касок. Чудом не наехав на меня, водитель закрутил лихой вираж, не справился с управлением и въехал в близстоящий сугроб. Пассажиры вместе с ним как горох посыпались с мотоцикла и кубарем покатались по обледенелой дороге.

— Ну вот, не успел приехать, а уже работенка по специальности нарисовалась, наверняка этих типов сейчас в местную больницу привезут, и придется ими заниматься, оказывать хирургическую помощь, — вслух проговорил я. — И ошибся: парни, кряхтя и матерясь, поднялись, покачиваясь, поставили перевернутого «железного коня» на колеса, чинно расселись на нем и, обдав вашего покорного слугу удушливыми выхлопными газами, скрылись в морозной дымке.

— Здравствуйте, а где тут у вас больница? — спросил я у приятной розовощекой женщины в оранжевой жилетке, вышедшей из здания вокзала.

— У, это далеко, однако. Пойдешь вон туда, за вокзал, и прямо, никуда не сворачивая, дойдешь до водокачки, там повернешь налево, еще пройдешь чуток, и больница будет. В случае чего спросишь у людей, понял?

— Да, понял. А скажите, автобусы у вас ходят?

— Чего? Автобусы? Ну, милай, чего захотел, отродясь у нас автобусов не было. А тебе зачем в больницу-то?

— Да я хирург, в командировку приехал, на месяц.

— А, новый врач! Так что же ты молчишь? Пойдем в больницу позвоним, они за тобой машину вышлют. Из области будешь?

— Ну, вроде того. Да не надо машину, я пешком дойду.

— Пошли, пошли, сейчас от дежурного по вокзалу позвоним, чего тебе ноги топтать.

— Спасибо!

— Идем, отогреешься хоть.

Через полчаса я трясся в уазике. Разговорчивый водитель все расспрашивал меня о месте жительства, о работе... Через десять минут мы были на месте. «И вправду, пешком бы я часа полтора шлепал, по такому-то морозу!» По пути мы видели еще пьяных мотоциклистов, гоняющих без касок.

— Что-то смотрю, у вас много мотоциклистов, — проговорил я.

— А у вас что, меньше? — удивился водитель.

— Ездят, но не зимой же!

— А какая разница?..

— Да, весело тут у вас!

— Ну, точно не соскучишься! — оскалился бравый шофер.

Больница располагалась в одноэтажном деревянном здании, построенном каре, и принадлежала железной дороге. Со стороны центрального входа размещалась администрация, далее по часовой стрелке: роддом, терапия, хирургия, детское отделение.

— Вы пока идите на кухню, там чаю попьете, Лев Исаакович уже распорядился, а потом к нему, сейчас у них планерка, — скороговоркой объяснил водитель и отвел на пищеблок.

На территории больницы стоял самый настоящий рубленый дом, где колдовала у плиты дородная розовощекая женщина лет сорока.

— Ниловна, покорми гостя, это хирург из города, на время, вместо Горбунова, — произнес шофер.

— Дверь закрывайте, а то избу выстудите! — отозвалась Ниловна. — А вы, доктор, не стесняйтесь, раздевайтесь, вон там руки мойте и садитесь, сейчас вам покушать принесу.

Я огляделся: печь, умывальник, стол с белой скатертью, крынка с молоком. Мне показалось, что я попал в прошлый век — таким здесь все было архаичным и милым.

Сытно позавтракав свежесваренной пшенной кашей на молоке и выпив крепкого чаю с белым хлебом, я в сопровождении Ниловны отправился к главврачу.

— О, Дмитрий Андреевич, ждем, ждем! Здравствуйте! — поприветствовал меня хозяин больницы, вставая из-за стола. — Я — главврач Лев Исаакович Штилерман. Как доехали, добрались?

— Спасибо, неплохо. Вам искренний пламенный привет от вашего институтского друга Леонтия Михайловича!

— Как он, жив курилка?

— Да, нормально, работает.

— Да, да! Летит время! Мы же с ним в одной комнате в общаге все шесть лет прожили, — мечтательно произнес Штилерман, затем его лицо стало серьезным. — Ладно, перейдем сразу к делу. Оформим тебя по временному договору, на контрактной основе, у меня тут финансовая лазейка имеется, впрочем, подробности тебе знать не обязательно, но деньгами не обижу, работы немного, в основном прием и экстренная помощь. Леонтий говорил, ты уже все оперируешь.

— Ну, пытаюсь.

— Аппендицит, прободную язву, ущемленную грыжу сам оперировал?

— Да, конечно!

— Ну и замечательно! Жить будешь в хирургическом отделении, там тебе палату выделили отдельную, питаться в пищеблоке, баня через дорогу, договорюсь, тебя бесплатно мыть будут.

Устраивают условия?

— Вполне устраивают! Лев Исаакович, а анестезиолог у вас свой есть в наличии?

— А как же! Замечательный парень, первую категорию недавно получил.

— А когда с ним можно познакомиться?

— Ну, в ближайшее время познакомишься.

— А он в данный момент работает?

— Работает, только он, понимаешь, Дима, охотой не на шутку балуется. Можно сказать, родился с ружьем в руках. Мы тут все понемногу охотники, тайга же рядом. В общем, он капканы пошел проверять. Сейчас его нет.

— Капканы? — удивился я.

— Да, капканы, а что?

— Да нет, ничего, а когда он придет?

— Когда, когда, — начал почему-то раздражаться главврач. — Как обычно!

— Извините, — стесняясь своего явного невежества, задал я следующий вопрос: — А обычно — это когда? Я ж ваших порядков не знаю...

Штилерман с удивлением посмотрел на меня, словно на ребенка, не понимающего самых элементарных вещей:

— Как обычно — это недели приблизительно через две.

— Две недели будет проверять какие-то капканы? — не поверил я своим ушам.

— Не меньше, — согласно кивнул главврач. — Он же их в радиусе пятидесяти километров расставил, а то и больше, потом вот ходит и проверяет. У него там зимовье добротное имеется, так что бояться нечего, не замерзнет.

— Так, а мне что тогда делать, если, не дай бог, что-то серьезное произойдет? Ну, не знаю, прободная язва там, ножевое ранение в живот, да хоть что. Как без анестезиолога?

— Сплюнь! У нас последний раз ножевое в живот и прободная язва аж в прошлом году были. У нас же охотники все, если кого ножом саданут или с ружьишка пальнут — то все, амба! Медицина не нужна! Профессионалы! И язвенников немного, народ северный, закаленный, здоровый! Усек?

— Вы хотите сказать, что оперировать некого?

— Ну почему же некого, — начал перечислять заведующий. — Аппендициты есть, грыжи ущемленные, панариции, раны, переломы, вывихи, но все под новокаином можно сделать. Местной анестезией хорошо владеешь?

— Ну, оперировал. Но без анестезиолога все равно как-то тоскливо.

— Ну, если уж совсем немогуту будет — из Сквородино вызовешь, всего километров 350 от нас, по железке часов семь ехать. Это, правда, уже Амурская область, но у нас договоренность с ними имеется, что в случае непредвиденных обстоятельств они нам помогут. Но это на крайний случай. Да тебе всего десять дней без анестезиолога нужно будет, Виталья четыре дня как ушел в тайгу, он пунктуальный, может, даже на день раньше вернется, — успокоил меня Лев Исаакович. — Главное — не дрейфь! Сестры у нас опытные, Любовь Андреевна, ей вон за семьдесят, а еще работает. Между прочим, на фронте была! Видела, как генерал Ватутин умер, можно сказать, у нее на руках. Слышал про такого?

— Конечно, слышал. Его бандеровцы в сорок четвертом ранили под Киевом.

— Правильно, а она у него на операции сестрой стояла. Молоденькая еще была, только после медучилища!

— Ого, какие у вас кадры работают!

— А то! И еще как работают! Ладно, пойдем, покажу отделение, познакомлю с персоналом, потом зайдешь в канцелярию, оформишься.

— Лев Исаакович, а почему у вас шины Беллера на улице лежат? — спросил я, когда мы прошли мимо груды приспособлений для скелетного вытяжения.

— Да, понимаешь, кладовка развалилась, а в отделении помещений нет. Вот к лету новую построим, тогда и уберем.

— К лету? А до этого времени их на металл не сдадут?

— Да, ну! Кому они нужны? У нас тут все лесом занимаются, даже и пунктов приема металла нет.

— Повезло вам, а у нас в поселке чуть ли не изо рта ложку выхватывают, если она алюминиевая.

— Да, да, мне известно про такую напасть. Но поверь, в лесном бизнесе страсти еще покруче кипят. Смотри не оступись, здесь ступенька стесалась.

Отделение хирургии состояло из пяти палат на 5–6 человек, отопление было печным, а канализация — централизованной, туалет и умывальник работали отлично. У входа располагалась ординаторская, сестринская, процедурка, дальше — столовая, перевязочная и палаты по обе стороны длинного коридора, в конце которого находилась святая святых отделения: операционная и комната старшей медсестры.

Главврач представил меня старшей сестре и удалился по своим делам.

— Любовь Андреевна Мальцева, — отрекомендовалась та. — Я здесь и старшая операционная.

— Дмитрий Андреевич Правдин, хирург, — представился я и, не удержавшись, спросил: — А вы правда на фронте были и Ватутина видели?

— От трепло! Уже и вам рассказал! — ругнулась Любовь Андреевна, но тут же смягчилась: — Правда. Едва медучище закончила в сорок третьем, и сразу на фронт. Ладно, после об этом поговорим, пойдемте, покажу вашу комнату. Сейчас больных мало, мы одну палату освободили, возле печки, чтоб теплей было.

Глядя на нее, я не мог поверить, что эта с виду еще совсем не старая энергичная женщина и фронт прошла, и до сих пор могла работать в операционной. Словно угадывая ход моих мыслей, Любовь Андреевна проговорила:

— Сейчас на операциях мало бываю, у нас еще одна операционная сестра есть, помоложе меня, но она сейчас в отпуске, так что с вами я буду стоять. Не возражаете?

— Ну, как можно, Любовь Андреевна, помилуйте! Наоборот, сочту за честь оперировать с вами.

В этот момент меня позвали осматривать только что доставленную больную.

Здесь смотровая была прямо возле входа, на кушетке. Пациентка, бабушка 80 лет, больше суток страдала болями в животе. Обратилась в больницу еще утром, но ей сделали только анализы и велели ждать хирурга, то есть меня. Исследовав пациентку и ознакомившись с результатами ее анализов, я вынес вердикт — «острый аппендицит» и обратился к старшей сестре:

— Любовь Андреевна, с корабля на бал! Готовьте операционную, у нас аппендицит!

— Дмитрий Андреевич, вы местной анестезией владеете? А то у нас анестезиолог в тайге.

— Не беспокойтесь, аппендициты под местной оперирую.

Через сорок минут я стоял возле операционного стола, а в качестве ассистента выступила старшая медсестра. Основательно обезболив бабушку, сделал первый разрез и увидел... неизменный червеобразный отросток.

— «Что за черт!» — выругался про себя.

— Не волнуйтесь, доктор, — спокойно и ласково проговорила операционная сестра. — Добавьте новокаина, сюда и сюда, расширьте рану вверх и сделайте тщательную ревизию брюшной полости.

Выполнив наставления Любовь Андреевны, я с удивлением обнаружил гангренозно измененный желчный пузырь, огромный и черный. Он располагался совсем рядом с аппендиксом — это и сбilo поначалу меня с толку. Но если раньше доводилось удалять аппендикс под местной анестезией, то желчный пузырь без общего наркоза — еще не приходилось, хотя теоретически имел представление.

— Дмитрий Андреевич, что остановились? Никогда прежде холецистэктомию под новокаином не выполняли? — словно читая мои мысли, спросила ассистентка.

— Вы знаете, да. Никогда! Даже не знаю, с чего начать.

— Обезбольте эту связку и введите в эти точки раствор новокаина, — подсказала Любовь Андреевна.

Через двадцать минут я удалил желчный пузырь под местной анестезией! Не знаю, чем бы закончилось дело, если бы не моя наставница.

— Бабушка, вам не больно? Как себя чувствуете? — поинтересовался я у пациентки, зашивая операционную рану.

— Все хорошо, милоч! Не больно!

Выйдя из операционной, я столкнулся с группкой небритых мужиков.

— Доктор, ну как прошла операция? Жить будет? — спросил самый старший, теребя в руках шапку-ушанку.

— Думаю, будет! А вы кто?

— Да мы тут все родственники, вот не знаем, к чему готовиться.

— К тому, что она должна поправиться!

— А это, чего у неё?

Я рассказал собравшимся об операции. Судя по количеству родственников, бабушка была основой разветвленной семьи, все желающие справиться об ее здоровье не вместились в коридор и ожидали на улице. Следом вышла Любовь Андреевна:

— Пахомыч, чего это вы тут устроили? Жива Ниловна, все в порядке, доктор молодец! А теперь давайте на улицу, здесь хирургия.

— Спасибо, Андреевна! — расплылся в улыбке Пахомыч. — Пошли, ребята, вечером забежим.

— Любовь Андреевна, огромное вам спасибо за помощь! — обратился я к старшей, когда все посетители покинули помещение. — Не знаю, что бы я без вас делал. А вы на фронте научились местной анестезии?

— И на фронте, и после войны. У нас анестезиологи всего лет десять как появились, а до этого мы сами наркоз давали, или второй хирург, или я. А вообще местную анестезию широко применяем, у нас даже кесарево сечение под местной делается.

— И как?

— Нормально, детишки здоровые рождаются, наркозом не травленные. Правда, молодые врачи не хотят, отходят, одна доктор и осталась, что под местной оперирует.

— Да, у вас тут хорошую школу можно пройти по изучению местной анестезии.

— Так изучайте, дело нужное, анестезиолог-то не всегда под рукой.

Мне относительно повезло: пока Виталья проверял капканы, я обходился новокаином. Кроме бабушки с холециститом, прооперировал еще двоих парней с аппендицитом и одного деда с ущемленной грыжей, причем пришлось удалить часть кишечника; зашил несколько ран. Видимо, судьба благоволила ко мне, так как более серьезную патологию оставила на потом.

Любовь Андреевна всегда помогала мне, я не переставал удивляться ее эрудиции, при желании она могла бы и сама оперировать. Она щедро делилась со мной опытом более чем полувековой работы операционной сестрой. Даже если не было операции, я постоянно и подробно расспрашивал ее, и ни разу она не отказалась меня учить.

Жил я там вполне сносно: спал возле печки, каждый день ходил в баню через дорогу, кормили меня сытно, работа была интересной — в общем, все бы ничего, но на третий день моего пребывания сломался рентген.

Вместо рентгенаппарата постановили использовать флюорограф.

Наверное, каждый из нас хоть раз в жизни, да сталкивался с флюорографом. Помните, когда делают флюорографию, то просят зайти во внутрь специальной камеры и говорят: «Вдохните и не дышите»? Аппарат снимает грудную клетку. Картинки получаются маленькие, и их потом смотрят под специальным увеличительным стеклом. До командировки я никогда не думал, что на флюорографе можно снимать весь организм.

Переломы и ушибы бывали каждый день. Поликлиника находилась в квартале от больницы, народу было немного, и к обеду я обычно принимал всех; но теперь прием проходил в два этапа. Дело в том, что флюорограф заряжается не одним снимком, а длинной катушкой, рассчитанной на несколько десятков исследований; поэтому, пока она не закончится, ее не вынимают.

Ладно, если рука сломана: клиент встал, засунул в камеру верхнюю конечность, сняли; а если нога? Мимо такого зрелища просто так не пройдешь. Однажды к нам доставили мужика: на ногу чурка упала, похоже на перелом костей стопы. Вот группа поддержки в составе четырех довольно пьяных лесорубов, корячась в самых немыслимых позах, пытается всунуть в камеру пострадавшего — на носилках! — и удержать его на весу. Объектив аппарата настроен только на верх туловища; мат-перемат! Рентгенлаборантка недовольна: «Выше поднимите! Теперь ниже!» Бах! Носилки опрокинулись, и пострадавший упал с высоты на пол! Хрясть! Похоже, еще что-то сломал. Снова мат, стон, ругань. Травмированный уложен на носилки, и его по новой начинают тянуть к объективу, при этом дозу облучения получают все.

Снимок сделан, но это только полдела, теперь нужно дождаться проявки. А кассету снимут только после обеда; вот пострадавшие и сидят вдоль стенки в коридоре. Мне приходится после обеда идти повторно на прием и смотреть под лупой снимки, у кого перелом — тому гипс или скелетное вытяжение, у кого нет — того домой. Кому не нравится — может ехать в соседний райцентр, за двести верст, но таких не находилось.

На одиннадцатый день моей командировки ко мне в палату ввалился здоровенный дядька лет сорока, рыжебородый, с ружьем за плечами.

— Ну, здорово, что ли! — прогрохотал он. — Я Виталя, анестезиолог, вот только из тайги вышел, решил сразу на работу заскочить.

От него веяло морозом и костром.

— Здорово, Дима! — представляюсь я. — А я уж заждался.

— Да, да я когда в тайгу ухожу, ничего серьезного не случается! А как выхожу, то все! Работа сама бежит! — белозубо улыбнулся Виталя. — Ладно, пойду до дому, сегодня отдохну, а завтра выйду, если что, то зови!

— А ты что, пешком?

— Обижаешь! На гужевом транспорте! — анестезиолог махнул в окно.

Сквозь замороженное стекло вырисовывалась впряженная в сани лошадь, рядом сидела большая лохматая собака.

— О, так ты на лошади?

— А то! Ей бензин не нужен! Ладно, давай, после поближе познакомимся!

Но отдохнуть Витале не удалось: не прошло и часа с его ухода, как подвезли «тяжелую» девочку десяти лет. Тупая травма живота, ударила старшая сестра, причем около десяти часов назад; похоже, разрыв селезенки. Вывозили попутным транспортом из глухой таежной деревни. На момент осмотра девочка была очень бледной, пульс нитевидный, давление не определялось, необходимо было оперировать.

Оперблок собрали за двадцать минут, анестезиолог, еще не успев сбрить бороду, встал у изголовья больной и принялся давать наркоз. Я сделал разрез и вошел в живот. Внутренние органы в буквальном смысле плавали в излившейся крови. Собрав около двух литров, я решился на реинфузию.

— Дима, а не боишься, что ДВС-синдром разовьется? — спросил Виталий. — Все же если больше шести часов от момента травмы прошло, не рекомендуют реинфузию проводить.

— Боюсь, — честно сознался я.

ДВС-синдром — диссименированное внутрисосудистое свертывание, очень серьезное осложнение, суть которого в том, что если перелить больному старую, больше шести часов находившуюся в животе кровь, то возможен сбой в свертывающей системе организма и кровотечение из всех мелких сосудов. — Но, думаю, рискнуть, тем более точно никто не знает, когда была травма, то ли пять часов назад, то ли десять. Давай перельем!

— Ну, хозяин барин! Только вся ответственность на тебе!

— На мне! Давай!

Перелили кровь, я удалил разорванную селезенку и, установив в живот дренаж, зашил переднюю брюшную стенку. Все вроде бы прошло гладко.

— Ну, вот, Виталий, девочка порозовела, пульс и давление в норме! Похоже, жизнь спасли, а?

— Не знаю, не знаю, мало времени прошло, ДВС еще может развиваться.

— Да ладно, — самоуверенно заявил я. — Все уже! Если б ДВС развился, то по дренажу кровь уже бежала бы.

— Ладно, тебе видней, я поехал домой, если что, вызывай! Пока!

Я дописал историю, осмотрел девочку, она мирно посапывала в кровати, повязка и дренаж были сухими. Дав последние наставления дежурному персоналу, я отправился спать к себе в палату.

— Доктор! Дмитрий Андреевич, — услышал я сквозь сон голос медсестры. — У девочки по дренажу кровь потекла.

— Кровь? — Я подпрыгнул в кровати. — Давно?

— Нет, только что! Я хотела пульс посчитать, а гляжу — по трубке из живота кровь побежала.

— Неужто ДВС развился?

— Что вы говорите?

— Ничего, пойдете посмотрим.

Последние сомнения рассеялись после осмотра: повязка на животе обильно промокла кровью и по дренажу истекала красная жидкость. Сочившаяся кровь не сворачивалась. Я попросил вызвать лаборанта и установить время свертывание крови (ВСК) и длительность кровотечения (ДК), те лабораторные показатели, которые наиболее информативны при данной патологии.

Результаты оказались неутешительными: и ВСК и ДК были в четыре раза выше нормы. Веденные кровоостанавливающие препараты не работали, только свежая кровь могла остановить кровотечение.

— У вас есть доноры, кто ими занимается? — спросил я у медсестры.

— Есть! Виталий Петрович, анестезиолог занимается? Что, вызываем?

— Вызываем!

Хорошо, что в описываемое время нам еще разрешали заниматься донорами, не обследованными на СПИД. Сейчас строго запрещено переливать кровь, если донор в день кроводачи не обследовался на эту страшную инфекцию. В 1997 году еще было можно.

Резервных доноров с нужной группой оказалось всего пять человек, мы взяли у них в общей сложности два с половиной литра, но этого оказалось мало; кровотечение продолжалось. Объявили по радио, и через полчаса желающие сдать кровь уже не помещались во дворе хирургии.

Лишь после того, как мы влили десять литров, кровотечение наконец остановилось и по дренажу и из повязки больше ничего не бежало.

— Да, Дима, задал ты работки! — утирая пот, произнес анестезиолог. — Похоже, что все же больше шести часов прошло, а?

— Да, похоже, что больше.

— Ладно, кровотечение остановили, а это самое главное!

— Извините меня, я же хотел как лучше!

— Да я тоже хорош, вот знал же, что может такое произойти, а пошел у тебя на поводу! Это всем нам урок! Сказано: после шести часов от момента травмы не лить, значит — не лить, и точка!

Мне было очень стыдно.

К счастью, девочка поправилась. Но пока она лежала в хирургии, я слышал, что за моей спиной постоянно шепчутся, обсуждая мою недалёковидность.

До конца командировки оставалось еще почти три недели, и мне надо было как-то реабилитироваться в глазах окружающих. И вскоре представился случай.

Двадцатитрехлетний сержант милиции Коля Пирогов разнимал дерущихся пьяных лесорубов и получил удар ножом в живот. Ранение оказалось неопасным — в двух местах была повреждена тонкая кишка. Я быстро зашил раны, промыл брюшную полость и установил дренаж.

Послеоперационный период поначалу протекал гладко, Коля быстро шел на поправку. Но на пятый день у него возникли схваткообразные боли и вздутие живота, присоединилась рвота, не

приносящая облегчения. Налицо была клиника ранней спаечной непроходимости.

Операция показала множество спаек, опутавших тонкий кишечник. С трудом разъединив их и восстановив пассаж пищи, я зашил живот.

Через пять дней все повторилось — боли, вздутие живота, рвота. И в третий раз мы взяли Колю на операцию. Картина оказалась хуже — спаяк больше, но кишки жизнеспособные. «Странно, как они так быстро образуются?»

На самом деле спаечная болезнь и спаечная непроходимость — бич хирургии. Я читал в литературных источниках о спаечной непроходимости, возникшей через пятьдесят лет после операции на органах брюшной полости. Но чтобы вот так, два раза подряд в течение десяти дней?..

На третьей операции я установил специальные катетеры в брюшную полость — чтобы вводить лекарства, рассасывающие спайки. Но на пятый день снова возникла кишечная непроходимость. Пришлось в четвертый раз брать бедного сержанта на операцию.

Выполнив четвертое чревосечение, я загрустил: кишечник еле определялся, он был опутан спайками, будто паутиной. Разъединяя их, я лихорадочно думал: «А что дальше делать? В пятый раз я просто не войду в живот, спайки разрастутся, словно мифическая гидра. Где я уберу одну, вырастут три!»

— Дмитрий Андреевич, а вы попробуйте операцию Нобля применить, — услышал я тихий голос Любви Андреевны.

— А что это за операция? Я, честно говоря, первый раз слышу.

— Если постоянно возникают спайки, то можно уложить кишечник так, чтобы он сросся без особого ущерба для прохождения пищи, как батарею отопления, — и сестра показала мне, как это сделать. — Вот так укладываем, сшиваем друг с другом, и думаю, все будет нормально.

Я пораился простоте решения и сшил кишки, как показала операционная сестра. Наш разговор никто не слышал, поэтому в конце операции Любовь Андреевна громко, во всеуслышание сообщила:

— Ну, Дмитрий Андреевич, молодец! Вы нашли правильное решение!

Я хотел возразить, что это она мне подсказала выход, но Любовь Андреевна заговорщицки подмигнула, и мне пришлось принять лавры победителя. Все, кто был в операционной, восхищенно посмотрели на меня.

— Ну, Дима, молодец! Если поправится, то сразу реабилитируешься! — похвалил анестезиолог.

— Слушай, после случая с реинфузией я боюсь делать какие-либо прогнозы.

— Ну ты это брось! Всякое в жизни бывает, не паникуй.

— Дмитрий Андреевич, руки у вас на месте, голова тоже работает, сегодня вот доказали, — поддержала разговор старшая сестра. — Кто из нас не ошибался! Не вешайте нос! Хирург из вас хороший выйдет, это вам я точно говорю, а я-то на всяких насмотрелась.

— Спасибо вам всем! — поблагодарил я присутствующих и поклонился в пояс.

Коля и в самом деле пошел на поправку после операции Нобля. К сожалению, я его долечить не успел — командировка закончилась. После моего отъезда его выписали, и больше в хирургию парень не попадал.

В этой командировке я узнал, что до сих пор есть больницы слабее нашей, и научился работать в еще более сложных условиях. Но какие же прекрасные люди работали в богом забытом Амазаре!

Уезжать было, честно сказать, довольно грустно. Главврач слово сдержал и не подвел — деньги я действительно получил хорошие, но как же не хотелось уезжать! Мы договорились со Штилерманом, что в следующий свой отпуск я обязательно приеду снова поработать в отделении.

В больнице, провожая меня, устроили небольшой праздничный обед, сказали много приятного, и никто не упомянул случай с реинфузией.

— Дмитрий Андреевич, может, насовсем к нам переедете? — спросила Любовь Андреевна.

— Точно, Дима, переезжай к нам! Мы тебе квартиру выьем, благоустроенную! На охоту вместе будем ходить! — поддержал Виталий.

— Спасибо огромное, но у меня в поселке Серышево, на юге Амурской области, и квартира, и семья. Я к вам в отпуск буду приезжать, если не возражаете.

— Приезжай-приезжай! — понеслось со всех сторон.

На поезд меня сажали практически всем отделением.

Главный врач выделил «скорую», но все желающие в нее не вместились. С собой мне выдали гостинцев — мяса дикого кабана, оленя и красной рыбы. Я отказывался, но Виталий буквально силой заставил принять:

— Ешь, и нас вспоминай! Может, передумаешь, да и махнешь в наши края навсегда!

Потом я еще одиннадцать раз ездил помогать сельскому здравоохранению отдаленного северного региона. Было много интересных операций, и каждый раз меня встречали и провожали как близкого родственника.

Одно время я даже чуть было не поддался на уговоры и не переехал в далекий Амазар, но дочка пошла в школу, а жена не захотела менять работу. Но я до сих пор вспоминаю таежный поселок, его людей и свою первую командировку.

Глава 14

Опять о Новом Годе

Домой я добрался без приключений. Поздно вечером 30 декабря мой отпуск закончился, и на следующий день я вышел на работу. За время моего отсутствия ничего особенно не изменилось. Бурлаков вел себя дисциплинированно, заведующему даже в какой-то момент показалось, что Саныч исправился и завязал с «зеленым змием».

Леонтий Михайлович определил его экстренным, а сам по традиции укатил к родственникам жены в соседний район, оставив вместо себя вашего покорного слугу. Саныча вдобавок ко

всему, как новенького, поставили на Новый год дежурным врачом.

— Саныч, давай я за тебя первого января подежурю на дому? — предложил я Бурлакову. — А то дежуришь по больнице, а потом еще и экстренный на следующий день. Тяжело же.

— Да ну, Дима, пустяки, справлюсь! Не впервой!

— Не напьешься?

— Ты что, как можно! Я ж все понимаю!

— Смотри, Саныч, Ермаков уезжает, мы вдвоем остаемся, не подведи! С меня же спросят.

— Не волнуйся, все будет тип-топ!

Отработав без особых эксцессов последний день уходящего года, мы по традиции посидели все вместе за бокалом шампанского. Наблюдая за Еремеем, я видел, как он несколько раз приложился к рюмке. К концу обеда нос Саныча предательски изменил цвет и стал похож на перезревшую сливу.

— Саныч, ты не набрался часом?

— Нет, Дима. Я чуть-чуть пригубил, и все! Я — кремень! Сказал — отдежурю, значит отдежурю! — Саныч махнул рукой и твердой походкой вышел из-за стола. — Я практически трезв, все видели?

— Дима, ты сегодня не напивайся! — шепнул мне Иван. — А то как бы Саныч в разнос не пошел.

— Точно, — поддакнул Артур. — От него всего можно ожидать.

— Да я, собственно говоря, и не собирался пить-то.

Разошлись рано, все сотрудники торопились домой, чтоб успеть приготовить праздничный ужин. Засобирался и я, перед уходом проверил Бурлакова. Он сидел в ординаторской и смотрел телевизор.

— Саныч, ты в порядке?

— Йа, йа, майн фюрер! — отозвался Саныч.

— Ну, бывай, тащи службу! С наступающим!

Перед уходом я зашел на «скорую» и на всякий случай сообщил, где буду праздновать: мы с женой и дочкой собрались к друзьям.

Новый год мы встретили отлично: много смеялись, катались со снежных горок, дурачились; но меня не покидало дурное предчувствие. Веселье стихло только к утру, мы валились с ног от усталости, и друзья предложили поспать у них; но я отказался, и около шести утра отправились домой.

Интуиция не подвела: не успели мы дойти до дома, как из-за угла выскочила «скорая» и резко затормозила возле нас.

— Доктор, а мы вас второй час разыскиваем! Вся больница на ушах стоит! Главврач рвет и мечет! — без предисловий выпалила фельдшер.

— Не понял! А в чем дело? И почему меня ищут? Я же оставил вам адрес, днем еще!

— Дмитрий Андреевич, я насчет адреса не знаю. Мы в восемь вечера сменили дневную смену, а те нам ничего не передали.

— Ну, это уже ваши недоработки.

— Хорошо, потом разберемся, а сейчас садитесь в машину, там парня с переломом привезли, а Бурлаков пьяный валяется. Ермаков уехал, к вам уже третий раз приезжаем, вас тоже нет! Родственники скандальные, они на главного вышли, тот Лившицу приказал разобраться! Он сейчас в больнице, орет! В общем, дурдом!

Я забрался в машину, фельдшер продолжала рассказывать:

— Лившиц собрался главному хирургу области звонить, чтоб тот срочно хирурга на помощь прислал, мол, у нас все перепились.

— Он что, идиот?

— Не знаю, но слышала, что так говорил.

— Нда! С Новым годом, дорогие товарищи...

Меня сразу привезли в хирургию. В коридоре я столкнулся с начмедом, вторым человеком в больнице после главного врача, выходящим из ординаторской.

— Ну что, доигрались, хирурги? Перепились все! — заорал Лившиц.

— Семен Семенович, вы, пожалуйста, кричите дома на свою жену и тещу, а со мной разговаривайте вежливо, — предупредил я.

— Ты что, мне угрожаешь? — изумился начмед.

— Нет, просто говорю. И вы со мной разговаривайте, а не орите. И кто тут «перепились»? Вы видите, что я пьян?

— Насчет тебя не знаю, — сбавив тон, произнес Лившиц. — Но Бурлаков точно невменяемый, иди, глянь в ординаторской.

На мягкой кровати сидел Саныч в серой застиранной майке и красных семейных трусах в крупный белый горошек. Из трусов торчали худые волосатые ноги, из майки пробивалась седая свалывшаяся шерсть, растущая на худой впалой груди. Дежурный хирург был мертвецки пьян, он смотрел на нас стеклянными глазами и не понимал, кто мы и зачем пришли. На столе и под кроватью валялись пустые бутылки. У изголовья лежал потертый баян.

— Ну, полюбуйтесь на этого красавца! — победоносно изрек Семен Семенович. — Пьяный в хлам! Он же еще полночи на гармошке играл, орал песни и дверь не открывал!

— Вижу, — кивнул я. — Дежурный хирург пьян. А почему вы орете, что все напились?

— А что я должен думать, простите? Вы не открываете, Ермаков не открывает, ну?

- Семен Семенович, вы же знаете, Ермаков уехал в гости в соседний район, а я сообщил «скорой», где буду. В чем проблема?
- У меня другая информация: вы тут все напились, ушли домой и дверь не открываете.
- Теперь вы видите, что это не так?
- Теперь вижу. Но я уже доложил главному хирургу области, что у нас чепэ произошло, и попросил прислать хирурга в помощь из областной больницы.
- Да вы с ума сошли! Зачем вы так поступили?
- А что мне оставалось делать? Там вон сестра прокурора своего мужа привела с переломом, а ему никто не помогает. Она уже всех на уши поставила. Брату позвонила, тот Тихому, ну а Николай Федорович уже мне.
- Понятно, — протянул я. — И что главный хирург сказал?
- Сказал, что после перезвонит, разберется. Кажется, его не очень обрадовал мой звонок в пять утра.
- Ну, надо полагать. Ладно, где пострадавший? Пойду гляну, а Саныч пусть проспится, только все бутылки полные надо убрать, чтобы он не добавил.
- Давай, Дима, выручай! Баба скандальная, еще и со связями. И извини, что наорал, я погорячился. Сам понимаешь, тут такое! — Лившиц кивнул на Саныча.
- Хорошо, Семен Семенович, проехали.
- Взглянув на пациента, я похолодел. Два месяца назад я оперировал ему перелом ключицы — вбил специальный титановый гвоздь. Перед самой командировкой мужчина снова обратился ко мне: где-то упал на больное место и погнул металл. А сейчас вот нарисовался в третий раз. Сидит, пускает слюни на кушетке, а рядом стоит весьма агрессивная девица лет тридцати.
- О, неужели! Дождались хирурга! — с вызовом заголосила девица. — Мы вас, между прочим, третий час тут ждем!
- А я вас не заставлял! — спокойно ответил я, осмотрев страдальца. — У него уже третий раз ломается одно и то же место, и все по пьяни.
- Да как ты со мной разговариваешь? Ты знаешь, кто я?
- Мы с вами не на рынке, а я не картошку продаю, извольте обращаться на «вы»!
- Ты, вы, ну хорошо, я сейчас позвоню, и от тебя к утру и следа здесь не останется! Усек? А, усекли? Так, кажется, правильно?
- Значит так, — не обращая внимания на хамство, заключил я. — Сейчас загипсую вашего мужа, а завтра поедете в область, пускай вас там оперируют.
- Это как? — взвыла дама. — Будете тут оперировать!
- А здесь вы неправы, — улыбнулся я. — Это решает врач. Первую помощь я окажу, а дальше обращайтесь к травматологам. Случай сложный, третий раз одно и то же место ломается, так

что пожалуйста к узким специалистам. Кровью он не истекает, разве что мочой, — указал я на штаны ее мужа. — Жизни травма не угрожает, требует планового, а не экстренного оперативного пособия.

Густо покрасневшая жена обмочившегося мужчины замолчала и насупилась.

Быстренько загипсовав родственника прокурора и выписав ему направление в область, я спустился в ординаторскую. Картина, которую я застал, не укладывалась в голове. Двое дюжих милиционеров выкручивали Санычу руки, пытаюсь надеть на него наручники.

— Гады, что вы делаете? — пьяно мычал Еремей, пытаюсь вырваться из цепких рук.

Наконец милиционеры скрутили пьяницу и потащили его к выходу.

— А вы его куда? Да еще голого... — ошарашенно спросил я.

— К нам, — буднично сообщил младший сержант, державший Бурлакова за правую руку.

— Это я их вызвал! — тихо изрек начмед, придерживая рукой левый глаз. — Я бутылки хотел убрать, а Бурлаков как с цепи сорвался, сначала начал орать, а потом драться полез. Пришлось милицию вызвать.

— Так он же в одних трусах, а там мороз градусов тридцать!

— Он сам не захотел одеваться. А одежду вон сержант забрал, замерзнет — оденется.

— Семен Семенович, вы меня удивляете! Почти три года с вами проработал, а оказывается, совсем вас не знаю. Зачем вы доктора в милицию сдали?

— А что мне прикажете было делать? Ждать, когда он тут все разнесет и меня прибьет? Вы не знаете, какой он сильный.

— Господи, ну меня бы позвали! Скрутили бы его, он бы проспался и извинился! А так — хирурга в клетку! Ну ваще! Отлично год начинается!

— Ладно, потом разберемся! — сказал начмед. — А пока пусть посидит, остынет. Пойду главному хирургу области позвоню, отбой дам, чтоб никого не присылал. Надеюсь, вы один справитесь?

— Справлюсь. Только с Санычем вы все же нехорошо поступили!

Лившиц ушел в свой кабинет, не попрощавшись.

Внезапно позвонили со «скорой» и предложили подойти зашить очередную разбитую голову. Я попросил санитарку убраться в ординаторской, а сам отправился исцелять потерпевших.

Часам к десяти утра, зашив пятую по счету разбитую голову, я понял, что если не посплю хотя бы пару часов, то просто свалюсь. Домой не поехал — отправился в ординаторскую.

Ничто там больше не напоминало о буйстве Саныча, только одинокая гармонь лежала на столе. Поспать удалось не два, а целых три часа. Разбудил меня телефонный звонок, и женский голос радостно сообщил, что везут ножевое ранение в грудную клетку, похоже, что в сердце. «Началось», — подумал я.

Помню, еще в институте, на занятиях по судебной медицине, нам говорили, что обычный человек, как правило, не может серьезно повредить себя холодным оружием. В последний момент рука останавливается, становится жалко себя. До этого дня я так и считал: все виденные мною суицидники резали себя неглубоко.

Доставленный пациент находился в критическом состоянии. Небольшая ранка под левым соском умеренно кровоточила, но яремные вены вспухли, пульс частил, давление было очень низким. Еще не выполнив ревизию раны, я предположил, что это действительно ранение сердца. Зонд провалился в грудную полость, я почувствовал инструментом сердечные толчки.

— Нужно срочно оперировать, — сообщил я дочери, которая сопровождала отца. — Подозреваю ранение сердца!

— А вы не ошибаетесь? — с тревогой в голосе спросила девушка. — Я сама медсестра и в медицине понимаю. Разве возможно обыкновенными ножницами ударить себя в сердце?

— Ножницами? Себя? Вы хотите сказать, что он сам себя ударил ножницами в сердце?

— Да! У него сегодня день рожденья, а он с нами живет. Вчера Новый год справлял и упился так, что мне пришлось его откачивать. А как отошел, стал требовать самогон. Я, естественно, отказала. Тогда он заявил, что если ему не нальют, то он покончит жизнь самоубийством, схватил ножницы и стал ими махать. Я второй раз сказала, что не налью, он взял и с размаху себя ножницами в грудь и ударил.

— Демонстративно?

— Да, представляете, прямо у всех на глазах, там еще мой муж был, моя мама, дети... Ударил, а потом плохо сделалось, мы его в машину и к вам. Но вы точно уверены, что сердце повреждено?

— Вас как звать?

— Лида. Лидия Михайловна.

— Лидия Михайловна, я на сто процентов не уверен, особенно после рассказа про ножницы. Однако проникающее ранение грудной клетки в проекции сердца с имеющимися симптомами тампонады сердечной сумки является непосредственным показанием к экстренной операции. И вы как медик должны это хорошо понимать.

— Да, да, я понимаю. Оперируйте, лишь бы живой остался. Он так хороший, но как выпьет, то чудить начинает, только держись!

Тут меня пригласили в операционную, и я прервал разговор. Никто никогда не бывает уверен на все сто процентов, и я, конечно, сомневался.

Быстро выполнив левостороннюю торакотомию, я вошел в плевральную полость. В грудной клетке плескалась кровь; мы собрали два литра и часть отправили на реинфузию — с момента ранения прошло не более часа. При осмотре я обнаружил в левом желудочке сердца дырку, из которой сочилась алая кровь. Я ушил сердце и перикард, отмыл плевру от крови, установил дренаж. Оставалось герметично закрыть операционную рану.

— Лидия Михайловна, у вашего папы оказалось настоящее ранение сердца, — сказал я позже.

— Да вы что!

— Вы утверждаете, что он сам себя ножницами ударил?

— Да! А вы мне не верите?

— Я не следователь, а врач. Просто интересно, как мог человек сам себя ударить в сердце, да еще ножницами?

— Я и сама не понимаю! А скажите, он жить будет?

— Думаю, да! Операция прошла успешно. Если в послеоперационный период не возникнет никаких осложнений, то должен поправиться.

— Спасибо вам, Дмитрий Андреевич!

Забегая вперед, скажу, что папа Лидии Михайловны поправился без осложнений, и под старый Новый год его выписали. Следователю он заявил, что сам себя ударил ножницами. Мол, не налили, обиделся и...

Но ровно через год, первого января 1999, его доставили... с ранением сердца. Мужчина снова ударил себя ножницами в сердце и снова попал в левый желудочек. Встретились мы той же теплой компанией — я, дочка-медсестра и ее неугомонный папенька. Чудеса, да и только!

Оперировать повторно оказалось гораздо сложнее. После предыдущей торакотомии легкое намертво спаялось с париетальной плеврой, выстилающей грудную полость. Пришлось в буквальном смысле отдирать ткань легкого от грудной стенки, настолько прочно все срослось.

Острый край ножниц травмировал стенку сердца практически по старому рубцу. Естественно, и на этот раз жизнь старого чудака была спасена.

— Лидия Михайловна, думаю, в третий раз вашего папеньку будет ой как нелегко спасти! — сказал я дочери пострадавшего. — Еле добрался до сердца, все так спаялось! В следующий раз вы или ножницы затупите, или самогону не пожалейте, а то он у вас вон какой прыткий.

— Дмитрий Андреевич, да уж не знаю, что с ним делать. Ведь весь год не пил, а на Новый год принял — и понеслось!

— Значит, на 2000 год запирайте его в сарае или в бане.

Не знаю, последовала ли она моему совету, но больше любитель пощекотать свое сердце ножницами к нам не обращался.

Вернемся в 1998 год. Разобравшись с ранением сердца, я вышел осмотреть кишечную непроходимость, после, привезли аппендицит. Потом я зашил еще несколько поврежденных частей тела и вправил вывих. Часам к девяти вечера я всех спас и поехал домой.

По дороге по радиации передали, что поступил вызов из частного сектора, вроде бы как огнестрельное ранение в голову.

— Доктор, заедем, посмотрим? — предложила фельдшер.

— Да запросто! Гулять так гулять! Новый год же!

Посередине огромного забетонированного двора, прижавшись спиной к стене дома, лежал мужчина средних лет и смотрел в никуда широко открытыми глазами. С его шеи стекала густая вязкая кровь, между ног в красной луже валялась пневматическая винтовка.

— Смотрите, из «воздушки» застрелился! — констатировал я, обследовав покойника. — Еще кровь не успела замерзнуть, совсем недавно.

— Как с «воздушки»? — удивилась фельдшер. — Разве такое возможно?

— Получается, что возможно! Приставил к сонной артерии, бах! Перебил сосуд и помер от кровотечения.

— А-а-а-а! Я же только на полчаса к соседке вышла! А-а-а-а! — заголосила толстая баба в ярком платке.

— Ладно, поехали, тут следователь нужен, а не мы. И честно говоря, я так хочу спать!

Но поспать мне в ту ночь так и не удалось. Около часа ночи раздался звонок в дверь.

— Здесь хирург Правдин живет? — спросил сухой хриплый голос.

— Здесь, а вы кто?

— Мы из милиции, откройте, необходимо поговорить!

Я открыл. За дверью стоял человек в форменном бушлате с погонами капитана.

— Проходите, слушаю вас.

— Вы последние дни выполняли ампутации ног? — спросил милиционер.

— Я месяц был в командировке, пару дней назад приехал. Но обычно зимой у нас ампутируют много обмороженных. А в чем, собственно, дело?

— На помойке, за поселком, бомжи нашли человеческие ноги. Нам нужно знать, это ваши послеоперационные или расчлененка. Просим вас проехать с нами на место и помочь следствию.

— Интересно, а что бомжи делали в Новый год на помойке? — спросил я, когда мы сели в милицейскую «Ниву».

— Так они там живут, вот и наткнулись на ноги.

— Смотрите, какие сознательные бомжи, сразу обратились куда следует!

— Да, бдительности не теряют! — подтвердил милиционер.

Помойка располагалась километрах в трех от поселка, туда вела одна дорога, а вокруг холмами возвышались сугробы. Нас уже ждали. Неопределенного вида небритый человек в солдатском бушлате повел нас в глубь свалки, подсвечивая путь электрическим фонарем.

— Вот шдеся! — указал бомж, шамкая беззубым ртом.

— Доктор, посмотрите, ваша работа?

- Да, это послеоперационные конечности! — объявил я, осмотрев остатки двух ног.
- Вы можете объяснить, по каким признакам вы это определили?
- Пальцы, смотрите, черные, ссохшиеся после отморожения. Выше — ровный линейный разрез, вот видны лигатуры, их наложили в операционной, перевязывая сосуды. Уж не думаете ли вы, что кто-то отрезал человеку больные ноги и при этом перевязал сосуды хирургическим способом?
- Понял. Выходит, ноги отрезали в операционной?
- Абсолютно точно, в операционной.
- Тогда объясните мне, доктор, почему вы выбрасываете человеческие останки на свалку?
- Раньше мы их сжигали в кочегарке. Раньше кочегары просили за каждую конечность по сто грамм спирта, мы соглашались. А сейчас количество ампутаций почти утроилось, и они стали требовать по пол-литра за орган.
- Сориентировались! — хмыкнул капитан.
- Только где ж мы столько спирта возьмем? Стали просто в контейнер выбрасывать. Но однажды собаки вытащили ампутированную руку, вытащили ее на дорогу и стали грызть у всех на виду. Тут как назло какая-то важная тетя с районной администрации мимо проходила, увидела и сомлела, а потом закатила скандал.
- Надо думать, — хмыкнул капитан.
- Ясно, безобразие! А куда гнилые руки-ноги девать? Не возвращать же владельцам...
- Понятно, и вы решили их сами на свалку отвезить и хоронить?
- Точно, сажаем санитарку на «скорую», даем лопату, мешок с конечностью — и на свалку. Зима, видно, плохо прикопала.
- Да вообще не прикопано было! — возмутился бомж. — Прямо на снегу обе валялись!
- Послушай, глазастый! — накинулся я на бомжа. — А какого черта ты вообще делаешь на помойке?
- Живу я тут, — мирно ответил бомж.

Домой меня отправили только в четвертом часу ночи. Едва задремал, как подняли на «скорую» — железнодорожная травма. Кто-то попал под поезд. Как оказалось, некто Вениамин Борщ, сорокавосемилетний профессиональный выпивоха, перемещался в пространстве в поисках самогона. Его путь лежал через железную дорогу, где необъятной цепью стоял товарный поезд. Устав обходить состав, Веня согнулся и стал протискиваться под вагонами; в этот самый миг дали зеленый, и поезд тронулся. Массивное колесо прошло по левому бедру Борща, сердобольные прохожие отвезли его в хирургию.

Удивительно, но, лишившись ноги, Вениамин не только не потерял сознания, но и сохранил чувство юмора.

— Ну что, доктор, будем лечить, пускай Веня Борщ дальше небо коптит? — встретил меня

жизнерадостным смехом человек с оторванной ногой.

— Как себя чувствуете?

— Спасибо, хреново! — продолжал веселиться Веня, дыша на окружающих едким перегаром.

«Странное дело, у этого мужика полностью вырвана левая нога из тазобедренного сустава, но одежда практически не заляпана кровью. Да и на вид он не производит впечатление человека, потерявшего много крови, — размышлял я, осматривая Борща. — Понятно, что он пьян, это как-то нивелирует шок. Часть крови «ушла» с оторванной конечностью, а почему нет кровотечения из раны? Там же проходят очень крупные сосуды, при повреждении которых смерть наступает в считанные минуты! А этот лежит и ерничает».

Лишь во время операции удалось установить, что своим огромным весом вагонное колесо не только отделило ногу, но и так сдавило сосуды, что они перестали кровоточить. Как я потом узнал, это довольно типично для железнодорожной травмы.

Была у нас одна «железнодорожная» травма за месяц до описываемых событий.

— Доктор, срочно! — кричит в телефонную трубку диспетчер «скорой». — Мальчика привезли, железнодорожная травма.

— Бегу! — отвечаю я и, сшибая все на своем пути, несусь из отделения на «скорую», представляя себе умирающего ребенка, залитого кровью, с разможенными конечностями. — Где пострадавший?

— Там, в смотровой!

Влетаю в смотровую и вижу упитанного мальчика лет восьми, сидящего на кушетке и одновременно качающего ногой и ковыряющего в носу.

— У тебя железнодорожная травма?

— Угу! — кивает мальчик, не вынимая пальца из носа.

— А что произошло?

— Да я шел через пути, споткнулся и лбом об тепловоз ударился, он там, на рельсах стоял! Вот потрогайте, какая шишка!

— Тьфу ты!

Если пешеход лбом треснется о стоящий автомобиль, то можно заявить об автомобильной травме. Кто опровергнет?

Борща удалось спасти, причем он остался доволен, так как теперь мог на законных основаниях получать пенсию по инвалидности.

Больше ничего экстраординарного в праздники не произошло. Рутинка — резаные, битые, боли в животе, пара острых аппендицитов, кишечная непроходимость да ранение тонкой кишки. Все выжили, всех спасли. Чудесно! А то, что не отдохнули — никому не интересно.

Третьего января на работу вернулся заведующий. Он уже был в курсе произошедшего: с утра успел сходить к главному и, похоже, здорово поругался.

- Да. Этот Лившиц точно ненормальный! Сдал Саныча в КПЗ! Хирурга! — ругался Ермаков.
- И что теперь с ним будет?
- Я сказал, чтоб вытаскивал!
- А как он его вытащит?
- А как сажал, так пускай и вытаскивает! Или пусть сам на прием идет! Видал, сколько народа у кабинета?
- Да, видел, может, мне пока идти попринимать амбулаторных?
- Нет! — твердо произнес Леонтий Михайлович. — Пусть едут к начальнику милиции, что хотят делают, но Бурлакова возвращают.

Неожиданно в ординаторскую ворвался начмед:

- Леонтий Михайлович, а почему прием никто не ведет?
- А у нас амбулаторный хирург — Бурлаков. Вернется — и пойдет на прием.
- Дурака не валяйте! Отправьте Правдина! — начмед грозно сдвинул брови.
- Правдин врач стационара, он на прием не пойдет. Вызывайте Бурлакова!
- Что? Это бунт!
- Почему бунт. Мы с Правдиным идем в операционную, экстренная операция! — подмигнул мне заведующий.
- А прием как же?
- А на прием сами можете идти, если Саныча не хотите.
- Ну, я так этого не оставлю! — хлопнул дверями Лившиц.

Через час измученный, но счастливый Саныч сидел в ординаторской и, виновато улыбаясь, слушал грозный монолог заведующего.

- Ты все понял? — поинтересовался Леонтий Михайлович в конце своего выступления.
- Так точно, шеф! — по-военному отчеканил Саныч, вытянувшись во фронт. — Сейчас иду к начмеду извиняться, после иду на прием, работаю экстренным две недели подряд, сам месяц не оперирую, вызываю либо вас, либо Диму! Правильно?
- Правильно, ступай!
- Спасибо вам, мужики! — чуть не плача, проговорил Саныч. — Думал, все, так и закисну в кэпээ. Как протрезвел, так и понял! Все, больше не пью!
- Все, иди, работай, — по-отечески похлопал Ермаков всхлипывающего сидельца. — Иди!
- Леонтий Михайлович, ловко вы Саныча вернули. Так бы точно пятнадцать суток впаяли, ух и злой тогда Лившиц был!

— Да, возможно. Он же на Саныча заявление наката, могли и реальный срок дать.

— Заявление?

— Ага! Видишь, как его Саныч приложил, синяк даже через тональный крем проглядывает. Я, честно говоря, и сам не раз хотел приложиться, но мне это как-то не подходит — все же заведующий. А тут Саныч взял и сделал!

— Да. Только с экстренной операцией вы блефовали, а вдруг Лившиц пошел бы и проверил?

— Не блефовал, сейчас аппендицит пойдем оперировать.

— Какой аппендицит?

— Острый!

— А откуда он взялся?

— Да утром еще доставили, я тебя дергать не стал, на работу пораньше пришел, сам и посмотрел. Вот результаты анализов, все подтверждается. Так что пусть проверяет. Главное, Саныч на свободе.

— Да, хорошо, что его выпустили.

— Еще неизвестно, хорошо или нет. Я ему сейчас такое устрою, — протянул заведующий. — Будет пахать как папа Карло! Заслужил!

— Согласен! Пусть пашет. Но, мне кажется, это все же лучше, чем сидеть.

— Хватит лясы точить. Переодевайся и марш в операционную: больной уже на столе!

Глава 15

О наблевшем

Заканчивался двухтысячный год. Я работал в ЦРБ уже больше пяти лет.

Пять лет. Шестая часть моей жизни. Не так давно я отправлялся учиться — подтверждал сертификат специалиста, встречался с однокурсниками, оставшимися работать в городе, и очень удивился, поговорив с ними. Оказалось, они еще даже не начинали самостоятельно оперировать, в лучшем случае ассистировали. Их просто не пускали старшие товарищи. Одному из лучших наших выпускников только что доверили резекцию желудка — и парень очень гордился этим. А ведь я освоил эту операцию еще в первый год работы в ЦРБ.

Мои бывшие однокурсники спокойно шли домой после дежурства, зная, что их не выдернут из постели в самый неподходящий момент. В свое свободное время — у них было свободное время! — они ходили в театры, в рестораны, жили спокойно и размеренно, зная, что их всегда поддержит кто-то более опытный. Безусловно, это было очень приятно; но в профессиональном плане я оказался сильнее их.

После новогодней выходки Саныча я долго не мог получить категорию. В медицине существует три вида категорий — вторая (низшая), первая и высшая. Врачу с категорией и зарплату платят повыше. На вторую можно сдать через три года самостоятельной работы — написав специальное исследование, посвященное, собственно, своей трудовой деятельности за данный

период.

Работа была написана, главврач ее одобрил и подписал, мне оставалось съездить к главному хирургу области и отдать ее на утверждение. После этого через месяц мне нужно было предстать перед специальной комиссией и сдать ей квалификационный экзамен.

— Это что такое? — недовольно рыкнул главный хирург, увидав мою работу. — Какая тебе категория? Вы на Новый год все перепились, оголили район, а теперь категорию ему подавай! Дудки! Иди, работай! Недостоин!

— Но как же так? Я же не пил! Остался один и все сделал как надо, всем помог...

— Не надо мне тут заливать! Ваш начмед звонил и просил прислать хирургов! Я ж хорошо помню, он разбудил меня!

— Но он же потом перезвонил вам и объяснил, что все нормально!

— Ну, ясно дело, проспались! Я даже слышал, у вас там даже кого-то в кэпэзэ откомандировали, да?

— Ну, — замялся я, лихорадочно ища ответ.

— Можешь не отвечать, по глазам вижу, что правда!

— Так что с работой?

— Через год приходи!

Я пришел через год.

— Это что за папка? — спросил меня главный хирург области.

— Стандартный картонный скоросшиватель.

— Ты где его нашел, в туалете?

— Почему в туалете? В книжном магазине купил.

— Вы что, там у себя окончательно все мозги пропили? Ты с какой папкой к главному хирургу идешь? А?

— Так вы не будете даже работу смотреть?

— Через год приходи!

Прошел еще год.

— Вот, возьмите, моя работа, — сказал я, протянув главному хирургу яркий пластиковый скоросшиватель, где каждый лист был помещен в отдельный целлофановый пакет и скреплен блестящим замком.

— А опять ты! Какой настырный! Пить-то не бросил?

— Вообще-то я совсем не пью — посмотрелся. А последний раз выпивал вместе с вами,

помните?

— ?!

— Вы к нам с санитарной авиацией прилетали, прооперировали директора нефтебазы, у него еще опухоль желудка была, осложнившаяся кровотечением. Вы его так мастерски прооперировали, а потом мы с вами посидели, коньячок продегустировали. Вы собирались директора с собой забрать, но так надегустировались, что больного-то и забыли. Пришлось вам потом за ним с середины дороги возвращаться.

— Все, все вспомнил! — поразился главный хирург. — Хорошая работа у тебя, одна папка чего стоит! Думаю, мы тебе вторую категорию без экзамена дадим, заслужил!

— Так мне даже и на собеседование не надо будет приезжать?

— Зачем? Я напишу рекомендацию, комиссия утвердит.

— Спасибо, приятно слышать!

— И мне приятно встретить старого знакомого, — и, перейдя на шепот, главный хирург подмигнул мне: — Только про дегустацию и вертолет — никому! О'кей?

— Ну, как можно! Я — могила!

Через месяц мне присвоили вторую категорию.

Пять лет! Сколько операций сделал, сколько жизней спас! Теперь можно сказать, что эти годы я точно прожил не зря! Я научился разбираться в людях, узнал о жизни много нового, бывал жертвой интриг...

Люди любят сплетничать, особенно о том, что их не касается. Так бывает всегда: стоит кому-то оступиться, и все говорят только о нем, пока не появится новая жертва.

Саныча обсуждали месяца три. Я слышал в очереди в магазине разговор двух совершенно незнакомых мне кумушек:

— Федосеевна, а ты слыхала, что в больнице хирург один напился и главного врача избил?

— Ой, Кирилловна, да ты что?

— Правда, правда, мне Петровна рассказывала, она на хирургии полы мыла. Избил, его посадили, десять лет дали!

— Ой, что деется!

Сор из избы выносят, как правило, санитарки. Они у нас менялись так часто, что я перестал запоминать имена. За десять лет у нас в отделении сменилось сорок девять санитарок. В основном они держались до первой зарплаты, после уходили в запой и увольнялись. Зато почесать языки были мастерицы.

С 1998 года нам перестали задерживать зарплату и выплатили все задолженности. Августовский дефолт снова добавил проблем, но желающих поработать в больнице было хоть отбавляй.

В хирургии, к примеру, мыли полы и выносили «утки» две санитарки с высшим образованием. Одна была молоденькой выпускницей саратовского юрфака — вышла замуж за лейтенанта, поехала за ним в нашу дыру, а работу по специальности найти не смогла. Вторая работала учительницей в школе, но сдружилась с Бахусом и оказалась на улице. После долгих скитаний прибилась к нам.

Остальные труженицы швабры и тряпки не были умны, но через одну страдали словесной диареей. В глаза — улыбались, приводили родственников «полечиться», а за спиной поливали нас грязью. Ну что за народ...

После истории с Санычем взялись за меня. Шел конец марта. Весеннее солнце днем растапливало снег, а к вечеру дороги снова становились скользкими. Я шел домой, поскользнулся и растянулся в весь рост на самом оживленном месте, возле рынка.

— Дмитрий Андреевич, вы не ушиблись? — услышал я голос нашей санитарки.

— Спасибо, вроде цел!

— Давайте я вас отряхну.

На следующий день по больнице прошел слух, что хирург Правдин вчера пьяный валялся на улице. После обеда меня вызвал Тихий.

— Дмитрий Андреевич, у вас все в порядке? — после приветствия спросил главный врач.

— Да, а что такое?

— Говорят, вас вчера видели пьяным и валяющимся на улице.

— Ложь! Кто вам такое сказал?

— Не важно, я вам говорил, что знаю все, о чем говорят в этой больнице.

— Николай Федорович, вас неверно информировали, я просто поскользнулся и упал.

— Да, да, я вижу, что меня неправильно проинформировали. Идите работайте.

Я сразу догадался, от кого исходит слух, и подошел к вчерашней «помощнице»:

— Татьяна Марковна, что я вам сделал? Зачем вы меня оболгали?

— Что вы, Дмитрий Андреевич, я вообще не понимаю, о чем вы говорите!

— Если не вы, то кто? Только вы из наших видели, что я упал вчера!

— Там много народу было, может, кто чего видел, да не так понял?

Лишь позже мне стало известно, что Татьяна Марковна уже давно злилась на меня. Однажды к нам попал ее муж, пьяный и облеваный, с разбитым лицом — после он полночи орал и не давал спать всему отделению. Я указал в диагнозе «алкогольное опьянение», мужику не оплатили больничный.

Люди иногда такое странное творят! Как-то раз я шел по улице и увидел, что пьяный мужичонка бьет женщину. Я его от нее оттащил, пару раз дал ему по шее, после чего они оба

на меня набросились.

Как оказалось, муж «учил жену уму-разуму». Прибывшей милиции эта парочка попыталась доказать, что я на них набросился и пытался убить. Благо, милиционеры попались знакомые — посадили меня в машину и отвезли домой. А те алкаши и в самом деле собирались написать на меня заявление о побоях, но не успели: через пару дней муж «доучил» жену до могилы и отправился в тюрьму.

Санитарки сменялись со страшной скоростью, а хирурги оставались одни и те же — Ермаков, Бурлаков и я. Саныч и вправду перестал пить.

Летом 1999 года нам прислали одного деятеля после интернатуры, Олега. Он, как и я, добровольно вызвался ехать в район, имея квартиру в городе. Опыта решил набраться. Просил, если что, вызывать его на все интересные случаи.

Ночь. Привозят пациента с ножевым ранением в сердце. «Что может быть интереснее ранения сердца!» — подумал я и вызвал Олега. Тот приехал почему-то недовольный.

Я выполнил стандартную торакотомию слева в пятом межреберье, обнажил сердце — дырка есть, кровотечение продолжается. Попросил ассистента заткнуть рану. Олег трясущимся пальцем остановил кровотечение. Я наложил три стежка на раневой дефект в сердечной мышце, два с краев успел стянуть и завязать. Начал сводить концы третьего, центрального — и внезапно в операционной отключили свет. Аварийный аккумулятор света не дал — разрядился. Медсестра вызвала машину «скорой», и та светила фарами прямо через стекло. Всяко лучше, чем ничего. Я завязал последний узел практически на ощупь, лишь чувствовал, как под пальцами скачет живое сердце, после чего остановил операцию:

— Все, коллеги! Пока стоим!

— Дмитрий Андреевич, а почему не продолжаем? — протянул Олег.

— Опасно, можно повредить другие органы.

— Так видно же все!

— Рану толком не видно, — еле сдерживаясь, объяснил я. — Операционное поле глубоко, света хватает, чтобы видеть твое капризное лицо, а как ушить перикард — не видно.

— Нормальное у меня лицо! — надулся Олег. — Просто мы живем в конце двадцатого века, одной ногой уже в двадцать первом, а оперируем при свете фар! Куда это годиться?

— Ну, ты, я смотрю, не особо-то и оперируешь, стоишь тут и гундишь под руку. Вон анестезиологи — те работают: наркозный аппарат отключился, а Иван Григорьевич мужественно борется за жизнь больного, дышит за него мешком Амбу. Да, Иван Григорьевич, борешься?

— Борюсь! — отозвался Иван, надувая и сдувая мешок.

— Дмитрий Андреевич, и сколько мы так будем стоять?

— Сколько надо, столько и будем. Вот кровь видно, бери черпачок и собирай в банку, выполним пока реинфузию.

— А рану не будем ушивать?

— Я же тебе русским языком сказал: не будем, пока свет не дадут.

— Не понимаю, все же видно!

— На колу мочало — начинай сначала... Пару месяцев назад гинекологи оперировали внематочную беременность, тоже свет отключили. Им оставалось ушить рану — ну они и прошили мочеточник.

— И что было?

— Ничего хорошего. Пока спохватились, почка погибла, пришлось ее удалить.

— Почку?

— Нет, блин, квочку! Поспешили, а теперь человек без одной почки, а на них в суд подали.

— Но здесь же не живот — что тут можно подшить?

— Слушай, Олег, ты долго будешь скулить? Для чего ты в хирурги пошел, да еще в район напросился?

— Я не думал, что тут оперируют по ночам, да еще и без света! В интернатуре как было: отдежуришь — и домой. А если свет отключали, у нас своя автономная подстанция автоматически переключалась.

— В общем, к трудностям ты готов не был?

— А почему я к ним должен готовиться? Мы не в девятнадцатом веке живем! Может, нам еще при керосиновой лампе оперировать?

— Надо — так будем, — отозвался анестезиолог, ритмично работая дыхательным мешком.

— Фу, дикость!

— Слушай, Олег, ты уже всех притомил, честное слово, иди домой! Без тебя справимся!

— Да, ладно, я же вот кровь собираю.

— Собирай, только не гунди!

Света не было два часа. Сгорел какой-то особенно важный трансформатор; пока его меняли, мы собрали излившуюся кровь и влили ее назад пациенту. Было видно, что кровотечения нет. Все это время анестезиолог и анестезистка, меняя друг друга, «дышали» за пациента. Я видел, как им тяжело, но не услышал от них ни одной жалобы. Они молча делали свою работу. Олег же буквально извелся. Он не уходил домой, а ныл и трепал всем нервы так, что в какой-то момент мне захотелось его прибить. Лишь когда Иван надвинулся на него и сказал сурово:

— Если ты сейчас не замолчишь, придется тебя заткнуть! — только тогда нытик закрыл рот и не произнес больше ни слова.

Операция завершилась ближе к утру, последний шов я накладывал с восходом солнца. Жизнь раненому мы спасли, через какое-то время он выздоровел и выписался.

— Да, как вы тут работаете в таких условиях? — посетовал Олег, когда мы вышли из операционной.

— Работаем. А ты, парень, умеешь ныть!

— Да я не ною! Просто должны быть нормальные условия труда!

— Олег, похоже, ты не ту специальность выбрал, тебе так не кажется?

— Нет, не кажется.

Весь день молодой доктор сонно моргал и клевал носом. Ермаков направил его на прием помогать Санычу, где Олег уснул прямо за столом. Но к вечеру он пришел в норму и снова попросил вызвать его, если будет что-нибудь интересное, и пообещал больше не жаловаться.

Эта ночь прошла относительно спокойно: я осмотрел острый живот и зашил небольшую рану, но следующей привезли кишечную непроходимость трехдневной давности. Больной оказался терпеливым и не вызывал «скорую», пока его не начало тошнить калом.

Причиной кишечной непроходимости оказалась раковая опухоль, обтурирующая (перекрывающая) сигмовидную кишку. Приводящий отдел был перераздут фекальными массами. В таких случаях приводящий отдел кишечника отсекают выше опухоли и выводят на переднюю брюшную стенку, создавая противоестественный задний проход. Опухоль и нижележащий отдел кишки резецируют, если это возможно.

Я пригласил Олега ассистировать. Он помогал мне без особого энтузиазма. Мобилизовав кишку, предназначенную для выведения, я отсек ее и выдоил каловые массы в тазик. Вид и запах был тот еще, но хирургия — работа не для брезгливых.

Олег всем своим видом показывал, что ему очень противно, я даже думал, что его вырвет. Неожиданно он неудачно потянул за брыжейку кишечника, и из разорванного сосуда пошла кровь. Зажав сосуд, я лигатурой завязал конец кишки и положил его на край операционной раны, а сам стал ушивать поврежденную вену. Во время прошивания завязанный фрагмент кишки «вылез» за пределы операционного поля, лигатура с него сползла, и остатки кала ручьем потекли по стоящему рядом Олегу.

Ассистент не сразу заметил, что липкая зловонная масса стала пропитывать его одежду.

— Ой, что это? — неожиданно отпрыгнул от операционного стола Олег. — Ой, да это же говно!

— Стой! Куда побежал! Иди, натяни кишку, я не могу прошить брыжейку!

— Какую брыжейку? Вы что, не видите, на меня говно течет!

— Бог с ним, с говном, иди сюда, надо остановить кровотечение.

— Идите вы все! Я в говне! Я что, так стоять должен? — чуть не плача, выпалил Олег и выбежал из операционной.

— Вот это доктор! — удивился Иван. — Слушай, Дима, гнать его надо из хирургии! Чтoб даже на пушечный выстрел не приближался! Экий неженка!

— Потом, все потом. Он уже убежал, помойся, помоги мне завершить операцию, основной этап хотя бы! Давай быстрее, я тут пока кровотечение пальцем заткнул.

— Без проблем! — ответил анестезиолог и побежал мыть руки.

Вдвоем мы справились быстро и слаженно. Еще одна спасенная жизнь пошла в нашу копилку добрых дел.

Олега нигде не было, только запачканный калом халат и костюм валялись на полу предоперационной.

— А он домой уехал, — сообщила постовая медсестра. — И по-моему, он плакал.

— Ясно. Кисейная барышня, а не хирург! В говне испачкался — и сбежал! Завтра пойду к главному врачу: на кой черт нам такие врачи, которые из операционной убегают.

— Да я его как увижу, сразу физическое замечание сделаю! — грозно прорычал Иван. — Пусть только на глаза попадетя!

Но на глаза нам Олег так и не попался. Утром он отправился к главному врачу и написал заявление по собственному желанию. Задерживать его никто не стал. К нам он даже не зашел попрощаться.

Кроме Олега, никто к нам не приезжал. Так и продолжали трудиться — Ермаков и я в отделении, Саныч в поликлинике и на подхвате. В принципе мы справлялись, но если кто-то уходил в отпуск, нагрузка на остальных возрастала.

Жизнь продолжалась, но в канун Нового тысячелетия по отделению прошел слух, что наш заведующий хочет перебраться в город.

Наконец 2 декабря 2000 года я открыто спросил у него:

— Леонтий Михайлович, это правда, что вы решили от нас уехать?

— А кто тебе сказал?

— Земля слухами полниться!

— Да пока нет.

— Леонтий Михайлович, слухи на пустом месте не заводятся.

— Дима, если честно, я на самом деле подумываю перебраться в областной центр. Скоро должно освободиться место заведующего абдоминальной хирургии областной больницы, а там главврачом — мой однокурсник. Он предложил это место мне. Староват я уже стал по ночам на «скорой» трястись.

— Я вас понимаю.

— Дима, все когда-то заканчивается, это раз. А два — глупо было бы отказываться от такого предложения.

— А жилье?

— С этим проблем нет, у меня жена оттуда родом. Родители умерли и оставили ей трехкомнатную квартиру, мы ее сейчас сдаем.

— Значит, вы изначально планировали в город перебраться?

— Планировал. Я же после института десять лет проработал в областной больнице, жил в городе, там и женился, а потом у меня мать приболела, я и вернулся. Сам-то я местный. Дети здесь, считай, выросли, школу закончили, а потом в институты поступили, да в городе и остались. У меня две дочки, обе замужем за городскими парнями, давно зовут переехать. Я же уже трижды дедушка, а с внуками не вижусь почти.

— А почему вы раньше не соглашались на переезд?

— Раньше не на кого было оставить отделение.

— А сейчас на кого?

— На тебя, разумеется. Не на Саныча же! Я поначалу думал, ты не выдержишь, сбежишь, а сейчас вижу, что ты наш.

— Считаете, я справлюсь?

— Дима, ты прекрасный хирург. Справишься!

— И когда, если не секрет, планируете отчалить?

— Там заведующему в конце декабря шестьдесят лет будет, хочет завязать с руководящей должностью, перейти в рядовые хирурги. Вот тогда и отбуду.

— Значит, через три недели?

— Может, и раньше!

Но раньше у него не получилось, в том числе из-за меня.

Еще со времен Брежнева у нас появилась не совсем правильная политика держать глубоких пенсионеров на производстве. Рыба гниет с головы. Практически все политбюро — седые старцы, они еще Ленина видели. Ученые утверждают, что человек способен прожить 150 лет — и пусть живет. Но я считаю, что нельзя старикам работать на ответственных руководящих постах и в профессиях, связанных со значительным риском, нельзя!

Атеросклероз делает свое дело: поражает все сосуды. Человек стареет независимо от своего желания. И продолжая работать, он создает проблемы остальным. Пожилой руководитель, впадая в старческий маразм, вызванный сужением сосудов головного мозга, перестает мыслить адекватно. Водители, машинисты, летчики и люди других рискованных профессий тоже подвергаются «нападению» атеросклероза, который вызывает и гипертонию, и ишемию сердца, и многое другое.

В некоторых профессиях уже ввели возрастные ограничения, сейчас не бывает семидесятилетних летчиков или восьмидесятилетних машинистов. Кстати, хирурги тоже подвержены атеросклерозу. Кто из читателей хотел бы лечь под нож девяностолетнего хирурга? Я сознательно не лягу под скальпель уважаемого, но, увы, уже старого врача, и, если есть выбор, не поеду с пожилым водителем. Но в тот период моей жизни выбирать особо не приходилось, да и, честно сказать, я не думал о таких вещах.

Буквально через пару недель после памятного разговора с заведующим я ехал на вызов. В

салоне уазика рядом со мной лежал парень с прободной язвой желудка — его взяли с вызова и транспортировали в хирургию. По пути подобрали меня. Так как диагноз не вызывал сомнений, я распорядился собрать и оперблок.

Удобно усевшись на боковом сиденье, я от нечего делать смотрел сквозь кабину на дорогу. За рулем сидел Еремеич, семидесятипятилетний водитель, которого держали на «скорой» только из уважения к его сединам. Больной постоянно стонал, и через проем между салоном и кабиной эти звуки были хорошо слышны. Понятное дело, старик торопился доставить страдальца в отделение!

Когда до больницы оставался какой-то километр, перед нами внезапно возник стоящий КамАЗ. Водитель грузовика выставил габаритные огни и спокойно менял колесо, не зная, что мимо проедет полуслепой Еремеич.

Я хорошо видел и сам грузовик, и красные огни, обозначающие препятствие, но Еремеич гнал «скорую» прямо, никуда не сворачивая.

— Еремеич, там же КамАЗ! — только и успел крикнуть я.

В следующий момент мы врезались в стоящий грузовик. Похоже, что в последний момент Еремеич все же увидел его, успел нажать на тормоза, но было уже поздно — мы въехали в зад КамАЗа.

Раздался сильный удар, я сорвался со своего места и влетел через заднюю стенку в кабину, сильно ударившись правыми ребрами об железо. Еремеич и фельдшер ударились головой о стекло и потеряли сознание. Со стороны водителя стекло разбилось и иссекло Еремеичу лицо, со стороны фельдшера выдержало удар, но покрылось паутиной трещин. Лишь больной особенно не пострадал, он слетел с носилок на пол и остался цел.

— Ты куда прешь! Не видишь огней! — заорал водитель КамАЗа.

— Не ори, он тебя не слышит, без сознания! — превозмогая боль, сквозь зубы выдавил я. — Иди, помоги!

— Ну, куда такому старперу за руль садиться? — возмущался шофер грузовика, когда мы вдвоем вытаскивали толстого Еремеича из кабины.

Я вызвал подмогу по рации, а сам принялся помогать пострадавшим. Через пять минут вторая «скорая» подъехала к нам, мы перегрузили всех туда и отправились в больницу. Оглянувшись, я рассмотрел развороченный передок УАЗа — похоже, в последний момент Еремеич попытался и вырुлить.

Старичок-водитель и фельдшер остались живы, их быстро привели в себя, я обработал раны и наложил швы, а потом отправился в отделение.

Лишь у операционного стола я понял, как мне больно. Сломанные ребра терлись друг об друга при каждом вдохе, причиняя невероятные страдания. Сжав зубы, я начал операцию. Несколько раз Саныч, ассистировавший мне, осведомлялся о моем самочувствии. Я каждый раз отвечал, что все хорошо, и, кажется, пару раз криво улыбнулся.

Как назло, операция затянулась, язва желудка оказалась очень большой, занимала практически всю малую кривизну органа и была похожа на раковую опухоль, [28] а дыра свободно пропускала большой палец. Ушить отверстие было технически невозможно,

оставалось либо подшить его к передней брюшной стенке по методике Брука либо выполнить полноценную субтотальную резекцию желудка. [29]

Операция Брука довольно ненадежна, а главное, оставляет источник перфорации. С момента перфорации язвы прошло менее двух часов, это позволяло осуществить резекцию, и я решился.

Операция заняла около четырех часов. Необходимо было сделать расширенную резекцию с учетом онкологических требований, так как я подозревал рак.

Все это время я не чувствовал боли — а может, просто не замечал ее, целиком и полностью погрузившись в операцию. Но как только я наложил последний стежок и закрыл рану наклейкой, боль пронзила левую сторону груди, и я схватился за бок.

— Болит? — участливо спросил Саныч.

вернуться

28

Потом гистологическое исследование показало, что это все же была гигантская язва.

вернуться

29

То есть полностью удалить желудок.

— Болит, — кивнул я.

— Надо снимок сделать, пока рентгенлаборантка здесь, — предложил Иван.

— Надо, — без энтузиазма согласился я.

— Дмитрий Андреевич, да у вас перелом четырех ребер и, похоже, со смещением отломков, — произнесла лаборантка, подавая мне готовый снимок.

— Даже и не верится, что это мой собственный снимок! — ужаснулся я.

— А вы, говорят, еще и большую операцию сделали со сломанными ребрами! Это правда?

— Правда.

— Не знаю, я бы так не смогла. Как вы вообще на ногах стоите?

— Спасибо, хреново, — пожал я плечами, что вызвало новый взрыв боли.

Самое обидное, что сломанные ребра не гипсуют, а лечат покоем. Надо лежать, преодолевая боль, и ждать, пока кости соизволят срастись. Это может длиться от трех недель до двух месяцев, а побаливать после этого — всю жизнь. У меня до сих пор переломы болят, когда меняется погода, а еще если я неудачно улягусь на жесткую поверхность.

Конечно, можно применять обезболивающие, согревающие мази, отхаркивающие средства (это

чтобы не развилась посттравматическая пневмония), существует физиотерапия для облегчения страданий, но это все второстепенно. Оперативное лечение показано лишь при значительных разрушениях реберного каркаса, когда ребра или их фрагменты отрываются и мешают дышать.

Нельзя перетягивать ребра плотной повязкой или корсетом. Пользы от этого нет, а вред огромный. Сдавливая и без того больные ребра, мы ограничиваем их, что может привести к застою в легких и развитию пневмонии. Легкие и так страдают, дыша неполноценной грудной клеткой, а мы их еще уменьшаем!

Я все это прекрасно знал, и оттого мне было не по себе. Я вышел из строя в самый неподходящий момент: впереди был Новый год, смена тысячелетия, много интересных операций — и я должен был все это пропустить?! «Дудки! Никакого больничного! В жизни всегда должно быть место подвигу!» — решил я.

Но мой юношеский задор пресек Ермаков:

— Дима, ты что творишь! Как можно было идти на операцию со сломанными ребрами?

— Так не было другого выхода, Леонтий Михайлович.

— Дима, выход есть всегда. Надо было меня вызвать!

— Вы и так две ночи не спали, все вас дергали!

— Не поспал бы и третью, ничего бы со мной не случилось! А вот если б ты от болевого шока сознание потерял во время операции, что тогда было бы?

— Ну так я ж не потерял.

— Мальчишка! Я думал, ты можешь возглавить отделение, а у тебя еще ветер в голове!

— Не ругайтесь, Леонтий Михайлович, все же обошлось.

— Хочешь сказать, что победителей не судят?

— Ну, примерно так.

— Что обошлось — это хорошо, а вот что ты на работу вышел — это плохо. Дуй к Санычу, пускай тебе больничный выпишет, и иди домой — лечись.

— Да не пойду я никуда, у меня уже не болит ничего!

— Дима. Я хирург. Я знаю, болит у тебя или нет. Если ты сейчас не пролечишься, то потом всю жизнь мучиться будешь. Такими вещами не шутят. Усек?

— Усек, — приуныл я. — А как же вы без меня?

— А как всегда, — пожал плечами Ермаков. — Было время — ты месяцами один работал; а что ж, мы с Санычем вдвоем не справимся? Иди на больничный!

— Так значит, если я иду на больничный, из-за меня вы можете потерять место в областной больнице? Не пойду! Вы столько лет ждали этого случая!

— Дима, успокойся! Место мне подержат. Пока ты не поправишься, я никуда не уеду. Не оставлю же я Саныча одного, в самом-то деле?

— Но если нормально лечиться, то я же только после Нового года вернусь...

— Отлично, значит, Новый год встречу на боевом посту, поработаем с Санычем напоследок. А ты лечись, чтобы был работник, а не калека. Все, пошел, пошел!

— Спасибо, Леонтий Михайлович.

Я вышел из ординаторской и поплелся к Санычу. В коридоре меня подждал трясущийся Еремеич.

— Дима, не губи! — взмолился старик.

— Вы о чем?

— Не подводи под статью, мне уже семьдесят пять, я в тюрьме помру!

— Какую тюрьму, за что?

— За тебя! Следователь говорит, что меня посадят за твои ребра! Не губи! У меня внуки! Хочешь, я тебе денег дам на лечение?

— Еремеич, успокойся, ты что. Какой следователь, у меня к тебе никаких претензий, и денег мне твоих не надо! Тебе еще, поди, машину восстанавливать?

— Две! Свою и КамАЗ!

— Вот иди и работай! Вообще не понимаю, как ты медкомиссию прошел.

— Так вот и прошел, — вздохнул старик. — Теперь еще и окулист пострадает, да?

— Не знаю...

— Дима, ну ты подпишешь бумагу, что у тебя нет ко мне претензий?

— Подпишу, неси.

Я и правда не держал зла на старика, но считал, что водить машину ему больше нельзя. Пусть слесарничает, например.

Подписав нужную Еремеичу бумагу и оформив больничный, я попрощался с коллективом и поплелся домой. Иван предложил подвезти, но мне хотелось пройти пешком. На душе было горько. Так, наверное, переживал раненый кавалерист, выбитый из седла накануне атаки. Я действительно фанат хирургии и в другой профессии себя не мыслю.

Но лечиться было необходимо. Жаль, конечно, было пропускать столько интересного, но в глубине души я знал, что на мой век операций хватит, надо только поправиться.

Глава 16

Возвращение в строй

Меня тяготило вынужденное безделье, и я решил заниматься теорией — раз уж пока не мог практиковать. Сходил в библиотеку, выписал из областного центра около двадцати монографий и атласов, продлил подписку на журналы «Вестник хирургии имени Грекова» и «Травматология и ортопедия России».

С последним журналом меня связывали не совсем приятные воспоминания. Еще в 1995 году я увлекся лечением переломов надколенников — это полукруглая сплюснутая кость, называемая коленной чашечкой. Почти каждую неделю доставляли пациентов с этой патологией. Ермаков показал мне, как собирать коленную чашечку. Мы открыто сопоставляли отломки и фиксировали их «П»-образными лавсановыми швами.

Результаты были неплохими, но мне хотелось усовершенствовать операцию. Я перерыл уйму литературы, проштудировал все об оперативном лечении переломов надколенника, что можно было достать в наших условиях, но успеха не было.

И вдруг меня осенило: «Эврика!» Я предложил оперировать двумя перекрещивающимися спицами Киршнера. Все было очень просто: сопоставив и зафиксировав костные отломки пулевыми щипцами, я проводил две спицы по диагонали воображаемого квадрата, сторонами которого являлись грани надколенника, строго перпендикулярно друг другу. Толщина кости позволяла провести их так, что они «не встречались» по «дороге».

Я отработал методику на деревянных моделях — получалось прекрасно. Рассказал заведующему, но тот принял мое новаторство без энтузиазма и сказал, что надо получить официальное разрешение, а это невозможно было сделать, пока мы не провели ни одной операции.

Его консерватизм сломить так и не удалось. Оставалось ждать.

Мне сказочно повезло: Ермаков отбыл в кратковременный отпуск, и я прооперировал своим методом аж три перелома надколенника подряд. Мне чертовски фартило! Все три операции прошли успешно, больные остались довольны, а уж как был рад я!

Узнав о моих художествах, заведующий разъярился:

— Дима, кто тебе позволил тренироваться на живых людях? Ты с ума сошел?

— Но, Леонтий Михайлович, посмотрите на снимки до и после операции! Идеальное стояние! Неплохой результат! Больные придут на прием, я их вам продемонстрирую!

— Нет! Нет и нет! Никаких экспериментов!

— Но ведь у меня получилось!

— Дима, мы не научно-исследовательский институт, а заурядная больница! У тебя даже нет сертификата по травматологии! Все! Я запрещаю эту операцию!

— Димон, ты не огорчайся, — успокоил меня тогда Иван. — Отправь описание операции и снимки в травматологический журнал в раздел «Случай из практики». Опубликуют — значит, можно потом оперировать.

— А может, в нашем институте сначала как рацпредложение оформить или патент на изобретение?

— Ну, патент долго оформлять, на это могут годы уйти, а рацпредложение проще оформить, но там тебе пяток соавторов обязательно доведут, и чей это тогда окажется метод? А?

— Уверен?

— Еще бы. Я в институте и в ординатуре наукой занимался, так что с этой кухней знаком не понаслышке. Пошли в центральный журнал статью, и все! У тебя наблюдений много?

— Пока три, а сколько надо?

— Ну, чем больше, тем лучше. Плохо, что такие переломы не каждый день попадают, да и Ермаков запретил.

— Ну, я повременю, может статья вновь куда уедет!

В течение года мне удалось «подпольно» сделать еще три операции по своему методу — когда уезжал Ермаков. После я написал статью в «Травматологию и ортопедию России», и вместе с ней отправил все снимки, которые у меня были.

Месяца через три пришел ответ: дескать, мысль хорошая, но мало наблюдений, занимайтесь, держите нас в курсе и тренируйтесь на деревянных моделях, публиковать пока рано. Тут как назло закончились пациенты с переломами надколенника, да и заведующий перестал уезжать. Одним словом, от этих операций я временно отошел.

Примерно через два года Ермакову передали информационное письмо из одного головного НИИ травматологии и ортопедии.

— Дима, вот смотри! Не один ты такой умный! — заведующий протянул мне текст, напечатанный на хорошей бумаге с угловым штампом учреждения. — Читай! Вот теперь можно оперировать, это проверенные и научно обоснованные рекомендации!

Я быстро пробежал глазами письмо и почувствовал, как кровь приливает к голове: неизвестные люди подробно описывали мою операцию трехлетней давности, немного дополнив ее. Текст был подписан несколькими фамилиями, и моей среди них не было.

— Да это же плагиат! — выпалил я. — Это ж моя операция!

— Почему твоя? — улыбнулся Леонтий Михайлович. — Раз ты до такого додумался, то что, в целом мире больше никто не мог эту операцию изобрести?

— Может, и мог, но я не верю в совпадения!

— В какие совпадения?

— Леонтий Михайлович, я вам не говорил, но я отослал в журнал и описание операции, и все снимки. А после получил ответ, что тема хорошая, но требует доработки и наблюдений, тогда меня не опубликовали, а сейчас уже ряд авторов посылает рекомендации по больницам с предложенной мною операцией. Совпадение?.. Возможно, кто-то взял мою идею, развил ее, написал диссертацию — и доволен! А я тут... как лох.

— А почему ты мне ничего не сказал?

— Ну вы тогда так ругались!

— «Ругались», — скривился заведующий. — Ты думаешь, я не знал, что ты за моей спиной продолжаешь оперировать?

— Вы знали?

— Ну конечно! Я потом уже остыл, прикинул, что к чему, и понял, что твоя операция — неплохая идея.

— А почему вы тогда мне запретили?..

— Ну, во-первых, на самом деле нельзя работать без официального одобрения. А во-вторых, я уже запретил — что же мне, терять лицо? Надо было тебе все-таки оформить рацпредложение! Эх, не подсказал вовремя! Жалко!

— И что, сейчас нельзя ничего сделать?

— А что ты сделаешь? У них наверняка есть все разрешающие документы! Все они авторы. А у тебя даже ни одного снимка не осталось, ты все им выслал. Остается только работать.

— Беспредел!

— Беспредел, а ничего не попишешь. В следующий раз, если чего изобретешь, обязательно оформи авторство!

Несколько месяцев после этого я не мог даже смотреть на «Травматологию...». А потом притерпелся — все-таки это был наиболее доступный и относительно недорогой журнал, в котором появлялись все последние достижения в травматологии и ортопедии. Сертификата по травматологии у меня не было, а больных — хоть отбавляй. Пришлось наступить на собственные амбиции.

В дальнейшем я придумал около десятка различных методик и усовершенствовал ряд операций. Учтя печальный опыт с надколенником, я оформил их как рацпредложения в местном мединституте. Как и предсказывал Иван, мне добавили с пяток соавторов и вдобавок мою фамилию в «Свидетельстве о рацпредложении» напечатали последней.

Ребра срастались тяжело, ноющая боль не давала спать, любая смена положения тела давалась с трудом. Днем я еще как-то отвлекался, читая и записывая, а ночью готов был лезть на стенку.

Новое тысячелетие я встретил дома, в кругу семьи. Конечно, эти праздники оказались самым горячим временем для хирургов. Люди словно с цепи сорвались: пили как в последний раз, дрались как бессмертные — и отправлялись в больницы, как и положено. Леонтий Михайлович и Саныч первые трое суток нового века почти не выходили из операционной. Я не выдержал и пришел в отделение, желая помочь, но Ермаков похлопал меня по груди, покивал, глядя, как я морщусь от боли, и отправил восвояси:

— Оклемаешься — вернешься. Нам в операционной не нужны инвалиды!

— Леонтий Михайлович, но я здоров!

— Дмитрий Андреевич Правдин, — перешел на официальный тон заведующий. — Вы еще не поправились, поэтому покиньте операционную и ступайте домой лечиться! Я понятно высказался?

— Более чем! — грустно ответил я и пошел домой.

— Дима, не переживай! На твой век подвигов хватит! — услышал я вслед.

Проклятые ребра продолжали ныть, но острой боли уже не было. Но в конце января, проснувшись однажды утром, я вдруг осознал, что спал на больном боку. «Ура! Я здоров! Боль отступила! Все, хватит прохлаждаться, и так почти полтора месяца в четырех стенах просидел, чуть не заржавел». Быстро собравшись, я почти бегом отправился на прием закрывать больничный.

Саньч поначалу заупрямился:

— Дима, давай я тебе до конца месяца больничный продлю?

— Саньч, все, я здоров! Давай выписывай на работу!

— По снимку видно, что переломы еще не срослись окончательно, давай еще пару недель отдохнешь?

— Саньч, может, они еще месяц срастаться будут. Что ж мне, по-твоему, еще месяц на больничном сидеть? Не понимаю, все просят продлить — а мы закрываем; я прошу закрыть — а мне отказывают! Чудеса, да и только!

— Дима, ты не ругайся, — понизил голос Саньч. — Но только Ермаков приказал больничный тебе не закрывать. Он мне голову снимет!

— Не снимет, ты закрой сейчас потихоньку, а я завтра на работу выйду. Поставим его перед фактом — куда не денется!

Скрепя сердце, Саньч подписал листок нетрудоспособности, и я, окрыленный, помчался домой.

— Саньч, это кто? — указал на меня заведующий, когда я на следующее утро появился в ординаторской. — Я же просил не закрывать больничный Правдину!

— Леонтий Михайлович, это я попросил Саньча.

— А, черт с вами, делайте что хотите! — махнул рукой Ермаков. — Только учти, Дима, если к старости будешь мучиться от болей в ребрах, — ты сам не долечился.

— Так что за лечение дома сидеть?

— Тебе покой нужен! Покой! Сейчас опять начнешь больных таскать, у стола операционного стоять, напрягать грудные мышцы, а они куда прикрепляются? К ребрам! А ребра еще толком не срослись и будут постоянно травмироваться! Вырастет большая костная мозоль и будет беспрестанно давить на нервы, вызывая хроническую боль. Я ясно выражаюсь?

— Вполне. Только я здоров.

— Раз здоров, принимай больных! — заведующий протянул мне пачку историй болезней. — С возвращением, доктор Правдин.

— Спасибо! — расплылся я в широкой улыбке.

Ермаков оказался прав на все сто, только ошибся в сроках. Уже к сорока годам я систематически при смене погоды чувствую тупую боль в местах переломов.

Во время обхода я увидел, что палаты переполнены, а в некоторых стоят дополнительные кушетки.

— С новогодних праздников загорают, — пояснил Ермаков.

— Жарко у вас тут было.

— Не то слово! — поддержал Саныч.

Заведующий старался меня беречь: отдал с десятков не особо тяжелых больных. Пара пациентов после аппендэктомии, пара после ножевых ранений живота, остальные с разного рода гнойниками.

Среди последних выделялся суровый мужчина с пролежнями и трагической судьбой. Он работал инженером у военных, но на гражданской должности, зачастую допоздна задерживался на работе. Его молодая и красивая жена не работала и через какое-то время заскучала в одиночестве, но ненадолго. Пока муж укреплял обороноспособность страны, ремонтируя боевую технику, его супруга укрепляла свои отношения с симпатичным молодым соседом.

Муж об измене, как обычно, узнал одним из последних. И очень разозлился. И решил застукать любовников на месте преступления и примерно наказать.

А надо сказать, что жил тот инженер на пятом, последнем этаже дома. И вот однажды вечером, когда любовники, вдоволь наобнимавшись, приступили к делу, рогоносец принялся спускаться с крыши дома на собственный балкон. Он хотел, точно супергерой, ворваться с балкона в квартиру и застать неверную жену на месте преступления.

Но что-то пошло не так, и бэтмен сорвался вниз и сломал позвоночник, причем в том месте, где проходит спинной мозг. У несчастного отказали ноги и тазовые органы, и он превратился в глубокого инвалида.

Жена долго не горевала: когда поняла, что муж никогда уже не встанет на ноги, собрала вещи и перешла к соседу. Произошло это пару лет назад, но я хорошо помню, что, кроме родителей и сестры, его никто не навещал.

Дальнейшая судьба этого нестарого еще мужчины оставалась незавидной. Жена отсудила у него полквартиры, развелась и пустила на свою половину жильцов — каких-то подозрительных типов, которые пили и издевались над инвалидом. В конце концов, родители забрали сына к себе в деревню, и раз в квартал он прибывал к нам на профилактическое лечение по поводу пролежней.

При таких травмах, когда разорван спинной мозг, нижележащие ткани лишаются нервного «обеспечения» и начинают изменяться, могут даже омертветь. Вот почему даже при самом идеальном уходе образуются пролежни. Даже если подвесить такого человека в воздухе, его ткани могут омертветь.

Чаще всего пролежни образуются в местах наиболее плотного контакта постели с телом больного — в проекции лопаток, крестца, копчика, пяток, иногда затылка. Если нет надлежащего ухода, то присоединяется вторичная инфекция, и в дальнейшем образуются

гнойники. Такие больные умирают, как правило, от присоединившихся осложнений, а не от перелома и разрыва спинного мозга.

Страдальца с пролежнями звали Виктор Крапивин, в молодости он служил в морской пехоте и с тех пор сохранил военную выправку и любовь к тельняшкам. Каждый день Виктор занимался спортом, он на руках залазил в кресло-каталку, упражнялся с гантелями и ездил по коридору, крутя колеса мощными руками.

Несмотря на глубокую инвалидность, он летом ездил на автомобиле с ручным управлением, куда его вносили родственники. Он старался жить полноценной жизнью, невзирая на полученное увечье. До пояса он был атлетом, а ниже — почти мумией.

Он приходил к нам, когда начинал гноиться его пролежень на крестце и ягодицах. Мы проводили антибактериальную и противовоспалительную терапию; пролежень подживал, нагноение отступало; Виктор выписывался и возвращался к себе в деревню.

Виктор был великолепным собеседником, многое успел повидать в жизни, а сейчас постоянно читал книги. Мы с ним быстро нашли общий язык и сейчас встретились как старые знакомые.

У нас в больнице существовала такая практика — навещать тяжелобольных на дому, даже если они жили в глухих деревнях. Не часто, но раз-два в месяц кто-то из нас выезжал на вызов. К Виктору на дом я приезжал дважды.

Пролежень у Крапивина почти зажил. Но на этот раз у Виктора развился пиелонефрит (воспаление почек), при поступлении он мочился практически одним гноем. На момент осмотра анализы стали лучше, но воспаление почек стало хроническим.

— Привет, Витя! — поздоровался я.

— Здравствуй, Дмитрий Андреевич! С возвращением!

— Спасибо! А что такой хмурый? Всегда такой бодрый, свежий, а тут?

— А чему радоваться, если уже почки барахлить стали, похоже, конец мне скоро!

— Не говори ерунды! У каждого третьего человека в той или иной степени есть проблемы с почками.

— Да, но не у каждого человека переломан позвоночник! Андреич, чувствую, мне этот год не пережить!

— Витя, ну с чего такой пессимизм? Пиелонефрит хорошо лечится!

— Да, ладно, я тоже книжки ваши медицинские читал! А там сказано, что если у таких, как я, присоединяется инфекция внутренних органов, то смерть не за горами!

— Глупости! Кто тебе такие книжки дал? — возражал я, прекрасно понимая, что Крапивин прав.

— Да, нашлись добрые люди, вы врачи вечно все скрываете и недоговариваете!

— Витя, вот я тебе как врач говорю, пиелонефрит лечится!

— Я знаю, что лечится. Но у меня хронический очаг инфекции в виде пролежня, от него и

почки воспалились! Ведь так?

— Ну, не совсем, — замялся я.

— Совсем! Сперва пиелонефрит, цистит, колит, потом гепатит и еще черт знает что! А после — заражение крови! И все! Гррррр! За что мне это? — внезапно зарычал Виктор. — Я же никому ничего плохого не делал! Даже жене никогда не изменял! А она, стерва, жирует! Ох, дурак я, и зачем полез тогда на балкон? Надо было выгнать эту блядь давно, и сам бы целый был! Грррр! Ненавижу ее!

— Витя, прекрати истерику!

— Доктор! Я не хочу жить! Слышишь! Не хо-чу! — по слогам произнес калека. — Дима, введи мне чего-нибудь!

— Ты в своем уме?!

— Да! Ты здоровый, жена, дочка, сам ходишь! А я хожу только под себя! И ни жены, ни дочки у меня никогда не будет! Зачем же жить? А? Зачем я мучаюсь, почему Бог так со мной обошелся?

— Витя, то, о чем ты просишь, невозможно. Я хирург, а не палач! Я не виноват, что с тобой произошло несчастье. Медицина сейчас развивается очень быстро, не исключено, что лет через пять научатся чинить спинной мозг. И что ты, не хочешь дожить?..

— Извини, доктор, — Витя обмяк и закрыл глаза. — Просто устал...

— Я понимаю, но ты же мужчина, морпех! Ты всегда был образцом оптимизма!

— Вот именно — был! А теперь понял, что все напрасно, что никогда больше мне не встать на ноги.

— Витя, не отчаивайся! Медицина творит чудеса.

— Может, и творит, но не у нас и не бесплатно!

— Поживем — увидим.

Крапивин ничего не ответил, а только криво усмехнулся и отвернулся к стенке. Через неделю анализы мочи у него пришли в норму, и я его выписал с обещанием, что через месяц в конце февраля навещу его на дому. Уехал он печальным.

Через пару дней я полностью восстановил форму, ребра побаливали, но когда я включался в работу, то совершенно о них забывал. Все вернулось на круги своя.

Но меня тревожили воспоминания о нашем разговоре с заведующим, так что однажды, набравшись наглости, я сам напомнил:

— Леонтий Михайлович, вы уже куда не уезжаете? Решили остаться?

— А почему ты так решил?

— Вы говорили, что перед Новым годом уволитесь, а из-за меня раздумали?

— Ну, отчасти из-за тебя, отчасти по другим причинам, но пока я остаюсь.

— Честно, остаетесь? — радостно воскликнул я.

— Остаюсь, но до весны, до апреля.

— У вас из-за меня проблемы?

— Дима, не накручивай! Все намного проще! Жильцы совершенно убили нашу городскую квартиру, там жить невозможно. Мы ее сейчас ремонтируем. Мой приятель, главврач областной больницы, согласился подождать. Там пока человек исполняет обязанности заведующего, а я, как приеду, его сменю.

— Слава богу, а я думал, что я виноват со своими ребрами...

— Ну да, конечно, и часовню тоже ты развалил. Кстати, Дима, звонила фельдшер с Лебяжьего, ты там обещал на вызов к Крапивину съездить — так ты не забудь. Заявка от них в регистратуре есть, договорись с машиной и вперед, а то там мужику совсем плохо. Поддержи его!

— Да я пытался, когда он еще на отделении находился, но он в этот раз какой-то странный уехал. Как бы руки на себя не наложил!

— Вот тогда точно не затягивай, завтра же и поезжай! Плановых операций немного, мы с Санычем справимся, давай на вызов прямо с утра. А то, если что случится, всю жизнь будешь мучиться!

— Хорошо, с утра и поеду.

Я зашел на «скорую», договорился с машиной на завтра и отправился к нашему неврологу Василию Петровичу Чистякову. Он недавно переехал к нам из большого города и привез с собой приличную библиотеку медицинской литературы. Я решил поговорить с ним о травме спинного мозга и, если удастся, почитать специальную литературу.

Ничего нового пока не было, но Чистяков показал мне перевод статьи из американского журнала о том, что ведутся какие-то исследования стволовых клеток, могущих помочь починить спинной мозг. Я попросил себе копию перевода — хоть какой-то козырь в предстоящей беседе с Виктором.

Деревня Лебяжье находилась в 19 километрах от райцентра; дорога была отличной, мороз — несильным, градусов в 15, доехали мы быстро. Вся деревня была дворов на пятьдесят, дом Крапивиных стоял на самом краю, возле озера. Говорят, до революции в нем водились лебеди. Куда потом подевались эти величавые птицы, никто толком не знал, а название деревни сохранилось.

Дом у родителей Виктора был огромным. Четыре комнаты, высокие потолки, ковры повсюду — на стенах и на полу.

Наш пациент жил в отдельной комнате. Отец смастерил ему всяческие приспособления, с помощью которых Виктор мог управлять обстановкой. Потянет за палочку — откроется форточка, дернет за веревочку — откроется дверь, подтянет к себе другую — столик с пищей подкатится.

- Добрый день, Виктор! — поприветствовал я больного.
- Привет! Только разве ж оно доброе, — пробурчал Крапивин.
- Погода хорошая, и у меня новость есть для тебя, вот и доброе.
- Что за новость?
- Вот американцы пишут, что они разрабатывают новый метод по восстановлению целостности спинного мозга. Вот послушай, что пишут! — Я вынул из сумки журнал и, найдя нужную страницу, приготовился читать.
- Дима, да ерунда это все! — перебил меня Виктор. — Лажа полная!
- Что значит лажа?
- Значит, все это бессмысленно!
- Да ты даже не выслушал, как ты можешь рассуждать?
- У меня опять моча с гноем пошла, запоры по неделям. Мать уже рукой у меня из задницы кал выгребает! И я ничего не могу с этим сделать! Слышишь, ты, доктор! Ничего уже нельзя сделать!
- Витя, успокойся, всегда есть выход.
- Да, выход есть... Помоги мне уйти из жизни!
- Опять ты за свое. Я уже тебе раз говорил, что я не палач!
- А это не казнь, а эвтаназия.
- Эвтаназия у нас в стране запрещена!
- А мы никому не скажем, — зашептал Виктор, решив, что я уже согласился. — Поставь мне капельницу, введи воздух в вену, сколько там надо, чтоб умереть? Сколько кубиков — двадцать, тридцать, пятьдесят? Скажи, сколько надо воздуха, чтоб вызвать воздушную эмболию?
- Витя, по-моему, ты бредишь!
- Я не хочу жить! Я больше не человек, я половинка человека! Ты знаешь, каково быть полутрупом?
- Витя, прекрати, прошу тебя! Ты что, не слышишь меня?
- Так и ты меня не слышишь! Почему я тебя должен слышать? Дима, помоги мне! Тебе и делать-то ничего не надо, поставь капельницу и введи воздух, и все! Родители готовы к этому, я сказал, чтоб они к нам не входили! Давай, что ты медлишь?
- Я врач, а не убийца.
- Я уже наполовину труп! Посмотри, все, что ниже пупа, уже мертво, не мое, я его не чувствую! — Он откинул одеяло и продемонстрировал свои худые, неестественно скрюченные ноги, затем выхватил огромную иглу и стал неистово колоть их. — Вот, вот, вот! Они мертвы!

Показалась кровь, я попытался остановить его, но куда мне было против его рук...

— Витя, прекрати! — едва отдышавшись, выговорил я. — Хватит истерик, ты же мужик, должен все принимать, как есть!

— Мужик, говоришь! — В его глазах воспламенились безумные огоньки. — Как есть говоришь принимать? А давай посмотрим, как ты примешь, а? — неожиданно он выхватил из-под подушки боевую гранату Ф-1 и, разогнув усики, выдернул предохранительную чеку. — Ну, давай, мужик! Ну, прими смерть вместе со мной!

— Витя, ты чего творишь? — как можно мягче проговорил я. — Не дури, вставь чеку на место и отдай мне гранату.

— Чеку? А нет чеки! — Инвалид выкинул кольцо под кровать.

Теперь гранату от взрыва удерживал только предохранительный рычаг.

— Ты же служил в армии, говорят, на войне был, значит, знаешь, что такое Ф-1! Ща, рычаг отпущу и все!

— Витя, я хорошо знаю, что такое граната Ф-1, поэтому не отпускаяй рычаг, а отдай ее мне.

— Нет, Дима! У тебя был шанс помочь мне и остаться в живых, ты отказался и подписал себе смертный приговор!

— Витя, граната настоящая?

— Хочешь проверить?

— Не хочу! Отдай мне, я ее выкину!

— Нет, мы с тобой сейчас умрем!

— А я почему должен с тобой умирать?

— А потому что ты мне постоянно врал, что у меня есть шанс! Потому что ты не захотел совершить эвтаназию!

— Ладно, а последнее слово можно перед смертью сказать? — неожиданно страх сменила злость. На смену милосердию пришла жестокость. — Хочу тебе в глаза сказать.

— О, какой неожиданный поворот событий! Что, решил разжалобить меня? Что у тебя жена, дочка, да? Так бесполезно, я давно решил себя взорвать, а заодно кого-то из хирургов прихватить на тот свет, не обязательно тебя! Но так получилось, что приехал ты, поэтому ты и умрешь со мной! Говори!

— Витя, ты ошибся, плакаться и унижаться перед тобой я не собирался. Я хочу просто сказать, что ты мудака, Витя! Не надо кого-то винить в своих бедах! Баба ему изменила! Все, мир рухнул! Надо было или под зад коленом ее, либо тоже налево сходить! Что ты на балкон полез? Ты же себя мужиком крутым считаешь, в морской пехоте служил, гранату вон достал! И что? Ведешь себя, как тряпка!

— Заткнись! Сейчас взорву! — По лицу Крапивина текли настоящие слезы.

— А взрывавай, Витя! Взрывавай! Только потом про тебя будут говорить, что ты не Витя Крапивин, который мужественно, до конца боролся со своей болезнью, а Витька-мудак, который и себя грохнул, и доктора, который его лечил, с собой прихватил!

— Замолчи! — прорыдал инвалид.

— А ты мне рот не затыкай! Меня, Витя, похоронят на кладбище с почестями, я людям жизни спасал! И будут у меня на могиле всегда живые цветы лежать! — я слушал себя, и сам удивлялся, но остановиться уже не мог. — А тебя, Витя, как собаку заруют у дороги, потому что самоубийц на кладбище не хоронят. И мама, и папа твои будут по ночам к тебе ходить, потому что днем им вслед люди будут плевать, за то, что их сынок хорошего доктора угробил. Витя, меня полрайона знает! Люди не простят моего убийства, ты о родителях подумал, как они дальше будут жить с таким грузом на душе?

— На! Забери гранату! — чуть слышно прошептал Виктор. — Осторожней, у меня пальцы затекли, смотри, чтоб рычаг не распрямился.

— Знаю, не учи! Давай аккуратно.

— Дима, чеку уже не вставишь на место, я ее в щель выкинул, надо взрывать. Там за домом отец в прошлом году яму под туалет копал, да не закончил, кинь туда!

Крепко зажав спусковой рычажок, я бережно переложил гранату из рук Крапивина в свои и пинком открыл дверь:

— Все назад! Откройте входную дверь!

— Что случилось? — навстречу мне со стула поднялся Крапивин-старший.

— Граната у меня, боевая, на взводе! Откройте дверь, и где у вас тут яма недокопанная?

— Там, за углом, по тропинке налево! — выдохнул отец Виктора, белея лицом.

Выскочив на улицу, я свернул налево и по тропинке стал удаляться от дома. Там, где снег просел, похоже, и была яма. Я размахнулся, бросил гранату, рухнул на землю и закрыл руками голову.

Раздался хлопок. Это в кино она взрывается, взметая в небо столбы огня и тучи дыма и раскидывает в стороны толпы злодеев. В жизни все прозаичней: хлопок, серый, быстро развеивающийся дымок.

У Ф-1 осколки могут разлетаться в радиусе двухсот метров, правда, не причиняя особого вреда. Опасно было оказываться в 15–20 метрах от взрыва. Я встал, огляделся — все вроде было цело — и вернулся в дом.

— Дмитрий Андреевич, что это было? — выглянул из кабины уазика водитель.

— Да ничего страшного, китайскую петарду подорвали.

— А зачем?

— Да больного повеселить, а то ему скучно лежать.

— Ой что ж теперь будет? — заголосила мама Виктора, увидев меня. — Это Пашка ее принес,

не иначе, он прапорщиком служит! Ой что будет!

— Успокойтесь, ничего не будет! Я сказал, что это китайская петарда, и вы так говорите. Осколки после соберете и выкинете. Все, собирайте сына, отвезем его в больницу.

— А зачем в больницу?

— Пиелонефрит у него обострился, надо антибиотики проколоть. Собирайте, нельзя ему сейчас одному.

— Спасибо, Дмитрий Андреевич! — с чувством сказал Виктор. — И прости. Нашло на меня что-то. А вот как ты мне всю правду сказал, так сразу и полегчало!

— Теперь что, пистолет будешь через Пашку своего доставать?

— Нет, теперь жить буду! И с вами не поеду, месяц назад выписался. Лучше напиши, какие таблетки пропить, я пропью, а в больницу не поеду, если что — только летом.

— Точно дров не наломаешь?

— Обещаю! Ты меня к жизни сегодня вернул.

— Ну, тогда счастливо оставаться, давай до лета! — Я протянул ему руку, и мы обменялись крепким рукопожатием. — Список лекарств оставлю родителям. До встречи!

— До встречи, док!

Всю обратную дорогу водитель пытал меня, зачем это я взорвал петарду. Я отшучивался, так как знал: если этот балабол узнает правду, то разнесет ее по всему поселку. А петардами в то время торговали на каждом углу.

— Ну как съездил? Успокоил Витю? — спросил заведующий.

— Успокоил, все нормально. Думаю, суицида не будет.

Виктор Крапивин сдержал слово дважды. Он больше не старался покончить жизнь самоубийством и не пережил этот год. Бывший морпех умер у нас в отделении в конце декабря 2001 года от уросепсиса — заражения крови, вызванного воспалением почек. За день до смерти он мне сказал:

— Как здорово, доктор, что я не взорвал нас тогда! И ты жив, и я еще почти год небо покоптил.

Глава 17

О необъяснимом

Поездка в Лебяжье оставила у меня ощущение встречи с чем-то мистическим, необъяснимым. Я не знал, почему тогда не испугался, а, наоборот, разъярился, и как нашел те единственно верные слова, которые спасли мне жизнь.

В хирургии много непонятного, даже мистического, иногда не поддающегося логике. Практически все хирурги глубоко суеверные люди, только тщательно скрывают это. И я тоже таков.

У нас в предоперационной было два крана для мытья рук. И я заметил, что когда моюсь под правым, операция проходит гладко и больной легко поправляется после. А если под левым — то и на операции все идет наперекосяк, и в послеоперационном периоде возникают осложнения. Поначалу думал, что я один это заметил, но оказалось, что нет.

Мы спешили на операцию: разрыв печени. Я зашел в предоперационную. Ермаков мылся под «моим» краном, я встал в сторонке и стал ждать.

— Чего стоишь? Вон кран свободный, мойся!

— Я после вас!

— Мойся, говорю, надо быстрее оперировать!

— Я под этим краном хочу.

— А, тоже заметил?

— Что?

— Раз ждешь именно этот кран, значит, заметил. Ладно, не говори, а то удачу спугнешь!

Рассказывать о своих личных суевериях — значит искушать судьбу или отпугивать удачу, а о некоторых общих я расскажу.

Не принято в день плановой операции стричь ногти, волосы и бриться; лучше сделать это накануне. Многие не любят оперировать рыжих и конопатых, у них часто открываются значительные кровотечения во время операции. Нежелательно оперировать плановых больных по большим религиозным праздникам. С последним я лично пару раз столкнулся.

В православное Рождество, седьмого января, мне довелось спасти жизнь пациенту с острой кишечной непроходимостью. День был нерабочим, вызвали меня рано утром, и к девяти утра я накладывал последние швы на кожу. Все шло замечательно, операция прошла без сучка без задоринки, настроение было отличным. Неожиданно ко мне обратилась Наталья Германовна, сестра-анестезист:

— Дмитрий Андреевич, ко мне Пашка приехал, мой сын, он в политехе учится на первом курсе. У них сейчас каникулы начались, а он на карате хочет ходить, проходил медосмотр, и грыжу паховую обнаружили, можно прямо сейчас прооперировать?

— Как — сейчас?

— Ну, я ему домой позвоню, он не пил и не ел с утра. Мы дадим наркоз, а вы операцию сделаете?

— Так у него ни анализов нет, ни ЭКГ, ни группы крови, как оперировать?

— Да анализы он вот только сдавал, перед Новым годом, он же медосмотр проходил.

— А группа крови есть?

— Я и так знаю, первая, положительная. Да зачем группа, операция не кровавая же!

— Наталья Германовна, как без группы крови? Не положено!

— Хорошо, хорошо, лаборантку все равно надо вызывать, сахар определять у диабетиков, попросим, и Пашке группу сделает. Вы-то согласны?

— А вас не смущает, что сегодня Рождество? — попытался я привести последний аргумент.

— Ой, я вас умоляю, доктор, вы еще в это верите? Это все бабушкины сказки! Так, лишней выходной, всю жизнь в церковь плевали, а теперь вдруг все резко в религию ударились.

— Я в церковь не плевал!

— Ну, вы не плевали, так другие! Вон и храмы разрушали, и попов вешали, и ничего с ними не случилось!

— Как знать, мы же не знаем, как эти варвары жили.

— Ой, да хорошо они жили. У меня у мамки сосед, он лично церковь нашу поселковскую взорвал в тридцатые годы, и ничего, девяносто лет прожил, и дом полная чаша!

— Но вы же не знаете, что в его душе творилось?

— Да ничего у него не творилось, пил и жрал, да с бабами шлялся! Так вы будете оперировать?

— Ну, раз настаиваете, звоните, путь приезжает, только группу крови обязательно надо сделать!

— Спасибо, доктор, сделаем.

Пашка оказался двухметровым детиной и едва уместился на операционном столе. Грыжа была небольшой, так что я не предвидел никаких сложностей. Все как всегда — выделил и ушил грыжевой мешок, выполнил пластику передней брюшной стенки, зашил рану. Операция завершилась. С трудом мы всей компанией откатали спящего Пашку в палату. Я еще раз осмотрел наклейку на ране — сухо — и отправился писать протокол операции.

Поставив точку в последнем предложении, я закрыл историю болезни и поднялся, чтоб перед уходом осмотреть послеоперационных больных. Больной, оперированный по поводу кишечной непроходимости, опасений не вызывал, но когда я подошел к Паше, то обомлел. Его наклейка обильно промокла кровью.

Я сорвал наклейку и осмотрел рану. Сквозь швы сочилась кровь. «Продолжающееся кровотечение! Но откуда? Я не повредил ни одного сосуда, все перевязаны и прошиты, уходил, все было сухо!»

— Немедленно больного в операционную! Зовите анестезиолога! Где группа крови? — четко скомандовал я.

— Дима, что произошло? — прибежал Иван.

— Не знаю, какое-то кровотечение возникло, нужно брать в операционную, расшивать и осуществлять ревизию раны.

— Дмитрий Андреевич, что с сыном? — влетела в палату испуганная медсестра.

— Успокойтесь, возникло послеоперационное кровотечение, берем в операционную на ревизию.

— Но раньше такого никогда не было. Я не помню, чтобы после грыжи у кого кровило!

— Я тоже не помню. Давайте без паники.

— Я спокойна, берем.

Снова, чуть не надорвавшись, мы перегрузили Пашку на каталку и отправили в операционную. Пока готовились, я быстро проверил результат группы крови — точно, первая положительная. У нас было много крови такой группы, и я прихватил с собой в операционную пару пакетов.

Дали наркоз. Я расшил и тщательно осмотрел рану — источника не было. Посушил, постоял, снова зашил. Постоял еще.

— Ну что стоим? — поинтересовался анестезиолог. — Чего ждем?

— Ждем, не повторится ли кровотечение, так как я источника не нашел.

— А что это могло быть? — с дрожью в голосе спросила Пашкина мать.

— Говорю, не знаю! Давайте подождем.

Все было сухо. Прождав пятнадцать минут, я уже хотел было наложить наклейку и покинуть операционную, как вдруг между швов выступила кровавая роса. Через пару минут из раны обильно сочилась кровь. Я быстро распустил швы — чуть-чуть поддавало из подкожножировой клетчатки, а явного кровотечения снова не было!

— Что за черт! — выругался я вслух. — Мистика какая-то!

— А в чем дело? Вы нашли источник кровотечения? — подошла Наталья Германовна.

— Нет! Не нашел!

— А как же так?

— А вот так! Похоже, его вообще нет!

— Как так, нет? Кровь есть, а кровотечения нет? Разве такое бывает?

— Наталья Германовна, выходит, что бывает! Вот предупреждал я, что нельзя сегодня оперировать, а вы не поверили!

— Глупости! Что-то не так сами сделали, а на Бога спираете!

— Что же я не так, по-вашему, сделал?

— Не знаю! Но что-то сделали!

— Коллеги! Друзья мои! — вставил свое слово Иван. — Хватит ссориться! У нас вообще-то операция. Давайте лучше подумаем, что нам делать. Почему кровотечение, откуда?

— Давайте! — согласилась анестезист. — Дмитрий Андреевич, что вы предлагаете?

— Я предлагаю немедленно взять анализ крови, пока лаборантка в больнице, и посмотреть гематокрит, гемоглобин и эритроциты. Что-то Пашка бледноват стал.

Пока делали анализ, я самым тщательным образом еще раз осмотрел рану, но источника не нашел. «Что за черт! Зашиваешь рану — сухо! Через 15–20 минут начинает кровоточить, разошьешь — ничего не видно! Ерунда какая-то!»

Ни до, ни после у меня не бывало таких ситуаций. В анализе Пашки — анемия, но свертывающая система без особенностей. Количество красных кровяных телец уменьшилось почти в два раза; мы стали переливать кровь и вернули ее к нормальным показателям. Промучившись около двух часов, я затампонировал рану марлевыми салфетками, смоченными в кровоостанавливающем растворе, и зашивать больше не стал, оставил как есть. Мы перелили почти два литра крови, я просидел возле больного часа два — кровотечение не возобновлялось. Пашкина мать все время что-то бурчала и косилась в мою сторону, но мне это было безразлично. Только убедившись, что парню ничто не угрожает, я отправился домой.

На следующий день, уже восьмого января, я удалил салфетки и наложил вторичные швы. Паша поправился, но я до сих пор не знаю, что с ним было.

Необъяснимые случаи происходят и непосредственно с больными. Я обратил внимание: если тяжелобольного сразу после операции начинают измерять для того, чтобы узнать размер будущего гроба, то пациент поправится.

Как-то раз я прооперировал девяностолетнюю бабушку с гангренозным холециститом. Операция проходила тяжело, у старушки постоянно падало давление, но к концу выровнялось и стало стабильным. Пока я рассказывал дочери, тоже уже бабушке, про ее маму и операцию, в палату просочились два молодых человека с этанолзависимыми физиономиями.

— А что это вы делаете, молодые люди? — спросил я, увидав, что они ловко замеряют больную рулеткой.

— Так мы это, — замялись алконавты. — Мерку снимаем.

— Зачем?

— Ну, как зачем — надо гроб заказать, а завтра воскресенье, у гробовщиков выходной может быть.

— Вы что, с ума сошли? Она еще жива!

— Да ладно, док. Бабке девяносто лет, а вы сами говорили, что операция тяжелая.

— Тяжелая. Но она жива!

— Вряд ли поправится, — просипел тот, кто стоял возле головы бабушки.

— Так, вон отсюда! Пока старушка жива, не дам ее измерять! Вон!

— А мы уже замеры! Опоздали вы!

Старушка выжила. Я ее однажды встретил через шесть лет после выписки — заехал к ее соседям на вызов, а бабушка сама полет огород. Я зашел к ней, она меня узнала, сообщила, что чувствует себя хорошо, работает, а недавно ей исполнилось 96 лет. Я спросил про тех поторопившихся внуков — они оказались правнуками и утонули по пьяной лавочке в тот год, когда мы оперировали старушку из хирургии.

Несколько раз я прогонял желающих снять мерку с тяжелобольных родственников, и каждый раз мои пациенты выздоравливали, несмотря на довольно неблагоприятный прогноз. Как это объяснить — не знаю. Может, больные поправляются назло родственникам — типа не дождетесь?..

А еще ведь есть нетрадиционные способы лечения. Умолчу о моче, иголках, травах и прочем, а расскажу, о керосине.

Однажды я оперировал женщину 47 лет — у нее было желудочное кровотечение. На операции я нашел рак желудка IV степени с прорастанием в соседние органы и множественными метастазами. Операция свелась к паллиативу: я прошил основные сосуды, питающие желудок, кровотечение остановили, но жизнь не спасли. Обычное дело при запущенном раке.

Родственникам я объяснил ситуацию, те загрустили, но ненадолго. Через три дня в ординаторскую пришла странного вида женщина в платочке:

— Здравствуйте, доктор, я лечу рак керосином. Удивительно, но на самом деле многим помогает.

— Рак? Керосином? — Я не верил собственным ушам. — Это как?

— По специальной схеме. Вот тут все по часам, по каплям прописано, а вот керосин, — женщина извлекла из сумки большую бутылку. — Возьмите!

— У нас здесь лечебное учреждение, а не знахарская лавочка. Я не могу лечить керосином, я врач!

— Доктор, хуже ей все равно не будет, — сказала женщина, имея в виду пациентку с раком желудка. — Вы просто попробуйте. Вот увидите, поможет!

— Швы снимем, выпишем, дома лечите ее хоть травами, хоть бензином. А здесь больница, если вы не заметили, мы так не работаем.

— Давайте я полечу, — предложила женщина.

— Еще чего! — возмутился я.

— Тогда сами попробуйте.

— Вы и в самом деле не понимаете, что я не буду давать больной керосин? Меня ж за это могут с работы выгнать, отобрать диплом, и вообще это ерундистика!

— Да в небольших дозах, по схеме! — снова принялась убеждать меня знахарка.

Женщина с полчаса пыталась склонить меня на свою сторону, но я был непреклонен.

— Хорошо, я оставлю вам керосин и схему, — сказала она, решив, наконец, уйти. — Подумайте. Чем раньше начнете, тем у нее больше шансов выздороветь.

— Ненормальная! — сказал лор Артур, глядя вслед знахарке. Я кивнул, соглашаясь.

Рана живота зажила, я снял швы и выписал женщину домой умирать. Медицина была бессильна ей помочь. А керосином мы заправили дежурные лампы, стоящие на каждом посту на случай отключения электроэнергии.

Прошло три года.

— Доктор, а вы меня не узнаете? — спросила симпатичная цветущая женщина, встретив меня на улице.

— Нет, — покачал головой я. — Напомните.

— Я Варвара Вальцева, вы три года назад оперировали меня по поводу желудочного кровотечения. У меня рак желудка был.

— У вас есть выписка?

— Да, вот вашей рукой написано! — протянула она мне документ.

Я вчитался в текст. У нас в стране не принято писать слово «рак», его заменяют на «заболевание», «тумор», «с-г», «образование». На моей памяти в нашем отделении три человека пытались с собой покончить, узнав о своем онкологическом диагнозе, причем не от врачей.

— А с чего вы взяли, что у вас рак? Здесь сказано «образование желудка», — я тянул время, лихорадочно соображая, как такое могло произойти.

У стариков рак развивается медленно, у меня были пациенты, которых я осматривал через год, и они были вполне бодры и живы. Но этой женщине было 50, и прошло три года! Если б я сам не держал в руках ее желудок, подумал бы, что ошибся.

— Доктор, я же не дура! От вас я съездила к онкологу, они мне все и рассказали открытым текстом.

— И что, они провели химиотерапию?

— Нет, от химии я отказалась.

— Тогда что же?

— Керосин! Да, да, Дмитрий Андреевич, я исцелилась при помощи керосина.

— Не может быть! А как он действует?

— Не знаю, но я год пила его по специальной схеме, потом перерыв на полгода, затем опять. Проверилась у онкологов, они тоже руками развели. Рака нет! Пропал!

— А можно я вас осмотрю?

— Пожалуйста! Я в вашем распоряжении.

Я привел женщину в клинику, осмотрел — и изумился. Я хорошо помнил ее тонкую переднюю брюшную стенку и то, как она бугрилась метастазами. Теперь моему взору предстал довольно упитанный животик без намеков на метастазы. Если б не послеоперационный рубец, можно было бы решить, что передо мной другой человек.

— Мда-а-а! — протянул я. — Поздравляю! Неужто керосин помог?

— Он самый! — кивнула Варвара Вальцева и широко улыбнулась. — Я вас приехала

поблагодарить!

— С чем? Я же ничего не сделал.

— Как же ничего? Вы кровотечение тогда остановили!.. Если б не вы тогда, лежать мне в сырой земле три года! Спасибо, Дмитрий Андреевич!

— На здоровье!

— А я вам схему хочу оставить, как керосином лечилась. Возьмите! Тут печатными буквами написано, так что вы разберете.

Я взял схему, но честно сказать, ни разу ею не воспользовался, а потом она и вовсе затерялась среди бесконечных переездов.

Но самое интересное у нас в отделении началось с приходом нового невролога. Доктор Чистяков сам не делал операций на головном и спинном мозге, но об их травмах знал практически все. Так как у нас в штате не было нейрохирурга, то Василий Петрович помогал нам диагностировать и лечить больных с черепно-мозговой травмой.

В основном с ЧМТ к нам поступали бомжи, пострадавшие в драках, пьяные водители, попавшие в аварии, и сбитые ими пешеходы. Травмы были тяжелыми, и даже прооперированные пациенты часто умирали. Приходилось оперировать «черепников» самому, на моем счету имелось больше сотни самостоятельно выполненных трепанаций. Это обычная практика в ЦРБ, где нет нейрохирурга, оперирует общий хирург после соответствующей специализации. А невролог, он выступает в роли консультанта, причем очень значимого. Многие умирали на десятки, а то и на двадцатые сутки после трепанации черепа, так и не выйдя из комы и не придя в сознание.

— Видимо, за что-то его Бог наказывает, — как-то заметил невролог, осматривая очередного «черепника», не пришедшего в себя через неделю после трепанации.

У больного начались пролежни, присоединилась гнойная инфекция, и, несмотря на все усилия санитарок и медсестер, он гнил заживо.

— Что это значит, Петрович? Поясни, — попросил я.

— Понимаешь, в чем дело, Дима... Я вот двадцать пять лет в неврологии, и «черепниками» примерно столько же занимаюсь. И вот что характерно. Если пострадавший был плохим человеком, делал людям гадости, пил, гулял, жене — мужу изменял, богохульствовал и тому подобное, то он и умирать будет тяжело, мучатся, как вот этот, — и Чистяков указал на гниющего пациента.

— Хочешь сказать, что те, кто тяжело умирают, — плохие люди?

— Не всегда, но часто. Посмотри на этого красавца. Весь в наколках, живого места нет, а руки без мозолей — то есть физический труд не для него. Тоже мне, Ленин.

— А это тут при чем? — не понял я.

— Это старая поговорка — Ленин тоже раньше все по тюрьмам да по ссылкам... Не смешно?

— Смешно, — пожал плечами я. — Странная у тебя теория, Петрович.

— Теория, возникшая из многолетних наблюдений.

— Василий Петрович, а этот вот страдает? — Я указал на осматриваемого пациента.

— Безусловно!

— Так он же без сознания, он ничего не чувствует!

— Так не само тело, биологическая масса, страдает, а душа! Душа его страдает, та субстанция, наличие которой многие отрицают. Мучается она, мечется, хочет покинуть тело, а не может.

— А почему не может?

— Ну, например, потому что форточка в палате закрыта, — улыбнулся Чистяков.

— Форточка? — Я почувствовал себя персонажем театра абсурда.

— Да, форточка! — Петрович приблизился к окну и приоткрыл его. — Скоро убедишься, что моя теория работает. Только форточку не закрывайте!

Через два часа больной скончался. Возможно, это было совпадением, а может, и нет. Но скажу точно, всякий раз, как какой-нибудь «черепник» «зависал» — и не поправлялся, и не умирал, — появлялся Петрович, открывал форточку, и мучения пациента заканчивались.

Однажды, когда Петрович навестил одного бомжа с тяжелым ушибом головного мозга и вдавленным переломом (больной уже не дышал сам, а находился на искусственной вентиляции легких) и открыл в его палате форточку, я взял да и закрыл ее.

Петрович пришел на следующий день, увидел закрытую форточку и спросил:

— Кто?

— Я!

— Зачем, Дима?

— Решил проверить твою теорию, вдруг ты ошибаешься.

— В любой теории могут быть слабые места! — возразил невролог и снова открыл форточку. — Только не советую закрывать.

— Это почему?

— Ну, душа не тело, может какую-нибудь пакость устроить тому, кто стоит у нее на пути.

— Ты шутишь? Как чья-то там душа может мне навредить?

— Жаждешь проверить или все-таки поверишь на слово?

— Пожалуй, поверю.

— Это правильно!

Пострадавший скончался через час. Больше экспериментировать я не стал. Интересно то, что форточка, открытая мной, «не работала», но стоило Петровичу приложить руку — душа

страдальца вскоре обрела покой.

Нам многого не дано понять. Мне иногда кажется, что человек всего лишь инструмент, проводник в чьих-то руках. И то, что мы, медики, играем со смертью, отбирая у нее добычу, еще не говорит о том, что мы всемогущи. А когда кто-то из нас, окрыленный успехом, забывается и начинает думать, что может поспорить с самим Богом, происходит сбой, за которым следует смерть пациента.

Нельзя забывать о том, что мы — только люди.

Глава 18

И так бывает

Шел апрель 2001 года. Земля зеленела свежей травой, пригорки золотились мать-и-мачехой, снегопады сменились дождями. В один из таких дождливых дней я дежурил в больнице.

Леонтий Михайлович поменял планы и решил задержаться у нас еще на пару месяцев. Были какие-то проблемы при ремонте квартиры, так что он часто выезжал в область контролировать процесс. Вот и тогда была пятница, день дежурства Ермакова, но дела позвали его в город. Он упросил меня отдежурить, а сам укатил вечерним поездом, пообещав прибыть в понедельник.

Ох, не люблю я дежурить по больнице! Ладно если привезут хирургическую патологию, а если другую? И страшно, и неинтересно, и дежурство превращается в каторгу. Хорошо, что еще отменили освидетельствование нетрезвых водителей.

Честно говоря, это плохая примета — подменять дежурантов, но мне хотелось выручить шефа. «Тем более завтра суббота, — думал я. — Можно отдохнуть, и Саныч дежурит на дому экстренным. Дам ему сегодня расслабиться, у нас если кто из хирургов по больнице дежурит, то экстренных на мелочовку не вызываем, сами справляемся».

Дождь усилился, гроыхнула молния; неожиданно около полуночи отключили свет и телефон. «Вообще замечательно! — рассердился я. — Света нет, связи нет! Можно спать ложиться!»

Перед отбоем я проверил медсестер — они зажгли керосиновые лампы; выдали одну и мне, так как электрический фонарик, положенный дежурному врачу, уже практически выдохся. Пожелав всем спокойной ночи, я отправился спать — ординаторская у нас тогда располагалась на последнем, третьем этаже — и быстро заснул под шум дождя.

— Дмитрий Андреевич, Дмитрий Андреевич! Вы где? — услышал я тревожный голос дежурного фельдшера «скорой».

— Здесь я, на диване! Сейчас лампу зажгу!

Свет керосинки выхватил знакомое лицо из темноты.

— Что случилось?

— Да тут к вам с ребенком пришли, хотят пообщаться!

— Пусть проходят, а который час?

— Два часа ночи!

В ординаторскую вошли две молодые женщины, одетые в мокрые плащи. Та, что помоложе, держала на руках грудного ребенка.

— Вы дежурный врач? — с вызовом спросила старшая женщина.

— Да, я, а что произошло?

— Нам сказали, что вы хирург, но нам нужен педиатр! У Коки три дня температура под сорок и кашель! Нам нужен детский врач!

— Сожалею, но света нет, связь тоже не работает.

— Безобразие! А что есть?

— Ничего нет, но я могу посмотреть вашего Коку.

— А вы сумеете? — с недоверием покосилась на меня недовольная дама.

— Думаю, да. Я, знаете, в свое время закончил медицинский институт, а там нам как раз преподавали и курс детских болезней.

— А вы еще и остряк! Издеваетесь, да?

— Ну, как можно, я же доктор. Я всегда готов прийти на помощь страждущим! Вот вы три дня сидели и смотрели, как у вашего мальчика поднимается температура и развивается кашель, вместо того чтоб как все нормальные люди или на дом врача вызвать, или на прием прийти.

— Я, между прочим, только сегодня из Москвы прилетела, я там живу! — надулась дама.

— Нет! Вы тащите больного малыша по улице, ночью в дождь, — словно не слыша ее, продолжал я. — А когда вам предлагают помощь, вы начинаете привередничать. А нет у нас педиатра сей момент, нет! Тут не Москва, а глухая провинция. Днем надо приходиться к педиатру!

— Да как ты со мной разговариваешь?! — вспыхнула дама, перейдя на «ты». — Да, я! Я!

— Скажешь, что я здесь последний день работаю? Так я это сто раз уже слышал! — теряя терпение, перебил я даму. — А кто будет работать — ты, что ли? Ты будешь по ночам ждать, что к тебе заявятся с ребенком, болеющим три дня, и начнут права качать, ты?

— Маша, прекрати! — подала голос девушка с ребенком. — Доктор прав, надо вовремя обращаться. И он не виноват, что нет света и телефон не работает.

— Он не виноват! — завопила Маша. — Он, конечно, не виноват! Да здесь все виноваты! Здесь все уже прогнило! Все на ладан дышит, дождь пошел — свет отключили, молния блеснула — телефон не работает! О, как хорошо, что я вовремя отсюда смоталась! И тебе, Верка, говорю, бросай ты своего водителя, и поехали со мной в Москву! Тут даже медпомощь оказать не могут!

— Э, спокойно на поворотах, мадам! Я вам в помощи не отказывал!

— Ты? — кинув презрительный взгляд в мою сторону, сквозь зубы выдавила Маша. — Ты вон только на диване дрыхнуть можешь!

— Доктор, — подала голос Вера. — Не обращайтесь внимания на мою сестру, она только вечером приехала, устала. Посмотрите Коку, пожалуйста.

— Укладывайте ребенка на диван, раздевайте, я пока фонендоскоп на посту возьму.

— Даже фонендоскопа у них своего нет, — зашипела мне вслед Маша.

— Ну, хирургу он на шее и не нужен, — мимоходом объяснил я. — Заодно и градусник возьму, температуру померяем.

— Боюсь, у вашего ребенка пневмония, — заключил я после осмотра. — Слышу влажные хрипы, больше слева, температура сорок градусов, нужно госпитализировать в стационар.

— А вы вот так, без снимка и анализов, сразу пневмонию ставите, да? — не унималась Маша.

— Я не поставил, а заподозрил, а снимки наиболее информативны на седьмой день заболевания. Тогда уже четко видно пневмонию рентгенологически. В любом случае надо отправить Коку в детское отделение, а анализы утром возьмут.

— И что там ему будут делать? — с ехидцей в голосе спросила Кокина тетя.

— Назначу антибиотики, отхаркивающие. Утром подойдут педиатры и подкорректируют лечение. Пойдемте, я вас проведу в детское отделение.

— Ну уж дудки! Никуда мы не пойдем! — встала на дыбы Маша. — Вот утром и придем к детскому врачу, мы тут рядом живем, через дорогу, а сейчас дай нам что-нибудь от температуры.

— Я так понимаю, мать не вы, поэтому не вам решать, уважаемая. Мамаша, что скажете? Ребенок-то ваш, вам решать.

— Я... Я не знаю, — Вера испуганно посмотрела на сестру.

— У ребенка температура сорок, — напомнил я.

— Так, все, концерт окончен! — перехватила инициативу старшая сестра. — Еще не хватало, чтоб пневмонию хирург лечил! А если б у нас ухо болело, тьфу-тьфу-тьфу, гинеколога позвали бы?

— Дежурила бы гинеколог, она бы осмотрела. Что тут такого, это районная больница.

— Бардак! Все, Вера, мы уходим отсюда! Ты нам дашь жаропонижающего?

— У нас детского нет ничего, но вы можете купить панадол на «скорой», там есть аптека.

— Ты слышала, Вера, у них нет детского жаропонижающего, мы еще и купить должны! А?! И это оказание экстренной помощи! Бардак!

— Пришли бы днем, раз через дорогу живете, и не было бы никаких проблем, — напомнил я.

— О, ты еще нас учить будешь, когда нам приходиться! — заголосила Маша. — Вера, заворачивай Коку, пошли на «скорую» за панадолом! Бардак! Эй, хирург, подсвети, где тут выход!

Друг за другом мы вышли из ординаторской. Впереди шел я, подсвечивая дорогу керосиновой

лампой, сзади ступали женщины.

— Вера, дай мне Коку, я понесу! А то еще упадешь тут у них в темноте! — потребовала Маша.

Вера передала ребенка ей, и мы продолжили движение.

— Осторожно! — предупредил я. — Тут ступеньки крутые!

— Ты давай свети, а не болтай!

Когда оставался последний пролет, я высоко поднял лампу вверх:

— Внимательно, там вторая ступенька с выбоиной!

— Не учи, а? — рассвирепела Маша. — Вижу я все!

Неожиданно для всех тетя Коки споткнулась на ровном месте, мальчик выпал из ее рук и как в замедленной съемке покатился вниз, подпрыгивая на каждой ступеньке. Я бросился к нему, но с лампой в одной руке оказался не очень проворным и поймал драгоценный сверток только в конце пролета. Кока предательски молчал.

— А-а-а-а-а!!!! — заголосили в унисон бабы. — Убился! Костя! — и бросились ко мне. — Что с ним! А-а-а-а!

Я положил мальчика на стоящую в коридоре лавку, мать трясущимися от страха руками развернула кулек. Я поднял лампу повыше. Кока, хмурый и недовольный, увлеченно сосал собственный кулак.

— Уф, слава богу, жив! — выдохнула мать и обессиленно рухнула на пол.

— Гадская больница! Гадские условия! — завела старую песню ее сестра.

— Маша, хватит! — рявкнула Вера. — Ты во всем виновата! На кой черт ты потащила меня ночью в больницу? Утром бы спокойно пришли, и ничего этого не было бы!

— Я? — оторопела Маша. — Я же хотела как лучше!

— Чуть Коку не угробила! — утирая слезы, произнесла Вера, закутывая малыша в одеяло. — Руки у тебя из жопы, и жопа вместо головы. Пошли домой!

— Пошли, только я этого так не оставлю! Завтра же, а, нет... — Маша посмотрела на часы, — уже сегодня напишу жалобу. Обязательно напишу!

— Вы под ноги смотрите, — посоветовал я, открывая входную дверь. — Здесь приступочек, аккуратней!

— Опять ты, хирург, меня учишь, я...

Договорить Маша не успела: поскользнулась на мокрых ступеньках и, падая, выбила из моих рук лампу. Раздался звон разбитого стекла, лампа опрокинулась на Машу, керосин выплеснулся на ее спину и вспыхнул ярким пламенем.

На сей раз реакция не подвела: я схватил мокрую мешковину, лежавшую под дверью как коврик, и ловко набросил на пострадавшую. Огонь мигом потух, не успев как следует

разгореться.

Я метнулся в отделение и с новой лампой вернулся к женщинам.

— Вы в порядке?

— Да какое в порядке! — простонала Маша.

Я затащил ее в коридор и осмотрел настолько тщательно, насколько позволил свет керосинки.

— Доктор, что с ней? — испуганно спросила Вера.

— Да вроде цела, ожогов нет, только в грязи вся испачкалась. Маша, пошевелите руками, ногами.

— Да шевелится все! Только что ж так бензином воняет?

— Это не бензин, а керосин, из лампы на вас вылился. Лучше пусть воняет, чем горит! Подымитесь на хирургию, умойтесь.

— Ну уж нет! Хватит! Сыта я вашей хирургией по горло! Ни хрена не помогли, ребенка чуть не угробили, меня чуть не сожгли! Бардак!

— Маша, напоминаю: я предлагал вам помощь, вы сами отказались от госпитализации. Ребенка из рук выронили вы, и лампу на себя тоже вы сами опрокинули. Скажите спасибо, что я вас вовремя потушил, а то и правда могли бы сгореть заживо.

— Что? Я еще и спасибо должна говорить? Ну это уже наглость, хирург! Теперь я этого точно так не оставлю!

— Маша, а не заметили, что каждый раз, как вы начинаете угрожать мне, с вами случается что-то неприятное? Не обратили внимания?

— Я обратила, — подала голос Вера. — Извините нас, мы пойдем.

— Давайте до «скорой» доведу, а то ваша сестра, не дай бог, еще что-нибудь вытворит.

— Не беспокойтесь. Дождь прошел, вот и луна выглянула, дорогу видно. Спасибо за все, до свидания!

— До свидания!

— До встречи у прокурора! — снова возбудилась Маша. — Я так этого не оставлю!

В понедельник я узнал у заведующей детским отделением, что ребенка вместе с мамой госпитализировали в субботу. Мой предварительный диагноз «пневмония» подтвердился. Я решил заскочить к ним и узнать, как дела.

— Добрый день, как себя чувствуете? — спросил я у Веры, забежав в палату.

— Ой, доктор, здравствуйте! Спасибо, лучше! Вы знаете, а ваш диагноз совпал! Мы утром пришли, нам и педиатра вызвали, и анализы сделали, и снимок, и лечение назначили, — затараторила молодая мамаша.

Проговорив минут десять и убедившись, что с ребенком все хорошо, я засобирался в хирургию:

— Ну, мне пора, рад, что у вас все замечательно, что Кока ваш поправляется! Всего наилучшего!

— Доктор, еще раз вам спасибо! А что ж вы про сестру не спрашиваете?

— А что мне ваша сестра?

— Ну, она же хотела в прокуратуру на вас жалобу написать!

— Так пусть пишет, а то в прокуратуре не знают, в каких условиях мы работаем! Ее право!

— Да не будет она писать! — рассмеялась Вера. — Наоборот, она вам очень благодарна, что вы ей жизнь спасли! Мы домой пришли, она на кофточку глянула, где пятно от пламени осталось, и расплакалась. Говорит, какая ж я дура, человек мне жизнь спас, а я жалобу хотела написать:

— Как трогательно! — усмехнулся я. — Лучше бы она за своим языком следила.

— Дмитрий Андреевич, не сердитесь. Она как замуж за москвича вышла, за офицера — тут у нас служил, — да в Москву укатила, так сразу зазналась. А вообще она добрая!

— От доброты, значит, в прокуратуру собралась.

— Да не пойдет она! Погорячилась! Она вообще хотела перед вами извиниться, да боится, что вы ее прогоните!

— Пусть приходит, я ее не съем.

Но Маша так и не подошла.

Среди пациентов встречаются и образованные, и неучи, бедные и богатые, умные и недалекие — и со всеми надо найти общий язык, всех надо расположить к себе, чтобы помочь и спасти. Но, отработав почти шесть лет в ЦРБ, я неожиданно столкнулся с человеком, которому хотелось не помочь, а...

К нам из КПЗ привезли педофила. Молодой парень изнасиловал и убил четырехлетнюю девочку. Не понимаю, чего ему не хватало, не знаю, как вообще можно изнасиловать маленького ребенка, и, кажется, не хочу понимать. Я хорошо знал родителей этой девочки, они были нашими с женой приятелями. Их горе было безмерно: они не только потеряли любимую дочь, но и сходили с ума, представляя, каким кошмаром были последние минуты ее жизни.

И ее убийцу, этого подонка, привезли к нам в хирургию.

Поймали его довольно быстро, месяц держали в местечковой КПЗ — а больше закон не позволял, и надо было этого уroda этапировать в областное СИЗО. Если тут он сидел в отдельной камере, то в городской тюрьме должны были поместить в общую, а всем известно, как эки обходятся с насильниками. Пытаясь избежать отправки, педофил проглотил длинный гвоздь.

На рентгенснимке было четко видно, что гвоздь пока находится в желудке.

Я искал, но не нашел приличного пособия по хирургической тактике инородных тел желудочно-кишечного тракта. Иными словами, нет такого руководства, где бы было

достаточно четко прописано, что делать с пациентом, проглотившим тот или иной предмет.

Большинству хирургов встречались люди, проглотившие какие-то предметы или засунувшие что-то в прямую кишку. Известно, что большинство инородных тел выходит естественным путем, главное для них — пройти баугиневу заслонку, место перехода тонкой кишки в толстую.

Я помню учебный фильм, просмотренный еще в ординатуре: швейная иглолка проходит кишечник. Попав в просвет органа, она перистальтической волной уносится вперед. И как только касается стенки кишки, мышцы рефлекторно сокращаются и отфутболивают иглолку дальше.

Однажды я наблюдал, как семилетний мальчик «родил» в горшок швейную иглу, проглоченную из озорства. А двадцатилетняя девушка, наглотавшись канцелярских кнопок из-за неразделенной любви, через сутки какала этими кнопками, создав очередь в туалет. Ни одна не задержалась в организме. Конечно, так бывает не всегда, но довольно часто.

Гвоздь в желудке подонка, скорей всего, и проскочил бы в ЖКТ. Поселили преступника в отдельной палате с милиционером, правда, левую руку приковали наручниками к кровати. И он лежал себе, сытый, довольный, мамка ему пирожки таскала, откармливала, а он книжечки почитывал и отсыпался.

Когда родители убитой девочки узнали, что убийца лежит в нашей больнице, примчались ко мне:

— Проведи нас, мы с ним поговорим.

— Провел бы, да не могу. При нем менты постоянно — один в палате, второй снаружи.

Ребята аж почернели, когда услышали это, но я сказал им, что больше подонков никого не изнасилует. А как? А так.

Я где-то читал, что в африканском государстве Зимбабве принят закон — «око за око, зуб за зуб», причем в прямом, а не в переносном смысле. Если кто кому зуб выбил, то и его зуба лишат. Изнасилывал — раздвигай ягодицы, украл — просим на плантацию долг отрабатывать, ну а если уж убил — не взыщи! Дикие люди, а закон логичный. По статистике, 90 % насильников и извращенцев, отсидев, берутся за старое.

— А нельзя его в город отправить? — спрашиваю у конвойных. — При СИЗО есть же больница с хирургическим отделением.

— Не положено! Вдруг с ним что-нибудь случится по дороге! Нас же всех потом тут так оттарабанят, что мало не покажется.

— Да ничего с ним не случится. Хотите, я вам заключение напишу?

— Это не к нам, к начальству, мы люди маленькие, такие вопросы не решаем, наша задача охранять, чтоб не убежал и чтобы его никто не прикончил.

Милицейское начальство тоже оказалось пуганым и велело либо оперировать в нашей больнице, либо ждать, когда гвоздь выйдет сам.

Мы ждали сутки. Каждые три часа делали снимки. А педофил трескал мамины пирожки и похохатывал над книжечками.

— Ну, что, — сказал я. — Хватит жрать! Готовься к операции.

— Как к операции? — побледнел педофил. — Давайте подождем!

— Давать будешь ребятам в камере, тебя там уже ждут! Все, больше не кормите его. Промывание желудка, три часа ждем — и на операцию. Баста!

— Так это, доктор, — извращенец аж завибрировал от испуга. — Я раньше еще и больше гвозди глотал, выходили нормально.

— Когда раньше?

— Так он уже десятку сидел за изнасилование, вот только два месяца назад освобожден, условно-досрочно, за хорошее поведение, — вставил милиционер.

— А, так ты у нас насильник-рецидивист?

— Точно, рецидивист! — поддержал тему милиционер. — Он еще по малолетке сел, и на зоне «петухом» ходил, поэтому не хочет возвращаться.

Я понял, что должен действовать.

Кастрировать мужчину — значит в определенном смысле лишить его яичек, которые вырабатывают мужской половой гормон — тестостерон. Сперма также вырабатывается яичками и попадает в половой член во время коитуса через специальные протоки. Пересечение, или перевязка, протоков прекращает доступ сперматозоидов, и в конечном итоге они прекращают вырабатываться (по другим данным, их количество уменьшается). Мужчина становится бесплодным. Операция называется вазорезекцией. Полового влечения она не снижает, зато сводит на нет вероятность беременности жертвы при изнасиловании. Если к этому добавить и перевязку артерий, кровоснабжающих яички, то наступает их гибель. Они вроде как в мошонке различимы, но это уже не то. Мертвые яички усыхают и не вырабатывают мужские гормоны. Без них у такого человека начинает расти грудь, выпадают волосы на лице, откладывается жир на ягодицах, и он постепенно начинает приобретать очертания женщины. Дальше у него пропадает эрекция и влечение к женщинам. Половой член служит исключительно для отвода мочи. Получается кастрация в чистом виде, но с оставлением на память яичек.

Незаметно удалить яички без согласия владельца невозможно. А выполнить вазорезекцию с пересечением яичковых артерий — запросто! Семенной канатик, в котором расположены эти трубчатые структуры, расположен в мошонке и из нее через паховое кольцо проникает в живот. Я мог на этом уровне легко «перехватить» проток в животе во время операции на органах брюшной полости.

— Доктор, обождите! — захныкал педофил. — Ну почему сразу же обязательно операция! Дайте мне слабительное, у меня кишечник хорошо работает, выйдет этот гвоздь.

— Точно, кишечник у него хорошо работает, особенно его нижняя часть! — ухмыльнулся конвоир.

— Не выйдет, — твердо проговорил я. — У тебя раньше была операция по удалению аппендицита, образовались спайки в этом месте, просвет кишки сузился, поэтому инородное тело и застряло.

- Ой, я так боюсь! Надеюсь, под наркозом будете оперировать?
- Еще чего! Какой наркоз! Только под местной анестезией!
- Я не согласен!
- Замечательно, пиши расписку, что отказываешься от операции и езжай в СИЗО, пусть тебя там под наркозом оперируют.
- Не хочу в СИЗО! А можно подумать?
- Думай, у тебя десять минут. — Я вышел в коридор.
- Дмитрий Андреевич, можно вас на минутку? — обратилась ко мне маленькая сморщенная женщина, раньше времени состарившаяся. — Я мать Владика.
- Какого Владика?
- Владика Пирогова, который гвоздь проглотил.
- А, он у нас еще и Владик.
- Вы не думайте, он хороший! На него наговаривают, — залепетала женщина, не обратив внимания на мою интонацию. — У него отец пил, а когда пил, то меня сильно избивал, и Владика доставалось, но он жалел меня всегда, успокаивал. Отец побьет, а Владик жалеет. Он добрый!
- Это он от доброты душевной девочку изнасиловал и убил?
- Его оговорили! Неправда, он не мог! Он детей любит, играет с ними, гладит, жалеет!
- Не хочу больше с вами разговаривать, а вину следствие пускай определяет.
- Вы хотя бы скажите мне, что с ним? А то меня к нему не пускают.
- Будем оперировать.
- Когда?
- Прямо сейчас.
- Ой, а под наркозом?
- Нет, под местным обезболиванием.
- Это же больно! Живот резать без наркоза больно! Давайте я вам заплачу! Сколько вы хотите?
- Я хочу, чтоб вы от меня отстали, — резко ответил я. — Ваш Владик без наркоза убивал? А я ему еще местное обезбоживание применю, хотя с большим удовольствием посадил бы его на кол!
- Вы что такое говорите? Вы же доктор!

— Вот потому, что я доктор, я его не на кол сажать буду, а жизнь его непутевую спасать! В

конце концов, он сам этот гвоздь проглотил, и без наркоза, — договорив, я вернулся в палату извращенца: — Ну что, созрел? Десять минут прошли.

— Да, я согласен! Оперируйте, только чтоб не больно было! Ладно, доктор?

— Боли боишься?

— Очень боюсь! Я даже если палец порежу, и то плакать начинаю!

— Смотри, какой чувствительный. Собирайся давай.

— А живот мне брить не будут?

— Зачем?

— Как зачем, у меня там волосики растут. Когда аппендицит оперировали, то брили, говорили, чтобы рана не воспалилась, чтоб нагноения не было.

— Под наркозом оперировали?

— Да, под наркозом! Мне шестнадцать лет было.

— А кого под местной оперируют, того не бреют. Не хочешь оперироваться — пиши расписку и вали в СИЗО.

— Хорошо, хорошо! Не кричите так, я не глухой! Я на все согласен! Не будете брить, не брейте, только не в СИЗО!

— Ну что, ребята, — обратился я к охранникам. — Ведите его в операционную.

— А он там не сбежит?

— Ну, пристегнете его к столу.

— А, и пристегнем!

Трудностей во время операции не возникло. Раствором новокаина я обезболит переднюю брюшную стенку, вскрыл ее, обезболит брыжейку кишечника и, проверив его, нащупал гвоздь. Небольшой разрез на стенке кишки — и гвоздь оказался у меня в руках. Операционная сестра улыбнулась, предчувствуя скорое окончание операции.

— Дмитрий Андреевич, а что вы там еще делаете? — удивилась она. — Я думала, вы закрывать будете.

— Наталья Борисовна, я заканчиваю. Просто у пациента паховые кольца расширены, ушью их, чтобы грыжа не образовалась.

— У меня нет никаких грыж! — встрял в разговор извращенец.

О том, как я превратил педофила в женщину и обрек его на вечное половое обслуживание позабывших женскую ласку сокамерников, рассказал только родителям погибшей девочки. Честно скажу, они были весьма рады.

Послеоперационный период у этого гада протекал на удивление гладко, несмотря на то что

ему не побрили живот и не назначили антибиотики. Видимо, Бог хотел, чтоб педофил скорее отправился в СИЗО, где его ожидала голодная братва. Через девять дней я снял ему швы и выписал, указав в справке только одну операцию — удаление инородного тела (гвоздя).

Совість меня не мучает, по ночам я сплю нормально и считаю, что поступил совершенно верно. Кто-то, может, и не согласится с моей позицией, кто-то может даже осудить и припомнить клятву Гиппократу. Но уверяю, в клятве ни слова не сказано об извращениях. Похоже, в те времена их лечили палачи.

Глава 19

Рокировка

Заканчивался май, всю цвела черемуха, зеленый ковер покрыл поля и луга; приближалось лето, а с ним и мое перемещение на пост заведующего. Леонтий Михайлович окончил ремонтировать городскую квартиру и написал заявление на увольнение. Отведенные законом две недели его отработки заканчивались 31 мая, и с первого июня я вступал в должность.

За шесть лет работы районным хирургом я многому научился, встал на ноги — и все это благодаря Ермакову. Конечно, мне приходилось работать и самостоятельно, но недолго, в общей сложности пару месяцев в год. И я всегда знал, что скоро приедет Леонтий Михайлович и возьмет инициативу в свои руки. Даже когда его не было на отделении, я всегда ощущал его незримое присутствие. И теперь он уезжал навсегда!

Еще в марте Ермаков съездил в медуниверситет и попросил еще хирургов. Ему пообещали, что летом пришлют и хирурга, и травматолога. Я не верил, что кто-то и правда приедет — мы каждый год просили и пока никого не получили.

Заведующий предлагал нам с Санычем сходить в отпуск. Я согласился, и с конца апреля и до конца мая поработал в Н-ске, съездив в свою традиционную командировку. Саныч в отпуск идти отказался. Ни кола ни двора, ехать некуда, пить завязал. Зато он сошелся с медсестрой из инфекционного отделения и переехал к ней жить. Попросил, если что, отпустить его осенью на неделю — картошку выкопать.

Нам тоже предлагали взять в разработку приличный земельный участок, но я отказался. Во-первых, с такой работой у меня абсолютно не получалось выкроить время на сельхозработы, во-вторых, хранить урожай было негде, а в-третьих, просто не хотелось. Благодарные больные круглогодично снабжали меня продуктами, а стоять все лето в позе горного орла ради десятка мешков картошки я совершенно не желал. Не вдохновлял меня крестьянский труд.

Раньше мне и в голову не приходило, что Леонтий Михайлович отчитывается за нас всех перед своим начальством. Теперь я это прочувствовал в полной мере.

В последний рабочий день, 31 мая, Леонтий Михайлович устроил прощальную вечеринку — проставился. В ординаторской накрыли столы, его жена наготовила еды, мы тоже из дома принесли кто что смог. В общем, стол получился на славу. Но где еда — там и выпивка. Саныч не пил, его поставили экстренным, и он постоянно бегал на «скорую» смотреть «острые» животы и шить мелкие раны. Вечер прошел нормально, Ермаков говорил, как он любит нас, мы — как тяжело нам будет без него и как жаль, что от нас уходит такой замечательный человек и хирург.

Разошлись мы еще засветло, все вроде прошло гладко, без эксцессов. Утром я проснулся бодрым и свежим и к восьми ноль-ноль уже сидел в кресле заведующего. Не успел я провести

пятиминутку, как меня вызвали к главному врачу.

— Добрый день, Дмитрий Андреевич, поздравляю с вступлением в должность! — поприветствовал Тихий.

— Спасибо, Николай Федорович! — чуть зардевшись, ответил я.

— Не хочется в первый же день вашего заведования ругаться, однако вынужден напомнить, что заведующий несет полную ответственность как за отделение, так и за медперсонал, который у него в подчинении!

— А что случилось?

— Я понимаю, что вы вчера провожали Леонтия Михайловича. Дело хорошее, Ермаков отличный специалист, мне, честно говоря, жаль было с ним расставаться, и поэтому я ничего предосудительного не вижу в том, что вы собрались в коллективе и выпили по этому поводу. Но всему есть предел!

— Не понимаю, о чем вы. Мы посидели, выпили, да, но культурно, и все разошлись по домам без скандалов!

— Ладно, я вас на первый раз наказывать не буду, дам вам время на адаптацию, но если через полгода такое повторится — разговор будет другим!

— Николай Федорович, что вы все загадками говорите. Можете вы мне сказать, что произошло?

— Вот иди и сам выясни, что произошло, и сам разберись во всем, а после мне старшую сестру пришлешь, я с ней отдельно потолкую.

У входа в отделение стояла удрученная старшая медсестра, похоже, она специально здесь находилась и поджидала именно меня.

— Что, Дмитрий Андреевич, сильно досталось вам? — участливо спросила старшая.

— Досталось! Только, Анастасия Романовна, честно сказать, я не понял, собственно, за что?

— А главный врач что, не сказал?

— Сказал, что-то произошло у нас в отделении, велел разобраться с вами, а после вас к нему прислать на ковер. Что произошло-то?

— Да беда у нас, товарищ заведующий, — тяжело вздохнула Анастасия Романовна. — Вы вчера все разошлись, мы столы убрали, посуду перемыли, и я тоже ушла. А санитарки наши, молодые Наташа Косицина и Тамара Степанова, все никак уgomониться не могли. Мало им показалось, добавки захотелось. Сходили в магазин, взяли еще «беленькой» и пошли на терапию отношения выяснять с Настей Бобровой, медсестрой, она как раз вчера дежурила. Вроде как Настя у Тамарки когда-то мужика увела. Вот девки поддали и пошли на разборки. В общем, закончилось тем, что наши санитарки облили ее мочой и всю измазали калом. Тьфу, стыдобища!

— Каким калом, какой мочой? Где они ее взяли?

— Да, говорят, они ее в туалет затащили, а там «утки» с этим добром стояли, ну они и

воспользовались. (Санитарок, как правило, в учреждениях не хватает, за мизер мало желающих экскременты таскать, приходится среднему медперсоналу этим заниматься. Медсестры складывают использованные «ночные вазы» в одно место, так как туалет один, в лучшем случае два, и он постоянно, хронически занят, кто-то из больных обязательно «заседает». Сестра ждать не может, она ставит горшок рядом и уходит на пост, а как выпадет свободная минутка от основной своей работы, то возвращается и только тогда моет и выливает. Так и громоздятся рядами полные «утки» в местах общего пользования, распространяя не довольно веселое амбре. Это обычное явление в ЦРБ.)

— Ужас! И что теперь?

— Не знаю. Настя заявление написала в милицию, сожитель ее сказал, что порвет девок, в общем, дурдом!

— Весело, — вздохнул я. — Не поймешь, чем заниматься, то ли лечебным процессом, то ли разборками.

— А и тем, и тем придется заниматься! На то вы и заведующий!

— А что, Леонтий Михайлович, тоже этим занимался?

— А то! Он еще и не тем занимался. Думаю, при нем такого не произошло бы. Его тут шибко уважали! Уважали и боялись!

— Вы хотите сказать, что меня тут ни во что не ставят? Оттого так себя вести стали?

— Я этого не говорила! Вы не обижайтесь, Дмитрий Андреевич, как хирург вы молодец, все вас хвалят и любят за это, и оперируете вы прекрасно, и больных тяжелых на ноги ставите, но как организатор, извините, пока никакой!

— Спасибо за откровенность, — хмыкнул я.

— Никак обиделись?

— Да нет, задумался.

— Это хорошо. Вот, Леонтий Михайлович, он все знал: сколько у него на отделении персонала, какие ставки, кто работает, а кто халтурит. Он все лично проверял, в каждую дырку залазил, знал даже, сколько половых тряпок на этаже, и если не хватало, то давал втык сестре-хозяйке и мне.

— Заведующий и тряпками занимается?

— А как же, всем! Он хозяин был, вы, может, и не замечали. А Леонтий Михайлович и тряпками занимался, и тазиками, ведрами, швабрами — всем!

— Да, тяжела ты, шапка Мономаха!

— Вы не расстраивайтесь, втянетесь со временем, — утешила меня старшая медсестра. — Парень вы неглупый, с характером, не трус, умеете быть требовательным, так что научитесь, а я вам подсказывать на первых порах буду. Согласны?

— Значит, Анастасия Романовна, будете серым кардиналом на отделении?

- Вы начальник отделения, а я ваша правая рука. Это моя работа. Вы же администратором, поди, не были никогда?
- Нет, конечно, когда бы я успел.
- А я уже тридцать лет старшей! Так что давайте не ссориться, а помогать друг другу, я вашу индивидуальность ни в коей мере не собираюсь ущемлять! Вы согласны?
- Согласен! А Ермаков, по-вашему, был хорошим хозяйственником?
- Замечательным! Просто идеальным! Мы же раньше заготовкой сена занимались.
- Сена? Больным вместо матрацев подкладывать?
- Ну, нет! Раньше при советской власти, да и незадолго до вашего приезда, все государственные организации оказывали шефскую помощь сельскому хозяйству. Причем в обязательку было. Вы разве не слышали?
- Нет, откуда? Я же в городе жил.
- Была такая установка от райкома, что все учреждения помогали совхозам и колхозам, даже школы. У всех план, больница должна была, по-моему, 60 тонн сена заготовить. Наш совхоз «Заветы Ильича» во Фролове располагался.
- И что, вы каждое лето накашивали вручную 60 тонн? Я даже не представляю себе, сколько это сухой травы, но, наверное, много.
- Много, — улыбнулась старшая. — И конечно, мы косили не вручную. Работали трактором, затем, когда трава высыхала, ее специальная машина собирала и прессовала в тюки, а мы уже таскали и в скирды складывали. Правда, где трактор не мог пройти, там мужики вручную выкашивали. Леонтий Михайлович и Иван Григорьевич, анестезиолог, он тогда еще совсем молоденький был, только к нам приехал, ох как любили «литовкой» помахать!
- Во дела, — изумился я. — Шесть лет проработал у вас, а первый раз слышу, как вы сено заготовливали.
- И сено, и на картошку ездили! Все было. Как советская власть рухнула, еще года три поездили, а потом все!
- Анастасия Романовна, а как же больные, бросали больницу?
- Почему бросали? Раньше все ставки были заняты, у нас врачей девять человек только работало на отделении, кого-то оставляли, а остальные — на покос! Леонтий Михайлович там ух как руководил! Ты — сюда, ты — туда! Никто не бездельничал! И сам работал — не угнаться! Весело было! Домой не ездили, ночевать там оставались, в здании старой школы нам место выделили, речка рядом — купались, загорали, а вечером — танцы. Ох, время было! Вы Рябова-то порасспрашивайте, если интересуетесь, он вам расскажет. Да, есть что нам вспомнить, лучшие годы в работе нашего отделения были.
- А сейчас что, худшие?
- Ну, не худшие, но и не самые лучшие. Врачей вон всего четверо, вы с Санычем, лор да Иван.
- Почему четверо, а Трошин? Вы его в расчет не берете? — напомнил я о нашем втором

анестезиологе.

— Хм, Трошин — больной человек, по полгода на больничных проводит, а в этом году ему шестьдесят пять стукнет — может, вовсе на пенсию уйдет.

— Ну, уйдет, значит, уйдет. Раз мы по полгода без него справляемся — думаю, переживем. Ладно, вернемся к нашим баранам. Что нам следует сделать с санитарками?

— Ну что с ними делать? Пусть объяснительные напишут, да с Настей надо как-то вопрос уладить, чтоб заявление из милиции забрала. Я, правда, не представляю пока, как это сделать. Это надо же, догадались человека эксcrementами облить! От дуры! Но я это возьму на себя, а вы поговорите с Тамаркой и Наташкой, только поостороже! Как заведующий! Орать не надо, девкам и без того стыдно, протрезвели, но приструнить просто необходимо! Справитесь или мне поприсутствовать?

— Думаю, справлюсь, — решил я. — А где они сейчас?

— Дома, где ж им еще быть. Я уже девчонок за ними послала, скоро будут. Постороже, Дмитрий Андреевич! — напомнила старшая сестра. — Чтобы все знали, кто в доме хозяин! Леонтий Михайлович, бывало, только глянет, у них уже поджилки трястись начинают, и орать не надо! Вам, наверное, главный сказал, что дает время?

— Да, сказал! Говорит, полгода на адаптацию даю, а затем уже по полной спрашивать буду!

— Ну, и хорошо, через полгода у вас уже все отлично будет.

«Да, вот они, подводные камни должности заведующего отделением — тряпки, швабры, пьяные санитарки! — думал я. — Этому тоже в институте не учат, на месте приходится вникать. Жаль, я Ермакова не расспросил... Леонтий Михайлович был настоящим хозяином отделения, но и он, наверное, не с ходу им стал. Да, круто судьба завернула, не было печали, как говорится».

Если бы не отъезд Ермакова, я ни за что не согласился бы на такой пост. Но Саныча главный врач ни в какую не хотел видеть руководителем, несмотря на солидный хирургический стаж. И теперь я должен был не только оперировать, но и заниматься черт-те знает чем!

Пришли понурые санитарки: двадцатилетние девчонки с опухшими, мятыми, но не потерявшими природной привлекательности лицами.

— Ну, что, красавицы, весело вам вчера было? Что молчите, носы повесили?

— А что говорить? — за двоих, без энтузиазма ответила Наташа.

— Ты вот, Наталья, сколько у нас уже работаешь?

— Два года почти.

— А ты, Тамара?

— И я столько же, мы вместе пришли.

— Два года работали, и все нормально было, да? Пока значит, Ермаков у руля был? А как я стал заведующим, то можно на ушах стоять? Можно ходить и людей фекалиями обливать?

— Да нет! Дмитрий Андреевич, — начала Наташа, — мы вас тоже сильно уважаем, просто так

получилось!

— Мы не специально, — проямлила Тамара.

— О как! Не специально облили мочой! Нечаянно дерьмом измазали! Да?

— Ну, примерно так. Мы на самом деле не хотели! Просто напились вчера, а тут в окно смотрим, а эта сука Настя с терапии с Мишкой Ковалевым стоит, обнимается во дворе больницы, у всего народа на глазах, и ей даже не стыдно, а он мой парень был, мой! Понимаете?

— Понимаю, Тамара, ты успокойся и рассказывай все по порядку, не сбивайся и не уходи в сторону!

— Да не могу я успокоиться! Мы же с Мишкой пожениться собирались, уже заявление в ЗАГС подали, у нас через неделю свадьба должна была быть, а тут эта влезла!

— Как влезла?

— Ну, Мишка с ней до меня ходил, а потом они поругались, и он ко мне стал клинья подбивать. Мы год с ним встречались, год! Этой шалавы ни слуху, ни духу не было, а тут вот нарисовалась!

— Так что ее не было в поселке?

— Не было, куда-то завербовалась на год, говорят, в Чечню ездила по контракту. А тут перед самой свадьбой приехала и к Мишке прибежала: «Прости, Мишенька, не могу без тебя!»

— А он что?

— Снова с ней снюхался! А эта гадина специально к нам в больницу устроилась, специально! Мол, посмотри на меня, я медсестра, а ты санитарка занюханная! А мы, между прочим, с Натахой в юридическом на заочном учимся, уже на третий курс перешли. Думаете, мы всю жизнь санитарить будем?

— Нет, я так не думаю, — покачал головой я. — Вы как будущие юристы знаете, где вы будете, если продолжите в том же духе.

— Дмитрий Андреевич, это я Настю облила, Наташа тут ни при чем, она просто рядом стояла.

— Ну, ладно, одна делала. А без этого нельзя было обойтись?

— Да как-то так само собой получилось. Мы же когда Леонтия Михайловича провожали, почти и не пили, а когда все разошлись, мы посуду домыли и тоже собрались уходить, тут я Мишку с Настькой и увидела. Это я предложила пойти водки купить!

— Для храбрости жахнуть?

— Да, для храбрости! Вот, накатили мы и пошли в терапию, я знала, что она вчера дежурила. Я ей все объяснила мирно, чтоб она от Мишки отстала, что у нас свадьба скоро, а она не понимает, давай убегать, хотела в туалете спрятаться. Ну, в туалет я за ней забежала, она поскользнулась, упала на пол, я вижу, там «утки» полные стоят, ну и вылила на нее, — объяснила Тамара.

— И все?

— Ну, там сказала ей еще пару ласковых, но это уже не интересно. А Натаха даже пальцем ее не трогала.

— Да, и это будущие юристы! Боюсь, если вы конфликт не уладите, то вообще ими не станете.

— Как это?

— А вот так! Настя на вас заявление в милицию накатала и, думаю, краски не забыла сгустить, а Мишка тот вообще убить обещал.

— Кто, Мишка? — ухмыльнулась Тамара. — Да он тряпка половая, я еще и его в дерьме вывожу, пусть только сунется!

— Что ж, ты за тряпку замуж-то собиралась?

— Как что? Самый подходящий вариант, всю жизнь кофе в постель носил бы! Он и стирать, и готовить может, и прибираться.

— И к другой уйти, если та поманит, — кивнул я. — Не слишком-то выгодный муж. Ладно, пишите объяснительные, а там видно будет, что с вами делать.

— А мы ничего писать не будем, — сказала Наташа.

— Тогда и я вам ничем помочь не смогу. Из милиции придет запрос, я все им и отпишу — «недисциплинированны, асоциальны» и так далее.

— Дмитрий Андреевич, — отозвалась Тамара. — Хорошо, мы напишем, только если что, дадите нам нормальную характеристику? Что писать?

— А напишите, мол, был бытовой конфликт, пошли поговорить, Настя стала убегать, поскользнулась, да и опрокинула на себя фекалии. Чего их складировать в туалете, выливать надо!

— А что, можно разве так написать?

— Ну, вы же в туалете одни были, вас никто больше не видел?

— Вроде одни.

— Ну, и все значит, Настя вас оговорила! Вы же юристы! Нет свидетелей, нет обвинения!

— Ой, и правда! А что мы сами-то не дотумкали?

— Пить меньше надо!

— Да мы теперь вообще пить не будем! Спасибо, Дмитрий Андреевич! Мы все поняли, можно идти?

— Идите, только у меня к вам одно условие!

— Какое?

— Всем теперь говорите, что новый заведующий просто зверь. Так вас взгрел, что теперь на глаза ему боитесь попасться! Договорились?

— Обижаете! Вы нас так выручили, что мы ваши должники по гроб жизни, а теперь мы вас должны грязью поливать? Нет, мы не согласны!

— Девчонки, да что с вами? По длинной шее, да по короткой резьбе пока дойдет, да?

— А? — недоуменно переглянулись Наташа с Томой.

— А еще в институте учитесь, хоть и заочно! Где ваша смекалка? Ну? Я вам не помог, а наоборот — от-ру-гал! — по слогам произнес последнее слово для большей убедительности. — Усекли?

— А-а! Поняла! — первой пришла в себя Тома. — Я все поняла, вы...

— Все, идите! — прервал я ее. — По дороге подружке все растолкуешь, а то у меня еще дела, и так столько времени на вас потратил.

Решив вопрос с санитарками, я позвал Саныча, и мы отправились на обход. После Бурлаков ушел на прием, а я занялся перевязками. Но внезапно нарисовалась Анастасия Романовна, и ее сердитое лицо не сулило ничего хорошего.

— Дмитрий Андреевич, можно вас на пять минут, — сдержанно проговорила она.

— Что-то срочное? А то я перевязками занят.

— Ничего, перевязки подождут! Это срочно.

— Ну, пойдете, раз срочно! — пожал плечами я.

— Дмитрий Андреевич, — начала старшая медсестра. — Вы, конечно, замечательный доктор, хирург от бога, заведующий нашим отделением, но всему есть предел!

— Вы о чем, Анастасия Романовна?

— О чем? Да о том, что я просила вас просто поговорить с девочками! А вы что?

— А я что?

— А вы довели их до таких горьких слез, что уму непостижимо! Они обе рыдают и рассказывают, какой вы зверь! Никогда бы не подумала про вас такое! Правильно люди говорят, что кресло начальственное сильно меняет человека! Первый день в заведующих, и уже слезы у персонала! Что же дальше будет?

— А когда вы с ними успели поговорить?

— А сразу после вас! Они вышли из ординаторской, а на них лица нет! Вы чудовище! И я вам не боюсь это заявить!

— Ну, не надо бросаться такими словами, — улыбнулся я.

— Дмитрий Андреевич, я не бросаюсь! Вы еще относительно молодой человек, это ваша первая руководящая должность, я не знаю, может быть, вы и главным врачом станете или даже министром здравоохранения, но подчиненных надо уважать! Да, да, уважать! Вот вы не с того сейчас начинаете!

— Анастасия Романовна, успокойтесь, все под контролем, — сказал я, думая, что девушки слегка перегнули палку.

— Под контролем говорите, а вы знаете, что девочки невиновны?

— Как невиновны, не пили, что ли? Мы их зря в чем-то предосудительном обвинили? В том, в чем эти ангельские создания не замешаны? — изобразил я на своем лице удивление.

— Нет, пить-то они как раз и пили, но фекалиями никого не обливали, это их Настя оговорила!

— А вы откуда узнали?

— Я-то узнала, а вы бы вместо того, чтоб на них орать, поинтересовались, что к чему!

— Да я спрашивал, но про это они ничего не говорили!

— Знаю, как вы спрашивали! Вы даже бедным девочкам и рта не дали открыть! Только кричали!

— Стоп, Анастасия Романовна, вот вас же там не было, как вы судите?

— Не было, — согласилась старшая. — Но мне достаточно было на их испуганные лица взглянуть, чтоб во всем разобраться! Я не знаю, что конкретно вы им говорили, но суть ясна!

— Ну, Анастасия Романовна, раз вы не знаете, то и не надо. Меньше знаешь, крепче спишь!

— Это вы к чему?

— А к тому, что кто здесь заведующий, вы или все-таки я?

— Вы, конечно.

— А раз я, то позвольте мне своими методами порядок наводить, а не плясать под вашу дудку, договорились?

— Я не прошу вас под мою дудку плясать, — сбавила обороты старшая сестра. — Я просто попросила не кричать на санитарок. Вот, Леонтий Михайлович, себе такого никогда не позволил бы!

— А я не Леонтий Михайлович, а Дмитрий Андреевич. И давайте прекратим этот бессмысленный спор. Раз я здесь заведующий, то хочу, чтоб в отделении был порядок, а его сотрудники вели себя должным образом, а вы как старшая сестра должны мне помогать в этом, а не создавать оппозицию за моей спиной! Вам ясно?

— Ясно, — совсем растерялась Анастасия Романовна. — Я же не против порядка, просто культурно надо с людьми разговаривать.

— Все! Разговор окончен, идите и занимайтесь своим делом! Приду — проверю, чем вы заняты — делами или распространением слухов о том, какой зверь ваш новый заведующий, — сказал я, прекратив затянувшийся диалог, и сам подивился начальственным ноткам в своем голосе.

В течение дня я обратил внимание, что в отделении возникло какое-то напряжение, даже врачи старались со мной не разговаривать. Дело принимало нежелательный оборот, так я скоро мог остаться совсем один, исключая утренних визави. И я решил рассказать все Ивану.

— Ну, ты молоток! — воскликнул анестезиолог, выслушав мой рассказ. — А я думал, у тебя звездная болезнь началась. Даже хотел тебе физическое замечание при случае сделать.

— Что, правда?

— А то! Тут знаешь, что про тебя рассказывают?

— Что?

— Что девок наших застроил, орал на них диким голосом, тюрьмой пугал, обещал с работы уволить и в институт сообщить, в котором они заочно учатся! Вот как!

— Да это же гнусная клевета на уровне слухов!

— Вот и я подумал, что слухи плюс испорченный телефон, решил вот сам с тобой поговорить, а ты опередил.

— Да, сделал доброе дело, а теперь все будут думать, что я зазвездился.

— Да не переживай! Оставайся самим собой, будь строгим, но без фанатизма, коллектив оценит, но нужно время. Я на твоей стороне! Жаль, другим нельзя всего рассказать, но будь уверен, я не дам трепать твоё честное имя!

— Спасибо, Иван!

— Да нормально, а со старшей я тоже переговорю, чтоб не ходила и воду не мутила.

— Только правду ей не говори, а то женщина есть женщина, проболтается, и пойдет сало по воде.

— Ну, ты за кого меня держишь? Все в ажуре будет. Ну, конечно не сразу, но, думаю, народ за тобой пойдет! Ты не забывай, что тут все еще помнят Ермакова и тебя поначалу будут с ним сравнивать.

— Уже сравнивают, — вздохнул я.

— А ты как думал. Он тут почитай двадцать лет заведовал, и неплохо, я тебе доложу, заведовал! Такого заведующего не скоро забудут, можно даже сказать навечно в памяти останется. Но ты тоже себя прояви как заведующий! Чтоб люди сказали, а вон Правдин-то тоже молодец, и отделение у него не последнее в больнице! Тогда тебе и почет, и уважение!

— Ой, не знаю! Что-то пока не очень получается.

— А как ты хотел, чтоб все в первый день у тебя по полочкам разложилось? Дай бог, чтоб через полгода получилось. Давай дерзай! А мы поможем, нам тоже не все равно, где и с кем работать!

Весь оставшийся день я был как на иголках. Порывался сходить к Тихому и отказаться от заведования. Но потом решил, что это вроде как очередное испытание на живучесть. «Ладно, Ермаков сумел, и я сумею! Надо взять себя в руки, и прежде чем предпринять очередной шаг, взвесить все за и против, — решил я. — Так, старшую сестру правильно, что на место в первый день поставил, а то и вправду пришлось бы под ее дудку плясать. Думает, если молодой, так и слова поперек не скажу!»

Иван свое слово сдержал, сходил к старшей и не выходил из ее кабинета добрых полтора часа. Не знаю, о чем они там говорили, — к нам привезли мужика с ножевым ранением в живот, и мы ушли в операционную.

— Что ты ей сказал? — спросил мимоходом Ивана.

— Секрет фирмы! Не переживай, санитарок не выдал и тебя выгородил. Все о'кей.

Следующие три часа я спасал жизнь пострадавшего и ни о чем больше не думал. Операция прошла успешно, и очередная жизнь была спасена.

— Молодец, Андреич, отлично прооперировал. Это у тебя пока лучше всего получается, — объявил Саньч.

Я тактично промолчал.

В коридоре меня поджидали повеселевшие Наташа и Тамара.

— Дмитрий Андреевич, можно вас? — шепотом попросила Тамара. — Давайте в сторонку отойдем.

— Давайте отойдем, что-то еще случилось?

— Наоборот, все замечательно! Мы сходили к Насте, я перед ней извинилась, попросила забрать заявление.

— Ну и?

— Она поначалу ни в какую! Хочу, говорит, чтоб тебя судили и срок реальный дали. Я тогда сказала, как вы посоветовали, что она ничего не докажет, что свидетелей у нее нет, а если будет упрямиться, то я встречную заяву напишу, мол, она сама упала в говно, а на меня поклеп наводит.

— Ну, этого я вам уже не советовал.

— Вы не советовали, но мы же юристы! Статья в кодексе за клевету есть. В общем, Настя пообещала, если я на Мишку претендовать не буду, то она заявление свое заберет.

— А ты что решила?

— Да пусть забирает, нужно мне такое сокровище! В общем, хэппи-энд!

— Ну, замечательно, рад за вас. Впредь больше не хулиганьте, а то в другой раз может и не повезти.

— Другого раза не будет! Дмитрий Андреевич, нам, правда, жаль, что на вас теперь все косятся! Мы переиграли, да?

— Похоже, что да, ну да все образуется.

— Вы нас извините! — включилась в разговор Наташа. — Мы постараемся, чтобы про вас в больнице плохо не думали.

В будущем девушки благополучно окончили юрфак и позже снискали себе славу на ниве

юриспруденции. Тамара стала следователем прокуратуры, а Наташа оказалась на хорошей должности в милиции.

Подходил к концу мой первый день рокировки. Переставить меня переставили, а объяснить, что и как делать, не объяснили, приходилось все своим умом постигать.

Глава 20

В нашем полку прибыло

Исполнилось два месяца с тех пор, как я встал у руля хирургического отделения. Не скажу, что все шло гладко, возникали еще конфликты, но они решались в рабочем порядке. Реклама, сработанная Наташей и Томой, с одной стороны, отдалила меня на некоторое время от среднего и младшего медперсонала, а с другой — значительно упрочила дисциплину. На работу никто не опаздывал, раньше не сбегал, полы были вымыты, больные накормлены и подмыты, пьянство практически сошло на нет.

Свой имидж «зверя» я не поддерживал, но и не опровергал. Скажу прямо, организовывать работу в отделении и заниматься лечебным процессом — это две совсем разные задачи. Я узнал, как устроена канализация, что такое стояк, чем устраняют засоры и где перекрыть воду в колодце на случай прорыва трубы.

Поток информации, обрушившийся на мою бедную голову, был так далек от медицины, что я, в самом деле, стал подумывать, а не поступить ли мне на заочно в коммунально-строительный техникум, но в последний момент передумал.

Наши доморощенные слесари и сантехники часто «пропадали» сразу после дня выдачи аванса и получки. Помню, как на втором этаже нашего отделения меняли унитазы. Из трех поменяли два, оставался последний. Сантехники демонтировали оставшийся ватерклозет, ушли на обед и... испарились.

Как оказалось, им после обеда выдали аванс. Все! Неделю фаянсовый «белый друг» валялся в туалете, пока мы не плюнули и с Иваном и помощниками из команды выздоравливающих не поставили его сами. И у нас неплохо получилось. Вот такие дела!

Конечно, я и больными занимался — оперировал, перевязывал, вел необходимую документацию, никто с меня эти обязанности не снимал. Наоборот, еще больше писанины добавилось.

Оказалось, что заведующий отделением заполняет разного рода отчеты — по прививкам от столбняка (по приказу все пострадавшие с повреждением кожного покрова, включая ожоги и отморожения, должны прививаться при обращении), от бешенства, об острой хирургической патологии, об автодорожной и железнодорожной травмах и прочая, и прочая. Всего около двадцати видов отчетов. Часть из них нужно было сдавать ежемесячно, часть ежеквартально, а в конце года — годовой отчет, отдельно по детской, отдельно по взрослой хирургической помощи.

В мультфильме «Приключения Чипполино» главный злодей сеньор Помидор произносит: «Вы стали больше дышать — надо ввести налог на воздух». Я говорил так: «Хирурги стали меньше писать — надо добавить им писанины!»

По идее, я должен был быть освобожденным заведующим — не вести больных, только оперировать и консультировать. Но это в теории. А на практике у меня был Саныч, который

загибался на приеме, и Артур — лор-врач, у которого было пять коек в хирургии; конечно, я должен был продолжать работать, как и всегда.

Старожилы отделения иногда рассказывали о тех временах, когда врачебный штат был полностью укомплектован, и заведующий не вел больных, а только оперировал и руководил. Я только надеялся, что когда-нибудь тоже так смогу.

Первого августа сразу после утренней планерки позвонил главный врач:

— Дмитрий Андреевич, вы можете сейчас ко мне подойти?

— Да, могу, а что случилось? — миролюбивый тон Тихого настораживал.

— Да не волнуйтесь, все нормально, тут к вам молодое пополнение прибыло, хирург и травматолог! Зайдите ко мне, я вас познакомлю.

— Уже в пути!

«Наконец-то дождалось! И хирург, и травматолог, можно наконец расширить диапазон травматологических операций, наверняка молодой специалист поделится новшествами, и дежурить на дому будем по неделе в месяц, раз нас теперь больше!»

Такие примерно мысли возникли у меня в голове, пока я шагал от ординаторской до кабинета главного врача.

— Дмитрий Андреевич, вот к вам молодые врачи прибыли! — радостно сообщил Тихий после традиционного приветствия. — Прошу любить и жаловать! — главврач указал на диван, где сидели два парня. — Вот, ребята, познакомьтесь, это наш заведующий хирургическим отделением Дмитрий Андреевич Правдин. Он будет вашим непосредственным начальником.

— Юрий Александрович Ветров, хирург, — отрекомендовался один из парней.

— Степан Анатольевич Брыу, травматолог, — представился второй.

— Рад, очень рад! — улыбаясь, произнес я, пожимая крепкие руки.

Вновь прибывшие оказались плотно сбитыми крепышами невысокого роста, лет 23–25. По тогдашней моде они оба стриглись очень коротко, практически налысо и издали были очень похожи.

— Ну, давайте, ребята, идите с Дмитрием Андреевичем, он покажет вам отделение, поликлинику, познакомит с коллективом, а потом ко мне, напишете заявление, и решим насчет жилья, — произнес главный врач.

— Николай Федорович, так мы где жить будем? — поинтересовался травматолог. — У меня же семья: жена, сын.

— Ну, пока первый месяц в общежитии, а там заключим договор с теми, кто квартиры сдает, и снимем вам жилье.

— А нам жилье в собственность обещали! — недовольно протянул хирург. — Сказали, как приедем, сразу отдельную квартиру дадут.

— Раз обещали — будет! Но придется немного подождать.

— Сколько ждать? — спросил травматолог. — И какая у нас будет зарплата?

— Ну, в течение месяца-двух постараемся решить, а вы пока работайте. Насчет зарплаты обсудим. Сходите в отделение, я пока приглашу главную экономистку, и прикинем, сколько вы получать будете.

«Да, странные ребята, не успели приехать, уже права качают, и жилье им отдельное, и зарплату, — подумал я. — Хотя в принципе они правы, если пообещали отдельное жилье, так выделите! Шесть лет их ждали, можно же было подсуетиться за это время. Ладно, посмотрим их в деле».

— Ну что, доктора, пошли в отделение! — скомандовал я.

Провел новичков по поликлинике, по отделениям, познакомил с персоналом. Похоже, первое впечатление у ребят сложилось не слишком радужное; особенно им не понравилось, что больных приходится самим таскать по узким лестничным пролетам.

— А что вы, санитаров не можете нанять? — буркнул тот, кто назвался хирургом. — Этак же грюжу можно заработать. У нас вообще охранники таскали!

— Ставки санитарские есть, но кто за такие копейки пойдет работать? Водителям «скорой» доплачивают, если они помогают, когда привозят больных; а если с приема или с этажа на этаж перекинуть надо, то сами.

— А я хирургом устраиваюсь, а не санитаром! Почему я должен таскать больных?

— Слушай, хирург, у нас все носят, и я, и анестезиолог, и лор!

— А почему я должен бесплатно их таскать?

— Не таскай, раз такой гордый, — пожал плечами я. — Стой рядом и смотри, как сестрички и санитарки будут пупы надрывать.

— Да я не отказываюсь, только весь труд должен оплачиваться!

— Вот и отлично. Сейчас с главным врачом будешь условия трудового договора обсуждать — попроси, чтобы тебе персонально доплачивал санитарские. Только учти, не только в одной хирургии будешь таскать, но и в терапии, в гинекологии, в общем, по всем отделениям!

— Ну и порядочки у вас!

— Послушай, Юрий Николаевич, — я старался говорить очень сдержанно. — Ты еще не вылечил ни одного больного, а уже столько потребовал! И квартиру отдельную, и зарплату высокую, и больных не носить...

— Ну, квартиру и зарплату нам пообещали, а больных я буду помогать носить, что вы уж так сразу!

— Да ничего. Ты прояви себя, покажи, на что способен, а потом требуй! Я три года ходил за заведующим, что до меня тут был, учился у него мастерству, потому что хирургия — это прежде всего мастерство. И у меня и в мыслях не было права качать. Стань хорошим специалистом, а потом требуй свое. А сейчас за что тебе платить? За красивые глаза? Или за то, что осчастливил нас своим приездом? Так, знаешь, без тебя тут жизнь не кончится.

- Так, может, мне уехать? — с вызовом выпалил хирург.
- А это твое дело. Будешь новым рекордсменом по продолжительности работы в нашем отделении. Предыдущий рекорд — три дня!
- А я еще, между прочим, и заявление на работу не писал!
- Вот и подумай хорошо, стоит тебе здесь работать или нет. Здесь районная хирургия, много непривычного.
- Не надо меня пугать трудностями, я за ними и приехал!
- И будет тебе по желанию. А ты чего молчишь? — обратился я к травматологу.
- А чего говорить? Оперировать самостоятельно дадите — останусь.
- А что, в ординатуре не давали?
- Нет, вообще ни одной операции сам не сделал. Два года на крючках провисел.
- А что так? Инициативу не проявлял?
- Проявлял, еще как! Только все плановые операции идут за деньги, а по экстренке своих желающих хватает. Там же в основном заведующий и оперирует, а остальные после лечат.
- Да, насыщенная у тебя ординатура была, ничего не скажешь. А почему за деньги плановых больных оперируют? У нас медицина вроде бесплатная?
- Ой, где это бесплатная? У вас, может, в деревне и бесплатная, по страховым полисам, а в городе — нет! Экстренных оперируют, а у плановых если денег нет, то найдут кучу противопоказаний, чтоб не делать, и домой отправят — деньги искать. В общем, два года я только ассистировал, сам не работал.
- Так, с тобой все понятно, будем учить заново. Ну а ты, гений хирургии, со скальпелем дружишь?
- Ну, у меня ситуация получше, чем у коллеги. У меня папа заведующий кардиологии в областной больнице, а заведующий экстренной хирургии — его лучший друг, так что мне оперировать давали.
- О, так ты у нас из «золотой молодежи»? А для чего в район отправился? Романтики захотелось?
- Можно и так сказать, — не поддался на провокацию новенький. — А вообще захотелось самостоятельности, я разговаривал с вашим бывшим заведующим Ермаковым, он вас и порекомендовал.
- Ты знаешь Леонтия Михайловича?
- Конечно, он весной приезжал нас агитировать в ваш район ехать, а с июня стал заведующим абдоминальной хирургии областной больницы. Там с ним и общался, отличный мужик.
- И что он тебе такого рассказал, что ты решил из «золотого мальчика» стать чернорабочим хирургии?

- Да как есть, так и сказал, только не упомянул, что больных надо самим таскать.
- А так бы не поехал?
- Да поехал бы, куда деваться. А еще он сказал, что вы в первый год своей работы здесь сами резекцию желудка сделали, и успешно. Это правда?
- Ну, так.
- Здорово! Я, честно признаться, кроме аппендицитов и грыж, ничего такого не оперировал, один раз дали холецистэктомию сделать. А у вас стойки нет лапароскопической?
- Нет, а что?
- Да, в областной больнице целое отделение эндовидеохирургическое, открыли, всюю применяют лапароскопию!
- До нас пока, как видишь, блага цивилизации еще не дошли. Но ты, Юрий Александрович...
- Да когда нет больных, лучше просто Юра.
- Так вот, Юра, — продолжил я. — Ты особо не обольщайся насчет операций, начнешь с приема в поликлинике.
- В поликлинику? Там же скукотень, и притом я никогда не вел прием!
- Ну, все с этого начинали, и Ермаков, и я. И ты начнешь. Тебя еще в деле надо проверить, что ты за хирург. Пока только вижу, что ты отлично умеешь работать языком.
- Так что, только на приеме буду сидеть?
- Ну, почему на приеме. Кабинета у нас два, в одном вы с Санычем будете сидеть, один до обеда, другой после, там сами между собой распределите время. Во втором травматолог принимать будет.
- Так я что, тоже больных не буду вести? — подал голос травматолог.
- Не перебивайте, дослушайте до конца! Тебе, Юра, выделю по палате — одну чистую и одну гнойную, ну, а ты, Степан Анатольевич, будешь всех травматологических пациентов пользоваться. Пока я их буду оперировать, но как научишься, то сам. Плюс экстренная служба, то бишь дежурства на дому. Ермаков рассказывал про это? — обратился я к Юре.
- Рассказывал, я в курсе.
- Ну, тогда остальное в рабочем порядке обсудим. Идите к главному врачу, пишите заявление, составляйте трудовой договор, обустроивайтесь. Семьи с вами приехали?
- Я еще не женат, — ответил Юра.
- А у меня жена с сыном пока в городе у тещи остались. Как квартиру дадут, сразу приедут, — гордо произнес Степан.
- Степа, а жена у тебя не медик?

— Нет, она учительница английского языка, но пока в декрете сидит, у нас сыну всего годик недавно исполнился, маленький еще.

— Понятно! Ну, все, орлы, жду вас завтра в восемь ноль-ноль! Без опозданий.

— Дмитрий Андреевич, — спросил Степан. — А у вас сегодня плановые операции есть?

— Есть, остеосинтез перелома ключицы. А что, хочешь ассистировать?

— А можно?

— Можно, иди к главному врачу, через полчаса начинаем, если успеешь, то пойдешь.

Степан успел. Да, человеком он, может, и был хорошим, но хирургом оказался прямо сказать никаким. Отбыв двухгодичную ординатуру по травматологии, он не научился даже завязывать узлы на швах!

Вязание узлов — один из китов мануальной хирургической техники. Опытный хирург умеет вязать узлы любой сложности, причем без помощи рук — одними инструментами. Ничего похожего на технику у молодого травматолога не было. Руки тряслись, нитки перекручивались, узлы распускались.

Я дал Степану иглодержатель и попросил его зашить операционную рану. Зрелище не для слабонервных! Новый травматолог сломал две иголки, порвал перчатку, умудрился уколоть иглой и себя, и меня, а рану в итоге так и не зашил, хотя требовалось наложить всего пять стежков.

— Да, Степан, порадовал ты меня! — произнес я, заклеивая рану. — Такой изумительной хирургической техники я с ординатуры не встречал.

— Но я же говорил, что никогда не оперировал сам!

— Так, а что, тебя узлы вязать не учили? Рану как шить, не показывали? Этому ты к концу институту обязан научиться!

— Да нас только по теории гоняли! — оправдывался травматолог. — Руками ничего делать не давали, только особо блатным!

— Мне-то не рассказывай! Я сам ординатуру проходил!

— Это когда было! Вам просто повезло, что еще старые времена застали. Сейчас все по-другому! Хочешь, чтоб что-то доверили сделать — плати! А у меня нет таких денег.

— Как плати?

— А вот так! Или своему куратору заплати, или врачу, с которым дежуришь, а за так не даст никто.

— И что, бесплатно нельзя оперировать, все доктора помешались на деньгах?

— Ну, не все, есть и порядочные, которые что-то дают сделать без денег, но к ним желающие на год вперед расписаны.

— Получается, что меркантильные интересы стоят выше учебы?

— Если б у врачей зарплата была приличная, то не было мздоимства, а так еле концы с концами сводят, вот и выкручиваются, кто как может. Уборщица в банке больше получает, чем оперирующий травматолог.

— А ты откуда знаешь?

— А у меня у жены сестра там работает, рассказывала.

Закончив операцию, наложив наклейку на рану и гипсовую повязку, фиксирующую верхнюю конечность на нужной стороне, я взял катушку ниток и подозвал Степана.

— Степа, показываю два основных способа завязывания узлов руками. Смотри, это — «женский», самый простой, это — «морской», сложный. Вот тебе катушка ниток, тренируйся. Пока всю не извяжешь, спать не ложись. Утром чтоб вязал лучше меня!

— До утра? Дмитрий Андреевич, боюсь, не освою!

— Захочешь — освоишь! Завтра начнем швы осваивать — узловый, матрасный, непрерывный, кишечный.

— А зачем мне кишечный, я же травматолог! Мы только повреждениями и заболеваниями опорно-двигательного аппарата занимаемся!

— Ты пока, как показывает практика, никто, — оборвал я его. — А в районе нет «чистого» травматолога или «чистого» хирурга, тут все примерно равны. Ты должен уметь и кишки зашивать, и печень, и легкие, и все, что попадет.

— Да зачем мне это?

— Затем, что ты в цээрбэ! Случится так, что один останешься и привезут ранение желудка, например. Будешь работать или объяснять больному, что ты травматолог и чинишь только кости? Пострадавший пусть погибает?

— Ну, не знаю, смогу ли я, — пробормотал Степан.

— Сможешь! Было бы желание, а остальное приложится. Все, иди, обустройвайся в общежитии и осваивай узлы.

— Ну, как молодое пополнение? — спросил Саньч, окончив прием.

— Да, пока не знаю. Хирурга еще не опробовал. Как будет операция, пойдет со мной, там посмотрим. Травматолог вообще сырой, вообще ничего руками не умеет, даже узлы вязать. Говорит, только теорию преподавали. Я ему выдал катушку, к утру приказал извязать.

— От это правильно, от это по-нашему!

Утром молодые врачи без десяти восемь были в ординаторской. Я распорядился, чтоб сестра-хозяйка выдала им халаты и костюмы, и официально представил сотрудникам. На обходе раздал палаты и больных.

Теперь у нас образовалось настоящее хирургическое отделение с врачами-ординаторами и освобожденным заведующим. По закону я имел право отказаться от ведения больных, но я сильно сомневался в компетентности молодых докторов, поэтому большая часть больных на отделении пока оставалась за мной.

— Дмитрий Андреевич, а что, мне травматологических больных тоже вести? — неожиданно спросил Юра.

— А как же, — кивнул я. — Кто их смотреть будет?

— Так у нас травматолог есть!

— Сейчас есть, завтра может не быть, сбежит, заболеет, в отпуск уйдет, не важно. А больные останутся. Я Степану вчера говорил, что нельзя в районе одной травмой заниматься, а тебе скажу, что нельзя заниматься одной хирургией. Травматологию тоже надо осваивать!

— Так я почти ничего о ней не знаю! Был у нас в ординатуре цикл, десять дней в самом начале, я уж и не помню ничего.

— Я тоже не знал. Научим, не переживай. Только чтоб я больше этого не слышал, мол, я хирург, и остальное меня не касается. Погодите, будете дежурить по больнице — почувствуете себя врачами общей практики. У нас на всю больницу один дежурный врач, а он может быть любой специальности! Усек?

— Усек, — вздохнул Юра. — Надеюсь, эти дежурства не каждый день.

— Слава богу, нет. Но пару раз в месяц точно. И на Новый год будете дежурить, если к этому времени не сбежите.

— А, это по принципу, кто последний пришел?

— Точно!

Расставив новичков по местам и объяснив каждому их функциональные обязанности, я пошел в операционную. Сегодня мне предстояло восстановить целостность акромиально-ключичного сочленения (АКС), в качестве ассистента я взял доктора Брыу.

— Ну, Степан, расскажи, что ты знаешь об акээс, — попросил я травматолога, пока мы мыли руки в предоперационной.

— Это разрыв акромиально-ключичного сочленения, — начал доктор, и следующие десять минут, не прерываясь, рассказывал об этой травме.

— Отлично! Теоретический экзамен ты сдал! — похвалил я Степана. — Перейдем к практической части. Что ты знаешь об операции Бенеля?

— Лавсановыми или проволочными швами восстанавливают две связки: собственно ключично-acroмиальную и клювовидно-ключичную, идущую от клювовидного отростка лопатки до ключицы.

— Блестяще! — заключил я. — Ну, сам справишься, если доверю?

— Ой, что вы! Я сам никогда не делал! Только крючками рану разводил и салфетками кровь промакивал.

— С сегодняшнего дня будем делать из тебя травматолога.

— Со вчерашнего, — поправил Степан. — Я вчера до часу ночи узлы вязал, всю катушку почти израсходовал.

— Научился? Ну, значит со вчерашнего. Пойдем, проверим. Надо просверлить четыре дырки, две сделаю я, две ты.

Парень старался, и дела у нас продвигались неплохо. Когда я доверил ему дрель и дал самому просверлить ключицу, Степан был явственно счастлив. А когда он довольно сносно стал завязывать узлы, я понял, что из него получится травматолог, правда, после второй «ординатуры» под моим руководством.

— Спасибо, Дмитрий Андреевич! — с жаром проговорил Степан, пожимая мне руку. — Спасибо, что дали хоть что-то самостоятельно сделать! Первый раз за два года! Я вчера еще думал, что, наверное, зря приехал, вы так строго с нами вчера разговаривали. Думал, ничего не доверите делать. Решил, посмотрю, если не буду оперировать сам, то уеду.

— Степа, ну никто же тебя по рукам не бьет, работай спокойно, учись. А я как увижу, что ты созрел, отойду в сторону. Какие проблемы. Нам тут врачи нужны, а не держатели крючков.

— Вот, вы верно сказали, что по рукам не бьете! А в ординатуре бывало: устанешь рану разводить, крючок ослабишь, а заведующий тебя этим же крючком и по пальцам, еще и матом покроет!

— Да, хороший у вас заведующий, человечный. Как говорит наш Иван Григорьевич: «Надо было ему физическое замечание сделать».

— Ну, вы что! Он светило, доктор наук!

— А что, у доктора наук лицо из бетона?

— Нет, но его все уважают, боятся...

— Знаешь, если б меня кто по пальцам ударил, меня бы не удержало никакое светило. Сделал бы физическое замечание, ну не афишируя, конечно. Понял?

— Понял, но что-то среди нас таких героев не нашлось. Если б его кто тронул, сразу бы вылетел из ординатуры, — вздохнул Степан.

— Вот потеря! — усмехнулся я. — Волшебная ординатура. Оперировать не дают, по рукам бьют, а ты стой и молчи!

— Но вы-то, надеюсь, не так себя ведете?

— Боже тебя упаси! Когда что-то не так пошло, ни в коем случае нельзя орать, тем более в операционной. От этого польза сомнительная, а вред — однозначный! Твои помощники начинают теряться, дергаться, ты заходишь в тупик. А самое последнее дело — винить операционную сестру. Если у тебя каждый раз сестра виновата — то не ту иглу дала, то нитка рвется, то зажим плохой, — все, уходи из хирургов!

— Это почему, позвольте узнать?

— Потому. Плохому танцору знаешь, что мешает?

Травматолог заулыбался:

— Ну, про хирурга так же можно сказать.

— Дмитрий Андреевич! — прервал наш разговор Юра, подошедший с приема. — Извините, что перебиваю, но там парня привезли из деревни, похоже, у него острый аппендицит. Анализы уже готовы, надо оперировать. Разрешите мне операцию выполнить?

— Ну, пошли, посмотрим, что за аппендицит. Если настоящий, не ошибся — дерзай!

Я осмотрел больного и нашел, что Юрий Александрович прав, мы имеем дело с острым аппендицитом.

Уверенным четким движением доктор Ветров вполне профессионально вскрыл переднюю брюшную стенку в правой подвздошной области, грамотно остановил кровотечение и начал искать аппендикс. По красному, напрягшемуся лицу врача я понял: что-то пошло не так. Провозившись минут пятнадцать, Юра умоляюще посмотрел на меня.

Я тактично, не привлекая лишнего внимания, перехватил инициативу, стоя слева от больного.

Введя пальцы в брюшную полость, я сразу определил, что отросток расположен не типично, а за слепой кишкой и за задним листком париетальной брюшины, выстилающей заднюю стенку брюшной полости. Аппендикс оказался ретроцекальным и ретроперитонеальным. Такой непросто удалить.

Пришлось применить ретроградную аппендэктомию, то есть сначала отсечь отросток от его места на куполе слепой кишки, отвести ее в сторону, а только после этого удалить сам аппендикс. Потом я передал инструменты Юре, и он довольно ловко зашил операционную рану.

— Дмитрий Андреевич, я сильно опростоволосился сегодня? — спросил молодой хирург после операции.

— Отнюдь, — покачал головой я. — Руки у тебя на месте, работаешь аккуратно, а остальное увидим со временем.

— Да, но это вы удалили аппендикс, а не я! Если б вас не было рядом, я вряд ли смог бы что-нибудь сделать. Я ретроградную аппендэктомию первый раз увидел в жизни, а не на картинке.

— Юра, анатомическое расположение отростка довольно сложное, не на каждой операции такое увидишь, это не студенческая операция. Со временем научишься, главное — технические навыки у тебя есть, а развить их дальше — вопрос времени и желания. В хирургии нужно тренировать руки, пальцы, каждый день! Знаешь, что профессор Ратнер говорил?

— Ни дня без операции?

— Верно! Ни дня без операции! Ну, вот, у вас со Степаном сегодня первый рабочий день, и сразу оба получили боевое крещение! Давайте дальше!

В целом парни мне понравились. Степану еще многому предстояло научиться, зато теорию он знал отменно. Юра работал лучше, но гонору у него было многовато. Поживем — увидим. Если ребята не испугаются трудностей и не сбегут, возможно, я смогу передать им то, чему научился у Леонтия Михайловича.

Глава 21

Дополнение к пополнению

Осень — не только время урожая, но и пора обострений язвенной болезни желудка и двенадцатиперстной кишки, хронического панкреатита и холецистита. Работы хватает как огородникам — убирать то, что выросло в садах, так и врачам. Но если добрый урожай прибавляет людям радости, то обилие больных нас не радует.

Сентябрь для нас выдался особенно урожайным. Даже травма отошла на задний план.

— Надо сменить вывеску, написать «Отделение хирургической гастроэнтерологии», — хохмил Саныч.

Молодые врачи, приехавшие к нам в начале августа, уже втянулись в работу, и с этого месяца я разрешил им дежурить на дому. Степан старательно осваивал оперативную хирургию, и у него стало недурственно получаться, но самостоятельно оперировать я ему пока не доверял. Юра неотлучно находился при мне, постоянно ассистируя и совершенствуя технику. Я разрешил ему самостоятельно прооперировать аппендицит и пару паховых грыж, но большего пока не доверял.

Санычу я запретил оперировать вовсе. Дело в том, что он начал катастрофически терять зрение, без очков не видел совсем, а в очках — только вблизи. Поначалу он скрывал сей факт и хорохорился, но в один прекрасный день, в самом конце августа все раскрылось.

Я отправил Саныча оперировать трехлетнего ребенка с врожденной паховой грыжей. При такой патологии дном грыжевого мешка является не брюшина, как при приобретенной грыже, а яичко.

С первых минут операции Саныч как-то странно себя повел: он долго прицеливался прежде, чем разрезать, а потом не смог найти грыжевый мешок.

— Саныч, да что с тобой такое? — не выдержал я. — Не выспался, что ли?

— Шеф, прости, давно в операционной не был, загнал меня на прием, понимаешь!

— Саныч, да вот же мешок, держи! — не выдержал я, глядя, как он роется в тканях, отыскивая грыжу.

— А, точно! Спасибо, а я здесь ищу, а она туточки!

— Давай шустрее, что-то долго копаемся сегодня!

Выделив мешок вместе с яичком, Саныч зажал его между браншами ножниц. Еще мгновение — и случилось бы непоправимое.

— Саныч, стой! — закричал я. — Ты что, ослеп? Ты же чуть яичко ребенку не отрезал!

— Какое яичко? — Он подслеповато сощурил глаза. — Откуда ему здесь взяться? Это же грыжевой мешок!

— Саныч, грыжа врожденная, у нее дно — яичко! Ты вот яичко и хотел только что оттяпать, а не грыжу!

— Ая-яй! — побледнел Саныч. — Не отрезал?

— Да, не успел! А ты что, не видишь? — смутные подозрения закрались в мою душу. — А скажи, сколько иглолок на столе лежит?

— Три! — Бурлаков опять сощурился.

— Не три, а пять!

— Где пять, я только три вижу!

— А я вижу, что ты слепнешь! Все Саныч, больше сам чтоб не оперировал, пока кого-нибудь не угробил!

— Да, шеф, тут три иголки, а не пять!

— Дело не в иголках, если хочешь знать, их тут вообще две, а в том, что ты опасен! Только не вздумай запить, тебя тут же уволят.

— Да я и сам хотел тебе сказать, — погрустнел Саныч. — Но боялся, что в операционную не пустишь. Сам же знаешь, хирург без операции — как летчик без воздуха.

— Знаю, — отрезал я. — Ассистируй, если хочешь. На приеме прыщи вскрывай. А про остальное забудь! У тебя отпуск не израсходован, вот собирайся. И не картошку копай — без тебя справятся, а езжай в область к окулистам, пусть или очки подберут, или операцию сделают. А после поговорим.

Одиннадцатого сентября 2001 года в Нью-Йорке террористы-смертники атаковали башни-близнецы. И в этот день в нашем отделении появился новый персонаж. Петр Вольдемарович Минусинский — так он представился при знакомстве. «Дополнение к нашему молодому пополнению», — съязвил Иван, рассмотрев нового хирурга.

Вольдемарыч роста был среднего, широк в плечах, лицо одутловатое — все бы ничего, если б не бегающий взгляд. Про себя рассказал, что работал в крупной больнице, был при квартире и с семьей, да развелся и вынужден был уехать, как жить стало негде. Квартира принадлежала бывшей супруге, а у нас обещали жилье.

— Точно бухает! По лицу вижу, свой брат, алкаш! — шепнул мне на ухо Саныч, внимательно рассмотрев Минусинского, и добавил: — Голову отдаю на отсечение, из-за: пьянки и работу, и жену потерял.

— Саныч, ну зачем ты о людях плохо думаешь? — тоже шепотом спросил Иван.

— Ничего я не думаю, я знаю! Потому что сам такой! — обиделся Бурлаков.

— Ну, а какими операциями владеете, коллега? — поинтересовался я у приезжего.

— Многими, кроме резекции желудка, — скромно ответил тот.

— Ну, хорошо. Проверим вас в деле, а там решим.

— Меня можно звать Петром или Вольдемарычем, кому как удобно, — предложил Минусинский.

Мы с Иваном не возражали.

— Дима, а ты заметил, что он к нам именно одиннадцатого сентября пришел? — спросил Саныч.

— И что ты хочешь этим сказать?

— Ну, как-то такая нехорошая ассоциация возникает.

— Хочешь сказать, что его сюда «Аль-Каида» забросила, чтоб он нам хирургическую службу развалил?

— Насчет «Аль-Каиды» не знаю, — хмыкнул Иван. — Но этот тип ох как не прост! Саныч прав, он чего-то недоговаривает!

Я спорить не стал, но мне тоже не приглянулся хирург с бегающим взглядом.

К вечеру привезли пациента с прободной язвой желудка, и я пригласил ассистировать Вольдемарыча. Мануальная техника у него оказалась на высоте, ход операции он знал досконально, за все время мы перебросились лишь парой фраз и в рекордно короткий срок спасли очередную жизнь.

— Всем спасибо! А тебе, Вольдемарыч, завтра отдам своих больных. Буду освобожденным заведующим. Такому хирургу можно доверить отделение.

— А ты не поторопился? — спросил Иван.

— Ты видел, какая у него техника? Сразу видно, опытный хирург!

— Я пока видел, что он блестяще тебе проассистировал, а как он самостоятельно оперирует, не видел! Пусть с месячишко на приеме посидит, привыкнет пока, да и мы приглядимся.

— Нет, он хороший хирург, я это чувствую, — возразил я. — Нечего ему на приеме болтаться!

— Ну, ты начальник, тебе видней, только смотри, чтобы пожалеть не пришлось.

Я решил никого не слушать и определил Минусинского старшим ординатором, а сам, наконец, занялся многочисленными отчетами.

Вольдемарыч показал себя прекрасным хирургом. Он так красиво и быстро прооперировал больного с желчнокаменной болезнью, мастерски удалив желчный пузырь, что Иван прикусил губу.

— Ну что, съел? — подковырнул я анестезиолога. — Видал, как оперирует! Не ошибся в нем!

— Смотри, так и тебя подсидит, — попытался задеть меня Иван.

— Да и на здоровье! — фыркнул я. — За должность не держусь. Скоро зима, надо рамы оконные менять, мне совсем не хочется этим заниматься. Будет он заведующим, ну и флаг ему в руки!

— Дима, да открой ты глаза! Ну не тот он человек!

— Ну что значит «не тот»? Шпион, что ли?

— Нет, не шпион! Ну не знаю, как это объяснить? Раньше бы сказали, что он не наш, не советский!

— Ладно, Иван! Сознайся, что невзлюбил его, не понравился человек, вот и хочешь оговорить!

— Да! Не понравился! Ты его сразу в старшие ординаторы произвел, а его место на приеме! Лучше б Юрку поставил.

— Юрка еще зеленый. Будет техника, как у Минусинского, тогда и поговорим!

Странное дело, но после этого разговора с Рябовым я стал более тщательно приглядываться к Вольдемарычу. Не знаю, за что его так не любили в нашем коллективе, причем не только врачи, но средний и младший медперсонал.

Ни медсестры, ни санитарки больше меня не чурались — привыкли. Старшая медсестра действительно стала моей «правой рукой». Через пару недель после прихода Минусинского она пришла ко мне в кабинет и, затворив за собой дверь, заговорщицким голосом произнесла:

— Дмитрий Андреевич, вы не заняты? Можно с вами пошептаться?

— О чем, Анастасия Романовна?

— Не о чем, а о ком! Я хочу поговорить о Минусинском.

— Слушаю.

— Дмитрий Андреевич, вот вы его приветили, старшим ординатором сделали, а ведь он не тот человек, за которого вы его принимаете.

— У вас есть к нему нарекания по работе, он плохо с больными обращается, с персоналом?

— Нет, вот с этим как раз все в порядке! Он всегда трезвый, чистенький, гладко выбритый, всем улыбается, с больными и персоналом вежливый, со всеми на «вы».

— Ну а вам чего надо? Чтоб доктор ходил в майке-алкаголичке, в трико с пузырями на коленях, небритый и слегка трезвый, да?

— Нет, этого я не хочу. Но мне кажется, что Минусинский ваш что-то замышляет. Понимаете, — попыталась объяснить сестра. — Он какой-то неискренний. Будто маску на себя надел и на работе носит, а когда на улицу выходит — снимает.

— У вас есть какие-то факты?

— Есть! Ира Карпухина, медсестра с третьего этажа, на днях шла по улице, а навстречу ей Минусинский попался, пьяный!

— Он же не пьет.

— Он на работу пьяный не приходит, а что он у себя в общаге вытворяет, мы не знаем.

— Так, а почему она решила, что он пьяный, может, устал человек после работы?

— Так в том-то и дело, что это суббота была, а он и пиво с горла хлестал, а из кармана куртки бутылка водки торчала.

— Ну, я тоже выпиваю иногда и вы, — попытался я оправдать Вольдемарыча.

— Да, мы тоже выпиваем, по праздникам, но потом бомжей до крови не бьем и не материмся!

— Это как понять?

— А вот так! Минусинский тогда пиво допил, бутылку прямо на тротуар бросил. Какой-то бомж из кустов выскочил, хотел ее подобрать, а Вольдемарыч вдруг на него орать стал, а потом по лицу кулаком ударил, с ног сбил и пинать стал. Прохожие еле его оттащили, а то, может, и убил бы бомжика!

— А вы ничего не путаете?

— Нет, да вы у Иры спросите, она сегодня сутки дежурит. Позвать?

— Не надо, я вам верю, — протянул я. — Итак, что получается? На работе он — внимательный вежливый врач, хороший хирург, а в быту — пьяница и дебошир. Так?

— Так, Дмитрий Андреевич! И что вы намерены предпринять?

— А что я могу сделать?

— Ну, убрать его, к примеру, из операционной.

— Анастасия Андреевна, а на каких основаниях? Подойти и сказать, мол, снимаю тебя с операций и шуруй в поликлинику, потому что наша медсестра видела вас пьяным в выходной день, и как вы бомжа били? Так я, по-вашему, должен сделать?

Старшая сестра промолчала.

— У вас есть конкретные претензии к работе Минусинского?

— Конкретно к работе — нет!

— Тогда все. Я вас выслушал, будут замечания по работе — приходите снова.

Старшая сестра ушла, а я задумался: «Неужто Вольдемарыч и вправду такой двуличный или наговаривают злые языки? Меня, помнится, тоже в свое время зверем окрестили. Нет, надо во всем разобраться!»

Работа захватила нас, поток больных усилился, и вопрос о Вольдемарыче отодвинулся на второй план, если не исчез совсем. Оперировали мы много и на редкость удачно. Минусинский поражал своей безукоризненной техникой. Вскоре у него завязались нежные отношения с одной из медсестер отделения, незамужней Лидочкой.

В отделении было много и других симпатичных незамужних медсестер, причем бездетных. А Вольдемарыч вспылал внезапной страстью к Лидочке, в одиночку воспитывающей двоих малышек, но владеющей шикарной четырехкомнатной квартирой, доставшейся ей в наследство от бабушки. Злые языки утверждали, что Минусинскому нужна жилплощадь, а не ее хозяйка. Лучше жить в отдельной квартире, чем в комнате в общежитии с одним туалетом на этаже.

Первые симптомы нечистоплотности обаятельного хирурга обнаружил как раз я. Как-то зайдя в процедурку, я увидел на столе пакеты с кровью.

— Кто переливает кровь? — спросил я у постовой медсестры.

— Доктор Минусинский!

— А он провел пробы на совместимость?

— При мне не проводил!

Прежде чем перелить кровь, необходимо провести пробы на совместимость группы и резус-фактора. Это даже не обсуждается. Нарушение этого правила — тягчайшее профессиональное преступление. Да, известна группа донора, она пишется на пакете с препаратами крови; известна группа реципиента; но проба на совместимость — обязательна! Без нее врач не имеет права переливать кровь, это в нас вдалбливают еще в институте.

— Где Минусинский?

— Кажется, в палате.

— Позовите его.

Появился Вольдемарыч:

— О, шеф! Что случилось, будет операция?

— Пока нет. А скажи-ка мне, Петя, это ты кровь затеял переливать?

— Я, у Думбадзе из второй палаты ранение печени, гемоглобин низкий, решил восполнить, а что?

— А ты пробы на совместимость проводил?

— А как же!

— А покажи мне, где пробирка с его сывороткой?

— В холодильнике, — слегка побледнел Минусинский.

— Ну, неси.

Вольдемарыч исчез и через пару минут появился снова.

— Дима, ты знаешь, сыворотки Думбадзе нет. Может, медсестра вылила?

— Я ничего не выливала! — заявила медсестра.

— Петя, как можно вылить то, чего там никогда не было?

— Как не было? Я же сам совмещал!

— Петя, вчера ночью, когда я оперировал Думбадзе, мы ему кровь на совместимость не брали, потому что выполнили реинфузию. Когда собственную кровь переливают, пробу на совместимость не берут. А ты этого не видел, так как мне Степа ассистировал.

— Ну, значит, сегодня утром взяли.

— И утром не брали. Я не просил, и ты тоже, процедурная медсестра подтвердила. Петя, ты соврал мне!

— Дима, ну прости! Знаешь, заработался, туда-сюда! Из головы вылетело! Ну какая разница,

делал пробу, не делал? На этикетках же группа стоит!

— Ты что, глупый? Это же преступление!

— Ну, сразу и преступление?

— Петя, да! Это преступление! А не зайди я сюда, ты бы еще протокол переливания заполнил, где указал, что пробы выполнил. А это еще и подлог документации!

— Слушай, ну не кипятись! — попытался успокоить меня Вольдемарыч. — Виноват, сейчас все исправлю. Я, между прочим, твоему больному кровь хотел перелить, ты же его оперировал!

— Моему? Он что, мой личный? Ты, кажется старший ординатор, а я, напомню тебе, освобожденный заведующий! Не хочешь в стационаре работать, иди на прием в поликлинику!

— Ну все, разошелся! Я же пошутил! Что из мухи слона делать?

— Петя, больной не слон, а кровь не муха!

— Но я же не перелил!

Я не стал раскручивать эту историю, сам не знаю почему. Может, потому, что Минусинский клятвенно обещал больше ничего подобного не допускать... Но до меня дошло наконец-то, что почувствовали все остальные: Вольдемарыч ох как непрост.

После этой истории Минусинский стал еще вежливее разговаривать со мной и с преувеличенным рвением исполнять малейшие мои просьбы.

— Смотри, Дима, скоро какать не сможешь, — как-то подколот меня Иван.

— С чего это вдруг?

— Да Минусинский тебе скоро весь зад залижет!

— От дурак! Он просто исполнительный!

— Ой, уморил, исполнительный! — захохотал Иван. — Не будь ты начальником, он бы тебя давно послал!

— А что, тебя уже посылал?

— Ну, меня, сам знаешь, посылать вредно для здоровья! Но если я его о чем попрошу, он сто отговорок найдет, лишь бы не делать!

— Ну, наверное, плохо просишь?

— Он уже в нашем отделении адаптировался и всех мягко и интеллигентно посылает куда подальше. Только ты один этого избежал. Ох, хлебнешь ты с ним!

И я снова пропустил мимо ушей слова Ивана. Я не был искушен в интригах, не распространял сплетни и вообще не играл в подобные игры, а привык доверять только своим собственным глазам и ушам.

Доктор Минусинский как хирург совершенно меня устраивал и, кроме того, освобождал меня

для административной работы. И я решил, что, если он негодяй, то рано или поздно это всплывет.

Ждать пришлось недолго.

Перед Новым годом в дверь моего кабинета требовательно постучали.

— Войдите, не заперто! — крикнул я, не отрывая взгляд от годового отчета, над которым в тот момент работал.

— Вы заведующий хирургического отделения? — без предисловий спросила разгневанная женщина, отряхивая снег с одежды прямо на пол.

— Я, а в чем дело?

— Отлично, вы-то мне и нужны, наконец-то застала! — заявила гостя и плюхнулась на диван, расстегнув пуговицы на дешевом и стареньком бордовом пальто.

— Вообще-то я ни от кого не прячусь. А кто вы и что вам нужно?

— Не прячетесь? Странно, а мне сказали, что вы в командировке. Я вас третий день караулю!

— Прекратите говорить загадками и выскажитесь по существу или оставьте мой кабинет. У меня много работы.

— Я думала, вы мне все объясните.

— Хорошо, — попробовал успокоиться я. — Начнем с имен. Я — Дмитрий Андреевич Правдин, а вы?

— Нина Петровна Теплакова! — подсказала незнакомка.

— Нина Петровна, я действительно очень занят: пишу годовой отчет. Так что, если у вас что-то серьезное, начните говорить об этом, а если пришли подурачиться, тогда закройте дверь с той стороны.

— Действительно, мои действия могут показаться вам странными, — согласилась Нина Петровна. — Я почти тридцать лет проработала учительницей в сельской школе, преподаю русский и литературу. Я — сельская училка! Возможно, с головой у меня и не все в порядке, но вы знаете, какая у меня зарплата?

— Понятия не имею, — ответил я, подозревая, что дама слегка не в себе.

— Что вы отодвигаетесь от меня? — словно читая мои мысли, произнесла Нина Петровна. — Не бойтесь, я не сумасшедшая! Я жена Теплакова Геннадия Яковлевича, вы ему неделю назад удалили камни из желчного пузыря и пупочную грыжу!

— Помню, — подтвердил я. — А разве с ним что-то случилось? Я утром на обходе смотрел, настораживающих моментов не увидел.

— Настораживающих моментов, как вы изволили выразиться, нет! Это правда! Но меня настораживает ваш аппетит! Это безобразие, господин Правдин! У меня нет таких денег!

— Так. Стоп. О каких деньгах вы говорите?

— О тех, которые вы взяли за операцию!

— Ничего не понимаю... Мы оперируем бесплатно! И никаких денег ни с вашего мужа, ни с кого другого я не брал!

— Правильно, вы сами не берете, — кивнула Нина Петровна. — Вы других врачей подсылаете! Они берут и вам приносят!

— Что за чушь! — возмутился я. — Вы отдаете себе отчет, в чем вы меня обвиняете?

— Я отдаю! А вы понимаете, что мы с мужем живем только на мою зарплату? Он инвалид — пенсия копеечная, а у нас еще дочь-студентка, ее надо на ноги поднять! Я и так себе часов набрала выше крыши, еще репетиторством занимаюсь! Мы с вами договорились, что за две операции, за желчный пузырь и пупочную грыжу, я вам передам десять тысяч рублей! Я передала! А сейчас вы требуете еще пять тысяч! Где я их возьму? Вы и так меня разорили! Я требую, чтобы вы вернули мне все деньги! Немедленно! А иначе я пойду в газету и расскажу о ваших художествах! Еще и в милицию заявление напишу! Вам небо с овчинку покажется! Теперь я ясно выражаюсь?

— Так, мадам Теплакова, на меня кричать не надо, я с вами ни о чем не договаривался. А милицию я и сам могу вызвать и обвинить вас в шантаже.

— Перестаньте прикидываться! Мне доктор Минусинский все про вас рассказал!

— Минусинский?!

— Да, Минусинский! Ведь это вы заставили его взять с меня деньги, а когда я отдала требуемую сумму, то вам показалось мало! А у меня нет больше денег! Я — училка! Где я вам их возьму? Думаете, если один раз дала, то и дальше доить можно, да? А тут вы просчитались!

— Кажется, я понял. Нина Петровна, я не требовал у вас никаких денег. Слово хирурга. И вообще первый раз сегодня о них от вас и узнал. Но я знаю, кто нам поможет разобраться в происходящем. Пересядьте, пожалуйста, на стул — так вас не будет видно из коридора, и проведем очную ставку.

Теплакова пересела, я выглянул в коридор и подозвал постовую медсестру.

— Валя, срочно пригласите ко мне в кабинет Петра Вольдемарыча! Срочно!

— Звал, шеф? — мягко, как кошка, прокрался в кабинет улыбающийся Минусинский.

— Звал! Ты знаком с Ниной Петровной?

— Здравствуйте, доктор! А вы говорили, что заведующий ваш в командировке, — спокойно произнесла Теплакова.

— А как вы сюда попали? — удивился плут.

— Что, удивлен? Ну, расскажешь нам, как я тебя заставлял деньги за операции брать? — я посмотрел на Минусинского нехорошим взглядом.

— Какие деньги? О чем это вы? Я ничего не брал! — заверещал Петя.

— Хватит врать! — стукнул я по столу кулаком. — Ты постоянно врешь и выкручиваешься!

Сумел нагадить, сумей в этом признаться! Еще и меня приплел!

— Шеф, она все врет!

— Не шеф я тебе больше, сволочь!

— Дима, она полоумная баба! Пришла, наплела с три короба, а ты купился!

— Это кто полоумная? — подала голос Нина Петровна. — Я полоумная? У меня и свидетели есть! Не только муж! Он с нашего села еще троих человек оперировал и со всех деньги взял!

— Так ты уже не первый раз руки мараешь? И тем людям тоже говорил, что заведующий тебя заставлял? Отвечай, а то я за себя не ручаюсь!

— Дима, я не знаю, о чем речь! Она же не в себе, кто ей поверит?

— Я ей верю!

— Дима, это наговор! Не знаю, кому это выгодно, но я тут ни при чем!

— Все! — Я окончательно вышел из себя. — Мне это надоело! Слушай сюда! Ты возвращаешь все деньги, которые взял у этой женщины, а я найду и опрошусь тех, кого ты оперировал. И если ты и у них брал, то...

— Что — то? — заговорил Минусинский совсем другим тоном. — Ну что ты мне сделаешь? Тоже мне, нашелся пуп земли! Да я в сто раз лучше оперирую! Я в городской больнице отделением заведовал, вы меня благодарить должны за то, что я согласился работать в этом сарае!

— Значит так, гений хирургии, — усмехнулся я. — Мне известно, за что тебя турнули из городской больницы. Мне доктор Чаидзе много интересного про тебя рассказал! Ага, вижу, ты его помнишь. Так что не нарывайся, дорогой товарищ. Вот как все дальше будет: ты вернешь пациентам деньги и напишешь заявление на увольнение по собственному желанию. А в противном случае Нина Петровна и остальные больные, которых ты обобрал, напишут свои заявления. И тобой займется прокуратура. Ты можешь лишиться диплома или получить реальный срок — могут ведь всплыть и твои старые делишки, которые ты в городской больнице проворачивал, — или и то, и другое вместе. Ну как перспектива?

— Не радует, — сник Минусинский. — А откуда ты Тимура Чаидзе знаешь и где видел?

— Тимур мой однокурсник, до сих пор приятельствуем. Встречался с ним месяц назад. Вот он о тебе всякое говорил...

— Я понял, не продолжай! — Минусинский поднял ладони вверх, изображая капитуляцию. — Нина Петровна, я готов вернуть вам деньги. А вы обещаете, что никому не скажете об этом?

— Я пообещаю, если вы ответите мне на один вопрос: ваш заведующий, доктор Правдин, знал о том, что вы с больных деньги берете? Только не лгите!

— Нет, доктор Правдин был не в курсе.

— То есть вы оговорили его?

— Да, — тихо сказал Минусинский.

— В таком случае, Дмитрий Андреевич, я должна попросить у вас прощения. Я думала, вы заодно с этим упырем, простите меня!

— Да, полноте! Это я закопался в бумажках, отдалился от людей. Чаидзе мне еще месяц назад говорил, что этот тип вымогает деньги у пациентов, надо было раньше спохватиться.

Минусинский и Теплакова договорились о передаче денег, и Нина Петровна покинула мой кабинет.

— Дмитрий Андреевич, могу я попросить вас об одолжении? — перейдя на официальный тон, спросил ловчила.

— О чем?! — я не поверил своим ушам.

— Разрешите мне остаться хоть в поликлинике?

— Ты что, совсем оборзел? Бери свои добро, иди, пиши заявление об увольнении и беги отсюда куда глаза глядят! Радуйся, что легко отделался! Вон Иван тебе давно физическое замечание порывается сделать, если он все узнает, то сдержит слово! Давай проваливай!

— Дмитрий Андреевич, в таком случае я могу вас попросить не разглашать причину моего увольнения?

— Нет, этого обещать не могу.

— Я не за себя прошу, а за Лиду! Мы с ней живем вместе — подумайте, как к ней будут относиться в коллективе?

— Об этом тебе надо было думать.

— А я и думал! Я деньги с больных брал, чтоб Лиде и ее детям помочь, их у нее двое!

— Как трогательно! Сейчас расплачусь! Ты кому на уши лапшу вешаешь, проходимец? Не забывай, я знаком с Чаидзе, которого ты когда-то подставил точно так же, как и меня сейчас. Иди, пиши заявление, а то Ивана позову!

— Все-все, иду, но подумайте о Лиде!

Я подумал и не стал всем объяснять причину увольнения.

Вечером меня пригласил к себе главный врач:

— Дмитрий Андреевич, тут твой Минусинский приходил, заявление написал об увольнении, сказал, что к воякам переходит работать, так я подписал без отработки, не возражаешь? Справитесь без него?

— Справимся, — кивнул я. — А почему без отработки?

— Да ты понимаешь, Дима, какое дело... Такой он мерзкий тип, что хотелось поскорее от него избавиться. Знаешь, сколько он на тебя доносов написал? Каждую неделю служебные записки строчил! — Тихий продемонстрировал мне стопку листов, исписанных аккуратным почерком Минусинского.

— И что он там, интересно, писал?

— Да всякую ерунду, — поморщился Тихий. — Тебе это знать не обязательно. Достаточно того, что я тебя знаю уже шесть лет, и знаю, кто ты и что можешь, а чего не можешь. Этот мерзавец, похоже, на твое место метил, а как понял, что не выходит, решил свалить по-тихому.

Разубеждать главного врача я не стал.

Все мне твердили, что Минусинский — подлец, а я твердил как заведенный: «Хороший хирург, отличный специалист!» А то, что профессионал может оказаться мерзавцем, мне и в голову не пришло.

Глава 22

О любви

Хочу рассказать вам о тех необычных проявлениях любви, которые видел сам.

Во-первых, конечно, доктор Минусинский — и такого подонка можно полюбить. Медсестра Лидочка, что называется, была без ума от Вольдемарыча.

Муж ее года два назад отбыл искать лучшей доли, забыв сообщить свой новый адрес. Об алиментах он тоже позабыл. Родители Лидочки жили далеко, а здесь оставалась бабушкина квартира, которую было жаль продавать. Так и жила она, в большой квартире, но без мужчины. Как только очередной ухажер узнавал, что очаровательная женщина воспитывает двух прекрасных детей, то исчезал в утренней дымке, забыв проститься.

Но Петя Минусинский вошел в дом Лидочки не только как любовник, но и как хозяин. И Лидочка впервые за два года почувствовала себя защищенной.

Второе увольнение за год серьезно ударило по психике Вольдемарыча. Он сказал главному врачу, что переходит к военным, но на деле не стал утруждать себя поисками новой работы.

Утешался Петя алкоголем. Не знаю, на какие деньги он пил — то ли больным вернул не все, что взял, то ли пропивал расчет и новогоднюю премию, но факт оставался фактом. Вольдемарыч запил.

Новогодние праздники, как всегда, были горячим временем. Да, нас теперь было больше, работать стало легче, но я все равно не терял бдительности.

Как-то ночью, закончив операцию у пациента с острой кишечной непроходимостью, я задержался на посту, выписывая назначения. Дежурная медсестра Лидочка села рядом и, тяжело вздохнув, сказала:

— Дмитрий Андреевич, я понимаю, что сейчас не время, уже два часа ночи, вы устали, но мне очень нужно с вами поговорить. А вы все время на операциях.

— Ну, Лидочка, нынче праздники, урожай, ты ж не первый год у нас, сама знаешь.

— Я понимаю, поэтому можно мне с вами сейчас поговорить?

— О Минусинском?

— Да! Я знаю, что он подлец, но я его люблю и не могу видеть, как он страдает!

— О, Петя еще и страдать способен? Тала-ант, — усмехнулся я.

— Вы не знаете его! Он не совсем плохой человек. Знаете, как его мои дети полюбили!

— Лида, хватит лирики, — оборвал я медсестру. — Насмотрелся я на твоего Минусинского. Чего ты хочешь?

— Возьмите его обратно, пожалуйста!

— Нет.

— Ну, пожалуйста! Он же без работы совсем сопьется! Вчера его возле магазина люди подобрали, пьяный лежал, чуть не замерз!

— Лида, не дави на жалость. Доктор Минусинский подлец, каких свет не видывал! Ты знаешь, чем он занимался?

— Знаю, он мне рассказал, что он деньги у больных вымогал и вас подставлял, говорил, будто вы его заставляете.

— А он говорил, у кого он вымогал? У пенсионеров, живущих на крохотную пенсию. У колхозников, которые по пять лет зарплаты не видят. У таких, как ты, матерей-одиночек! Последняя ограбленная им — сельская училка, которая одна тащит семью; муж у нее инвалид и дочка, которую надо кормить, учить и одевать. А твой хороший Минусинский вытянул у нее годовую зарплату! Это он тебе рассказал?

— Нет, — вздохнула Лида и заплакала.

Улыбаясь, на пост медсестер облокотился Иван:

— Ой, а кто это у нас Лидочку обидел? Уж не заведующий ли?

— Нет, я просто так плачу.

— Ну-ка колитесь, что у вас тут произошло? Не люблю, когда такие хорошенькие девушки расстраиваются. Говори, вдруг помогу чем?

— Не поможете, — вздохнула Лида. — Только Дмитрий Андреевич сможет.

— А, понятно, — нахмурился Рябов. — Опять за Упыря просишь?

— А уже просила? — насторожился я.

— Да, на прошлой неделе, меня, чтобы я с тобой поговорил насчет Петьки. А я отказал. Слушай, Дима, может, и правда возьмешь его назад? — неожиданно предложил анестезиолог. — Смотри, как Лидочка убивается.

— Дмитрий Андреевич, миленький, — медсестра вытерла глаза носовым платком. — Пожалуйста, возьмите Петю обратно!

— Ну вы вообще! — Я развел руками. — Как вы себе это представляете? То он увольняется, то снова устраивается — у нас тут детский сад или все-таки больница?

— Лехко! — оживился Иван. — Он же не по статье уволился, а по собственному! Ты подойди к главному, поговори, скажи, что у того с вояками не вышло, назад к нам хочет, и убеди взять.

И вы будете смеяться, но я поддался на их уговоры.

— Ладно. Лида, скажи своему милому, чтобы после праздников заглянул ко мне, только трезвый. И если сам попросит — замолвлю словечко перед начальством. Но только на поликлинику; в стационар не возьму! И только с испытательным сроком.

— Спасибо, Дмитрий Андреевич! Спасибо, Иван Григорьевич! — обрадовалась Лидочка. — Все передам, после праздников будет как штык!

— А мне за что спасибо? — удивился Рябов.

— За то, что помогли заведующего убедить!

— Смотри, Лида! Ты вот за него хлопчешь, а как думаешь, случись что, он не сбежит от тебя?

— А и не знаю, и знать не хочу: сейчас-то он мой! — выпалила девушка.

После старого Нового года в отделении появился Минусинский. Тербя в руках шапку, он попросил простить его и принять на работу.

— Петя, хоть ты, конечно, и гад, но Лидочку жалко, любит тебя стервеца. Вот ради нее и берем! Пойдешь на прием, вместо Ветрова, а Юру я перемещаю на отделение, будет старшим ординатором. Я с главным врачом разговаривал, он тебя возьмет, но с двумя условиями.

— С какими? — с дрожью в голосе спросил Минусинский.

— Первое: испытательный срок — полгода. Если хоть одно замечание будет, то увольняем без всякого объяснения. И второе, если ты, поганец, хоть копейку с кого возьмешь, то все, пеняй на себя! Ясно!

— Да, ясно!

— И еще одно условие, уже мое. Если ты, Петя, хоть один донос на меня главному настрочишь, то в тот же день отсюда вылетишь! Усек?

— Усек, — еле слышно прошептал кляузник.

На приеме Петя показал себя хорошим доктором, больных не обижал, и те ему даже написали несколько благодарностей в специальный журнал. Через три месяца я начал иногда брать Минусинского ассистентом на свои операции, но особо его этим не баловал. Потом разрешил ему дежурить с правом выполнения небольших операций. Но объемных вмешательств хирург Минусинский в нашей больнице больше не выполнял. Со временем он стал улыбаться и распрямил спину, но никогда не забывал своего места. Лидочка радовалась.

Но как говорится, горбатого могила исправит. Не прошло и года, как Петя снова с кого-то «снял» деньги. До скандала не дошло, он написал заявление и уволился по-тихому. Подробности я не знаю — был в это время в очередной командировке в N-ске.

Когда я вернулся назад, Пети уже и след простыл. Поговаривали, что он сошелся со своей прежней женой. Сплетни я не любил, поэтому просто порадовался, что Вольдемарыча с нами больше нет. Лидочку только жалко, очень уж она по нему рыдала, полгода забыть не могла мерзавца.

Видал я и людей, давно живущих вместе и вполне счастливых и делавших странное, как они

сами считали, от великой любви. Судите сами.

Молодой армянин, инженер, просит именно меня осмотреть его жену. Смотрю. Красивая полногрудая девушка с прекрасными черными волосами, рассыпавшимися по ее изящным плечам, и печальными глазами, в которых читается боль.

— Доктор, вот моя жена, но она пока по-русски не говорит, я ее только две недели назад из Армении привез, — объясняет мужчина.

— Тебя как звать?

— Меня Ашот, а ее Мегрануш, что значит «сладкая как мед».

— Ну и что, Ашот, с твоей Мегрануш случилось?

— Месяц назад родила сына, все нормально было. Я сам здесь живу, у дяди свой колбасный завод, и я там главным инженером работаю. Ну, решил и жену, и сына к себе забрать.

— Не рановато?

— Не знаю, я ее люблю! Скучаю без нее! Вот и привез, мы же на самолете, не на поезде!

— Понятно, суть проблемы в чем?

— Дней десять назад у Мегрануш заболела правая грудь. Мы к детскому врачу сходили, она сказала молоко сцеживать и этой грудью не кормить, а хуже станет — к вам обратиться.

— Именно ко мне?

— Ну да, так и сказала: если что, идите к хирургу Правдину! — Он что-то добавил по-армянски своей жене, та покраснела и стала снимать платье. — Она стесняется, — пояснил Ашот.

Раздевшись, красавица руками прикрыла груди. Я знаками попросил ее завести руки за голову, муж продублировал мою просьбу на армянском языке. Картина оказалась неприглядной: у Мегрануш было гнойное расплавление правой молочной железы, именуемое маститом.

Кормящие часто страдают маститом. А у Мегрануш была самая сложная форма воспаления — ретромаммарный послеродовой мастит; гнойник был расположен за молочной железой. При такой форме заболевания воспаление может расплавить переднюю грудную стенку, попасть в плевральную полость и осложниться гнойным плевритом. Необходимо было срочно прооперировать женщину.

— Ашот, а температура была? — уточнил я.

— Да, была! Три дня до 40 градусов поднимается.

— У твоей жены серьезное заболевание молочной железы, гной там скопился. Необходимо немедленно оперировать. Пила, ела давно?

— Утром чаю попила, с час назад, а что?

— Надо чтобы от последнего приема пищи до операции прошло не менее трех часов. Два часа подождите, или здесь, или домой пока съездите.

- Так, а зачем ждать? — не совсем понял Ашот. — Сейчас сразу нельзя?
- Нет, дадут наркоз, может возникнуть рвота, пища попадет в трахею, начнется воспаление легких.
- Слушай, какой наркоз, а?
- Обыкновенный, общий.
- Не надо наркоз, так делай, под местным, она потерпит, — предложил любящий муж.
- Ашот, под местной анестезией вряд ли получится, гнойник за грудью расположен, сзади! Понимаешь?
- Понимаю, и в чем проблема?
- Да не делают такие операции под местной анестезией! У нее груди большие, нужно хорошую ревизию сделать, чтоб затеков гнойных не оставить.
- А где делают?
- Я не понял, Ашот, ты же инженер, человек с высшим образованием, а ведешь себя как дикарь!
- Почему как дикарь?
- Да потому что от наркоза отказываешься! Дадим маску, прооперирую, пять минут — и все готово!
- Нет, доктор! Или под местной, или никак!
- Ашот, я смотрю, ты свою жену совсем не любишь, не жалеешь. Это ведь такая боль! Я только осмотрел, а она уже чуть не плачет!
- Ничего, потерпит! Я рядом буду стоять, при мне кричать не посмеет!
- Да почему ты не хочешь, чтобы мы ее под наркозом оперировали?
- Наркоз — это очень опасно, у меня брат троюродный помер от него!
- Так от новокаина быстрее можно помереть, его при таком диагнозе не менее пол-литра надо!
- Нет! — заупрямился армянин. — Под наркозом не дам!

Уехал Ашот, увез сладкую как мед Мегрануш искать хирурга, готового под местной анестезией избавить красавицу от ретроммарного мастита. А разыскал или нет — не ведаю, к нам больше не заглядывал.

У человека в течение жизни может быть не один супруг. Поэтому недостаточное внимание и заботу хоть как-то можно понять: ну не родные люди друг другу, что поделывать. А вот наплевательское отношение родителей к детям и детей к родителям — чем объяснить?

Час ночи — традиционное время для вызова врача. С доставившего меня уазика прямиком иду

в хирургию, туда привезли молодую мамашу и ребенка с болями в животе. Вхожу в палату. На кровати лежит маленький ребенок, восьми месяцев от роду.

Безжизненные глаза открыты, на маленьком лице застыло страдание, малыш не плачет и не стонет, полная апатия и равнодушие к окружающему миру. Невооруженным глазом видно, что ребенок тяжело болен.

— Что случилось? Сколько болеет? — спрашиваю у матери.

— Вы знаете, доктор, животик у нас болит, и уже больше суток, похоже, — спокойно отвечает та.

— Когда точно заболел, с чего все началось, как протекали боли? — продолжаю расспрос, чтобы как можно полнее собрать историю заболевания.

После приступаю к осмотру. Точно, инвагинация! Причем настолько запущенная, что необходимо срочно оперировать.

Инвагинация — внедрение одного участка кишки в другую. Чаще встречается, когда тонкая кишка «уходит» в толстую в месте ее анатомического перехода, то есть в илеоцекальном углу. И как правило, это в большинстве случаев случается у детей до года, пик приходится на возраст от шести до девяти месяцев. Педиатры считают причиной инвагинации ранний прикорм.

Есть вариант безоперационного устранения инвагинации — дезинвагинация, но я в своей практике ее не применял. Для дезинвагинации нужны определенные условия. Во-первых, родители должны обратиться за помощью сразу же, как ребенок заболел. Во-вторых, нужен специальный наконечник с obturatorом и резиновая груша. Наконечник вводят в задний проход ребенка и грушей в кишечник закачивают воздух, который и расправляет инвагинацию.

Но у нас не было такого оборудования, да и время ушло. У ребенка отекли кишки, теперь их можно было расправить только руками во время операции.

Основной клинический симптом инвагинации — это боль. Совершенно здоровый ребенок внезапно начинает кричать, корчиться, срыгивать и отказываться от пищи. Это симптомы многих заболеваний, но здесь есть одна особенность — цикличность. Боль возникает в тот момент, когда один отдел кишки начинает внедряться в просвет другой, вышележащей кишечной трубки. Представьте себе, как удав медленно заглатывает кролика. При инвагинации происходит примерно то же самое, только «кролик» — тонкая кишка — сам идет в пасть «удава» — толстой.

Кишка не может постоянно внедряться, она посылается вперед сокращениями собственной гладкой мускулатуры, то есть перистальтической волной, которая длится несколько минут. И все это время ребенок кричит. Как только сокращения ослабевают — боль стихает, ребенок успокаивается, начинает играть, смеяться, сосать соску и т. п. Но спустя 20–30 минут новая перистальтическая волна продолжает «загонять» кишку дальше, боли возобновляются с новой силой, и ребенок вновь начинает кричать. Боли идут схватками, и чем меньше временной промежутков между схватками, тем хуже прогноз. Присоединяется рвота, вздутие живота, перестают отходить газы, развивается кишечная непроходимость. Когда внедренная кишка отмирает, а вместе с ней и нервные окончания, боли притупляются, и в просвет кишки начинает пропотевать кровь из-за застоя кровеносных сосудов.

Вот именно кровь на своей перчатке я и обнаружил, когда мизинцем исследовал прямую

кишку больного. «Характерный признак гангрены кишечника. Это же какие железные нервы надо иметь, чтоб больше суток слушать, как твой ребенок кричит? Причем не просто кричит, орет благим матом, да еще с завидной периодичностью из-за спастического характера болей». Я не удержался и спросил мамашу:

— А вас не тронуло, что ребенок ваш сутки напролет орал?

— Да нет, я и значение особого не придавала, у него и раньше животик болел. Я уши заткнула, и все! Думаю, пускай себе кричит! А потом смотрю, и успокоился.

— Ну да, когда у него некроз кишечника начался, — холодно кивнул я.

— А что это такое — «некроз»? Я, простите, не медик, я бухгалтер.

— Некроз — это гангрена органа, омертвление.

— Ой, и что, мой мальчик может умереть?

— Может.

— А что же делать, вы можете его спасти?

— Попробуем.

Операция была сложной. Нам пришлось удалить правую половину толстой кишки и часть тонкой. Но послеоперационный период протекал гладко, ребенок поправился. У детей редко бывает «затяжное» выздоровление, они либо быстро поправляются, либо не выживают.

Хорошо, что в этом случае все закончилось благополучно. Материнская «любовь» стоила малышу половины кишечника.

Обычно в таких случаях нам удавалось обойтись без резекции, мы просто расправляли кишки, вытаскивали внедренный фрагмент, подшивали его к брюшине, чтобы больше не вворачивался, и все.

Довольно типичная травма у маленьких детей — вывих плечевого сустава. Причина довольно банальна: родители тянут раскапризничавшегося ребенка за руку, а чадо упирается:

— Не хочу! Не пойду!

— Нет, ты у меня пойдешь! — родитель продолжает тянуть руку.

Хрусть — и вывих, и спасибо, если без сопутствующего перелома.

Ну что тут скажешь? Тяжела родительская любовь!

И не поймешь, что здесь хуже — недостаток внимания или его избыток.

— Дмитрий Андреевич, помогите нам снять швы! — обратилась ко мне молодая хорошенькая женщина.

— Кому «вам»? — удивился я необычности просьбы.

— Моему мальчику, он на прошлой неделе порезал коленку, в соседнем районе ее зашили,

теперь требуется снять швы.

— Ну мадам, при всем уважении к вам и вашей красоте я вряд ли смогу вам чем-то помочь.

— Но почему?

— Потому что я заведующий отделением, а не врач поликлиники. Идите на прием, там вам, то есть вашему мальчику, — снимут швы. Я другими делами занимаюсь.

— Простите, но мы уже были на приеме, и нас отправили к вам, сказали, что только вы имеете право разрешить наркоз.

— Наркоз? Для снятия швов? — Я не поверил собственным ушам. — Чтобы удалить несколько скользких шелковых ниток? А сколько лет вашему мальчику?

— Шестнадцать! Но мы хотели бы, чтоб вы под наркозом сняли.

— Что за ерунда! Взрослому парню наркоз, чтобы снять швы? Никогда ничего подобного еще не видел!

И я пошел вниз.

— Вольдемарыч, в чем дело? Ты что ко мне со всякой ерундой отправляешь? — набросился я на Минусинского. — Что думаешь, мне заняться больше нечем, кроме как швы под наркозом снимать?

— Шеф, ты не кипятись, но тут особый случай. Мы пробовали, не получается.

— Что значит не получается? Где ребенок? Сейчас будет вам мастер-класс, бездельники.

Пациент оказался довольно упитанным парнем, у которого уже начал пробиваться пушок над верхней губой.

— Проходи в перевязочную и показывай!

Мальчик продемонстрировал «страшную» рану на коленном суставе, длиной не более двух сантиметров, ушитую тремя стежками.

— Вы что, издеваетесь? — возмутился я. — Не можете снять три шва? Наркоз вам подавай!

— Шеф, не можем! — заключил Минусинский. — Всяко пробовали, не дает!

— Учитесь! — поучительно сказал я. — Мальчик, как тебя звать?

— Вова Бякин.

— Вот что, Вова, я сейчас возьму в руки вот эти ножницы и этот пинцет и аккуратненько срежу вот эти ниточки, больно не будет. Договорились, Вова?

— Да, договорились, только я боюсь.

— Все, сиди тихо и не дергайся, — проговорил я и склонился над ногой мальчика.

— А-а-а! — неожиданно заорал Вова и довольно чувствительно лягнул меня в живот.

— Так, а ну, кто тут есть, быстро навалились на этого Вову, и держим! — разозлившись, скомандовал я.

Все, кто был в тот момент в комнате — Минусинский, медсестра, санитарка, мама и папа мальчика, — пришли мне на помощь. Вова орал и выгибался так, как будто его хотели посадить на кол, а не снять каких-то злосчастных три нитки. Промучившись так минут пять, я дал отбой.

— Вова, ты что же так орешь и вырываешься? — устало обратился я к мальчугану. — Это же совсем не больно!

— Я боюсь! — отрезал Вова.

— Мама, а как вы швы ему умудрились наложить? Тоже под наркозом?

— Да, конечно! Он еще уколоть себя не дал, пришлось маску ему давать!

— Ну что, шеф, даешь добро на применение наркоза? — поинтересовался Вольдемарыч. — А то Иван меня не послушает.

— Даем, а куда деваться! Похоже, ваш мальчик станет единственным подростком, которому сняли швы с кожи под наркозом. Мы детям в два года без наркоза снимаем, и то они так себя не ведут. Вы что с ребенком сделали? Кого вы из него воспитали?

Швы мы, конечно, сняли, но ответа на свой вопрос я так и не получил.

Глава 23

О неприятном

От любви до ненависти — один шаг. Не все в работе хирурга протекает так гладко, как хотелось бы. Иногда бывают и конфликты с родственниками пациентов. Если близкие пациентов оказываются адекватными людьми, то обычно нам удается установить с ними контакт и минимизировать, а то и вовсе перекрыть поток исходящего от них негатива.

В идеале должен действовать принцип «не доверяешь этому врачу — лечись у другого», но теория зачастую расходится с практикой. Бывает, что пациенту больше не к кому обратиться. Бывает, что неприязнь возникает уже в процессе лечения. Все можно объяснить; но от того, что мы знаем причины разногласий, не легче ни нам, ни пациенту с его родственниками.

А врач не может отказаться от неприятного ему больного. У нас всегда прав покупатель, пешеход, пассажир и пациент. Вот он тебя материть будет, в лицо плевать, а прав он! А ты зубы сомкни, засунь свою гордость в задницу и помогай больному!

Меня вызвали в субботу рано утром, с кровати подняли, еще шести не было. У какого-то мужика, настолько вонючего, что при осмотре меня чуть не стошнило, палец гнил около месяца. Причем мужик оказался не местным: ехал мимо нас в город, решил проконсультироваться и зашел на «скорую», а мы же не можем больному в помощи отказать, он у нас всегда прав!

— Оперировать надо. Палец сгнил — пандактилит, — заключил я.

— Ну, так оперируй, только под наркозом! — скомандовал вонючка. — Только учти, под местной не дам!

— Так, а тебя никто и не собираться здесь оперировать, сейчас повязку наложу, и езжай дальше.

— Как так! — кричит мужик, распространяя волны такой удушающей вони, что у меня аж слезы выступили. — Ты обязан мне помочь!

— Так я и не отказываюсь. Перебинтую тебя, и поедешь в свою больницу по месту жительства. Месяц терпел, еще денек потерпишь, — объясняю.

— Ну, погоди, я сейчас! Не хочешь по-хорошему, поговорим по-другому! — предупредил страдалец и куда-то выскочил.

Вернулся он минут через пять, да не один, а в компании сурового дядьки с шеей и носом борца и пергидролевой блондинки неопределенного возраста.

— В чем дело? — с ходу начала блондинка. — Почему вы не хотите оказать помощь моему брату?

— Почему же не хочу? Хочу и помогу, — как можно мягче произнес я.

— Ты, лошара, а что ты нас в заблуждение вводишь? — обратилась она к брату. — Он тебя прооперирует.

— Нет, Вика, он сказал, что только повязку наложит, а операцию делать не будет! — завопил «лошара».

— Да? А почему? — повернула ко мне разрисованное лицо Вика.

— А потому, что жизни вашего брата ничто не угрожает. Первую помощь я окажу, а дальше лечитесь по месту жительства.

— Я не понял, лепила, ты че тут из себя строишь? Король местный? — неожиданно открыл рот человек с бычьей шеей, и я поморщился: у него изо рта тоже пованивало.

— А можно без амикошонства? — спокойно спросил я.

— Чего ты сказал? Я не понял!

— Без панибратства, — пояснил я.

— Сколько вы хотите за операцию? — спросила женщина.

— Я не буду оперировать вашего брата ни за деньги, ни за спасибо.

— А так? — спросил Сломанный Нос и, отодвинув полу пиджака, продемонстрировал пистолет «ТТ», тяжелым грузом висевший в наплечной кобуре под правой подмышкой.

— А так я милицию вызову.

— Ты че, не понял, штоле? — злобно просипел Обладатель Пистолета.

— Это ты, по-моему, ничего не понял! — взорвался я. — Ты что, боевиков обсмотрелся? Решил, что покажешь мне пистолет, и я тут же описуюсь от страха и побегу оперировать вашего вонючку? А помнишь, в боевиках еще говорят: «Это мой город!» Ты до переезда не успеешь

доехать, как тебя схватят, уткнут мордой в асфальт, а твой «ТТ» тебе в одно место засунут! Ну что, попробуем, ковбой?

— Ты сегодня здесь последний день работаешь, усек, лепила? — прошипел «ковбой».

— Отлично, ты пятьсот первый.

— То есть?

— Пятьсот первый, кто мне это обещает за те шесть лет, что я тут работаю. Пятисотый, юбилейный, вчера был. Ты опоздал.

— Ладно, прекратите этот цирк! — вмешалась блондинка. — Вы намерены оперировать моего брата?

— Мадам, если б он хотя бы помылся, прежде чем врача посетить, я бы еще и подумал, а так, извините, только повязка, но с хорошим лекарством.

— Так все, собрались и в машину, оба! — рявкнула на своих спутников женщина. — Мы уезжаем, а у вас, надеюсь, хватит ума промолчать, что он вам пистолетом угрожал?

Я только усмехнулся.

Невозможно разработать алгоритм поведения для всех неприятных ситуаций. Приходится соображать по ходу дела.

Операция по поводу острого аппендицита у двенадцатилетней Алены прошла без особенностей. Но когда девочку перенесли в палату, я остолбенел: все небольшое помещение было заполнено людьми.

— А вы все кто? — только и спросил я.

— Мы все родственники Алены Воробьевой, которую вы только прооперировали, — пояснила молодая женщина в домашнем халате. — Как прошла операция? Я мама девочки.

— Да, все хорошо, скоро отойдет от наркоза и проснется. Но отчего вас так много? И почему вы в халате?

— Потому что я остаюсь с девочкой, а это бабушка с дедушкой, тети, дяди, еще папа подойдет.

— Послушайте, а кто вас сюда всех пустил? Это же хирургия!

— Я бабушка Алены, — представилась дама в возрасте. — Мы все пришли навестить ребенка после операции, а я и мама хотим остаться!

— Зачем?

— Как — зачем? Чтобы ухаживать!

— Она не нуждается в таком тщательном уходе. Завтра уже мы начнем ее поднимать и поить, послезавтра — кормить. Зачем тут всем толкаться? Вы же видите, здесь маленькая четырехместная палата, все места заняты, помещение плохо проветривается. Дышать и так нечем, а вы у больных последний кислород будете отбирать.

Родственники неодобрительно загудели.

— Доктор, а можно вас на минуточку? — попросила мама Алены. — Там муж пришел, он хочет с вами поговорить.

— Дмитрий Андреевич, я вас очень прошу разрешить маме и бабушке остаться с Аленой в палате, — попросил высокий седой человек в форме полковника авиации.

— Товарищ полковник, я, кажется, уже вам объяснил, что не надо создавать толпу, это плохо отражается на послеоперационном периоде.

— Но она же еще маленькая, ребенок, в конце концов! — возразил папа-офицер.

Мимо нас прошел маленький мальчик.

— Вот смотрите! — указал я на малыша. — Ему шесть лет, оперирован вчера, тоже по поводу аппендицита. Лежит один, и все нормально. Бок, конечно, подныивает, но парень не стонет, не плачет, сам ходит, и в туалет тоже. Если ему не нужно сопровождение, то зачем это вашей дочери?

— Ну, он, наверное, из асоциальной семьи? — спросила Аленина мама.

— Да, к сожалению. Мама с папой пьют, ребенка привела соседка, еще немного, и начался бы перитонит.

— Какой ужас! Но я знаю, на таких детях все заживает... — она замаялась, явно стесняясь сказать «как на собаках», — очень быстро и легко. А наша девочка — другая.

— Ну, слушайте, вы взрослые люди, а я вам как малым детям должен прописные истины объяснять! Ну, не положено с большими детьми родственникам находиться! До семи лет, пожалуйста, и то на одной кровати!

— Просто ваш ребенок никогда не лежал в больнице, раз вы так себя ведете! — заявил полковник.

— А вот это вы зря! Я свою дочь, к вашему сведению, сам оперировал по поводу острого флегмонозного аппендицита, когда ей было всего четыре. Так что мне ваши чувства прекрасно известны, и не надо меня упрекать в черствости.

— Извините, Дмитрий Андреевич, мы не знали, — за всех ответила мама. — Ну разрешите хотя бы мне побыть с дочкой.

Сорок минут я убеждал родителей, что мы заботимся о пациентах. В конечном итоге мама легла рядом с девочкой, вцепилась в кровать и объявила:

— Можете меня на куски резать, но я с места не тронусь!

— Черт с вами, оставайтесь, — решил я. — Поставьте себе раскладушку рядом с кроватью.

Алена поправилась, через семь дней я снял ей швы и выписал домой, а родители написали на меня жалобу на трех листах формата А4. Меня потом долго тягали по разным комиссиям и в конечном итоге вклеили выговор.

А если бы я разрешил остаться всем родственникам — неужто похвалили бы? А?

Наше начальство — особенно то, которое выполняет чисто административные функции, а скальпеля сто лет в руках не держало, — считает так: если на врача пожаловались — его надо наказать. Даже если он и не виновен. Так, на всякий случай. Выговор через полгода автоматически снимается, если к этому времени не получен новый, и в трудовую книжку не заносится. Можно сказать, это простая формальность, но все равно неприятно.

Получается, что любой недовольный мной обыватель может «накатать телегу», и меня обязаны будут наказать в административном порядке. Кроме административной ответственности есть еще уголовная, но под нее — тьфу-тьфу-тьфу! — я еще не попадал. А вот рублем меня как-то раз наказали!

Незадолго до Нового года обратился ко мне местный наркоман Федя Быков. У Феде вскочил на спине приличных размеров гнойник-карбункул. Необходимо было дать наркоз, чтобы отчистить гной, иссечь некротические ткани, выполнить качественную ревизию. Средства для масочного наркоза закончились, мы решили дать внутривенный, а вен не нашли! Все вены у наркомана Быкова были «сожжены» самодельными наркотиками.

Решили катетеризировать подключичную вену, а Федя и говорит:

— Начальник, у меня есть одна вена припрятанная, если обещаете клевый приход от наркоза, я вам ее покажу.

— Нормально все будет, показывай, — попросил Иван.

— Натя! — расщедрился наркоман и размотал повязку на правой голени. — Только давайте, я сам уколою, а то вы мне последнюю вену заперете.

Мы немного посоветовались и дали ему шприц с препаратом для наркоза — такой тоненькой была последняя «живая» вена. Федя привычно накинул и затянул жгут на ноге, похлопал пальцем по вене — раз! И игла «ушла» в просвет сосуда.

— Давай сюда! — произнесла анестезист, расслабляя жгут и забирая из рук Быкова шприц.

— Осторожно, не пропори вену! — предупредил «торчок».

Дозу пришлось ввести огромную: сказывалось привыкание; то от чего обыкновенный человек давно бы заснул, Федю только повеселило, пришлось добавлять.

Гнойник поразил подлежащие ткани, но неглубоко, сложных затеков не выявил, поэтому особых трудностей при операции не возникло.

Заживала рана нормально. Федя систематически «нырял» на улицу, где его постоянно ждали какие-то подозрительные личности. Похоже, друзья-наркоманы «угощали» его дозой.

В канун Нового года рана Быкова полностью зажила, и 31 декабря он покинул наше отделение.

Тогда у нас уже официально утвердили новогодние каникулы. Вся страна шалела от безделья первые дни нового года. Под конец этих каникул Федю доставили в терапевтическое отделение с подозрением на двухстороннюю пневмонию.

Нашли его родственники. Быков в одной рубашке валялся на снегу рядом с домом. Его занесли в тепло, он оттаял и стал кашлять, температура повысилась до 40 градусов. Через два дня вызвали «скорую», фельдшер, выслушав легкие, заподозрила пневмонию и предложила

госпитализацию. Быков категорически отказался. За следующие двое суток ему еще три раза вызывали «скорую», и лишь на пятый раз Федя согласился на госпитализацию.

Не проведя в терапии и суток, он скончался. На вскрытии патологоанатомы обнаружили двухстороннюю гнойную сливную пневмонию, от чего, собственно говоря, Федя и преставился. Но причиной пневмонии врач, делавший вскрытие, указал... карбункул! По его мнению, именно гнойник спровоцировал сепсис (заражение крови), который привел к гнойной пневмонии, доконавшей несчастного.

Логика в его рассуждениях была. Теоретически любой гнойник может стать причиной заражения крови. Самый известный пример — смерть отца Маяковского. Он умер в 1906 году от сепсиса, уколов палец иголкой. Поэт, кстати, всю жизнь боялся острых предметов.

Все бы ничего в стройной цепочке логического умозаключения судмедэксперта, если б не одно «но». Когда я выписал покойного, гнойник полностью зажил. Я так и не понял, почему заключение было таким нелепым, однако на его основании родственники подали в суд.

Они не требовали уголовного преследования, они жаждали денег за моральный, как они считали, ущерб. Их чувства были глубоко оскорблены тем, что им пять раз предлагали госпитализацию, а они согласились, только когда Федя перестал ходить. По их мнению, фельдшеры были недостаточно убедительны.

Ездил я потом к тому эксперту, разговаривал с ним. Да, он оказался запойным алкоголиком. Видимо, его держали на должности только потому, что больше некому было работать.

За день до секции тела Быкова, сей, с позволения сказать, доктор вскрывал труп замерзшего человека, описал его как мужчину, отдал заключение следователю и забыл. Труп оставили в холодильнике как невостребованный. А в это самое время искали пропавшую женщину. Искали и не могли найти. Хорошо, следователь дотошный попался, он знал про «болезнь» эксперта, сопоставил описание неизвестного мужчины и пропавшей женщины. Рост, телосложение, возраст — все совпадало! Он не поленился еще раз навестись в морг и осмотреть тело, которое числилось как мужское. И сразу понял, что та, кого они уже две недели ищут, лежит перед ним.

И что думаете, эксперта наказали?

Ничего подобного!

Он объяснил, что сам трупы не разрезает, что это делает санитар и зашивает тоже он. Врач осматривает тело и внутренние органы, берет пробы тканей. Мол, у женщины молочные железы были не развиты, а лицо похоже на мужское. Не мне судить о компетентности этого горе-эксперта, но тот факт, что он спяну не смог отличить женское тело от мужского, уже достаточно красноречив.

Так вот, приехал я к этому товарищу, а он с утра уже был нетрезв и нес абсолютную ахинею. Спрашиваю его:

— А про следы инъекций почему не написали? Неужели они не могли стать входными воротами для инфекции?

— А не было, — говорит, — там никаких следов инъекций.

— Да как же не было, если мы ему наркоз давали, в вену попасть не могли полчаса, в ногу

пришлось колоть!

— А не было «дорожек» от частых уколов, и все тут!

Шрам от карбункула патанатом увидел, а многочисленные «дорожки» проглядел! Как так?

Сколько мы ни бились — доказать ничего не смогли. Весь поселок гудел, взывая к совести семью Быковых; всем было известно, что Федька — наркоман. И то, что он не брезговал одним шприцем с приятелями колотиться, тоже все знали. Даже когда его подобрали на снегу, рядом шприц валялся. Но очень уж Быковым хотелось денег.

В суде тоже ничего доказать не удалось. Мамаша Федькина так убивалась, так причитала и так картинно заламывала руки, заливая слезами испытую физиономию:

— Ох, Феденька! Кормилец! Да на кого же ты меня покинул? Ох, эти врачи! Да, загубили они тебя!

И судья встала на ее сторону. А о том, что «кормилец» из дому последнее вытащил и ни дня нигде не работал, все скромно промолчали.

Суд шел долго, года два. Мы себя защищали, как могли; я думал, что этот процесс никогда не кончится.

Ко мне даже подходили какие-то темные личности и предлагали от лица «убитой горем» матери заплатить ей сумму, равную двум моим годовым зарплатам, и она тогда, мол, отзовет иск. Гопников этих я послал куда подальше, а их требование озвучил в суде; меня чуть за клевету не привлекли. Так искренне удивлялась мадам Быкова, так честно твердила о «наговоре» и «поклепе», что я сам ей почти поверил. Если бы те самые парни не стояли у нее за спиной...

В начале процесса нас, обвиняемых, было шестеро: четыре фельдшера «скорой», что выезжала к Быкову, врач-терапевт, принимавшая больного в отделение, и я. Быкова просила полтора миллиона рублей. Ей присудили триста тысяч. Не помог и адвокат, которого мы наняли. Все обвинение строилось на злополучном заключении, где черным по белому было сказано: карбункул — пневмония — смерть.

Со мной понятно, с фельдшерами тоже — не смогли уговорить лечь в больницу, а терапевта осудили за то, что она не сделала рентген легких при поступлении пациента.

Как будто это на что-то повлияло бы! В 23.30 Быкова привезли в терапию, врач сразу назначила лечение, заказала снимок на утро. В 7.42 Федя умер.

К окончанию процесса терапевт и одна фельдшер уволились и уехали из нашей глуши. Осталось нас четверо. Иск вменили больнице. Тихий вызвал нас и распорядился оплатить «моральный ущерб» из своих карманов. По-хорошему, главный врач мог бы и из больничного фонда заплатить, но не пожелал.

Так что мы начали ежемесячно отчислять по 10 % зарплаты в фонд семьи Быковых. А через неделю после получения первых денег Быковы сгорели всей семьей в собственном доме. Соседи рассказывали, что Быковы обрадовались и давай гулять, видимо, кто-то не потушил окурка, дом загорелся, и пьяницы зажарились заживо.

Истцы сгорели, а денежки с меня так и высчитывали, пока я не уехал из тех мест.

Этот случай и стал первым знаком, подтолкнувшим меня к отъезду. Было обидно из-за несправедливого обвинения, а еще из-за того, что главный врач от нас отвернулся.

Неприятностей в нашей работе хватает. Случается и с откровенной уголовщиной столкнуться.

Семена Абрамовича Вайнштейна доставили с места происшествия в крайне тяжелом состоянии. Около десяти минут назад Вайнштейн попал под колеса автомобиля, когда перебежал дорогу в неполюженном месте. Удар джипа пришелся на левую половину туловища, и у него лопнула селезенка.

На операции — полный живот крови и продолжающееся кровотечение. Селезенка практически оторвана от своей ножки. С невероятным трудом я отыскал ножку органа в хлюпающей крови и наложил зажим. «Уф! Кровотечение остановлено! Осталось собрать кровь, перелить, что удастся обратно в организм, и ушить ножку селезенки». Кроме того, я решил выполнить и аутолиентрансплантацию — взять кусочек селезенки и вшить в сальник.

Селезенка — важный орган, она не только в кроветворении участвует, но и отвечает за иммунитет. Ее удаление бьет по защитным силам организма. В то время в специальных хирургических журналах появилось множество публикаций, призывающих при удалении селезенки вырезать небольшой фрагмент вне зоны повреждения, отмывать в растворе антибиотика и вшивать в брюшную полость.

Научно доказано, что вживленный таким образом кусок селезенки через полгода начинает функционировать как удаленный орган. В него прорастают кровеносные сосуды, и образуется собственная капсула. Под микроскопом он отличается от настоящей селезенки разве что размерами.

Я применил эти рекомендации на практике. К концу операции все показатели у пострадавшего пришли в норму, и последние швы я накладывал в прекрасном расположении духа. Моего настроения не омрачало даже то, что, торопясь в операционную, я забыл надеть фартук, и вся моя одежда от груди и ниже пропиталась кровью. С кожи кровь отмывается, трусы можно выкинуть, это мелочи. Главное — еще одна спасенная жизнь в нашу копилку славных дел!

На выходе из операционной меня перехватила довольно неприятная особа с огромной бородавкой на носу.

— Здравствуйте, я Циля Моисеевна, жена Семена Абрамовича, которого сейчас только что оперировали! — представилась она. — А вы, я так понимаю, доктор, который ему операцию делал?

— Да, это я. С вашим мужем все в порядке. Простите, я сейчас сменю одежду, умоюсь и все вам расскажу.

— Хорошо, хорошо, я подожду вас в палате, — лилейным голосом сообщила Циля Моисеевна.

Минут через пятнадцать, когда я зашел в палату к Вайнштейну, лицо его жены выражало высшую степень недовольства. Не придав особого значения подобный метаморфозе, я произнес:

— Операция прошла успешно, была приличная кровопотеря, но мы вовремя остановили кровотечение и восполнили кровопотерю. Правда, пришлось удалить селезенку, так как она была разможена и не поддавалась ушиванию, но кусочек вшили в брюшную полость, так что со временем там будет функционировать новая! — от души улыбаясь, поведал я, но, не заметив

особого воодушевления на лице собеседницы, спросил: — Циля Моисеевна, а вы вообще слушаете меня?

— Я-то слушаю! — злобно сказала мадам Вайнштейн. — Только я еще и кроме как слушать, еще и видеть могу!

— И что же вы видите? Что-то не так? Я же вам объяснил, что селезенку спасти не удалось, но кусочек я вшил, будет новая развиваться!

— Я не об этом, не о селезенке! Убрали и бог с ней!

— А в чем тогда дело? Чем вы не довольны?

— Чем? — переспросила владелица бородавки. — А где золото? — ее искривленный артритом палец показал на лежащего на кровати мужа. — Где золотая цепочка, где золотая печатка, где золотое обручальное кольцо? Где все это, я вас спрашиваю? Утром, когда мой муж уходил из дома, все эти вещи были на нем, а теперь, после вашей операции, они пропали, и никто не знает, где они есть! — Лицо мадам Вайнштейн от негодования налилось краской и стало напоминать сморщенную свеклу, покрытую крупными прыщами. — Вы, как заведующий, можете мне ответить, где золото?

— Послушайте, я боролся за жизнь вашего мужа, а не приглядывал за его вещами. Мне не до того было!

— Не до того было ему! А вот чтоб было до того, я сейчас же вызываю милицию! Пусть они решают!

— Подождите, зачем милицию? Давайте сами разберемся.

— Я уже разобралась! Никто ничего не видел, никто ничего не знает! Пока вы там мылись, я уже собственное расследование провела!

— Я, между прочим, мылся потому, что, спасая вашего мужа, весь в его крови выпачкался!

— Да мне наплевать, в чем вы там выпачкались! Верните золото, а то я вас так замараю, ни одна химчистка не отчистит!

— Послушайте, я не видел никакого золота!

— Значит так, юноша, или вы возвращаете мне украденные вещи, или я вызываю милицию!

— А, вызывайте! Черт с вами! — махнул я рукой.

Мне этот спектакль напомнил один известный анекдот, когда вечером к мужику, спасшему накануне тонувшего в реке еврейского мальчика, пришли домой его родственники и спросили: «Вы спасли нашего мальчика?» — «Я, но не стоит благодарностей!» — «Какие благодарности? Где его шапочка?»

Приехал майор милиции, приказал никому не отлучаться и предложил добровольно сдать украденное, мол, тогда ничего не будет.

— Майор, вы в самом деле думаете, что кто-то из нас взял это паршивое золото? — спросил я.

— Это, как вы сказали, паршивое золото стоит больше, чем вся ваша зарплата за двадцать лет

работы хирургом. Это очень старинная работа, фамильная драгоценность, можно сказать, передается из поколения в поколение, — ледяным тоном пояснила Циля Моисеевна.

— Ничего я пока не думаю, — ответил майор. — Я делаю свою работу, а следствие покажет.

— Да это же глупость — красть в отделении, — возмутился я. — У нас сроду краж не было!

— Да у вас тут проходной двор! — скривилась жена Вайнштейна. — Вас вынесут, никто не обратит внимание!

Циля Моисеевна, победно задрав бородавку вверх, прохаживалась по коридору. Было видно, что судьба золота ее волнует куда больше, чем жизнь мужа.

В моей душе все кипело, мне хотелось придушить эту дамочку. Я только что выполнил сложную операцию, спас жизнь! А мне вместо благодарности вменяют кражу, и еще собираются обыскивать!

— А вы еще в душе посмотрите! — внезапно заговорила с майором потерпевшая. — Я видела, — она кивнула в мою сторону, — как вон тот в душ сразу после операции рванул, может, он там чего спрятал!

— Побойтесь Бога! — вскричал я. — Что я там прятал? Я кровь вашего мужа с себя смывал!

— А вы все-таки посмотрите, товарищ майор, посмотрите! — продолжала Циля Моисеевна. — Видите, как орет? Значит, точно там спрятал!

— Где у вас душ? — спросил следователь.

— Вы что, серьезно думаете, что я украл золото, снял его на операционном столе, а после заныкал в душевой?

— Я ничего не думаю, я проверяю версии.

До душа опергруппа так и не добралась и нас не успела обыскать, так как весь этот балаган прервал плотный мужик, похожий на актера кино Армена Джигарханяна.

— Эй, не подскажите, к вам мужчину сегодня сбитого машиной доставили, можно про него узнать? — спросил посетитель.

— А вы кто будете? — спросил Иван, оказавшись ближе всего к незнакомцу.

— Да, понимаете, я тот водитель, что привез его сегодня утром, — ответил «Джигарханян».

— И что вы хотите?

— Хочу золото отдать, тут у меня печатка, цепочка и обручальное кольцо.

— А как оно к вам попало? — заинтересовался майор.

— Так это, еще на месте происшествия, этот, которого сбили, сам попросил.

— Что попросил? — не понял майор.

— Ну, попросил снять с него золото и взять себе, он еще в сознании был. Говорит, возьми

золото, потом отдашь, а то мне плохо, сознание потеряю, и украдут под шумок.

— А почему сразу не отдал?

— Да я хотел, но меня ваши коллеги сразу задержали и на допрос увезли, только сейчас отпустили. Ну я сразу к нему! Вот золото! — Мужик вытащил изделия из кармана и передал майору. — Да вы у него сами спросите, он подтвердит!

— Это ваше? — грозно спросил майор у Циля Моисеевны.

— Наше! — расцвела мегера.

— Проверьте, все на месте?

— Да, все! Все на месте! Какая радость! Но вы его не отпускайте, надо дождаться, пока Семен Абрамович в себя придет, только если подтвердит, что сам этому типу золото отдал, тогда и отпускайте!

— Кто это «тип»? — стал возмущаться «Джигарханян». — Я им золото привез, а они подозрения какие-то нехорошие имеют!

— Да, Циля Моисеевна, вы еще раз проверьте, может, там еще и крест грамм на пятьсот был? — предложил я.

— Вы не ерничайте! Каждый человек ошибиться может! А креста там быть не могло, по определению, мы другой веры.

— Там послеоперационный больной проснулся, хочет пить, — сообщила постовая медсестра.

Очнувшийся от наркоза Семен Абрамович подтвердил, что действительно он сам попросил водителя, похожего на Джигарханяна, сохранить его богатство. Милиция принесла свои извинения и покинула отделение, мадам Вайнштейн отправилась домой прятать золото. Даже не взглянула в мою сторону.

Утром я передал вчерашнего пациента доктору Ветрову:

— Юра, после того, что вчера произошло, я его больше лечить не могу. Не дай бог какие осложнения возникнут, с живого кожу снимут! Так что давай, доведи до ума, я всегда рядом буду.

— Да без проблем, Дмитрий Андреевич, а если осложнения возникнут, то они с меня кожу снимать будут?

— Лечи так, чтоб не возникли!

Семен Моисеевич поправился удивительно быстро. После аутолиентрансплантации у большинства больных повышается температура до 38 градусов и держится так дней десять, но он «проскочил».

Когда Вайнштейн выписывался, то подошел и спросил у меня:

— Дмитрий Андреевич, я так благодарен за спасение моей жизни, что хочу вас и весь коллектив как-то отблагодарить!

- Семен Абрамович, мне от вас ничего не надо, коллективу, думаю, тоже.
- Ну что вы, так же нельзя! Я не уйду, пока вы не скажете, чего хотите. Может, коньяку?
- Ну, от пары бутылок хорошего вина мы, пожалуй, не откажемся, — произнес я, понимая, что просто так от него не отделаться.
- Ну что, какое вино заказал? — спросил слушавший краем уха наш разговор лор Артур.
- Сказал, на его усмотрение, может «Хванчкару» принесет, не знаю.
- А может, и «Кинзмараули»? — мечтательно предположил Артур.
- Вот доктор, вам! Еще раз спасибо! — радостно всучил мне два тяжелых газетных свертка Вайнштейн. — Выпейте за мое здоровье!
- Ну что там? Не томи! — возбужденный лор потянулся к сверткам.

Я развернул газеты, и по столу покатались две бутылки порошкового «Агдама» по 17 рублей за пол-литра. Употребить их так никто и не смог.

Глава 24

О Разгильдяйстве

«Все познается в сравнении». Этот пусть и банальный афоризм точно характеризует работу районного хирурга и быт на периферии.

Сразу по приезде в поселок я сначала сравнивал свою новую жизнь с предыдущей, городской. Спустя семь лет, я сравнивал начало своей работы с тем, что теперь меня окружало и себя семилетней давности с собой сегодняшним.

Я стал неплохим хирургом. Один тот факт, что мы больше года не вызывали санавиацию, говорил о многом. В этом больше не было необходимости. Все экстренные операции я выполнял сам.

Последним слабым звеном в обойме моих навыков оставалась сосудистая хирургия, а конкретно — хирургия артерий. Чтобы ликвидировать этот пробел, я отучился на курсах при отделении сосудистой хирургии областной больницы. Не скажу, что после этого я стал протезировать и шунтировать сосуды, но научился ушивать раны артерии и извлекать тромбы. До этого при повреждениях артерии мы накладывали временный шунт, концы поврежденного сосуда соединяли трубочкой от капельницы, пускали кровоток и дожидались сосудистого хирурга из санавиации. При тромбозе артерий мы также часами ждали ангиохирурга. Иногда ожидание заканчивалось ампутацией конечности, так как за это время «созревала» гангрена.

Если мой профессиональный уровень повышался, то жизненный опускался, как и у большинства жителей региона.

Памятник Ленину демонтировали и увезли в неизвестном направлении, может быть, и разобрали на металлолом. Колхозы и совхозы приказали долго жить. Вместо них возникли какие-то товарищества, которые еле-еле сводили концы с концами. Металл тоже практически весь собрали, а те из металлистов, что уцелели, подались в «челноки». Государственные предприятия обанкротились, а на их месте образовались кооперативы, разросшие до ООО.

Зарплату стали задерживать всего на один-два месяца, и мы иногда держали в руках живые деньги.

С меня продолжали удерживать десять процентов оклада в счет покойной семьи Быковых. Одним словом, холера протекала нормально!

Условия жизни в тот момент волновали меня меньше всего. Я жил по принципу: «Нам хлеба не надо — работу давай!», оставался фанатом своей профессии. Самое главное, мне удалось собрать вокруг себя таких же энтузиастов.

После того как Минусинский навсегда покинул наши ряды, в отделении стало спокойно. Юра Ветров быстро пошел в гору и по праву стал моим заместителем. Его хирургический диапазон значительно расширился, однако резекции желудка он пока не делал — не потому, что я ему не доверял, а потому, что больные или их родственники требовали именно меня.

Степа Брыу не сразу, но тоже заработал руками, и к моменту моего отъезда из района довольно уверенно выполнял почти все травматологические операции. Кроме этого, я научил его аппендэктомии и даже доверил самостоятельно удалить желчный пузырь.

Юра тоже освоил несколько травматологических операций, включая трепанацию черепа, но выполнял их без огонька, считая себя однозначным хирургом.

Саныч так и остался сидеть на приеме. Ему сделали операцию, немного улучшили зрение, но не до идеального. Я иногда брал его ассистентом.

Пресытившись малой хирургией, я стал брать только сложные и очень сложные случаи. С 2002 по август 2005 года, то есть до самого своего отъезда, я отправил в область всего одного больного, и тот оказался таким сложным, что и три профессора хирургии опустили руки.

Больной Белоусов в шестой раз поступил в наше отделение по поводу острой кишечной непроходимости. До этого мы удалили ему около метра тонкой кишки. Я лично оперировал его годом раньше и хорошо помнил, с каким трудом вошел в живот — мешали многочисленные спайки. В этот раз я сделал разрез в другом месте, так как знал, что все внутренности обычно подпаиваются к старому рубцу. Но это не помогло. Весь кишечник буквально спаялся, сваялся в непостижимый ком. Нельзя было понять, где его начало, где конец и как вообще пища проходит по кишечной трубке.

Промучившись около пяти часов, я понял, что сам не справлюсь, и дозвонился на санавиацию, где меня просто подняли на смех: «Дмитрий Андреевич, вы и правда не можете разобраться в кишках? Нет, мы не приедем. Наложите больному подвесную энтеростому — знаете, что это такое? Введите трубку в кишку через боковой разрез и выведите ее наружу для разгрузки кишечного содержимого. Не беситесь, вы вполне могли этого не знать, вы же не можете разобраться в кишках. Наложите стому и везите в областную больницу. Да, своим собственным транспортом».

Через три дня больного вернули назад. Лучшие хирурги областного центра, включая трех докторов наук, восемь часов кряду, сменяя друг друга, пытались разъединить кишечник. В конце концов, и они потерпели фиаско. Вместо временной энтеростомы наложили постоянную, признали случай неоперабельным и в сопровождении бригады реаниматологов спровадили Белоусова в ЦРБ — умирать.

Закон хирургии: чем выше свищ — тем он опасней. Тонкокишечные свищи очень изнуряют больных: пища не успевает всосаться и выливается наружу. Парентеральное питание —

введение необходимых организму веществ в вену — не всегда эффективно. Больные с такими свищами часто умирают от истощения.

Толстокишечные свищи, хоть через них и поступает кал, меньше напрягают организм. Небольшой каловый свищ может даже закрыться самостоятельно. Свищ тонкой кишки сам закрывается крайне редко, обычно приходится его зашивать. А большой свищ двенадцатиперстной кишки сам не закрывается никогда и того хуже — очень быстро истощает больного.

Белоусов умер через месяц. Он был так истощен, что его организму не хватало белка для создания послеоперационного рубца, и поэтому передняя брюшная стенка больного просто разошлась. Кишки, правда, наружу не выпали — их держали спайки. Мы наложили вторичные швы, но они не срослись, и все держалось на нитках. В день смерти страдалец весил тридцать восемь килограмм при росте метр восемьдесят.

Пока я контролировал работу молодых врачей и Саныча, ляпов практически не случалось. Но в какой-то момент мне предложили написать кандидатскую диссертацию, и я с радостью начал работать над ней, оставив за собой право оперировать только сложные случаи. Я надеялся на профессионализм своих подчиненных, и, конечно, они были отличными врачами, но без моего пригляда начали чудить.

Правда, первый большой ляп допустил я сам. Как-то раз Любовь Даниловна, медсестра с приема, пригласила меня в кабинет.

— Что у вас? — спросил я, заглянув в поликлинику.

— Да, понимаешь, шеф, тут такое дело, — начал издавека Саныч. — Пришел больной атероме [30] удалять на щеке, а я новые капли в глаза закапал, и теперь четкость куда-то пропала, не могу взгляд сфокусировать. Помоги! Я все приготовил.

— А что ты перед операцией капаешь себе всякую дрянь?

— Да мои капли закончились, пошел к окулисту, она дала мне другие, сказала, что это аналог. А они меня взяли и зрения лишили!

— Ох, Саныч, ладно, где пациентка?

На столе в перевязочной лежала женщина средних лет. Ее лицо было накрыто стерильной простыней с прорезью, через которую выбухала опухоль размером с лесной орех.

— Саныч, а ты уже обезболит? — спросил я.

— Да, шеф, десять кубов однопроцентного новокаина ввел, все в полном порядке.

— Вам не больно? — поинтересовался я у больной, кольнув кожу над опухолью тоненькой иглой.

— Нет, доктор, я абсолютно ничего не чувствую! — спокойным голосом сообщила женщина.

— Ну, тогда поехали! — и с этими словами взял в руки скальпель. — Что-то странная какая-то атерома...

В следующую секунду из-под режущей стальной кромки фонтаном брызнула алая кровь и

устремилась под потолок. «Черт! Это же аневризма лицевой артерии!» — молниеносно догадался я.

— Что такое, шеф? — испуганно сощурился Саныч.

— Аневризма это, Саныч! Бегом в операционную, пусть немедленно разворачиваются! — закричал я, зажимая пальцем поврежденный сосуд.

Такой ляп! Вместо атеромы я натурально вляпался в аневризму — мешотчатое расширение артерии. Вероятно, если б я сам осмотрел женщину до операции, такого подвоха не произошло бы. Стенка аневризмы — это и стенка артерии одновременно, поэтому она всегда пульсирует. Не заметить это можно только сослепу.

Надо срочно оперировать, ушивать место повреждения, промедление смерти подобно.

Весь путь от кабинета до операционной я пальцем зажимал мною же сделанную дырку в сосуде. Лицевая артерия отходит от наружной сонной артерии, поэтому кровотечение бывает очень сильным. Человек может в считанные минуты погибнуть от артериального кровотечения.

Артерия сократилась. Искать ее — означало терять кровь пациентки. Ушить место повреждения стало невозможным, и я решил прошить сосуд. Развитые коллатерали [31] позволяют выполнить эту операцию без особого ущерба для пациента.

Так простая манипуляция обернулась операцией с элементами челюстно-лицевой хирургии. Что называется, доверяй, но проверяй!

За год до этого со мной случилась похожая история, у нас еще работал Минусинский. Послал больного с приема в отделение, якобы с геморроем, на операцию. Я тогда тоже особо не разглядывал, глянул — есть, ну и ладно. А когда на операции больной уже на столе лежал в наркозе, я начал зеркалом прямую кишку расширять, а оно не вошло. «Что такое?» — а там циркулярно суживающий нижеампулярный отдел прямой кишки!

Геморрой у больного, конечно, был. Но тогда на первое место вышел рак, им надо было заниматься, пока он еще был операбельным!

Теперь всех больных, которых мне предстоит резать, я обязательно осматриваю сам и от других того же требую.

Следующий ляп допустил доктор Ветров. Будучи экстренным хирургом, он вместе с травматологом прооперировал пострадавшего с ранением тонкой кишки. Конечно, операция шла поздно ночью, и, чтобы побыстрее закончить, Юра взял да и ушил апоневроз непрерывным швом, то есть одной нитью.

Через дня три нитка взяла да и лопнула. Внутренние органы вышли под кожу. Мы взяли больного в операционную, Ветров пошел со мной, но был непривычно угрюм — и когда я увидел его работу, то понял почему.

— Юра, а что это за новости? Почему вы апоневроз непрерывным швом ушили?

— Да вот торопились, ночь уже была, думал, так быстрее.

— Юра, каноны хирургии сформированы еще в девятнадцатом веке! Правила, дорогой мой, писаны кровью, и мы выполняем их досконально, если не хотим, чтобы эта кровь была на

наших руках. Если положено апоневроз узловыми швами ушивать, то и надо ушивать узловыми! Не матрасным, не обивным и не каким бы то ни было еще!

вернуться

30

Атерома — доброкачественная опухоль, характеризующаяся закупориванием выводного протока сальной железы и приводящая к накоплению сала в образовавшейся капсуле, иногда достигает больших размеров и начинает гноиться.

вернуться

31

Коллатерали — боковые или обходные пути кровотока, ветви кровеносных сосудов, которые обеспечивают приток или отток крови помимо основного сосуда (кровеносного ствола) при его тромбозе, эмболиях, сдавлениях кровеносных сосудов, при их перевязке и облитерации. Замещающее кровообращение возникает в любом месте организма, в том числе в коронарных артериях сердца.

— Дмитрий Андреевич, а вы слышали, что сейчас ткани не сшивают, а склеивают?

— Слышал, читал несколько статей. Цианакриловым клеем. Пишут, что этот метод дает неплохие результаты.

— Ну вот! Если клеем апоневроз склеивают, то почему его нельзя ушить непрерывным швом?

— А ты не видишь? Нитка лопнула — весь шов распался, кишки полезли под кожу. А если бы ты наложил двадцать узловых стежков — да, это заняло бы больше времени, но тогда, даже если половина швов лопнула бы, оставшиеся нитки держали бы ткани!

— А клеем если? — не унимался Юра.

— А ты сам хотел бы, чтобы тебя на операции заклеили, а не зашили?

— Ой, нет, — сник Ветров.

— Вот видишь. Надо больному всегда делать как себе, понимаешь? Когда ты применяешь какую-то методику на пациенте, представляй себе, понравилось бы это тебе самому или нет. Думаю, тебе не захотелось бы выступить подопытным кроликом, так?

— Нет, конечно!

— Так, а почему тогда на других экспериментируешь?!

— Дмитрий Андреевич, не кричите, я все понял, больше такого не повторится!

Я ему поверил, а зря: через месяц наш юный Ветров снова «начудил», причем практически по той же схеме.

— Дмитрий Андреевич, — обратился ко мне больной Маслов на утреннем обходе. — Вы не знаете, почему после вчерашней операции у меня нога еще больше стала болеть?

— А что за операция у вас была вчера? — удивился я.

— Да, — начал его лечащий врач доктор Ветров, — у него карбункул бедра был, я применил новую методику, а на перевязке еще не смотрел, так что пока не в курсе.

— Юра, что у тебя опять за методики?

— Приглашу вас на перевязку и объясню!

— Сделай милость, рационализатор ты наш!

Суть новшества заключалась в том, что хирург Ветров иссек небольшой карбункул на бедре Маслова в пределах здоровых тканей и наложил первичные швы. За ночь конечность распухла, воспалилась и покраснела, место ушивания алело ярким пятном, швы врезались в кожу.

Я велел снять все швы, промыть рану перекисью водорода и установить перчаточный дренаж. При больном ничего не сказал, вызвал недотепу к себе в кабинет.

— Юра, ну что еще за новости? С каких это пор гнойные раны стали ушивать, причем наглухо? Я вам все время твержу, что хирургия — это мастерство, но это не значит, что следует одними руками работать, нужно еще и голову включать!

— Дмитрий Андреевич, я не думал, что все так произойдет. Карбункул был небольшим, ткани вокруг — не воспаленными, я и вырезал гнойник, и ушил, а он взял и вон как отреагировал!

— Да-а-а, друг мой Юрий, похоже, голова тебе нужна, только чтобы шапку носить, — проговорил я очень ласково, а потом взорвался: — Это же элементарные вещи! Гнойные раны не шьются! Их подшивают, только если они на лице, и то делают наводящие швы под защитой дренажей! Спало воспаление — наложи вторичные швы, это аксиома в хирургии! Чего еще экспериментировать?

— Дмитрий Андреевич, но все эти каноны разрабатывались, когда не было антибиотиков! Вам не кажется, что некоторые из них требуют пересмотра?

— Нет, не кажется! Вместе с развитием фармакологии и микробы перестраиваются. Ты слышал о резистентности?

— О невосприимчивости микроорганизмов к лекарствам? Конечно, слышал, а это тут при чем?

— А при том, что по канонам антибиотики играют дополнительную роль, а не главную, как хочешь тебе.

— То есть вскрыл гнойник, а антибиотики не назначать, так, по-вашему?

— Я этого не утверждал! Я говорю, что необходимо вскрыть гнойник, удалить некротические ткани, разъединить все перемычки и дренировать рану, и нет другой истины, кроме этой! А антибиотики — дело второе, и, пока я здесь заведующий, будет так!

— Да, я не оспариваю каноны, просто...

— Просто, если еще раз такое повторится, то пойдешь на прием вместо Саныча! Ясно?

— Ясно! Да я и сам понял, что ошибался!

— Для этого крысы и кролики есть, на худой конец, на себе пробуй, но больные тебе не подопытные!

— Дмитрий Андреевич, а я слышал, вы тут операции новые придумывали и за спиной Ермакова, старого заведующего, их внедряли, было такое?

— Было, но я не нарушал канонов! Я совершенствовал оперативные приемы, а это, как ты сам понимаешь, не одно и то же! Совершенствовать мастерство, не нарушая канонов, — это наша святая обязанность. Нарушая канон, ты пополняешь свое личное кладбище. Усек?

Юра проникся. Пока я оставался в ЦРБ, он больше не чудил.

Зато травматолог Брыу блеснул мастерством и эрудицией: взял и наглухо ушил укушенную рану лица.

Пастуха Семенова укусила за щеку лошадь. Бедолагу доставили в хирургию, вызвали Степана, тот ушил рану и со спокойной совестью отпустил пастуха домой.

Через пару дней Семенов поступил к нам в тяжелейшем состоянии с флегмоной лица. Я взял его в перевязочную, распустил все швы и сцедил триста миллилитров жидкого гноя.

— Степа, ну как же так? — начал я отчитывать незадачливого эскулапа. — Зачем рану ушил? Ты что, не знал, что она инфицированная?

— Конечно, знал, все укушенные раны считаются инфицированными! Дмитрий Андреевич, вы же сами нас учили, что шить можно только лицо!

— Не наглухо, как ты сделал! А наводящие швы наложить! На-во-дя-щие! Понимаешь? И не смей даже заикаться о том, что при наличии мощных антибиотиков можно нарушать каноны!

— Я так не говорю, а антибиотики я и на самом деле назначил!

— Как же ты их назначил, если даже не госпитализировал пострадавшего в стационар?

— Я предлагал, а он не захотел! А антибиотики я назначил в таблетках.

— Да, конечно, пастух Семенов бросит все и пойдет таблетки покупать — на те деньги, за которые он может самогоном разжиться!

— Но он же обещал! — чуть не плача защищался Степан.

— Степа, ну ты меня удивляешь, поверил полупьяному пастуху! Значит так, с сегодняшнего дня все большие и инфицированные раны лица подлежат госпитализации. Если отказываются, то брать письменный отказ. Все! Это мое распоряжение, и горе тебе, если ослушаешься! Надеюсь, больше ты меня не расстроишь?

— Нет, Дмитрий Андреевич, не расстрою, — пообещал травматолог.

И сдержал слово! Он больше чем расстроил — он подвел меня под полное служебное несоответствие и выговор одновременно!

Ни для кого не секрет, что человеческие доктора, особенно хирурги, лечат иногда и животных.

Я тоже грешил этим: несколько раз купировал уши собакам, обрезал хвосты щенкам, кастрировал кабанов и котов. Каждый хирург делал это — правда, только для хороших знакомых и только списанными или своими личными инструментами.

Степа пару раз ассистировал мне на подобных операциях. Знал бы, чем это все закончится, и близко бы не подпустил.

Лежал у нас с обширными ожогами некто Лапин. Мужичонка никчемный, тунейдец, как и все его друзья-собутельники. Лапин набрался с дружками самогона больше положенного, жена не вытерпела и велела его в баню отнести. Ночью он проснулся, закурил и сотворил пожар. Баня сгорела, виновника успели спасти, только спина и ягодицы у него обгорели.

Ожоги — термическое поражение, больной достался Степану. Что-то у них не заладилось с первого дня, Лапин постоянно просил заменить врача. Я ему объяснил, что травматолог у нас один, и, если что не так, можно обратиться в областную больницу, в специализированное отделение термических поражений. На время пациент притих, а оказалось — затаился.

— Дмитрий Андреевич, а можно вам как заведующему жалобу высказать? — неожиданно для всех на утреннем обходе спросил Лапин и посмотрел на Брыу.

— Слушаю вас, — разрешил я.

— Я больше в гнойной перевязочной перевязываться не буду! Отказываюсь! Прошу разрешить мне перевязываться на втором этаже в чистой!

— Что за фокусы? Это почему еще?

— А вы у травматолога спросите! — прищурился Лапин.

— Мне нечего сказать, — слегка покраснел Степан. — Не знаю, почему этот пациент оказывается перевязываться на третьем этаже.

— Да все вы, доктор, знаете! — громко произнес обожженный тунейдец. — Раз вы не хотите говорить, тогда я скажу!

— Говорите, говорите, я жду! — живо заинтересовался я.

— А отказываюсь я, товарищ заведующий, потому что я человек! И лежать на столе, на котором вчера собаку оперировали, я отказываюсь!

— Какую собаку? — не совсем понял я.

— А вот они вчера, — Лапин ткнул грязным пальцем в сторону травматолога, — с приятелями собаку в гнойной перевязочной оперировали. А собака большая, лохматая, овчарка, кажется.

— Степан, это что еще за новости? — я гневно посмотрел Брыу в глаза. — Какую собаку ты вчера оперировал?

— Шеф, не ругайтесь! У моего соседа собака под машину попала, перелом ноги, обеих берцовых костей со смещением, ну попросил помочь, собака умная, жалко усыплять. У них же все как у людей!

— И что дальше?

— Ну, что, мы снимки сделали и прооперировали, я гвозди Богдановские ретроградно вбил, вроде нормально.

— Я не об этом, хорошо получилось, не сомневаюсь, ты отличный мастер. Я спрашиваю, почему вы притащили собаку сюда?

— А куда ее было? — наивно спросил травматолог.

— Надеюсь, вы решите мой вопрос? — перебил Лапин.

— Все решено, где перевязывали, там и будут дальше перевязывать! У нас перевязочная два раза в день моется и кварцуется.

— Сами бы, поди, не захотели там перевязываться! Вчера собаку, сегодня свинью притащат, а ты лежи, Лапин, нюхай все это!

— А ты, Лапин, не пил бы — и к нам не попал бы, лежи и молчи! — не выдержал я.

— А я молчать не буду! Я к главному врачу пойду, пусть он мне объяснит, почему меня, человека, после собаки перевязывают!

— Лапин, вас уже можно и на амбулаторное лечение перевести, — сказал травматолог. — Вы уже в стационаре не нуждаетесь.

— Пока я еще лежу в отделении, будете меня перевязывать, где положено, а сейчас иду к главврачу! — пролаял алкоголик и вышел из палаты.

Мы остались вдвоем с Брыу.

— Дмитрий Андреевич, его надо остановить! — выпалил Степан.

— Зачем, это его право. Пусть идет, жалуется.

— Так вы же ни при чем!

— Доля такая у заведующего: отвечать за все, что в отделении творится.

— Дмитрий Андреевич, вы простите нас, больше такого не повторится!

— А больше и не надо, Степа, — как можно мягче ответил я. — Если Лапин поправился, то выписывай его, только без ругани, спокойно.

Главный врач вызвал меня к себе часа через полтора.

— Ну что, дожили! — рявкнул Тихий, проигнорировав мое приветствие.

— А в чем дело, Николай Федорович? — спросил я, очень точно разыгрывая удивление.

— Ну ты это брось, Правдин! Все ты прекрасно понимаешь! Ко мне больной с вашего отделения приходил, Лапин!

— И что он вам сообщил? Наверняка опять какую-то гадость?

— Что значит «опять»?

— А он не хочет выписываться, вот и придумывает, чтоб остаться.

— Ты это брось! — стукнул кулаком Тихий. — Не валяй дурака! Прекрасно знаешь, что у тебя в отделении по ночам собак оперируют!

— Поклеп и наговор! Вы видели?

— А мне не надо самому видеть, мне достаточно услышать!

— И вы поверили вот этому вот типу?

— А у нас больной всегда прав! — рявкнул Тихий и в третий раз стукнул кулаком по столу.

— А не надо на меня орать! — взорвался я. — На жену свою орите!

— Да ты вообще нюх потерял, Правдин! — возмутился Тихий. — Я ж тебя в два счета и из больницы, и из квартиры, которую мы тебе дали, выкину, без штанов отсюда пойдешь!

— Из квартиры выгнать не получится, я ее уже приватизировал, а из больницы я сам уйду, прямо сейчас и напишу заявление.

— Это как ты квартиру приватизировал? — удивился главврач. — А кто тебе разрешил?

— А вы запомнили, что у нас договор был, между прочим, вами же и подписанный, что я три года отработываю, и квартира переходит в мою собственность? Я ее и приватизировал. Скоро десять лет стукнет, как я тут работаю, а отношение только хуже стало, по крайней мере с вашей стороны.

— Так, хватит, иди работай!

— Заявление писать?

— Можешь не писать, но выговор и предупреждение о служебном несоответствии тебе гарантированы!

— А как это? Два наказания за один проступок? Разве такое может быть?

— Иди, у нас все может быть!

В последние годы Тихий стал вести себя не как главный врач, а как барин-самодур. Он на самом деле вlepил мне два наказания за ту злосчастную собаку. Это переполнило чашу моего терпения.

— Николай Федорович, а почему вы два наказания мне приказом оформили? — спросил я у Тихого после выхода документа в свет.

— А что, тебе три надо? — ухмыльнулся главный врач. — Я могу!

— Но это незаконно.

— А законно собак в хирургии оперировать?

— Нет, но то, что вы творите, противоречит юридическим нормам! Я в приказе расписываться не буду.

— Не расписывайся, ишь какой герой выискался, ты еще пойдешь на меня в суд за это подай!

— В суд я подам, не переживайте, выиграю, а потом уволюсь. Мне эти ваши выговоры-предупреждения до одного места, тут дело принципа.

— Какой принципиальный, смотри!

— Да, а надоело уже! Когда я один впахивал и на приеме, и в отделении, и на дому дежурил, каждый час по разной ерунде вызывали, тогда я был хороший. А как в суд подали, причем все знают, что моей вины там нет, плохой стал, и еще рублем наказали! Можно подумать, я тут миллионы получаю! Сейчас бичара какой-то, который на белых простынях только здесь и спал, пожаловался — мне два наказания! А что-то я не припомню, чтобы вы мне хоть раз две премии выписали.

— А ты сейчас и одну, к Дню медработника не получишь, раз у тебя выговор, — подхватил главврач.

— А я и не сомневался! Вы, Николай Федорович, не цените кадры, скоро от вас вся больница разбежится!

— Кто это у нас ценный кадр? Ой, уморил! Иди работай!

— Отнесу заявление в суд — и пойду работать.

— Давай, больше трех часов отсутствовать будешь — я тебя по статье уволю.

Судебный процесс я выиграл за двадцать минут. Судья задала всего два вопроса: на основании чего мне за один проступок вынесли два наказания, и почему я не написал объяснительную, как того требует закон.

В итоге приказ посчитали незаконным и наказания аннулировали. Тихий очень злился, но сделать ничего не мог. На следующий день я написал заявление на увольнение и отнес подписывать к главврачу. Оказалось, он ушел в отпуск и вместо него остался начмед Лившиц. Семен Семенович долго меня уговаривал остаться, но я не соглашался.

— Дмитрий Андреевич, ну хотя бы месяц. Сегодня первое августа, давайте вы до тридцать первого доработаете?

— А что это даст? Я своих решений не меняю!

— Ну, мы пока вам замену подыщем.

— Юра Ветров прекрасно подготовлен, я думаю, он меня заменит.

— Ну, вот и чудненько, займитесь Ветровым. За месяц подготовьте его как заведующего отделения. Договорились?

— Хорошо, месяц отработываю, готовлю Ветрова, и все, — согласился я, немного подумав. — Только, Семен Семенович, никаких подвохов, чтобы тридцать первое августа две тысячи пятого года было моим последним рабочим днем в больнице!

— Разумеется, — улыбнулся Лившиц, пожимая мне руку.

— Да, и надеюсь, расчет в тот же день получу? Без проволочек?

— Ну, я постараюсь, пока Тихий в отпуске, и я за него, сделаю все наилучшим образом, но и вы не подведите!

Расстались мы с начмедом не то чтобы друзьями, но и не врагами, а это обнадеживало.

Глава 25

Заключительная

Честно говоря, я давно подумывал о новом месте работы. В мае я ездил сдавать на первую квалификационную категорию в областной центр и встретился там с Ермаковым. Он и предложил мне место в отделении абдоминальной хирургии областной больницы. Один парень защитил кандидатскую диссертацию и уезжал в Москву, на его месте Леонтий Михайлович видел меня.

Долго меня уговаривать не пришлось, я понимал, что в ЦРБ мне больше ничего не светит. Мне хотелось профессионального роста, а в районе существовал определенный рубеж, за который я, по многим причинам, зайти не мог. Да и, честно сказать, мне хотелось защитить кандидатскую диссертацию. Материал был собран, а каждый раз отпрашиваться и выкраивать время на поездку к научному руководителю было крайне неудобно.

В общем, последний конфликт с главным врачом был мне только на руку.

Переговорив с Лившицем, я вышел из кабинета и посмотрел на окружающий мир уже другими глазами. Еще утром я шел на работу и думал, что вот уже больше десяти лет каждый день хожу одной и той же дорогой, а ничего в моей жизни не меняется. Я никак не решался что-то изменить. А поговорил — и стало легче, будто сделал первый шаг к новой жизни. Настроение улучшилось, и ничто уже не могло его омрачить.

По дороге в отделение меня перехватила постовая медсестра, та самая Людочка:

— Дмитрий Андреевич, а мы вас везде ищем!

— Что случилось?

— Ой, пойдете скорее, там такое!

— Да что такое? Ты толком можешь рассказать?

— Там раненого кавказца привезли, а с ним еще человек тридцать, все кричат, орут! Главный их пообещал всех на тот свет отправить, если срочно помощь не окажут! Ужас!

— А где все доктора?

— Брыу с Ветровым в операционной, грыжу плановую оперируют.

— А Саныч где?

— А Саныч хотел с ними поговорить, они сказали, что ему уши отрежут, он куда-то спрятался!

— А в милицию звонили?

— Да куда там, все поразбежались, попрятались, кто звонить будет! Они еще в операционную

хотели вломиться, но их анестезиолог не пустил. Ой, что будет!

— Не причитай раньше времени, — изрек я и вышел из общего коридора, соединявшего наш корпус с административным, в хирургическое отделение.

Весь холл и коридор был заполнен небритыми людьми, с характерными чертами лица, большинство одето в дорогие спортивные костюмы, они громко разговаривали на незнакомом языке.

— Так, а что вы тут разорались? — начал я, помня, что лучший метод защиты — это нападение.

— А ты кто такой? — удивился пожилой мужчина с коротко стриженной седой бородой, и сделал знак остальным, чтоб замолчали.

На меня уставились изумленные горные мужчины.

— Я заведующий этого отделения! А вы кто и почему без халатов ворвались в отделение и распугали всех больных? В чем дело?

— Э, не шуми, а! Мы родственника привезли, у него ранение в бок, ножом! А тут никого нет!

— Все выйдите отсюда, останетесь только вы и расскажите толком, что произошло.

— Э, слушай, ему плохо, да! Надо оперировать! — продолжал настаивать бородатый.

— Послушай, дядя! — вспылал я, не обращая внимания на остальных. — Ты что, русского языка не понимаешь? Операционная занята, там ребенка в данный момент оперируют, мне что, его снять со стола и твоего родственника уложить?

— А что, всего одна операционная? — не унимался бородатый.

— Одна! Давай, пусть твои люди выйдут. Я осмотрю раненого.

Авторитет что-то крикнул, и парни, напирая друг на друга, бросились к выходу. Они явно хотели поговорить со мной по-свойски.

— Тебя как звать? — спросил я раненого парня, лежавшего на каталке.

— Ахмед, — скривившись, ответил пострадавший.

— Ты откуда?

— Из Дагестана.

— А здесь что забыл?

— Работаю.

— Ясно. Задери рубаху, — попросил я и осмотрел рану.

Раневой канал начинался по лопаточной линии слева, в проекции почки, шел сверху вниз, спереди назад, и пропадал глубоко в тканях.

— Нож длинный был?

— Не видел, сзади ударили.

— Длинный! — сказал бородатый. — Мы нож нашли, вот такой! — И он показал руками размер ножа. — Ну что, жить будет?

— Будет, но нужна операция! Давайте так договоримся: вы нам не мешаете. Сейчас закончат оперировать мальчика, и сразу берем твоего парня. Но чтоб никто из ваших не ходил здесь и не пугал персонал и больных.

— Хорошо! Ты будешь оперировать?

— Я, только пугать меня не надо. А то руки начнут трястись и чего-нибудь не так сделаю, тебе это надо?

— Нет! Пугать никто не будет, я обещаю! Но прошу, сделай все хорошо!

— Сделаю как себе!

— Вай, хорошо!

Я прошел в операционную, толкнул дверь плечом — оп-па, закрылись изнутри на швабру.

— Эй, в осаде, открывайте, это я!

— Ой, Дмитрий Андреевич! — выглянула испуганная санитарка. — А мы закрылись, а то эти хотели прямо сюда забежать!

— Знаю! Пока ситуация под контролем. Когда закончите?

— Дмитрий Андреевич, заканчиваем! Пару швов осталось наложить! — бодро доложил Ветров.

— Ну как там джигиты? Как ты с ними совладал? — поинтересовался Иван.

— Да как-то договорились. Если спасем Ахмеда, то будет все отлично, а если нет, то не знаю!

— Дмитрий Андреевич, надо спасти, — испуганно прошептала операционная сестра. — А то нам всем не поздоровится. Вон их сколько, всю больницу окружили!

— А что, милиция не едет? — спросила санитарка. — Их давно уже вызвали.

— А что милиция. Вон возле дверей их машина стоит, не вмешиваются, — ответил я. — Говорят, они ничего противоправного пока не видят.

— Вот, у нас всегда так, надо, чтобы что-нибудь обязательно произошло, только тогда милиция вмешается, а так нельзя их отогнать! — возмутилась операционная сестра.

— Ладно, вы поменьше говорите, а давайте заканчивайте и берите раненого!

Через полчаса я выполнил лапаротомию и вошел в живот. При ревизии обнаружил сквозную рану левой почки, но без повреждения ее ножки, и сквозное ранение нисходящего отдела толстой кишки.

Кровопотеря была небольшой, но при таких ранениях по всем канонам надо выводить колостому. Ахмеду не было еще и тридцати, и мне стало жалко парня, обреченного полгода

какать в мешочек. «Обещал как себе сделать, надо слово сдержать. Себе бы я колостому не стал бы выводить. А если швы на кишке воспалятся и рана разойдется, может перитонитом осложниться. Тогда точно, с меня живого эти ребята не слезут».

— Дмитрий Андреевич, чего задумались? Колостому надо выводить! — подсказал Юра.

— Иван, выйди, спроси у группы поддержки, сколько времени с момента ранения прошло, — попросил я, не отреагировав на слова ассистента.

— Говорят, часа три назад ударили! — сообщил вернувшийся Иван.

— Ладно, ушиваем кишку и почку, колостому выводить не будем!

— А как же каноны? — поинтересовался Юра.

— А мы их не нарушаем, до шести часов допускается ушить рану кишки без вывода ее на переднюю брюшную стенку.

— Да это если дырка небольшая! А тут сквозная, два пальца запросто пролезут, и говно в животе.

— Ничего, ушьем в три ряда, фекалии уберем, дренажи поставим. Не бойсь, Юра, прорвемся!

— Ну, не знаю, я бы не стал рисковать.

— Так я же рискую, ты всего лишь ассистент, — объяснил я и ушил почку и раны толстого кишечника.

Отмыв брюшную полость от фекалий, установил дренажи и ушил операционную рану.

— Ну, все! Жить будет, рожать вряд ли! — заключил я и вышел из операционной.

В коридоре меня уже ждали. Керим, бородатый «авторитет», выглядел встревоженным.

— Керим, все хорошо! — объявил я и коротко рассказал об операции, а о возможных осложнениях упомянул вскользь, не делая на них особого акцента.

— Ну, доктор, если все обойдется, то я твой должник! — заключил Керим.

— А если нет?

— Давай не будем о плохом, пусть парень поправляется.

Несмотря на все опасения, Ахмед быстро пошел на поправку, а после того как на пятые сутки он сам покакал, я понял, что, кажется, все в порядке.

Через десять дней я снял швы и выписал Ахмеда домой. Все отделение вздохнуло спокойно: пока он лежал в хирургии, бесконечные толпы сынов гор приходили его навещать, несмотря ни на какие запреты.

Бедного Саныча неделю не могли успокоить: в день операции он забился на чердак и там забаррикадировался, нашли его только к вечеру, и мне стоило больших усилий убедить его выйти из убежища.

— Керим, — спросил я у «авторитета», — зачем твои ребята так напугали нашего доктора, кто ему уши пообещал отрезать?

— Да, слушай, это шутка была! Ребята молодые, горячие, юмор любят!

— После вашего юмора у Саныча третий день руки трясутся, он на работу не хочет идти. Кто прием вести будет? Может, твои ребята?

— Я сам поговорю с вашим Санычем, все нормально будет! — улыбнулся Керим.

Не знаю, что он ему там пообещал, но Саныч трястись перестал и даже несколько раз улыбнулся. А по коридору все равно ходил очень робко, и нет-нет да оглядывался, словно ожидал удара сзади.

Перед уходом Ахмеда из отделения я рассказал ему всю правду об его ранении, а когда дошел до того места, когда стоял на распутье, рассуждая, выводить колостому или нет, дагестанец заметно побледнел.

— Это как, у меня бы все говно в мешочек на боку текло, да?

— Да, Ахмед, по науке надо было так и сделать, я очень рисковал, когда ушил кишку.

— О, доктор! Я твой должник на всю жизнь! — вскричал горец. — Если будет нужна моя помощь, только скажи! Любого за тебя порву! Скажи, что ты хочешь?

— Да ничего, — ответил я.

Керим и Ахмед, а также их родственник Ваха долго уговаривали меня принять от них конверт с деньгами, и, когда я в последний раз отказался, старший произнес:

— Не хочешь деньги, тогда поехали с нами на природу, шашлык-машлык, девочки будут красивые, а?

— Давай поедем, но без девочек, у меня жена.

— Договорились! В следующую субботу едем и без девочек.

И мы тогда отлично посидели. Изумительный шашлык, веселая компания, все расслабились и хохотали, подшучивали друг над другом. Один из парней, Хасан, спросил меня:

— Дима, скажи, а ты в каком доме живешь, большом?

— Да, в пятиэтажном! — без задней мысли ответил я.

Воцарилась тишина, все присутствующие с нескрываемым удивлением посмотрели на меня.

— Я, Дима, сразу понял, что ты великий хирург! — придя в себя, произнес Хасан. — У нас на Кавказе хирургов очень уважают, но живут они в двух-, максимум трехэтажных домах! А ты в пятиэтажном! Вах, красавчик!

И до меня дошло.

— Хасан, я в простой пятиэтажке живу, обыкновенной «брежневке», в одной из квартир. В остальных квартирах живут другие люди, дом не мой. А комнат у меня всего две!

— А, в «брежневке», — протянул Хасан и засмеялся.

Вместе с ним заржали и остальные, присоединился и я.

Август заканчивался, у меня уже было чемоданное настроение. Не без помощи Ермакова я нашел удобный вариант: продал свою квартиру в районе и немного добавив, я покупал равноценную, двухкомнатную, правда, на окраине областного центра и неотреставрированную. Но это было уже не важно. Главное — свое жилье в областном центре и любимая работа, а остальное приложится.

Все мои мысли уже были далеко, но пациенты об этом не знали и продолжали поступать. Не успели мы выписать Ахмеда, как буквально через пару дней привезли представителя китайской мафии.

Кто не знает, китайские триады — это мафиозные группировки. Они заполнили родной Китай и стали распространяться и на нашей территории, подминая под себя своих же соотечественников, живущих в России.

До этого я видел китайских мафиози только в американских боевиках. А тут привезли одного: за живот держится, по-русски ни слова не знает и с ним еще человек пять таких же, только не больных.

— Чего, — говорю, — болит?

А китаец стонет и на живот показывает.

— Рубаху задери, живот освободи! — показываю знаками. — Боже мой!

Все тело китайца было покрыто искусной цветной татуировкой. Какие-то драконы, рыбы, змеи и еще всякая нечисть.

Представитель триады ткнул себя в правую подвздошную область. «Похоже, аппендицит».

Взяли его в операционную. Я занес скальпель и легким движением руки отделил голову татуированного дракона от туловища.

Процесс зашел далеко, аппендицит осложнился перитонитом, видно, китайский мафиози терпел до последнего и приехал к нам, когда совсем скрутило. Пришлось еще пару картинок испортить: перитонит распространился на другие области живота, с традиционного доступа было невозможно санировать и адекватно дренировать брюшную полость. Пришлось перейти на срединное чревосечение. «Интересно, когда люди себя такими татуировками покрывают, они думают, что могут попасть под нож хирурга? Или просто под нож? Наверное, нет», — размышлял я, глядя, как мои швы исказили рисунок.

Когда жизнь китайского гангстера оказалась вне опасности — то есть на третий день после операции, — приехала большая делегация; по численности меньше дагестанской, но тоже внушительная. Маленький толстенький китаец на плохом русском языке, коверкая слова, произнес:

— Друга, спасиба! Наша давай забирай товарица Ван домой!

— Куда забирай? У него перитонит, трое суток прошло всего, рано!

— Нет, друга, Ван надо домой ехать в Китай! Там хоросый доктор.

— А здесь что, плохой доктор?

— И здесь хоросый, но Ван Китай нужно! Здесь не мозет оставаться!

— Это плохая затея, — предупредил я. — Швы могут разойтись.

— Все будет хоросо, Ван сильный! Мы тебе давать много денег, ты спасай хоросий друга, и забирай его в Китай.

Никакие уговоры не подействовали на представителя самого многочисленного народа земного шара, и «друга Ван» был посажен в автомобиль и увезен в неизвестном направлении. Надеюсь, его довели до Китайской Народной Республики в целости и сохранности.

Последний месяц моей работы в ЦРБ ничем особым не отличался от предыдущих, но это был последний месяц, поэтому он запомнился больше остальных.

И конечно, я запомнил последнего прооперированного. Да, такого сложно забыть.

Управляя взятым «напрокат» отцовским автомобилем, семнадцатилетний оболтус не справился, и «Нисан Патрол» въехал в придорожный дом. Причем не просто врезался, а в прямом смысле снес забор, стену и въехал в комнату, остановившись буквально в пяти сантиметрах от кровати хозяина дома.

Представьте себе: вы спокойно спите дома. Внезапно — шум, свет, удар, вы открываете глаза и видите: стены нет, а вместо нее возле вашей кровати стоит, поблескивая краской, огромная черная машина.

Малолетнему крушителю чужих домов повезло, люди, которых он лишил крова, оказались отзывчивыми к чужой боли и вызвали «скорую». Поездка на папином «нисане» закончилась для молодчика весьма плачевно: разрыв печени и сильная кровопотеря едва не отправили его на тот свет.

Операция длилась больше семи часов. Печень оказалась буквально развалена до половины, кровь хлестала из всех мест, три раза пришлось сделать реинфузию. Три раза мы собирали кровь, вливали ее в вену, она вытекала из мест повреждения, и приходилось собирать ее заново и вливать по новой. Трижды!

Парню повезло, что не были повреждены основные кровеносные и желчные сосуды и оказался приличный сальник, которым, в конце концов, и удалось затампонировать разрывы в печени. Кровотечение остановилось, а вместе с этим и увеличились шансы на выздоровление.

Не скажу, что послеоперационный период у парня протекал легко: развилась легкая желтуха, обусловленная обширной травмой желчеобразующего органа, но молодость в конечном итоге победила, и юноша пошел на поправку.

Кризис миновал, и уже никто не сомневался в благополучном исходе. Подходил к концу и оговоренный срок моего пребывания заведделением хирургии ЦРБ.

Наступило 30 августа 2005 года. Меня вызвал к себе Лившиц.

— Добрый день! — как можно любезнее поздоровался начмед и продолжил: — Дмитрий

Андреевич, я хотел бы попросить вас остаться. Как вы на это смотрите?

— Отрицательно! — возмутился я. — По-моему, мы с вами все уже обсудили в этом кабинете месяц назад!

— Ну, может быть, за это время вы передумали?

— Нет, не передумал, завтра я отрабатываю последний день и уезжаю вечерним поездом. Моя семья уже уехала, мы вывезли вещи, все, Семен Семенович, я больше у вас не работаю.

— Подождите, не торопитесь! Вы знаете, что отец того парня, которому вы недавно спасли жизнь, очень обеспеченный человек? Подчеркиваю, очень обеспеченный!

— Я рад за него.

— Вы зря иронизируете! Его сейчас нет в поселке, он улетел по делам в Москву, но он мне позвонил и попросил поговорить с вами.

— О чем? Семен Семенович, о чем поговорить?

— Минуточку терпения, Дмитрий Андреевич! У этого человека сеть магазинов, несколько колбасных цехов, поэтому он может себе позволить спонсорскую помощь нам.

— Выражайтесь яснее.

— Он готов купить больнице эндовидеохирургическую стойку, оплатить вашу учебу в лучшей клинике страны, чтобы вы стали развивать лапароскопическую хирургию в нашей больнице.

— Семен Семенович, вы не слушали меня? Я уже продал свою квартиру здесь и купил другую, в городе. С первого сентября в моей квартире будут жить другие люди!

— Ничего, Олег Иванович, так зовут бизнесмена, предусмотрел и этот вариант, у него есть свободная квартира недалеко от больницы, он вам ее сдаст в безвозмездное пользование. Ну как вам предложение? Я понимаю, неожиданно, но я вас не тороплю, завтра дадите ответ.

— А почему Олег Иванович желает, чтоб именно я стал развивать эндовидеохиргию в нашей ЦРБ? Если ему некуда деньги девать, то пусть пригласит уже готового специалиста!

— Он объяснил, я ему тоже этот вопрос задал. Олег Иванович консультировался с разными светилами и узнал, что при таких травмах выживает лишь каждый тысячный и что его сына оперировал великолепный хирург. Поэтому он выбрал вас.

— Ну, вы меня перехваливаете.

— Это Олег Иванович так решил, хотя и я присоединяюсь к его мнению. Так что, подумаете?

— Я уже подумал, Семен Семенович.

— Уже? Вам не надо время, чтоб все досконально обдумать?

— Семен Семенович, предложение заманчивое, но я его не принимаю.

— Ну почему? Что вас смущает?

— Меня смущает, что я после этого стану зависимым человеком. Я не верю в доброго самаритянина. Наверняка Олег Иванович захочет вернуть свои вложения.

— Ну, конечно, он будет получать свой процент, но мы оформим все официально, юридически!

— Нет, спасибо. Мне это не подходит.

— Это ваш окончательный ответ?

— Да, окончательный и бесповоротный! Можете Олегу Ивановичу так и передать!

— Жаль, жаль, Дмитрий Андреевич, я думал, сумею вас переубедить! Не каждый день такое предлагают!

— Ну, значит, так тому и быть, — решил я.

Безусловно, мне хотелось остаться, все-таки десять лет жизни прошло в этих стенах. Сотни, если не тысячи успешных операций выполнено за этот промежуток времени. Но если б я остался, то о профессиональном росте и кандидатской можно было бы забыть. Я сделался бы лапароскопической прислужкой неведомого Олега Ивановича. Нет, решил — значит, надо ехать. Я оставался в обожаемой мною хирургии, просто выходил на более сложный ее уровень.

Мне и хотелось уехать, и грустно было от мысли, что скоро покину эти места.

Когда я приехал, то начал учиться оперировать детей; а сейчас, уезжая, обнаружил, что мне на операцию стали попадать уже их дети. Незадолго до отъезда мне довелось оперировать трехлетнюю девочку с ущемленной бедренной грыжей. Операция прошла успешно, ребенок быстро пошел на поправку, и однажды ее мама спросила у меня:

— Дмитрий Андреевич, а вы не помните меня? Десять лет назад вы оперировали меня с острым аппендицитом, мне тогда было тринадцать. А сейчас вы спасли и мою дочь! Вы не находите, что в этом есть что-то мистическое?

— Я нахожу, что просто начинаю стареть. Если останусь тут, то, возможно, еще и ваших внуков придется оперировать!

— Так и оставайтесь! Все больные и персонал очень переживают, что вы уезжаете!

Но как оказалось, не все. В последний день моей работы, 31 августа 2005 года, пришел странного вида чудила и попытался испортить мне настроение.

— Дмитрий Андреевич, я слышал, вы уезжаете? А вы меня не помните? — начал мужчина. — Я Григорий Исаакович Шварцман.

— Что-то не припомню, а что вы хотели?

— Видите ли, Дмитрий Андреевич, благодаря вам я стал глубоким инвалидом и теперь, как это принято, хочу возмещения и морального, и материального ущерба.

— А в чем дело? Что-то вы не похожи на инвалида.

— Это снаружи, а внутри я глубокий инвалид.

— Давайте ближе к делу, Григорий Исаакович.

— Хорошо! Три месяца назад я лечился у вас по поводу обострения хронического панкреатита. Все хорошо! Все замечательно! Обострение прошло, но при выписке вы мне дали рекомендации, в результате которых я заработал дисбактериоз, прошу прощения, и теперь каждые полчаса бегаю в туалет по большому. Стул наихудчайший!

— У вас есть с собой выписка и рекомендации?

— А как же, все есть! Вот выписка, вот рекомендации, двадцать один препарат!

— Послушайте уважаемый, что-то вы путаете, здесь все препараты разбиты на группы, я вам сказал принимать по одному препарату из каждой группы. Написал из лучших побуждений названия большинства препаратов, я же не знаю, какие в аптеке на данный момент есть. Какие претензии?

— Так, я-то принимал все препараты из списка!

— Зачем все, если я вам по группам все расписал и подчеркнул?

— Так значит, я не понял, надо лучше объяснять!

— Я вам и написал, и рассказал, уж не знаю, как еще объяснять. Все понимают, а вот вы один не поняли!

— Но я же пострадал! Вы собираетесь мне компенсацию выплачивать?

— Нет, конечно. Хотите денег — подавайте в суд. Только не знаю, как вы объясните тот факт, что вы не пришли разъяснить непонятное.

— А что, можно было прийти переспросить? И вы бы меня не ругали?

На этой грустной и смешной истории я хочу окончить повествование о моей работе в ЦРБ. В конце рабочего дня я накрыл стол, пригласил всех. Услышал о себе много интересного и приятного, в какой-то момент мне даже захотелось остаться, но я вовремя одумался.

Таких проводов местный вокзал, наверное, давно не видал. Кроме персонала со мной прощались мои бывшие пациенты, многие пришли с детьми. Проводник вагона все спрашивала, мол, кого провожаете? «Нашего хирурга, Дмитрия Андреевича Правдина!» — прозвучало в ответ.

Я стоял в вагоне, прижавшись к запотевшему стеклу, и думал о том, что мужчины не плачут, и долго, долго махал рукой провожающим, пока они совсем не скрылись из виду, превратившись в неразличимые точки. Районная эпопея благополучно завершилась, впереди ждала новая бурлящая интересными событиями жизнь.

Эпилог

Прошло три месяца после того, как я покинул центральную районную больницу. На новом месте меня приняли относительно нормально, правда без оркестра и туша. Леонтий Михайлович и здесь оказался непререкаемым авторитетом.

Работая в многопрофильном стационаре, я на себе в полной мере ощутил пользу районной хирургии. Большинство врачей, не прошедших этой школы, были сильны в своей специальности, но любой шаг в сторону от проторенного пути заводил в тупик. Все были

узкоспециализированы. В нашем отделении, пожалуй, только Ермаков и я могли на должном уровне поспорить с представителями других специальностей. Многих это сильно раздражало.

Я был весьма удивлен, когда сосудистые хирурги пригласили в свое отделение врача из гнойной хирургии, чтобы тот вскрыл постинъекционный абсцесс у пациента ангиохирургического отделения.

— А что, вы сами не можете? — спросил я. — На артериях оперируете, а гнойник простой не можете разрезать и дренировать, с этим же любой интерн справиться?

— Мы-то можем, но нам нельзя, запрещает начальство, — поправили меня ангиохирурги. — Каждый должен заниматься своим делом: сосудистый хирург — сосудами, торакальный — грудной клеткой, абдоминальный — животом и так далее.

Первое время я порывался сам оперировать смежную патологию, но меня быстро осадили и поставили, как говорится, на место. Помню один довольно не приятный инцидент. В мое дежурство поступила бабушка 85 лет с ущемленной паховой грыжей. Ущемленным оказался придаток яичника, уже измененный длительным сдавливанием, не жизнеспособный. Я, недолго думая, взял да и удалил его без всякого труда.

На утренней конференции мне устроили такой жесткий разнос! Мама не горюй! Особенно лютовал один преклонных лет профессор кафедры факультетской хирургии, у которого было что-то личное к бывшим районным хирургам. Сам он в свое время выгодно женился на дочке предыдущего профессора, после института остался на кафедре, защитил кандидатскую диссертацию, а потом и докторскую помогли сделать. Сам он почти не оперировал, в лучшем случае ассистировал опытным хирургам, но регулярно проводил обходы и со знанием дела воспитывал молодежь.

— Почему вы не пригласили гинеколога? — шумел профессор.

— Да операция технически несложная, я их в районе много раз выполнял! Ни одного осложнения не наблюдал! — стал оправдываться я.

— Здесь вам не район! Не ЦРБ! Здесь многопрофильная клиническая больница, такие номера у вас больше не пройдут! А вдруг родственники в суд подадут?

— Так бабке 85 лет, на кой ей яичник? Тем более что при осмотре он был изменен, не жизнеспособный. Думаю, и гистологическое исследование этот факт подтвердит!

— Отстраняю вас за такую самостоятельность на месяц от дежурств! — наказал меня светило. — И впредь, чтобы больше никто из хирургов самостоятельностью не занимался! Все слышали, никто не занимался! Запрещаю! Есть сопутствующая патология — зовите консультантов! Яичник поврежден, значит, гинеколога! Почка заинтересована — уролога! И так далее! Еще раз повторяю, у нас не ЦРБ, а клиническая многопрофильная больница! Все специалисты есть!

Лишение хирурга дежурств — это одно из самых сильных наказаний. Кроме денег, теряешь и возможность заниматься экстренной хирургией, одним из самых интересных и увлекательных разделов нашей специальности.

Конечно, в большой больнице, как и везде, есть свои подводные камни; пока их узнаешь, не одну шишку набьешь. После этого случая меня выслали в командировки в отдаленные ЦРБ области, где существовали проблемы с хирургами, где я смог проявить свой талант универсала в полную силу.

После я часто стал ездить в отдаленные уголки нашей области, во многих местах были проблемы с хирургами. Приходилось и по санитарной авиации летать на санзадания. Не обошли стороной и мою ЦРБ.

После моего отъезда отделение возглавил Юра Ветров. Сев в кресло заведующего, он заважничал и буквально через несколько месяцев возомнил себя пупом Земли. Власть помогает полностью раскрыть сущность человека.

Саньч и Степа остались в ЦРБ, Иван и лор-врач Артур вскоре вслед за мной уехали в город. Отделение стало хиреть и «усыхать», когда я приезжал по санзаданию, мне было грустно смотреть, как разваливается некогда крепкое хирургическое отделение, а вместе с ним и вся больница. В других отделениях тоже врачи стали увольняться и отправлялись в другие места в поисках лучшей доли.

Возможно, когда-нибудь я напишу и «Рассказы хирурга городской больницы», где расскажу читателю и о том, как вымирают маленькие больницы и возвеличиваются большие стационары, а пока прощаюсь с вами, до новых встреч.